ФЕДОР СОЛОГУБ

Советский писатель

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА
ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Большая серия
Второе издание

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

ФЕДОР СОЛОГУБ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Вступительная статья, составление,
подготовка текста и примечания
М. И. Дикман

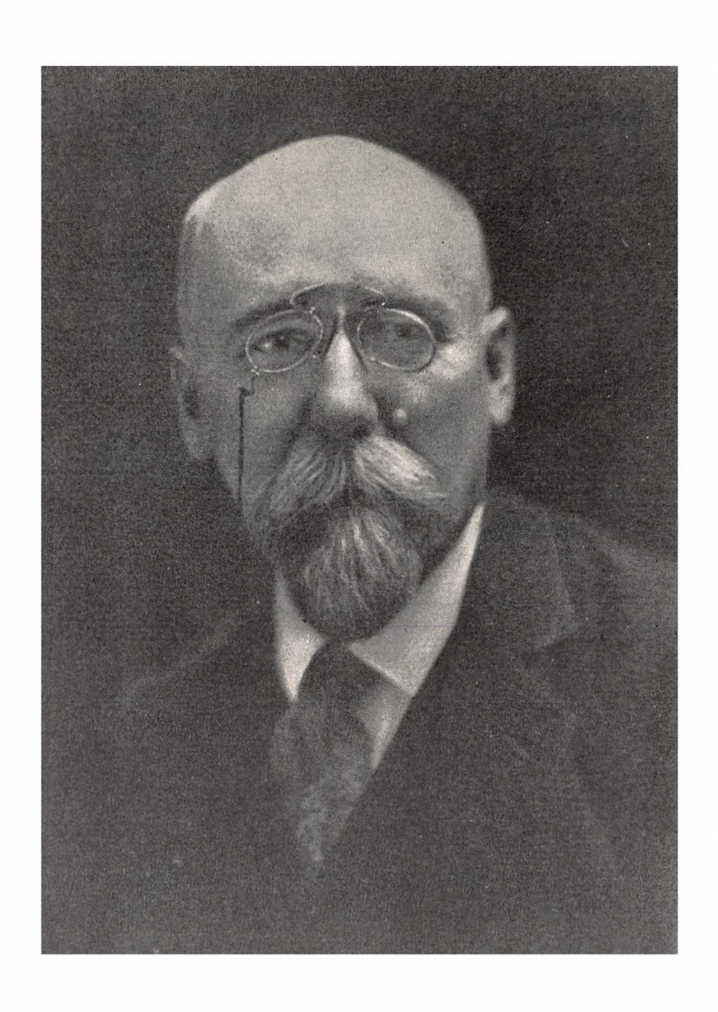
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ · 1979

Р 2
С 60

Федор Сологуб (1863—1927) — один из виднейших представителей старшего поколения русских символистов. Выходец из социальных низов, он прошел большой, сложный и во многом противоречивый путь. В его обширном литературном наследии поэзия занимает центральное место. Стихи Сологуба высоко ценили выдающиеся поэты эпохи А. Блок и В. Брюсов, большим явлением поэтической культуры XX века считал их М. Горький. Минуя Сологуба, нельзя создать представление о русской поэзии начала XX века.

В настоящую книгу включены лучшие, наиболее характерные стихотворения и переводы Сологуба. Ряд стихотворений публикуется впервые.

С $\frac{70401-039}{083(02)-79}$ Без объявл.

ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО ФЕДОРА СОЛОГУБА

Творческая деятельность Федора Сологуба охватывает большой, насыщенный событиями период общественной и литературной жизни России. Ровесник Надсона и Фофанова, он опубликовал свое первое стихотворение в 1884 году и продолжал писать вплоть до 1927 года, когда вышла в свет поэма Маяковского «Хорошо!». Его литературное наследие очень велико по своему объему и чрезвычайно разнообразно по жанрам. Сологуб выступал как поэт и прозаик, драматург и теоретик символизма, публицист и переводчик. Хотя в широком кругу читателей-современников он был популярен прежде всего как прозаик и драматург, поэзия играет в его творчестве ведущую роль и наряду с романом «Мелкий бес» составляет наиболее ценную часть его наследия.

Лирику Сологуба высоко ценили выдающиеся поэты начала XX века — Александр Блок, Валерий Брюсов, Иннокентий Анненский. Стихи Сологуба «нередко бывали событиями в жизни моего поколения», — вспоминал К. Чуковский.[1] Не отрицали достоинств поэзии Сологуба и литераторы, резко выступившие против его «кладбищенской философии» (Ю. М. Стеклов, М. Морозов и др.). Непримиримо враждебно относившийся к его пессимистическим идеям Горький писал в 1928 году Ромену Роллану: «Сологуб — действительно превосходный поэт... Я его мало знал и, должен сказать, не любил как человека. Но — удивительно талантливый поэт был».[2] «Помер Сологуб, прекрасный поэт, его «Пламенный круг» — книга удивительная, и — надолго», — повторил он свою оценку в письме к Сергееву-Ценскому того же года.[3] Как «мастера стиха» Горький рекомендовал Сологуба поэтической молодежи.

---

[1] К. Чуковский, Высокое искусство, М., 1964, с. 327.

[2] «Литературное наследство», т. 70, М., 1963, с. 21.

[3] М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, т. 30, М., 1955, с. 57.

Поэтическое творчество Сологуба не покрывается его литературной репутацией воинствующего декадента и эстета, сложившейся в пору послереволюционного безвременья 1908—1910-х годов, оно безусловно интереснее, сложнее, богаче и значительнее. Минуя его, нельзя создать представление о русской поэзии конца XIX — начала XX века.

Фигура Сологуба, его жизнь и литературная судьба исключительны, но в исключительности своей типичны. Именно в нем в силу его социальных и индивидуальных качеств русское декадентство нашло своего наиболее яркого и органичного выразителя. Аналогии некоторым темам и мыслям, введенным Сологубом в поэзию, обнаруживаются в современных западных литературных и философских модернистских течениях.

Пессимистическая поэзия Сологуба выразила трагедию художника, который отвергает окружающую его жизнь, но не верит в возможность ее пересоздания, не видит реальных путей к сопротивлению и борьбе.

С потрясающей искренностью воссоздан в стихах Сологуба психологический и интеллектуальный мир «человека последнего отчаяния», вращающегося в трагически безысходном кругу коллизий индивидуалистического сознания. Этот внутренний мир чужд нам, но знакомство с ним поучительно, ибо, как писал Горький, «очень важно понять, куда, в конце концов, доводит индивидуализм, какими искажениями он грозит человеку». [1]

Пафос лирики Сологуба — обличение «зла» жизни, ее неприятие — это своего рода обвинение уродливой социальной действительности, которая извращает все человеческое, разобществляет человека и загоняет его в тупик безысходного одиночества. За ней стоит драматическая человеческая судьба с болью и страданием. Подлинное страдание питает лучшие стихотворения Сологуба.

1

Биография Сологуба — своего рода ключ к его поэзии, она проливает свет на его творческий путь, его эволюцию и в значительной мере объясняет то особое место, которое занял Сологуб в поэзии начала века.

Федор Сологуб — псевдоним поэта. Его настоящее имя — Федор Кузьмич Тетерников. Родился он 17 февраля 1863 года в Петер-

---

[1] «Литературное наследство», т. 70, с. 204.

бурге.[1] Отец, Кузьма Афанасьевич, незаконный сын помещика Полтавской губернии Ивницкого, был крепостным. Обученный портновскому ремеслу, Кузьма Афанасьевич служил лакеем, два года находился в бегах в Причерноморье, потом вернулся и «был порот». После отмены крепостного права он поселился с семьей в столице и занялся портняжным делом, но уже в 1867 году умер от чахотки, оставив вдову с двумя детьми — четырехлетним сыном и двухлетней дочерью.

Мать Сологуба, Татьяна Семеновна, крестьянка Петербургской губернии, после смерти мужа пыталась держать прачечную, однако вскоре вернулась на место «одной прислуги» в семью вдовы коллежского асессора Агаповой, где прослужила, пока дети не начали сами зарабатывать. Она была неграмотной и выучилась читать за пять лет до смерти; несмотря на это, говорил Сологуб, он не встречал «другой женщины, обладавшей от природы таким здравым умом». Видя, как мать бьется в работе и терпит постоянную нужду и унижения, Сологуб стремился скорее стать на ноги, чтобы облегчить ее жизнь. Мать жила с ним неразлучно до самой своей смерти в 1894 году, и всегда воля и слово «родителя», как они с сестрой звали ее, были для детей законом.

Мучительная атмосфера «двойной жизни» между «господами» и «прислугой» во многом определила характер будущего поэта. В семье Агаповых интересовались искусством, музыкой, театром, в доме было много книг. В детстве Сологуб часто бывал в драматическом театре и опере, слушал музыку. Летом он гостил на даче у зятя Агаповой, сына известного архитектора А. Л. Витберга, здесь часто велись беседы об истории и искусстве. Но, «сын служанки», он спал в кухне на сундуке, а занимался в углу передней, отгороженном шкафом. С ранней весны до поздней осени он ходил босиком, даже в училище и церковь. По воскресеньям из ремесленного приюта приходила сестра Ольга помогать матери готовить на «господ». Хозяйка, «бабушка» Агапова, женщина взбалмошная, свои семейные неурядицы вымещала на «няньке» и ее детях. Даже перед самой смертью Сологуб не мог спокойно вспоминать об Агаповой. Именно в детстве у него складывается убеждение: «господа — не люди». Здесь же

[1] Источником сведений о детстве и юности Сологуба являются записи его рассказов, сделанные во время предсмертной болезни поэта О. Н. Черносвитовой, а также его автобиографические заметки. Архив Сологуба хранится в Рукописном отделе ИРЛИ АН СССР (Пушкинский дом). Цитаты из материалов, хранящихся в этом архиве, даются ниже без ссылок.

истоки его обостренного ощущения социального неравенства, социальной иерархии.

Замученная тяжелой унизительной жизнью, мать Сологуба при всей любви и самоотверженности по отношению к детям была к ним строга до жестокости: наказывала по любому поводу, ставила в угол на голые колени, била по лицу, порола розгами, причем после наказания дети должны были благодарить и кланяться в ноги. «Порка», «розги», «сечение» настойчиво повторяются в поистине страшных автобиографических заметках Сологуба о своем детстве и юности: «У Агаповых: розги в доме Северцова, дважды... розги в доме Духовского, часто. Неудачное ношение письма... а меня высекли. Драка на улице. Не давай сдачи. Высекли...» и т. п.

Секли за все и дома, и в приходской школе, а затем в уездном училище, где учился Сологуб. Секли по просьбе матери и хозяйки-«бабушки» в Учительском институте, куда он поступил шестнадцатилетним юношей. Всю жизнь истязание детей как кошмар преследовало Сологуба.

Учился Сологуб хорошо, но был всегда замкнутым, скрытным, мало общался и не дружил со сверстниками: «он словно стыдился семьи и дома, где он жил».[1] Его интерес к литературе был соученикам чужд. «Насмешки: поэт и т. д. — Читает Шекспира, прочтет и подражает», — вспоминал он о годах учения. «Мне в Институте живется Скучно, тоскливо и трудно» — начиналось одно из его стихотворений 1880 года.

Главным в жизни юного Сологуба была книга, она, по его словам, «была ему нужнее и ближе людей». Читал он очень много. Исключительное впечатление в детстве произвели на него «Робинзон Крузо» Дефо, «Король Лир» Шекспира и «Дон-Кихот» Сервантеса.

Круг чтения Сологуба определялся естественными для него демократическими симпатиями. Одиннадцати-двенадцати лет он прочел всего Белинского («очень волновал и захватывал»[2]), потом Добролюбова,[3] Писарева. Любимым его поэтом был Некрасов: он знал

---

[1] И. Попов, Воспоминания. — Рукописный отдел Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (в дальнейшем сокращенно — ГБЛ)

[2] П. Н. Медведев, Записи бесед с Сологубом (1925—1926). Рукопись воспоминаний П. Н. Медведева о Сологубе и записи бесед с ним любезно предоставлены мне Ю. П. Медведевым. В дальнейшем цитируются без ссылок.

[3] Позже в заметке «Поминание» Сологуб писал: «Милый, кристально-чистый Белинский, грубовато-честный Добролюбов» («Биржевые ведомости», 1904, 11 августа, утр. вып.).

его почти всего наизусть и ставил гораздо выше Лермонтова и Пушкина. «Целые области переживаний» связывались с той или иной прочитанной книгой и «оставались памятны навсегда», рассказывал он впоследствии. Эпоху в его жизни составил роман Достоевского «Преступление и наказание», который он воспринимал как лично близкий: «долго волновала судьба Раскольникова и тяжелые семейные условия, толкнувшие его на преступление». На смертном одре он говорил «о Достоевском, о Соне Мармеладовой, о чиновнике Мармеладове». [1]

Писать Сологуб начал рано. Его первые стихотворные опыты относятся к 1875 году. Не удовлетворенный своими стихами, он в 1879 году принялся за роман о трех поколениях одной семьи, тогда же написал «теоретическое исследование» о форме романа. С самого начала, с первых попыток Сологуб очень серьезно относился к литературному творчеству и связывал с ним мечты о своем будущем.

Сохранившиеся в его архиве стихи 1875—1882 годов раскрывают круг его интересов и переживаний. В заметках к автобиографической поэме «Одиночество» (1882), посвященной детству и отрочеству, он пишет: «Искание красоты и правды. Постоянно возмущающие картины и факты».

Острое ощущение «неравенства людей» пронизывает юношеские стихи Сологуба. Так, жанровая картинка «Льются из комнаты звуки рояля, А под окошком шарманка визжит. . .» заканчивается четверостишием:

О том, кто с шарманкой блуждает,
Чтобы голодных детей воспитать,
Кто из хороших господ вспоминает?
Им нищеты не понять.

«В подвале, где плесень сырая», умирает бедная девочка, «ей трудно и больно дышать» («К господу богу»). Сологуб сам ощущает себя одним из таких бедняков, — от первого лица написано подражание Кольцову, стихотворение «Ну, тащися, сивка. . .»:

Вместе мы с тобою
Бьемся из-за е́дова.

В другом — он вспоминает, что, бродя «босоногим» по улицам, «с ненавистью взоры бросал на богачей».

---

[1] Письмо Р. В. Иванова-Разумника к Андрею Белому от 7 декабря 1927 г. (ГБЛ — сообщено А. В. Лавровым).

В большинстве ранних стихотворений Сологуб с дневниковой точностью и откровенностью описывает свою жизнь — «порки ад и рай мечты», и уже в этих нескладных виршах возникает та «неотмщенной обиды отрава», которая потом станет лейтмотивом его поэзии.

Подростком Сологуб проявлял большой интерес к общественным событиям, революционному движению. Сильное впечатление на него произвели политическая рабочая демонстрация у Казанского собора в декабре 1876 года и покушение Веры Засулич на петербургского губернатора Трепова. Горячая защита Сологубом революционеров вызывала резкий отпор и хозяйки, и матери, причислявших его к «ихней шатии».[1]

Многие юношеские стихи Сологуба написаны на гражданские темы. В них он тематически и стилистически ориентируется на традицию гражданской демократической поэзии. Очень подражательные, беспомощные, эти стихи проникнуты искренним пафосом. Семнадцатилетний поэт так обращается к революционному деятелю:

Не исчезнет твой образ прекрасный,
Он в народных сердцах оживет
И на подвиг святой и опасный
Молодые сердца позовет.

(«Апостолу»)

Революционер, сосланный на каторгу, — герой стихотворения «Как любовался я тобою...». О «святых жертвах», «о запретных, но живучих думах» пишет он в стихотворении под заглавием «Многострадальная Россия» и сетует, что поэзия, «муза», «прелестная... развратница небесная», погружая в мечтания, уводит его от прямого долга — быть «гражданином и служителем народа» («Муза», «Что же, муза ты, обманная...»).

В 1882 году Сологуб окончил Учительский институт. Девятнадцатилетним юношей, взяв мать и сестру, он уезжает учительствовать в Крестцы Новгородской губернии. Так началось десятилетие мытарств в «страшном мире» глухой русской провинции 80-х годов. Три года он живет в Крестцах, затем в 1885 году переводится в Великие Луки, а затем, в 1889 году, в Вытегру в Учительскую семинарию.

«Я был слишком юн, когда вступил на поприще самостоятельной деятельности, и был, кроме юности, по многим другим причи-

---

[1] Ср. автобиографический рассказ Сологуба «Задор» (1897).

нам мало подготовлен к тому, что меня встретило», — писал он 8 сентября 1887 года своему бывшему учителю В. М. Латышеву. Сологуб мечтал «внести жизнь в школьную рутину, внести семена света и любви в детские сердца», влияние школы он хотел противопоставить влиянию «растлевающей обстановки», окружающей детей, но мечты никак не сообразовались с тем, с чем ему пришлось столкнуться. Позже, вспоминая жизнь провинции тех лет, Сологуб находил, что в романе «Мелкий бес», начатом в 1892 году, по переезде в Петербург, он значительно смягчил краски: «были факты, которым никто бы все равно не поверил, если бы их описать».[1] В предисловии ко второму изданию романа он замечал: «Все анекдотическое, бытовое, психологическое в моем романе основано на очень точных наблюдениях, и я имел для моего романа достаточно «натуры» вокруг себя».

В письмах Сологуб жаловался на «умственное и нравственное одиночество». Мелочные интриги, сплетни и доносы, игра в карты, пьянство, разврат — вот что занимало его коллег. С горечью отзывался он и об учениках: «Ученики зачастую злы и дики... приводят в отчаяние своей глубокой развращенностью», дома у них «нищета и жестокость».

К своим учительским обязанностям Сологуб относится с исключительной добросовестностью. Его принципиальность приводила к частым столкновениям с начальством и коллегами. «Хорошо еще, если не уволят до конца года... Работать под вечной угрозой — довольно унизительно...» — писал он 17 июля 1892 года В. М. Латышеву, которому регулярно сообщал о своих делах.

Дома молодого Сологуба обступала «проза безденежья и закладов». Его письма к сестре 1891 года детально рисуют окружающую его нищенскую материально и духовно жизнь. С сестрой он делится надеждами и планами поправить материальное положение, «выбиться в люди». Тут и проект написания учебника математики на премию, и расчеты на купленный лотерейный билет, и мечты о литературном заработке, и организация ссудно-сберегательной кассы для учителей и т. п.

Свое повседневное «бесцветное житье» натуралистически конкретно описывает Сологуб и в стихотворениях этих лет (часто на рукописях — помета: «Из дневника»). В них он прямо, непосредственно изображает город, где живет, дикие нравы его обитателей, свой убогий внешний вид, домостроевский домашний уклад, отуп-

---

[1] «Русская литература XX века. 1890—1910», т. 2, М., 1915, с. 11.

ляющий труд, бессмысленное времяпрепровождение: хождение в гости, попойки, грубо-эротические приключения, и опять порки — дома, в участке. Единственный просвет в этом удручающе тягостном существовании — одинокие прогулки (уход «в природу») и мечтанья (уход «в себя»). Сологуб не только предельно «прозаизирует» свою поэзию — та же обыденная жизнь подробно воссоздается и в начатом в 1883 году романе «Тяжелые сны».[1] В романе использованы отдельные биографические факты, а размышления и переживания героя — провинциального учителя Логина — дают известное представление о внутреннем мире и идеалах молодого Сологуба.

Неподвижный мещанский быт, однообразно-ровное течение жизни затягивали, как омут. Провинциальная жизнь отталкивала и отвращала Сологуба, и все же разлагала и опустошала его. Не имеющий устойчивой идейной и нравственной опоры, с детства привыкший подчиняться, он не всегда мог противостоять окружающей среде. Характерен эпизод, о котором Сологуб рассказывает сестре в письме от 20 сентября 1891 года. Он не хотел идти к ученику в темноте и по грязи босиком, так как расцарапал ногу. «Маменька очень рассердилась и пребольно высекла меня розгами, — пишет он, — после чего я уже не смел упрямиться и пошел босой. Пришел я к Сабурову в плохом настроении, припомнил все его неисправности и наказал розгами очень крепко, а тетке, у которой он живет, дал две пощечины за потворство и строго приказал сечь почаще» Можно понять его отчаянное письмо В. М. Латышеву (8 сентября 1887): «Я снова буду рваться из этого болота, чтобы и самому не озвереть совершенно и не потерять вполне образ человеческий».

Но в чудовищной обстановке Сологуб обнаружил огромную тягу к культуре, неиссякаемую энергию в овладении ее ценностями, большие творческие потенции, исключительную работоспособность. Это дало ему, «кухаркиному сыну», возможность преодолеть горе и грязь своей жизни, выстоять. Он «очень усердно» занимается литературой и самообразованием, его цель: «приобрести такую степень образованности вообще, которая достижима в моих условиях» (письмо В. М. Латышеву). Несмотря на ограниченность средств, он выписывает книги, газеты, журналы, следит за литературными новинками. В 1889 году в Вытегре начинает переводить Верлена. Все время пишет сам, преимущественно стихи. В 1884 году в петербург-

---

[1] Роман был закончен в 1894 году и публиковался в 1895 году в журнале «Северный вестник» (отдельное издание — в 1896 году). В 1909 году роман был напечатан с восстановлением мест, ранее изъятых редакцией и цензурой.

ском журнальчике «Весна» ему удалось напечатать стихотворение «Лисица и еж».

За все годы пребывания в провинции Сологуб опубликовал немногим больше десятка стихотворений. Тем не менее он упорно работает, веря в свое поэтическое призвание. «Во мне живет какая-то странная самоуверенность, — признается он в одном из писем, — мне все кажется, что авось и выйдет что-нибудь цельное». Сологуб стремится во что бы то ни стало переселиться в Петербург, ибо «для занятия литературой, — пишет он, — нужно общение с людьми и знакомство с общественными интересами», и далее констатирует: «я был поставлен вне такого общения».

В 1891 году он сопровождает в Петербург сестру, поступавшую на курсы, и там встречается с одним из воинствующих лидеров «нового искусства» поэтом Н. М. Минским. «При свидании много беседовали об искусстве, поэзии, новых течениях в западной литературе».[1] Минского заинтересовали стихи Сологуба, и он взял их для журнала «Северный вестник».

В 1892 году Сологуб переехал в Петербург, он получил место учителя математики Рождественского городского училища, с 1899 года он становится учителем, а затем инспектором Андреевского училища и членом Петербургского уездного училищного совета.

В Петербурге Сологуб входит в круг сотрудников журнала «Северный вестник», возглавляемого Л. Я. Гуревич и А. Л. Волынским. Это были представители «нового искусства»: поэты Н. Минский, Д. Мережковский, З. Гиппиус, К. Бальмонт — первое поколение символистов, так называемые «старшие символисты»; общение с ними оказало большое влияние на Сологуба, «оставило глубокий и серьезный след».[2] В феврале 1892 года в «Северном вестнике» было опубликовано его стихотворение «Вечер», и до 1897 года он печатается преимущественно в этом журнале. Здесь публикуется его роман «Тяжелые сны», рассказы, стихи, рецензии и хроника «Наша общественная жизнь». В редакции ему был придуман и псевдоним «Сологуб».[3]

---

[1] «Русская литература XX века. 1890—1910», т. 2, с. 11.

[2] Неопубликованная редакция биографической справки, написанной Ан. Чеботаревской.

[3] О сотрудничестве Сологуба в журнале «Северный вестник» см.: П. В. Куприяновский, Поэты-символисты в журнале «Северный вестник». — Сб. «Русская советская поэзия и стиховедение», М., 1969, с. 125—129.

2

Десятилетие с 1882 по 1892 год, проведенное Сологубом в провинциальном захолустье, где началась его литературная деятельность и он формировался как поэт, — глухое время политической реакции, наступившей после разгрома «Народной воли», когда «волна революционного прибоя была отбита».[1] В литературе и искусстве этого времени совершается как бы «отступление в себя». Большое значение приобретает лирическая поэзия, непосредственно отразившая кризисное состояние эпохи. Проявляется интерес и тяготение к поэзии так называемого «чистого искусства»: торжественно празднуются юбилеи Фета, Майкова, Полонского, вновь выступают и пользуются популярностью осмеянный в 60-е годы К. К. Случевский и ушедший из литературы в те же годы А. Н. Апухтин, выдвигаются такие небольшие камерные поэты, как А. А. Голенищев-Кутузов, Д. Н. Цертелев, С. А. Андреевский и другие. «Королем поэзии» этого поэтического безвременья провозглашается К. М. Фофанов. В то же время гражданская демократическая поэзия, наиболее крупный представитель которой, Надсон, остается «властителем дум» молодого поколения 80-х годов, обнаруживает черты ущербности и упадка.

Раннее творчество Сологуба развивалось в русле этой посленекрасовской демократической поэзии с характерными для нее мотивами: неприятие действительности и сознание бессилия, разочарованность и растерянность. Большое впечатление на него произвели популярные гражданские стихи Н. М. Минского 80-х годов, особенно «Белые ночи», в которых поэт «поет и скорбит о больном поколенье», о тех, «кто полон сомнений и полон печали, стоит на распутье, не зная пути». К этому поколению причислял себя и Сологуб. «Я также сын больного века», — декларативно заявлял он.

В стихах Сологуба 80-х — начала 90-х годов, которые в большей части остались неопубликованными, не только привычные для гражданской лирики тех лет мотивы, но те же абстрактные образы, аллегории, декламационная риторика. Вокруг себя поэт видит:

Насилия позор и правды вопль напрасный,
И мрак невежества, и цепи, и бичи.
На совести людской бесчисленные раны,
Хищенья, клеветы, безбожные обманы,
Пророки распяты, и правят палачи.

(«Полудетские грезы»)

[1] В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, с. 45.

«Не стоит жить В годину общего растленья», — восклицает он и по-надсоновски выражает свою скорбь:

В этой песне не звуки, лишь стоны одне,
В этой песне не мысли, лишь вопли страданья.

(«Для тоски беспредельной,
для горьких тревог. . .»)

Перифразой Надсона звучат стихи «Верь — упадет кровожадный кумир. . .», «Что жалеть о разбитом бокале. . .» и др.

Сломленным жизнью, уставшим, отказавшимся от былых мечтаний и надежд предстал герой поэзии Надсона. Близок ему герой молодого Сологуба: он «вызвал силы зла на грозный бой. Но унесла судьба святые упованья». И вот вывод:

Терпеть всё это я устал,
Бороться — право, бесполезно.

(«Какой здесь топкий
грязный ил. . .»)

Однако если у Надсона чувство потерянности, поражения связано главным образом с политическими явлениями его времени, поражением народнического движения 70-х годов, то у Сологуба схожие настроения питаются преимущественно личным социальным опытом — его сломил «путь нищеты и труда»:

Пронеслися года,
Ты убита неравной борьбою.
Я бреду по суровой дороге труда
И смирился пред злою судьбою.

(«На закате»)

Бессилие, тоска, уныние, растерянность — мотивы, общие для всей поэзии 80-х годов, и Сологуб напряженно ищет выражения своей собственной лирической темы. Для него в эти годы зло — не абстракция, оно имеет свой конкретный, непосредственный смысл. В устойчивом облике его лирического героя резко выделяется социальный момент — он *беден*, это его определяющая черта: «Неотвязная нужда Идет со мной везде, всегда», «Нужно с нуждою бороться», «С заботой обычной, Суровой нуждою влекомый к труду», и «труд этот рабский» — «невольный», «неотвязный» и потому «ненужный», «скучный и скудный».

Бедность определяет судьбу человека:

Родился сын у бедняка...
...На свете встретил он печали,
А счастье, радость и любовь
От знака темного бежали.

Характеристика героя Сологуба варьирует постоянные черты: «Я беден и слаб», «я бледен и хил, и нет во мне воли, и нет во мне сил» и т. п. Часто он — странник, бредущий неизвестно куда: «Я в жизни странник бедный»; настойчиво возникает образ «дороги», «пути».[1] Он окружен фольклорными образами, взятыми прежде всего из традиционной русской народной символики, связанной с представлением о доле, судьбе как злых необоримых силах. Его не покидает «одноглазое дикое Лихо»:

Оградой железной и медной
Замкнулся от нищих богатый.
Я — странник унылый и бледный,
А Ли́хо— мой верный вожатый.

(«На улицах пусто и тихо...»)

В стихах Сологуба 80—90-х годов выявляется сложный и противоречивый психологический комплекс человека «униженного и оскорбленного», комплекс, порожденный сознанием социальной неполноценности, бессилия, жизненной придавленностью. Здесь и ощущение одиночества, и характерные сочетания: «обида» и «злоба», «мстительность» и зависть к сильным мира сего, покорность, смирение, страх и гордость. Даже когда лирическое переживание личной порабощенности и униженности расширяется и поэт видит страдания себе подобных, то стремление помочь только усугубляет чувство собственного бессилия:

Сам я и беден и мал,
Сам я смертельно устал,
Как помогу?

(«В поле не видно ни зги...»)

В конце XIX века, когда утрачиваются прежние духовные и нравственные ценности, подобная душевная организация переро-

---

[1] В некоторых мотивах Сологуб этих лет близок поэзии крестьянских демократических поэтов — Сурикова, Трефолева и других. См:. «История русской поэзии», т. 2, Л., 1969, с. 95—106.

ждается в декадентскую. В лирике Сологуба обнаруживаются присущие декадентству черты — субъективизм, тягостное переживание усталости, эстетизированная эротика, отвращение к жизни. Эти черты не только отражают болезненные моменты психики поэта, они прежде всего следствие неуклонного разобществления личности в гнетущей социальной обстановке. Декадентство Сологуба — не головная философия Н. Минского, не утонченность переживаний З. Гиппиус, за ним стоит мучительный социально-типический жизненный опыт.

Личный характер декадентских тем у Сологуба ощущали его современники, в частности А. Л. Волынский: «Декадентство Сологуба с ранних его веских шагов по литературному пути было... живым внутренним процессом», — писал он, подчеркивая «реальность», «натуральность» поэзии Сологуба.[1]

Присущее Сологубу стремление сохранить бытовую и, главным образом, психологическую конкретность, «точно выразить действительно пережитое, прошедшее через... чувство»[2] создавало «реальность» его лирики. Жизненная конкретность, натуралистическая обнаженность «дневниковых» стихов были тем началом, которое способствовало преодолению риторических штампов, эпигонской банальной сентиментальности и «поэтичности» в раннем творчестве Сологуба. А. Л. Волынский, вспоминая о первом впечатлении от стихов Сологуба (1891 год), писал: «Стихи меня поразили своею ясною простотою, какою-то неуловимою *прозаичностью* в тончайшем поэтическом повороте мысли».[3]

Молодой Сологуб весь погружен в себя, поглощен своими переживаниями и настроениями. «Неистощимая тема — о себе», — записывает он в свои «Афоризмы». Диапазон его переживаний неширок и однообразен: болезненная тоска и бессильные порывы, сердечная

---

[1] Старый энтузиаст (А. Л. Волынский), Ф. К. Сологуб.— «Жизнь искусства», 1923, № 39, с. 9. То же отмечает и современный исследователь Е. Б. Тагер. Приводя стихотворение «В поле не видно ни зги...», он пишет: «Декадентская надломленность встает уже как объект изображения, как живое порождение страшной действительности» («Русская литература конца XIX — начала XX века. Девяностые годы», М., 1968, с. 212).

[2] Федор Сологуб, Порча стиля. — «Новости», 1904, 25 августа.

[3] Указ. соч., с. 9. Курсив мой.— *М. Д.* Позже, в своей рецензии на сказки Сологуба, Брюсов писал: «Мы, «декаденты», деятели «нового искусства», все как-то оторваны от повседневной действительности, от того, что любят называть реальной правдой жизни... Ф. Сологуб среди нас один из немногих... сохранивший живую, органическую связь с землею... Он у себя дома и здесь, на земле» («Весы», 1904, № 11, с. 50).

тревога и отупляющая усталость, напряженное ожидание, безнадежность и отчаяние, — но поэт неутомим в их анализе и поисках их выражения. Сам он заявляет, что его задача — сознательное самонаблюдение:

Чем строже себя наблюдаю,
Тем лучше людей узнаю.

(1891)

Позже Блок очень точно скажет: «Предмет его поэзии — скорее душа, преломляющая в себе мир, а не мир, преломленный в душе». [1]

Через призму своих душевных коллизий поэт видит и чужую жизнь. Скупые психологические детали создают немногие характерные образы городских обитателей, образы, напоминающие героев Петербурга Достоевского, — «измученная жизнью» женщина наклонилась над чугунной решеткой канала и смотрит в воду, не решаясь на последний шаг: «И дрожью отвращенья ты вся дрожала» («Толпы домов тускнели. . .», 1895); «мальчик бедный» «завистливо и жадно» рассматривает витрину:

Вот нагляделся он, идет,
Вокруг него шумит столица.
Мечтаний странных вереница
В душе встревоженной растет.

(«Вот у витрины показной. . .», 1892)

В стихотворении «Каждый день в час урочный. . .» (1894) появляется незнакомка, в облике которой есть сходство с Настасьей Филипповной, героиней романа «Идиот».

Сологуб не только выражает прямо свои чувства, переживания, он как бы ретроспективно рассматривает их, воплощает в лирических сюжетах: «мечта порочная» становится «царицей радостного зла», пришедшей к нему («Нет, не любовь меня влекла. . .»); охватывающая его тоска — «врагом ночным», «злой марой», с которым он ведет «злой бой» («С врагом сойдясь для боя злого. . .»); его «песня» — безумная девушка, блуждающая «среди немых болот» («Есть тайна несказанная. . .»), он сам — Тантал, и т. д.

Именно в эти годы у Сологуба часто встречается двучленная строфическая композиция, построенная по принципу параллелизма: сюжетная или описательная первая строфа пластически выявляет

---

[1] А. Блок, Творчество Федора Сологуба. — Собр. соч. в восьми томах, т. 5, М.—Л., 1962, с. 162.

переживания, о которых повествует вторая («Костер», «В амфоре, ярко расцвеченной...», «Пилигрим», «Лисица», «Блажен, кто пьет напиток трезвый...» и др.). Цикл стихотворений в газете «Петербургская жизнь» носит название «Параллели». В дальнейшем подобная композиция почти исчезает. Происходит слияние обеих частей в одну, сюжет и переживания сливаются воедино, появляются такие стихи, как «Нюренбергский палач» (1907), где передается обыденность жестокости, омертвение души, «скука»; «Высока луна господня...» (1905), выражающее иррациональность и бесконечность тоски, и т. д.

В предисловии к пятому тому собрания сочинений Сологуб писал о силе, живущей в душе лирического поэта, которая «побуждает его открыть свою душу с *наибольшей искренностью* и выразить ее возможно *отчетливее*» (курсив мой. — *М. Д.*). Безжалостно обнажает Сологуб свой внутренний мир, свои переживания. Зло не только грозит извне, оно проникло внутрь человека: «я злобный и мстительный», «я нелюдимый и порочный», «я ли постигну, порочный, злобой измученный», — не устает повторять поэт.

В этих жилах струится растленная кровь,
В этом сердце немая трепещет тоска,
И порочны мечты, и бесстыдна любовь,
И безумная радость дика.

(«Я устал — я едва только смею дышать...», 1895)

Здесь нет любования пороком, это — беспощадная, обращенная к слушателям исповедь.

Не случайно Сологуб называл своим «учителем» Некрасова (см. ниже, с. 585). Его привлекала психологическая откровенность поэта, искренность и сила самообличения, тематическая широта его лирики («В мире все темы прекрасны...»); однако сам он не стоял на уровне гражданских и нравственных требований Некрасова-поэта, что в дальнейшем нередко приводило к деформации некрасовской традиции: откровенность оборачивалась декадентским «цинизмом», самообличение соединялось с самолюбованием.

В поисках выражения нового лирического содержания Сологуб в конце 80-х — начале 90-х годов обращается и к большой стихотворной форме — к популярному тогда жанру рассказа, повести в стихах, повествованию из современного быта. В 1890—1894 годах, почти одновременно с романом «Тяжелые сны», он пишет «рассказ в стихах» «Кремлев», который как бы подытоживает психологические «экскурсы» лирических стихов, втягивает их в рассказ, объективируя в характере главного героя — учителя в «пустынном и ле-

нивом» уездном городке. Лиризм сочетается здесь с конкретными социальными мотивировками. «Унылой бедности невольник терпеливый» — так представляют героя первые строки «рассказа». И повествование о его неудачной любви к своей племяннице, о крахе надежд на маленькое «мещанское счастье» становится повествованием «о деньгах и нужде, давно постылой теме», эпизодом из уголовной хроники.

Сологуб подробно рисует быт своих героев, «жизни будничной томительные узы», быт, который калечит людей, искажает их чувства. Для него существует различие между «сытой бедностью», в которой живет герой, и «голодной нищетой», в которой выросла его племянница. Единственная возможность как-то изменить эту жизнь — «достать себе поболее рублей», единственный путь — преступление, которое и совершает герой.

В своем повествовании Сологуб внешне ориентируется на «Домик в Коломне» Пушкина, повесть о «маленьких людях» петербургской окраины, соблюдая как бы «простодушность» стиля. Но этот стиль он сочетает с коллизией, напоминающей Достоевского, хотя отказывается от какой бы то ни было моральной оценки происходящего: «преступление» без «наказания». Поэта интересует не нравственная проблематика, связанная с преступлением, а реальность, рождающая его.[1] Само же преступление для него только эпизод, не влекущий за собой никаких моральных выводов.

«Новая эмоциональная индивидуальность», которую современники увидели в лирике Сологуба,[2] находит в «Кремлеве» свое конкретное прикрепление. Это выделяет его из других, менее удачных попыток Сологуба в этом жанре.

3

Когда Сологуб переехал в Петербург, «новое искусство» делало только первые свои шаги. Несмотря на свой возраст и духовную зрелость, он был «молодой дебютант», и «отношение к этому дебютанту было весьма сдержанное даже в символических кругах».[3] В стихах Сологуба не было программности, свойственной стихотворениям

---

[1] Ср. интерпретацию «Преступления и наказания» Д. И. Писаревым в статье «Борьба за жизнь».

[2] См.: «Русская литература XX века. 1890—1910», т. 2, с. 61.

[3] П. Перцов, Литературные воспоминания. 1890—1902, М.—Л., 1933, с. 229.

Д. С. Мережковского и Н. М. Минского, ему была чужда наступательная эпатирующая позиция Брюсова и Бальмонта.[1]

«Как мало заметен был тогда Сологуб в литературе, так же и даже еще незаметнее был он и лично в литературных сборищах, — вспоминал П. П. Перцов. — Тихий, молчаливый, невысокого роста, с бледным худым лицом и большой лысиной, казавшийся гораздо старше своих лет, он как-то пропадал в многолюдных собраниях».[2]

В 1892 году, в год приезда Сологуба, выходит в свет сборник стихов Д. С. Мережковского под знаменательным заглавием «Символы». Тогда же Мережковский выступил с лекцией «О причинах упадка и новых течениях современной русской литературы», которой суждено было стать манифестом «нового искусства», порывавшего с демократическими и гражданскими традициями русской литературы. В этой лекции Мережковский констатировал, что «поворот к философскому настроению», интерес к метафизическим вопросам, трагическим вопросам единичного человеческого существования становится одной из характернейших черт «людей современного поколения», а «народнический реализм, гражданские мотивы в искусстве, вопросы общественного служения» ныне уже — лишь «святыни прошлого».

«Глубоко современное внутреннее перерождение, хорошо знакомое людям 80-х годов»,[3] выразила, по мнению Мережковского, вышедшая в 1890 году книга его соратника Н. Минского «При свете совести. Мысли и мечты о цели жизни».[4] «Перед лицом смерти», воплощающей «вопиющую несправедливость» личной судьбы человека, Минский считал необходимым пересмотреть отношение к ценностям жизни. В предисловии к своему крайне путаному философскому трактату он писал, что все «старые святыни», прежде всего «народолюбие», «призрачны и лживы» («высокие слова», «звучный лепет детских дней» — называл он их в своих стихах). «Цель жизни не вне себя, а в себе самом», — заявлял Минский, — а себялюбие и эгоизм — свойства человеческой природы. Осознав относительность

---

[1] Брюсов писал П. Перцову 25 августа 1895 г.: «Стихи его ⟨Сологуба⟩ слишком рассудочны; мало в них гениальной непоследовательности» (П. Перцов, указ. соч., с. 230).

[2] П. Перцов, указ. соч., с. 232.

[3] Д. Мережковский, Собр. соч., т. 18, М., 1914, с. 264.

[4] Резко отрицательно отнесшийся к «философскому» трактату Минского Вл. Соловьев полагал, что в нем отразилась «общая душевная болезнь нашего времени» (Собр. соч., т. 6, СПб., 1912, с. 268).

всех социально-этических норм, тщетность и тленность всего, он приходит к утверждению, что единственно реально «вечное стремление к несуществующему и несбыточному». Со своими «философскими» построениями связывает Минский эстетику «нового искусства».

Разочарование в идеалах «гуманности» и «добра» — исходный пункт «философии трагедии» будущего экзистенциалиста Л. Шестова, собственно говоря, философии одиночества: отчаявшись, обезумев от ужасов жизни, убедившись в бессилии «добра» и «гуманности», в относительности каких-либо этических норм, человек теряет веру в смысл происходящего, начинает сознавать свое неизбывное одиночество перед лицом смерти. И Шестов призывает «уважать великое безобразие, великое несчастье, великую неудачу» («Достоевский и Ницше», 1902).

Круг проблем, развиваемых Минским, Шестовым, — проблем, которые позже занимали также экзистенциалистов, — был близок Сологубу,[1] а возможно, и оказал на него влияние.

Поворот к философии субъективизма, к коллизиям индивидуалистического сознания, к метафизическим раздумьям о смысле человеческого бытия в 90-е годы характерен не только для творчества представителей «нового искусства», как Минский или Мережковский, он сказался на последних стихах Фета, на творчестве таких поэтов, как Апухтин, Голенищев-Кутузов. Симптоматичен и выход в свет в 1896 году сборника «Философские течения в русской поэзии», в который вошли избранные стихи поэтов от Пушкина до Голенищева-Кутузова и статьи о них.

В 90-е годы оформляется философская проблематика и в поэзии Сологуба, именно с этого времени в ней начинают преобладать философские темы.[2] В 1896 году выходят две книги Сологуба. Если в составе сборника «Стихи. Книга первая» (декабрь 1895) еще не улавливается философская направленность, то в сборнике «Тени. Рассказы и стихи» (октябрь 1896) она явно ощущается.

Уже в стихах Сологуба 80-х годов звучали тревожные вопросы о своей участи и жизненном пути: «Что моя судьбина — Счастье иль

---

[1] В заметке «К приезду Н. М. Минского» Сологуб назвал его своим «идейным единомышленником» («Дневники писателей», 1914, № 1, с. 41).

[2] В поэтическом творчестве Сологуба нет рельефно очерченной, осознаваемой самим автором эволюции, нет разграниченных поэтическими вехами этапов, как у Блока или Брюсова, ее линия как бы размыта. Эта особенность сологубовской поэзии и характер его литературной судьбы приводили некоторых к отрицанию эволюции его поэзии вообще.

беда?», «Какою же дорогою, Куда же я пойду...». В 90-е годы они становятся вопросами о смысле индивидуального человеческого существования, одной из характерных тем этого времени. Их обнаженность, настойчивость, с которой они повторяются, и невозможность разрешения создают безнадежно-тоскливую тональность:

И дознаться не умею,
Для чего и чем живу.

(«Думы черные лелею...»)

И чего искать?
И куда идти?..
...Не могу понять,
Не могу найти.

(«Не могу собрать...»)

В лирике этих лет преобладает вопросительная интонация, иногда на ней строится все стихотворение («Злое земное томленье...», «Для чего в пустыне дикой...» и другие). Причем Сологуб избегает сложных мыслей — он обнажает их простую основу и тем самым достигает максимальной выразительности.

Вопрос о «неравенстве людей» заменяется вопросом: «что такое человек в мире»? [1] Человек страдает оттого, что он человек, что сам миропорядок бесчеловечен, само бытие — «овеществленный бред», что «надо жить в обиде». Реальное зло абстрагируется и обобщается до космических размеров. Это, как справедливо пишет Е. Б. Тагер, «крик о боли человека, безысходно страдающего под властью неведомых, надличных античеловечных сил». [2]

Социальное страдание вследствие своей безысходности уходит в сферу метафизики.

В тяжкие дни утомленья,
В ночи бессильных тревог,
Ты отклонил помышленья
От недоступных дорог.

(«Ангел благого молчания»)

---

[1] Федор Сологуб, Искусство наших дней. — «Русская мысль», 1915, № 12, с. 44.

[2] «Русская литература конца XIX — начала XX в. 1908—1917», М., 1972, с. 237.

Но пережитое, «накопившаяся горечь безотрадной нищеты», придает страстность, делает интимно-личными, казалось бы, самые общие вопросы бытия.

В ряде стихов Сологуб открыто ставит определенную философскую проблему, точно формулируя ее сущность («Не понимаю, отчего. . .», «Иду в смятеньи чрезвычайном. . .» и другие). Философские категории и термины свободно вводятся в текст: «Явленья меня обступили», «Предметы предметного мира», «Земное бремя — пространство, время». Развитие мысли, философское размышление выявляет специфический для Сологуба логический синтаксис (союзы: «но», «хотя», «или»).

В стремлении «понять» Сологуб рационализирует, прибегает к мифологизации, строит свою картину мира и модель человека, создает свою поэтическую метафизику. И здесь он находит опору в идеалистической интуитивистской философии Артура Шопенгауэра, философии пессимизма и отчаяния. Оформившаяся в послереволюционную эпоху реставрации, она явилась результатом крушения надежд буржуазных мыслителей на возможность создания лучшего, более человечного мира, веры в силы разума, в человеческий прогресс.

В 90-е годы влияние Шопенгауэра в России достигает своего апогея. «Философия Шопенгауэра была разлита в воздухе», — вспоминал А. Белый.[1] Деятели «нового», декадентско-символического искусства и близкие к ним круги интеллигенции провозглашали Шопенгауэра «учителем и пророком новой культуры». По-своему воспринял Шопенгауэра Сологуб. Для него Шопенгауэр — носитель цельного мировоззрения, объясняющего мучительные противоречия действительности, разрешающего проблему зла. Он помог ему оформить свои настроения и мысли, связать их воедино, приобрести лирическую определенность.

Таинственной первоосновой мира, по Шопенгауэру, является темная, неразумная, слепая воля, движущаяся без цели и конца, не знающая ни причинности, ни времени, ни пространства; вместе с тем мир — наше представление, которое образуют априорные, присущие субъекту категории причинности, времени и пространства. Они делают возможным существование множества разнообразных и различных явлений, которые ведут «бесконечный и непримиримый бой друг с другом». Повторяющаяся у Сологуба формула жизни — «ложь и зло», «мир злой и ложный» — в какой-то мере поэтическое выражение формулы Шопенгауэра «мир как воля и представление».

---

[1] А. Белый, ⟨Речь⟩. — В кн.: «Памяти Александра Блока», Пб., 1922, с. 10.

Учение Шопенгауэра «о ничтожестве и горестях жизни», которая «как в великом, так и в малом — всеобщее горе, беспрерывный труд, непрестанная сутолока, бесконечная борьба, подневольная работа, связанная с крайним напряжением всех физических и духовных сил»;[1] его рассуждения о человеке — «главном источнике самых серьезных зол», ибо «homo homini lupus» (человек человеку — волк)» и «взаимные отношения людей отмечены по большей части неправдой, крайнею несправедливостью, жесткостью и жестокостью»,[2] — подкрепляли собственные впечатления Сологуба. Проповедь бессмысленности действий, бездействия оправдывала его собственную позицию.

Отдельные стихотворения Сологуба перекликаются с теми или иными положениями Шопенгауэра, термины его философии вводятся в поэтическую ткань стихов, даже присущий философу «импрессионизм мысли» (от субъективных конкретных впечатлений непосредственно к рефлексии и обобщению) — близок Сологубу как поэту. Ему импонировал этот метод Шопенгауэра, создающего концепции «исключительно из бездны своих переживаний», его установка на индивидуальный «личный... опыт, самонаблюдение», «самоуглубление». Такой метод открывал путь к абсолютизации личного опыта, личных страданий: они возводятся к трагедии человечества, становятся мерилом смысла жизни.

Влияние Шопенгауэра было, конечно, определяющим для Сологуба, но не исчерпывающим, — в его поэзии начала 900-х годов проходят темы, источник которых философские концепции Ф. Ницше («дионисийство», «вечное возвращение», «героический пессимизм»).

Волынский, характеризуя творчество Сологуба, очень точно сказал о нем: «Какой-то русский Шопенгауэр, вышедший из удушливого подвала», «подвальный Шопенгауэр».[3] Философские размышления о мире и человеке неотъемлемы от душевного мира лирического героя Сологуба, они сливаются с образом придавленного и ущемленного жизнью человека и становятся «личной», интимной темой. Эта особенность роднит героя поэзии Сологуба с героями Достоевского, у которых идеология, самосознание являются определяющим личность моментом.

Сам Сологуб заявлял об ощущении необычайной близости современному человеку героев Достоевского. «Если могут быть романы

---

[1] А. Шопенгауэр, Полн. собр. соч., т. 2, М., 1903, с. 366.
[2] Там же, с. 599.
[3] А. Волынский, Книга великого гнева, СПб., 1904, с. 192, V.

и драмы из жизни исторических деятелей, то могут быть романы и драмы о Раскольникове... и всех этих, которые так близки нам, что мы порою можем рассказать о них и такие подробности, которых не имел в виду их создатель», — писал он А. А. Измайлову 9 августа 1912 года. «Мечтаю, взявши материал из Достоевского, из этой русской мифологии, написать пьесу», — говорил он П. Н. Медведеву в 1926 году.

В стихах Сологуба, в его лирических философских концепциях мы находим параллели к некоторым идеям героев Достоевского, которые, по словам Шестова, «по поводу своего несчастья зовут к ответу все мирозданье». Выведенный Достоевским впервые «трагизм подполья», открытая им «уродливая и трагическая сторона» человека из подполья [1] лирически раскрылись в поэзии Сологуба. Однако напряженный этический пафос писателя, проблема добра и зла, столь значимая для его героев, чужды Сологубу. Нет у него их широты, в центре его лирики — личность односторонне суженная, мятущаяся в ограниченном кругу идей и представлений.

Характер авторского образа накладывает особый отпечаток на всю поэзию Сологуба. За философскими идеями большинства его стихов стоят жизненно-реальные чувства и переживания. Часто сама философская тема дается как конкретное переживание, его развитие подводит к обобщению, которое носит лирический характер. Мировоззренческая проблема становится лирической темой в стихотворениях «На закат, на зарю...», «Затаился в траве и лежу...», «Восставил бог меня из влажной глины...», «Люблю мое молчанье...», связанных с идеями единства мира. Та же идея находит свое выражение в стихах о любви, о любовной близости — «Своеволие рока...», «Слышу голос милый...». Гамма переживаний униженности и зависимости вплетается в концепцию мира как представления в стихотворении «Я сам себе создал обман...». Шопенгауэровское толкование «воли к жизни» стоит за стихотворением «Неустанное в работе...». Однако, несмотря на шопенгауэровские термины, оно прочитывается как лирическое, выявляя психологическое состояние отчуждения человека от «выкованной» его сердцем собственной жизни — «безлепицы»:

Я безлепицей измучен.
Житие кляну мое.
Твой тяжелый стук мне скучен,
Сердце бедное мое.

---

[1] См.. «Литературное наследство», т. 77, М., 1965, с. 342.

Сами философские темы Сологуба обычно возникают как трансформация присущих ему психологических тем, — то, что раньше было состоянием, психологической ситуацией, становится философской позицией, мифом.

4

Тематическая узость, ограниченность — одна из отличительных черт поэзии Сологуба. Блок писал В. Брюсову 25 апреля 1906 года: «Мне нравятся некоторые стихи Сологуба, хотя и не новые для него. Но ведь он принадлежит к нестареющим в повторениях самого себя».[1] Повторяются не только главные, основные темы, но и второстепенные, а также отдельные слова, словосочетания, эпитеты, образы. Среди материалов Сологуба есть запись: «Метод — бесконечное варьирование тем и мотивов».[2]

Интенсивный характер сологубовского творчества, ограниченность тем создают впечатление особой цельности, усиливающееся устойчивыми образами-символами, которые проходят через поэзию Сологуба, перестраивают текст стихотворений в определенном ключе («смысловая инструментовка»[3]) и определяют их восприятие в контексте лирики Сологуба в целом. Источником этих образов являются прежде всего создаваемые Сологубом поэтические мифы, в сюжете которых он пытается дать осмысление миропорядка, жизни и судьбы человека.

Один из таких мифов Сологуба — миф о далекой земле Ойле. У молодого Сологуба тема «иной земли» появляется обычно как реакция героя-бедняка на окружающую его убогую действительность. «Голубая страна», «светлый край» — его мечта, их «приблизит только чудо иль вещий сон». В цикле «Звезда Маир» (1898) создается миф о далекой и прекрасной земле Ойле, куда человек попадает после смерти. Там «вечный мир блаженства и покоя, Вечный мир свершившейся мечты». Связь с конкретной социально-психологической ситуацией теряется, заменяясь очень общим:

Всё, чего нам здесь недоставало,
Всё, о чем грустила грешная земля,
Расцвело на вас и засияло,
О Лигойские блаженные поля!

---

[1] А. Блок, Собр. соч. в восьми томах, т. 8, М.—Л., 1963, с. 152.

[2] В архиве Сологуба имеется картотека тем его стихов, составленная в конце 90-х годов, в которой стихи классифицируются по тематическим группам.

[3] См.: Л. Гинзбург, О лирике, Л., 1963, с. 263.

«Ойле» — это «блаженный край вечной красоты», только в стихотворении «Блаженный лик Маира. . .» просвечивают черты социальной утопии. Исходная социально-психологическая ситуация в цикле оказывается вытесненной мифом, она остается за текстом. Любопытно, что почти одновременно с этим циклом пишутся полные безвыходного отчаяния стихотворения «Дни за днями. . .», «Вереницы мечтаний порочных. . .». В рукописи рядом с «высоким» стихотворением «На Ойле далекой и прекрасной. . .» записано такое стихотворение:

Он в труде не очень рьян,
Сильно тянется к вину
И, домой вернувшись пьян,
Бьет жену.
А жена глупа, грязна,
Не состряпает и щей,
И, побитая, она
Бьет детей.

Как уход от невыносимости земного существования возникает у Сологуба и тема смерти — «После жизни недужной и тщетной. . .», «О владычица Смерть, я роптал на тебя. . .» и другие. Встает извечный гамлетовский вопрос: «быть или не быть», и тема смерти-выхода оборачивается невероятным страхом смерти, ужасом индивидуальной гибели. «Страх» — первоначальное название стихотворения «Полуночною порою. . .». Этот же страх, страх перед «ничто», тревога физически ощутимо передается в стихотворении «Не стоит ли кто за углом. . .»:

Предо мной темнеет ничто,
Ужасает мрачная ночь.

Психологическое раскрытие темы подготавливает ее философскую трактовку — страх смерти преодолевается презрением к жизни, появляется культ смерти («О смерть! Я твой. . .»), проповедь смерти («Пойми, что гибель неизбежна. . .»), за которыми все же стоит подлинное отчаяние. Опираясь на Шопенгауэра, Сологуб создает миф о смерти — избавительнице и утешительнице, смерти — невесте, подруге, неведомой деве.

Центральный миф поэзии Сологуба, миф о солнце — драконе, змие, источнике и создателе жизни на земле — поэтическое выражение шопенгауэровской концепции о мире как злой воле. Но, претендующий на широкий охват — охват всего мироздания, — миф этот

часто оставался искусственной конструкцией, аллегория и безжизненная риторика подменяли подлинность переживания.

Однако в начале 900-х годов, в годы подъема освободительного движения в стране, миф о змие, драконе у Сологуба приобретает богоборческий характер и наполняется личным эмоциональным содержанием. Всемогущий бог, творец этого злого мира, и есть злое начало — «Змий, царящий над вселенной». Богоборчество — преобладающая тема в стихах Сологуба начала 900-х годов — впитывает в себя весь пафос неприятия действительности, всю силу протеста против нее.

Где он, благой бог, создавший такую жизнь? «Молчание — ответ взывающим. . .».

Земных судеб чужды пути планет,
Пути земные медленны и пыльны.

(«Окрест дорог извилистая сеть. . .»)

Земная пустыня — пуста.

(«Что мы служим молебны. . .»)

Если все предопределено высшей волею — «всему начертаны пути», то моленья безнадежны («Объята мглою вечных теней. . .»), а попытки что-то изменить бессмысленны («Не я воздвиг ограду, не мне ее разбить. . .»).

«Если единая воля правит миром, то что же моя воля? Если весь мир лежит в цепях необходимости, то что же моя свобода, которую я ощущаю как необходимый закон моего бытия?» — формулирует Сологуб волнующие его вопросы. Он восстает, но это индивидуалистическое восстание в себе, «восстание против механической необходимости, против миропонимания *чрезмерно материалистического*».[1] Он восстает во имя иллюзорной «абсолютной свободы личности». Так в его поэзии возникает идея солипсизма. Восставая против бога и отвергая его, Сологуб остается в сфере религиозного сознания, он ставит личность «в центре мирового процесса», богом становится человек — «Я».

Воззвав к первоначальной силе,
Я бросил вызов небесам,
Но мне светила возвестили,
Что я природу создал сам.

(«Околдовал я всю природу. . .»)

---

[1] Ф. Сологуб, Искусство наших дней. — «Русская мысль», 1915, № 12, с. 44. Курсив мой. — *М. Д.*

Впоследствии Сологуб очень точно указал психологический источник своих философских идей: «Подавленная в жизни, в утешающей мечте личность вознаграждала себя за свой плен».[1] Солипсизм для Сологуба — «настроение души», новое ощущение мира, дающееся «чудом»: «Надо поверить чуду Единого в мире хотенья»,[2] «Настало время чудесам» и т. п.

В «освобождении, самоутверждении на путях... экстаза»[3] видит Сологуб способ преодолеть злое устройство мира, противостоять ему. Здесь обнаруживается некоторое сходство с проповедью Кириллова из «Бесов» Достоевского о «человекобоге». Для Кириллова, как и для Сологуба, освобождение от идеи бога — это разрешение всех вопросов человеческого бытия, освобождение от кошмаров жизни, от «боли и страха» («Кто узнает, что он счастлив, тот сейчас станет счастлив»). В конечном счете выход, предлагаемый Сологубом, родствен и «абсолютной свободе решения» экзистенциалистов. Все это попытки опереться на «раскрепощенную субъективность», духовную активность вне социальных условий и отношений. «Я... утверждаю себя вне и прежде всяких социальных устроений, каковы бы они ни были», — подчеркивал Сологуб в рецензии на книгу Чулкова «О мистическом анархизме».[4]

Только драматизм лирического переживания спасает некоторые стихотворения солипсической темы от превращения в шаманские заклинания, бесконечно варьирующие одно и то же: «Я», «Я», «Я». «Скиталец и раб» вступает в борьбу с «владыками», чтоб стать «творцом и богом». Но, стараясь убедить себя и других, Сологуб понимает иллюзорность найденного выхода — он «слаб и мал». «Бог» опять становится «рабом и пленником» («О, жалобы на множество лучей и на неслитность их...»).

Дивный край недостижим, как прежде,
И Я, как прежде, только я.

(*«Свободный ветер давно прошумел...»*)

Даже в написании Сологуб различает «Я» философское и «я» конкретное, реальное. Солипсизм превращается в богоборческий миф — миф о борьбе и поражении.

---

[1] Ф. Сологуб, Искусство наших дней.— «Русская мысль», 1915, № 12, с. 59.

[2] Вызывающий солипсизм Сологуба связан и с дионисийской концепцией «Первоединого» у Ницше (см.: Ф. Ницше, Происхождение трагедии, СПб., 1899).

[3] Ф. Сологуб, Искусство наших дней. — «Русская мысль», 1915, № 12, с. 44.,

[4] «Перевал», 1906, № 1, с. 42.

5

Если богоборчество, солипсизм, «дионисийство» были поисками разрешения волнующих Сологуба проблем в сфере духа, то в эти же годы он не оставался равнодушным к «борьбе за свободу в ее историческом сегодняшнем воплощении», к политической общественной жизни.

Девятисотые годы — годы нарастания освободительного движения. «Холод раннего безвременья» уходил в прошлое. Русско-японская война, военный разгром и поражение России вызвали политический кризис в стране — требование перестройки внутренних политических порядков становилось всенародным. Деятели «нового искусства» не остались в стороне от общего политического оживления, они были захвачены интересом к текущим событиям политической жизни, так или иначе отзывались на них.

Для Сологуба такой интерес не был неожиданным. Еще в 1894—1895 годах он выступал в журнале «Северный вестник» с обозрением «Наша общественная жизнь». В конце 1899 — начале 900-х годов сотрудничал в еженедельном юмористическом листке «Словцо», публикуя из номера в номер непритязательные злободневные стихи на международные темы под псевдонимами «Бурофоб», «Зой». В 1903 году Сологуб становится постоянным сотрудником либерально-буржуазного органа «Новости и биржевая газета». Круг тем, который охватывает публицистика Сологуба, очень разнообразен, но большая часть заметок связана с его непосредственной профессией учителя. Они посвящены вопросам школы, школьного образования и воспитания детей. В этих вопросах Сологуб занимал прогрессивную позицию. Свыше двадцати лет проработал он в ведомстве народного просвещения, и чувствуется, что он пишет о том, что наболело.[1] Крайне отрицательно рисует Сологуб состояние современной казенной школы, гимназии, от которой, по его словам, «мертвечиной веет» («Поведение»), где царит «шаблон» в подходе к ученикам («Самый зрелый»). Учитель в гимназии — это «чиновник, исполняющий что велят» («Всему свое место»), его подготовка не соответствует современным требованиям («Фокус»), в школе, как и всюду, все пропитано бюрократизмом, а «недочеты строя и развития возмещаются изобилием бдительности» («Дети в форме»).

---

[1] «Я вынес убеждение, что в деле народного образования действительно полезным и ценным может быть только мнение работающих в школе, а не мнение надзирающих и приказывающих», — писал Сологуб («Слово», 1909, 8 июня).

Нетерпимую гневную реакцию вызывали у Сологуба истязания детей. Для него детские страдания обнажают неблагополучие и ненормальность жизни. Об этом он пишет и в публицистических заметках, и в художественных произведениях. Требуя уважения и внимания к личности ребенка («верить в своих детей — это утешительно и благородно»), Сологуб считает наказания ненужными и оскорбительными. Конкретные вопросы воспитания детей связаны для него с проблемами строя жизни в целом. «Личная порочность, — замечает он, — бывает по большей части показателем нездоровых условий общественной жизни» («Письмо, смерть и пощечины»). Отдельные проявления «ненормального строя жизни» и становятся объектом критики Сологуба в его предельно ясно, логично и темпераментно написанных заметках-фельетонах, причем максимализм требований в духовной сфере сочетается с умеренными требованиями в сфере «общественного устроительства». «Посыпать пеплом главу — это очень трогательно, — пишет он о проповеди самоусовершенствования Толстого, — но не лучше ли почистить свой дом» («Отвод»). «Почистить свой дом» — его цель. Западноевропейский правовой государственный строй — политический идеал, который стоит за публицистической деятельностью Сологуба 1903—1904 годов.

Если в его публицистике затрагивались вопросы повседневной общественной жизни, то лирический отклик получали события большого масштаба: голод 1891, 1893, 1899 годов и русско-японская война. Сологуб не разделял великодержавных устремлений окружавших его литераторов, в частности Брюсова, приветствовавшего войну и призывавшего к национальному единству (стихотворения «К Тихому океану», «К согражданам»). Сологуб увидел в войне страдания народа, бесчисленные жертвы, слезы матерей — «Вся от края и до края стонет русская земля». В стихотворении «Жестокие дни» (1904) появляются некрасовские интонации и образы:

Слезы матери печальной,
Кто ведет вам поздний счет?
Кто стране многострадальной
Утешенье принесет?

От лица солдата написано стихотворение «Да, были битвы...» — стилизация под «Бородино» Лермонтова, где каждая строчка показывает, что война навязана народу, она ему не нужна и чужда его интересам. В своих газетных заметках поэт связывал вопрос о бессмысленности продолжения войны с политическим бесправием народа. «Честь и достоинство русского народа состоит не в том, чтоб непременно победить... Народная честь, — писал он, — требует того, чтобы

народ был спрошен, хочет ли он еще воевать...» («Честь и достоинство»).

Воинственно-«патриотическим» славословиям в поэзии тех лет противостоит глубоко личный, прочувствованный образ Руси в «Гимнах родине» Сологуба (1903).

В революционные годы в журнале «Вопросы жизни» (1905, № 6—11) публикуется роман Сологуба «Мелкий бес», который он писал десять лет (1892—1902). Это не только высшее достижение писателя в области прозы, но и один из выдающихся русских романов начала века. Лично пережитое и увиденное, знание жизни и людей провинциального захолустья, глубокое проникновение в мещанскую психологию позволили Сологубу достичь большого художественного обобщения — воплотить духовный и нравственный облик мещанина-обывателя с присущим ему угрюмым, тупым и бессмысленным эгоизмом, жестокостью и страхом, невежеством и ограниченностью, создать символ пошлости и мерзости обывательщины — неотступно следующую за героем измельченную разновидность карамазовского черта, серую «недотыкомку». Имя героя романа, учителя уездной гимназии Передонова, стало нарицательным.[1]

Сам Сологуб в предисловии ко второму изданию романа настаивал на точности, объективности изображенного им, сравнивал роман с зеркалом, «сделанным искусно», а в интервью подчеркивал социально-историческую конкретность своего героя. «„Передоновщина“ — именно характерное явление той грубой, далекой от действительной жизни обывательщины, которая особенно давала себя знать в душную эпоху до освободительного движения», — говорил он.[2] «Сумасшествие Передонова — не случайность, а общая болезнь, это и есть быт современной России».[3] Жизненная убедительность зловещего образа Передонова сделала роман исключительно популярным в годы реакции. Он был, по словам Блока, прочитан «всей образованной Россией».[4] В то же время не без оснований роман воспринимался рядом читателей и критиков как утверждение абсурдности, нелепости, непонятности жизни в целом, низменности и мерзости человека вообще. Создав с отвращением и болью огромный по своей обличительной силе образ Передонова, сознавая в каких-то моментах свою родственность ему, Сологуб не мог ничего противопоставить Передонову и передоновщине, кроме эстетизированных эротических раз-

---

[1] См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 23, с. 132.
[2] «У Ф. Сологуба». — «Театральный день», 1909, 8 декабря.
[3] «У Ф. Сологуба». — «Биржевые ведомости», 1910, 10 ноября.
[4] А. Блок, Собр. соч. в восьми томах, т. 5, с. 284. Впервые полностью «Мелкий бес» вышел отдельным изданием в 1907 г.

влечений провинциальной барышни и гимназиста, «заоблачных мещан» (Блок). Изображаемая им страшная действительность лишена развития, она неизменна, в ней не заложено никакой реально отрицающей ее перспективы.

Благодаря широкому социальному наполнению созданный Сологубом образ вышел за пределы своего времени, объективно роман указал на угрозу, которую таит в себе мещанская индивидуалистическая психология, психология «маленького запуганного обывателя», «жертвы и мучителя, продукта реакционной эпохи и творца злого безвременья».[1]

Неоднократно возвращался к роману Сологуба в своих статьях 1907—1909 годов А. Блок. Отрицая правомерность сведения человека вообще к Передонову, он видел «великое *общественное* значение романа» в том, что он заставляет осознать опасность передоновщины внутри «каждого из нас», то есть низменных страстей, чувств, привычек, укоренившихся под влиянием «страшного мира» действительности, «окружающей и пожирающей» людей. В романе, рассказавшем, «во что обращается человек под влиянием „Недотыкомки“», Блок усматривает предостережение: если подчас бессознательному злу внутри себя не противопоставить высокий идеал, «фонарь светлого сердца», то человек может превратиться в Передонова.[2]

В романе Сологуб по-своему продолжил традицию большой русской литературы — Гоголя, Достоевского, Чехова. М. Горький выделял «Мелкого беса» из всей сологубовской прозы. «Хорошая, ценная книга»,[3] — говорил он, хотя его собственные произведения о мещанстве принципиально отличались от романа Сологуба: в них он обнаруживает положительные начала жизни, дает ее в развитии, его герои, даже отрицательные, не предстают духовно ничтожными, они человечески крупнее и значительнее.

6

Революционная атмосфера 1905—1906 годов захватывает Сологуба, и он отдается, по его выражению, «свободному и пламенному пафосу исторического момента». Сологуб сотрудничает в сатирических журналах тех лет, непосредственно участвовавших в полити-

---

[1] Ю. М. Стеклов, О творчестве Ф. Сологуба. — В сб.: «Литературный распад. Критический сборник», кн. 2, СПб., 1909, с. 169.
[2] См.: А. Блок, Собр. соч. в восьми томах, т. 5, с. 125—129.
[3] «Литературное наследство», т. 72, М., 1965, с. 306; см. также с. 288.

ческой борьбе, в борьбе с самодержавием, он постоянный сотрудник с момента образования одного из первых таких журналов — «Зритель». Его стихи и острые «политические сказочки» появляются в таких журналах, как «Сигнал», «Адская почта», «Ярославская колотушка», «Молот», «Вольница» и др. Против него возбуждаются специальные уголовные преследования и судебные дела. «Его жалящие пародии на духовенство и власть были широко распространены в Петербурге: без подписи, разумеется», — вспоминал А. Белый, [1] а в стихотворении Сологуба «Шут» высмеивались не только дарованный 17 октября 1905 года манифест [2] и те, кто восторженно принял его, но и особа самого царя:

Эй, дорогу шире, шире!
Расступитесь — шут идет!

Острым смехом он пронижет
И владыку здешних мест,
И того, кто руку лижет,
Что писала манифест.

Сатирические стихи Сологуба и его политическая лирика обращены к широкому кругу читателей, «сходке всенародной», — отсюда прямая, ясная речь, откровенность обличений, непосредственное упоминание конкретных фактов политической жизни. Сологуб использует и фольклорные жанры. Стремясь показать интересы, надежды, чаяния народа, он как бы предоставляет слово рабочим, крестьянам, солдатам («Веселая песня пролетария», «Веселая народная песня», солдатская песня «За чай, за мыло. . .»).

В политической лирике Сологуба нет широких социальных обобщений, больших исторических концепций, как у Брюсова или Блока, — это лирика непосредственного исторического момента. В ней нет сложной символики, исторических сопоставлений. Она проста и порою даже примитивна. Сологуб использует привычные традиционные аллегорические иносказания гражданской поэзии XIX века. На противопоставлении: солнце — свобода, мрак и холод — жизнь в оковах реакции — построено стихотворение «Солнце светлое восходит. . .». Так же общезначимо аллегорическое пробуждение от «дре-

---

[1] А. Белый, Начало века, М.—Л., 1933, с. 446.

[2] На манифест 17 октября Сологуб откликнулся и сказкой «Лишние веревочки»: «Сняли лишние веревочки и думают — никто их не тронет».

моты безучастной» «соборного колокола» в стихотворении «Соборный благовест», символы «пожар» и «пламя» в стихотворении «День безумный, день кровавый. . .» и т. п.

В отличие от Брюсова, обращавшегося от имени гибнущей цивилизации к «грядущим гуннам», Сологуб не чувствует себя связанным со старым, обреченным на гибель миром, для него не возникает проблемы народа, блоковского «мы» и «они». Он ощущает себя частью народа, вернее, народ представляется ему единым целым, и не «я», а «мы», «друзья, братья» — субъект его политических стихов. Характерно, что, резко выступая против Мережковского, он подчеркивает социальную направленность его статьи «Грядущий хам»: Мережковский не принимает революции, боится «свободы в ее историческом сегодняшнем воплощении», потому что он «барин». Литература «у г. Мережковского очень с богом, но зато опасливо посматривает на политическое освобождение и с нескрываемым аристократическим презрением воротит нос от хамства», [1] — писал Сологуб. Сама статья показательна для его позиции этого времени. «Фантастическими» представляются Сологубу утверждения Мережковского об опасности политического освобождения, о наступлении господства «хама». В русской государственности Сологуб видит осуществление «худших сторон человеческих сожитий»: «эта государственность обратила русскую действительность в кровавый туман кошмарной фантасмагории. Воздвигнутая государственным строительством народа, она стала проклятием и язвою этого народа». [2] Петр Первый, укрепивший эту государственность, для Сологуба — «зловещий гений», «первый и увенчанный бессердечный чиновник, творец табели о рангах. . .». [3]

В злых «политических сказочках» Сологуб доходит до прямой пропаганды революционного действия. Так, в сказке «Телята и волк» телята, поняв, что собаки только лают без толку, решили сами расправиться с волками. «Да и хорошо сделали, — говорит автор, — забили копытами все волчье семейство». Дети в сказке «Нетопленные печи» не захотели мерзнуть, поломали мебель и затопили печи. Прямым призывом «сломать палочку-погонялочку» заканчивалась сказка «Палочка-погонялочка и шапочка-многодумочка».

Большинство политических стихотворений Сологуба — это как бы небольшие рассказы, повествующие о типичных эпизодах революционного времени. Рассказчики — либо деятели революции, противо-

---

[1] Ф. Сологуб, О «Грядущем хаме» Мережковского. — «Золотое руно», 1906, № 4, с. 104.

[2] Там же, с. 103.

[3] Там же.

стоящие «врагам» («Догорало восстание. . .», «Спутник»), либо «жертвы» этих «врагов» («Искали дочь.. .», «В день погрома»).

Особенно остро воспринимает Сологуб страдания и мучения «жертв злобы». Им посвящены лучшие стихотворения конца 1905 и 1906 годов, в которых запечатлен облик «жуткого города» после неудачи восстания, «жутких улиц тишина» — тишина подавленной революции. Точными, скупыми внешними деталями, психологически правдиво передают они «драму поражения». «Простая песенка» — называет Сологуб полное нестерпимой боли стихотворение об убитом карателями ребенке. Это название не только соответствует предельной поэтической «нагой простоте» стихов, оно подчеркивает ужас, бесчеловечность происходящего — «просто» убили ребенка.

Миленький мальчик,
Маленький мой.
Ты не вернешься,
Ты не вернешься домой.

Так же «просто», в другой «Простой песенке», погромщики истерзали молодую девушку и убили ее родных.

Гражданская лирика Сологуба в целом не связана с раскрытием внутреннего мира его лирического героя. Как замечал Блок, у Сологуба «личная поэзия уступает место внеличной, особенно, когда ее предметом становится политика»;[1] исключение представляют два стихотворения — «Тяжелыми одеждами. . .» и «Земле». Именно в этих стихотворениях, перекликающихся с его ранними стихами, Сологуб в очень общей, абстрактной форме высказал, чего он ждет от революции, что для него революция. Идеалы его социальные, но они утопичны, абстрактны, расплывчаты, это прежде всего уничтожение частной собственности — «Разбей оковы древних меж... уничтожь Заклятья собственности жадной» («Земле»), «В пыли не зашевелится Вопрос жестокий — чье?» («Тяжелыми одеждами. . .») — и анархическая политическая свобода, «Великого безвластия Согласный вечный строй».

В 1906 году Сологуб издал «Политические сказочки» и пятую книгу стихов «Родине», на обложке книги был изображен провинциальный город, на переднем плане — красные знамена.

Политические стихи и сказочки пользовались большой популярностью. «Призывными песнями» назвал эти стихи рецензент книги «Родине».[2] В статье о Сологубе 1907 года Блок писал о его поли-

---

[1] А. Блок, Собр. соч. в восьми томах, т. 5, с. 162.
[2] «Золотое руно», 1906, № 5, с. 91.

тических стихах: «Иные из них слабее всего им написанного, отзывают плохой аллегорией на неглубокую тему; многие зато бесспорно принадлежат к лучшему, что дала русская революционная поэзия».[1]

7

Сологуб тяжело переживал поражение революции. Она для него была надеждой и просветом. Но вместо, как казалось, близкого наступления какой-то новой светлой эры он увидел море крови, в котором потопило революцию «бешено мстившее» самодержавие. Все осталось по-прежнему. Опять воцарилась «мутная мгла бессилия».

Поражение революции Сологуб ощутил как свое собственное:

Низвергся я, мучительно стеня,
И у меня — изломанные кости.

(«Я позабыл, как надо колдовать. . .», 1907)

«Злом и тоской истомленный, Видел я сон» — так начинается стихотворение «Сон похорон» (1907), передающее атмосферу смерти и всеобщего смрадного тления.

Жестокое горе постигло Сологуба и в личной жизни: после мучительной болезни в июне 1907 года умерла от туберкулеза его сестра — единственный близкий ему человек. В это же время ему было предложено после двадцати пяти лет педагогической деятельности, вопреки его желанию, подать в отставку. Это было, как писал Сологуб, «естественным завершением моей казенной службы: я был усерден, но в моей деятельности «встречались досадные пробелы», — так сказал мне один из моих начальников».[2] Имелись в виду его «особые мнения», выражавшие принципиальную позицию по ряду вопросов.

«Мелкий бес стережет черные дни и приходит пакостить, — резюмировал происходящее Сологуб в письме к Г. И. Чулкову от 9 июля 1907 года. — Как раз в те дни, когда сестра уже перестала вставать с постели, за 2 недели до смерти, меня внезапно уведомили, что на

---

[1] А. Блок, Собр. соч. в восьми томах, т. 5, с. 163. В романе «Навьи чары» Сологуб дает устами молодого рабочего такую оценку своим стихам: «Его стихи революционного содержания — ничего себе. Впрочем, такие стихи нынче все пишут. Ну а прочие его сочинения не про нас писаны. Барские сладости не для нашей радости» (Ф. Сологуб, Собр. соч., т. 18, СПб., 1914, с. 124).

[2] Аякс, У Ф. К. Сологуба. — «Биржевые ведомости», 1912, 19 сентября, веч. вып.

службе меня не оставят. Как раз в день ее похорон мой преемник требовал, чтобы я сдавал ему поскорее училище. Теперь требует, чтобы я поскорее очищал ему квартиру».[1] В эти дни было написано стихотворение «Чертовы качели».

После разгона Второй думы в стране окончательно воцарилась реакция: террор, военно-полевые суды и казни, полицейский произвол и сыск, разгул черносотенства и шовинизма, улюлюканье правой прессы. Кругом были «смрад, смерть, страдание». Реакция политическая сопровождалась реакцией общественной. Перерождение, моральный распад и разложение охватили самые широкие круги интеллигенции, создали душную атмосферу «послереволюционного похмелья» — ренегатства, цинизма, эротики. «Человек взбесился от страха, оголил в себе животное и буйно рвет социальные путы», — писал Горький о «психологии современного культурного общества» в статье «О цинизме».[2]

Эта обстановка укрепила пессимизм Сологуба, утвердила его в принципиальном антиисторизме. Чувство истории, историческое мышление, которое было присуще Блоку и которое сделало революционные годы знаменательным этапом в его творческом пути, отсутствовало у Сологуба. Революция так и осталась для него «историческим моментом». Приобщение к ее идеям в его поэзии не было устойчивым и органичным.

В поэзии Сологуба нет никаких исторических тем или мотивов, подобных блоковским, нет и культурно-исторических символов, столь обильных у Брюсова. В истории для него меняются только одеяния, сущность остается неизменной. Истории он предпочитает вневременной миф, легенду, сказку. Он не ищет «связи времен», а наоборот, стремится к забвению, оно «желанное и радостное»: «О забвенье! Низойди, обмани. . .» « И в несказанном бытии Навек забуду все, что было. . .» — вот его мечта («Я воскресенья не хочу. . .»).[3]

С забвением связано и пессимистическое утверждение неизменности, повторения всего — очень значимой для Сологуба и трагично переживаемой им темы «вечного возвращения»:

---

[1] Г. И. Чулков, Годы странствий, М., 1930, с. 149.

[2] «Литературный распад. Критический сборник», СПб., 1908, с. 301 (М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, т. 24, М., 1953, с. 8).

[3] Ср. восприятие Блоком категории забвения как симптома декадентского сознания: «Рожденные в года глухие Пути не помнят своего. . .» (Д. Максимов, Идея пути в поэтическом сознании Блока. — В кн.: «Блоковский сборник», II, Тарту, 1972, с. 100—105).

Что было, будет вновь,
Что было, будет не однажды.

Идея «вечного возвращения», популярная в символистских кругах, противостояла вере в исторический прогресс, в поступательный ход истории. Поражение революции делало эту идею особенно актуальной.

Разочарование в возможностях революции, выросшее из ее поражения, вернуло Сологуба к убеждению в бессилии добра, моральному релятивизму прежних лет:

Всё невинно, всё смешно. . .
. . .Нет спасенья, нет вины,
Всё легко, и всё забвенно.

(«Ты не бойся, что темно. . .», 1902)

В другом известном стихотворении того же года — «Когда я в бурном море плавал. . .» — поэт «в укор неправедному дню» прославлял зло, дьявола, теперь в статье «Человек человеку дьявол» (1907) он пишет об относительности понятий добра и зла.

Отпечаток мучительного разочарования, безнадежности лежит на его рассказах: души людей расщеплены и неспособны на «подвиг мужества» («Тела и души»), только дети не хотят и не могут примириться со злом («Чудо отрока Лина», «Рождественский мальчик»), неведомо что сталось со страной, где воцарился зверь («Страна, где воцарился зверь») и т. п.

В 1907 году Сологуб издал шестую книгу стихов «Змий» — миф о жизни как зле и лжи, о борьбе с ее творцом — змием, драконом. Блок в статье «О лирике» недоумевал, «почему поэт захотел собрать и издать отдельно именно этот цикл».[1] В известном смысле этот сборник был для Сологуба итогом пережитого, он показал, как преломилось в его сознании поражение революции: борьба в реальном мире ни к чему не привела, отсюда утверждение борьбы с реальностью мира. «Я один в безбрежном мире, Я обман личин отверг. . .» — этим стихотворением заканчивался сборник.

В годы, последовавшие за разгромом революции, солипсизм как поэтическая тема, лирическое переживание раздвигается у Сологуба до «учения», «философии», характерной для времени, названного Горьким «временем полного своеволия безответственной мысли, полной «свободы творчества» русских литераторов».[2] Сологуб пытается

---

[1] А. Блок, Собр. соч. в восьми томах, т. 5, с. 157.
[2] М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, т. 27, М., 1953, с. 315.

выступить как создатель некоей новой религии. Его статья «Я. Книга совершенного самоутверждения» (1907) стилизована под книги библейских пророков. «Литургия мне» — именуется его солипсическая поэма. «Консервы былых вдохновений» — ядовито выразился по поводу этих «философских» концепций Сологуба К. Чуковский.[1]

В годы реакции оформляется и другая идеалистическая декадентская теория Сологуба — «преображение жизни искусством», «красотой», то есть субъективной творческой волей художника. Уже в поэзии Сологуба 80—90-х годов поэтическое творчество предстало как средство преодоления зла и страданий, ущербности жизни («Я слагал эти мерные звуки...», «Из мира чахлой нищеты...», «В бедной хате в Назарете...», «Майские песни» и другие). Признание своего бессилия, невозможности что-либо изменить в мире действительности —

Не я воздвиг ограду,
Не мне ее разбить... —

приводило к созданию своего мира творческим произволом художника:

Но что мне помешает
Воздвигнуть все миры,
Которых пожелает
Закон моей игры.

Я — бог таинственного мира,
Весь мир в одних моих мечтах...

То, что в 80—90-х годах диктовалось личным бессилием и безысходностью, после поражения революции провозглашается общей истиной и единственным путем «создания достойной человека жизни». Преобразование мира подменяется преображением его в субъекте. Как образец берется восприятие Дон-Кихота, героя Сервантеса — «лирическое понимание действительности», которое отрицает тусклое, земное, обычное, «из грубого материала творит... то, чего нет, но что должно быть». Создается миф об Альдонсе и Дульцинее. Эти образы-символы бесконечно повторяются в статьях, пьесах, романах Сологуба, постепенно превращаясь в штампы.[2]

---

[1] К. Чуковский, Собр. соч. в шести томах, т. 6, М., 1969, с. 350.

[2] Чуду преображения, совершающемуся в психике, сознании человека, посвящены новеллы-легенды сборника «Книга Очарований» (1909).

В статье «Мечта преображения» (1915), стремясь обосновать свои идеи, Сологуб непроизвольно обнажает их психологический механизм. «Без веры в чудо невозможно жить... — пишет он, — *невозможно чудо преображения, но оно необходимо...* Разрешение этого рокового противоречия дается человеку только в восторге творчества» (курсив мой. — *М. Д.*). Полной утратой чувства «реальности», «близости к действительной жизни» можно объяснить то, что в гимнастике Далькроза Сологуб видит возможность «преображения простой и грубой, простонародной жизни красотой», а в статье «Мечта Дон-Кихота (Айседора Дункан)» обращается с призывом к «милым, бедным работницам, с серпом или с иглою в утомленных руках» учиться у Айседоры Дункан «чуду преображения обычной плоти в... красоту».[1]

Наиболее выразительно концепция «преображения жизни», жизни и искусства, сформулирована в начале любимого Сологубом романа «Навьи чары» («Творимая легенда»). «Беру кусок жизни, грубой и бедной, и творю из него сладостную легенду, ибо я — поэт. Косней во тьме, тусклая, бытовая, или бушуй яростным пожаром — над тобою, жизнь, я, поэт, воздвигну творимую мною легенду об очаровательном и прекрасном». И именно этот роман обнаруживает полную идейную и эстетическую несостоятельность концепции писателя.[2]

Но когда речь шла о самой органичной для Сологуба сфере творчества — лирической поэзии, то даже в рассуждениях он не мог безоговорочно принять позицию «лирического» понимания действительности, то есть ее полного отрицания. «Всякая поэзия хочет стать лирикой... — признавал он. — Но всякая истинная поэзия кончает иронией», то есть (в понимании этой категории Сологубом) обращается к действительному миру, «утверждает» его во всей «извечной» трагической противоречивости.

Декадентский смысл сологубовских «преображений» очень остро ощутил Блок. О Сологубе писал он в статье «Безвременье», которая отразила отчаяние в «лучших надеждах», охватившее и его после поражения революции: Блок увидел в нем «результат воплощения прежде времени». Сологуб, по мнению Блока, не ищет в своей мечте плоти и крови, не стремится превратить ее в бытие, у него другой путь: он знает тайну «преображений». «Обида, боль и сама гибельная Смерть» преображаются в его «Я» в красоту, и для него «поет

---

[1] См.: Ф. Сологуб, Собр. соч., т. 10, СПб., 1912, с. 162, 163.
[2] См.: «Русская литература конца XIX — начала XX в. 1908—1917», с. 232—234.

Тишина», не слышно «о революции, о криках голодных и угнетенных, о столицах, о декадентстве, о правительстве»— только Тишина. Счастье и красота достигаются уходом от реальной жизни, и Блок не может принять «мудрости» этого пути: «А что, если вся тишина земная и российская, вся бесцельная свобода и радость наша соткана из паутины? — спрашивает он. — Кто будет рвать паутину?» Такой путь — тупик, и Блок символизирует его в образе заблудившегося всадника, который кружит ночью на усталом коне по болоту и видит только большую зеленую звезду на небе, движущуюся вместе с ним, и— «беззвучно счастлив».

8

В послереволюционные годы Сологуб выступает преимущественно как прозаик и драматург. Одна за другой следуют пьесы: «Победа смерти» (1907), «Дар мудрых пчел» (1907), «Любви» (1907), «Ночные пляски» (1908), «Ванька Ключник и Паж Жеан» (1908). Они издаются, ставятся на сцене и широко обсуждаются в печати. Театр открывал для Сологуба возможность для непосредственной проповеди его излюбленных философских идей. «Всеми словами, какие находит, он говорит об одном и том же. К одному и тому же зовет он неутомимо», — писал он о себе в предисловии к драме «Победа смерти». Если в «Победе смерти» можно усмотреть моменты, связанные с недавно пережитыми потрясениями, то в целом в драмах, построенных на мифологических и фольклорных сюжетах, наглядно развертываются извечные темы любви и смерти, преображения жизни красотой, «откровеньями», приносимыми искусством.

Проза и драматургия в годы реакции оттесняют у Сологуба собственно поэтическое творчество. Как поэт он пишет сравнительно мало. «Ф. Сологуба гораздо больше знают как прозаика, как автора «Мелкого беса», чем как поэта-стихотворца», — отмечал Брюсов в рецензии на сборник «Пламенный круг». [1]

«Пламенный круг», вышедший в 1908 году, Сологуб обозначает как восьмую книгу стихов, но по существу это книга избранных стихов, так как в нее вошли преимущественно стихотворения 90—900-х годов, написанные на протяжении свыше пятнадцати лет, некоторые из них входили в состав предыдущих сборников.

Как отметил А. Горнфельд, Сологуб в этом сборнике «систематизировал» свои стихи. Систематизация, как и сам отбор стихотворе-

---

[1] «Весы», 1908, № 6, с. 51. О том же см.: А. Блок, Собр. соч. в восьми томах, т. 5, с. 285.

ний, должна была создать цельную лирическую систему воззрений на жизнь и человека, выявить те аспекты его поэзии, которые он сегодня, после революции, считал особенно значимыми.[1]

Очень внимательно фиксировавший в рукописях не только дату и место написания стихотворений, но и последовательность их написания, если они писались в один день, Сологуб не соблюдает в книге «Пламенный круг» даже относительного хронологического принципа. Он нарочито смешивает разновременные стихи, переосмысляет их в свете определенных философских заданий, разрывая реальную линию психологического и поэтического развития. Работая в 90—900-х годах над своими стихами, Сологуб устранял конкретные детали, связывавшие их с определенной жизненной ситуацией, чтобы придать им более абстрактный, обобщающий философский характер. Нечто подобное делает Сологуб, создавая в годы реакции «систему» своей лирики в книге «Пламенный круг».

Когда Сологуб печатал стихи в периодической печати 90-х годов, он часто объединял их в циклы, однако это была формальная циклизация по внешним признакам («На севере», «Ночи», «В лесу» или «Звезды», «Сны», или «Параллели», «Соответствия»). В 900-х годах циклы появляются крайне редко и они того же плана. Теперь объединение стихов носит проблемно-философский характер. Так построен сборник 1907 года «Змий», по существу единый цикл, так образованы разделы книги «Пламенный круг»: их названиям, заимствованным из стихотворений Сологуба, как и названию всей книги, придан философский смысл.

Само расположение разделов было призвано раскрыть в логической последовательности пессимистическую систему взглядов поэта на мир и человека. Книга открывалась разделом «Личины переживаний», объединяющим сюжетные стихи, своего рода краткие лирические мифы, воплощающие то или иное переживание. Характер переживаний разнообразен: и печаль о навеки ушедшей мечте — Лилит («Я был один в моем раю...»), и стремление к «иной земле» («Звезда Маир»), страх и льстивое поклонение «владыкам» («Мы поклонялися владыкам...»), радость утверждения земной плотской красоты («Насытив очи наготою...»), тоска одиночества («Высока луна господня...») и др. Меняется внешняя оболочка «личины» — то библейская, то историческая, то современная, но сущность пере-

---

[1] В книгу не вошли не только стихи социального и политического звучания, но даже такие значительные для Сологуба произведения, как «Гимны родине».

живаний вневременна, неизменна, и это «вечное возвращение» — главное для Сологуба.

Затем следуют два раздела, отвечающие на вопрос: что такое человеческая судьба? В первом — «Земное заточение» — стихи о человеческой жизни. Жизнь враждебна человеку. Она — «унылый плен» («Опять сияние в лампаде. . .»), зловонный зверинец («Мы — плененные звери. . .»), «больная долина снов» («Ты в стране недостижимой. . .»), «безлепица» («Неустанное в работе. . .»), «тюрьма» и «заточение» («Злое земное томленье. . .»), и т. п. Во втором — «Сеть смерти» — стихи об ужасе и нелепости неизбежной гибели человека. Центральное стихотворение здесь — «Чертовы качели».

В последующих разделах — попытки противостоять бессмысленному кошмару существования, но все это попытки так или иначе спрятаться, уйти от жизни.

Раздел «Дымный ладан» посвящен одиночеству. Тема одиночества предстает в двух аспектах: одиночество желанное, культ одиночества, и вынужденное, неизбывное, на которое обрекает человека жизнь. Возникает романтическое противостояние: лирический герой Сологуба отвергает мир людей, которые не могут его понять, — он «мечтатель, странный миру. . .»:

Дороги к небесам
Он отыскать не мог,
И тихо умер сам,
Но умер он, как бог.

(«Никто не убивал. . .»)

В одиночестве видит Сологуб единственно возможное существование:

Оставь селенья, иди далёко,
Или создай пустынный край,
И там безмолвно и одиноко
Живи, мечтай и умирай.

(«По тем дорогам, где ходят люди. . .»)

Но одиночество таит в себе и другое: в мечты вплетается «отрава злых болот» («Порочный отрок, он жил один. . .»), асоциальность будит в человеке страшные темные инстинкты («Моя усталость выше гор. . .»). Одиночество — тягостно, это «печальное заточение». «Печаль» проходит лейтмотивом через стихотворения этого раздела: «И печали мои одиноко несу», «Я спал от печали», «Стережет меня крепко печаль». Мучительная тоска отъединенности, безвыходности пронизывает стихи:

В моей пещере тесно и сыро,
И нечем ее согреть.
Далекий от земного мира,
Я должен здесь умереть.

*(«Я живу
в темной пещере. . .»)*

Последнее стихотворение, которым заканчивается раздел, «В село из леса она пришла. . .» — апогей тоски и ужаса одиночества.

В раздел «Преображения», следующий за разделом «Дымный ладан», включены стихи преимущественно мажорной тональности: «И снова радуюсь творенью И все цветущее хвалю. . .» Только стихотворение «Всё было сказано давно. . .» о евангельском претворении воды в вино соответствует концепции преображения, как ее трактует Сологуб, в других случаях — это естественная психологическая перемена, перемена настроения.

Поиски забвения земных тягот, «забвенья всех томлений» в ворожбе, колдовстве, обращении к темной силе — тема раздела «Волхвования». «Чародейный тихий круг» «полночных волхвований», ворожбы охватывает и романтическую, нездешнюю возлюбленную подругу — «звезду», «зеленую царицу», «красу лесную», которая «вечно близко и далече», и образы русской национальной демонологии — обладательниц темной демонической силы—ведьм, и страшный мир «нежитей».

«Тихая долина», самый просветленный раздел книги, посвящен природе и любви, в них находит человек освобождение от оков уродливой жизни. Тема подлинной любви у Сологуба связывается с темой природы — возлюбленная всегда видится ему на фоне природы («Опять заря смеяться стала. . .», «Вдали от скованных дорог. . .», «Ты не заснула до утра. . .», «Прозрачный сок смолистый. . .» и т. п.). Но и в этом разделе тема природы иногда приобретает шопенгауэровскую окраску отказа от страстей: созерцание природы «спугивает волю из сознания, отчего и наступает тот глубокий покой, какого иным путем в мире достигнуть нельзя». [1]

Само название следующего цикла — «Единая воля» — термин шопенгауэровской философии, и стихи этого раздела наиболее абстрактно-философичны. Преодоление всех противоречий в приобщении к единой мировой воле, «надменный солипсизм» — эти отвлеченные «головные» построения Сологуба обнаруживают и свою поэтическую несостоятельность.

Наконец, заключительный раздел, итог—«Последнее утешение» — как бы варьирует тему главы Шопенгауэра «Смерть и ее отношение

---

[1] А. Шопенгауэр, Полн. собр. соч., т. 2, с. 380.

к неразрушимости нашего внутреннего существа», и в том числе тему безысходного «вечного возвращения». «Круг» замыкается.[1]

«Хочу, чтобы интимное стало всемирным», — декларировал Сологуб в предисловии к сборнику. В отличие от своих поэтических соратников, он занял позицию «учительства». «Система» и отбор стихов создавали «убежденность», «уверенность».[2] Поэт выступал в роли учителя, философа, проповедника, которому открыты все тайны. Такая позиция подкреплялась его философскими статьями, драматургией и прозой тех лет.

В статье «Елисавета» Сологуб писал: «Личина. Это хорошо. Создать свою личину — дело, достойное целой жизни художника».[3] В «Пламенном круге» Сологуб создал такую «личину», — при всем своем поэтическом великолепии (за немногими исключениями в книгу вошли наиболее художественно совершенные стихи),[4] она не покрывала его поэзии в целом, но заставляла воспринимать ее в определенном ключе.[5] «Пламенный круг» для Сологуба итоговая книга, в ней наиболее ярко проявились стилистические особенности, стилистическая система, присущая зрелому поэту.

В 10-е годы, когда символизм как течение получил широкое признание и в то же время явственно обозначились кризисные симптомы, ведущие поэты, представлявшие это течение, пытаются в статьях и выступлениях, в острой полемике друг с другом осмыслить пройденный путь, сформулировать свои эстетические позиции. Такими были выступления Вяч. Иванова и А. Блока и полемизировавших с ними Брюсова и Мережковского в 1910 году. С «Речью о символизме» выступил на организованном им с Ан. Чеботаревской в январе 1914 года диспуте о современной литературе и Сологуб. Если в боль-

---

[1] Тема «вечного возвращения» вынесена, собственно говоря, в название сборника, восходящее к концепции Шопенгауэра: «Всегда и повсюду истинной эмблемой природы является круг, потому что он — схема возвратного движения, а оно действительно самая общая форма в природе, которой последняя пользуется везде...» (А. Шопенгауэр, указ. соч., с. 91).

[2] См.: В. Брюсов, Далекие и близкие, М., 1912, с. 110, 111.

[3] Ф. Сологуб, Собр. соч., т. 10, с. 129.

[4] Отмечая, что в «Пламенном круге» собраны стихи за очень большой промежуток времени, А. Блок писал, что в этой книге «Сологуб достиг вершины простоты и строгости... подобного совершенства в стихах Сологуб еще не достигал» (Собр. соч., т. 5, с. 285).

[5] Это хорошо понимал сам Сологуб. А. Измайлов привел его высказывание: «Понять писателя, — сказал он, — можно только тогда, когда его изучат, и изучат всего... Мною интересуются теперь, но вся первая половина моего поприща моим читателям не ясна, если не вовсе неизвестна» (А. Измайлов, Литературный Олимп, М., 1911, с. 299—300).

шинстве многочисленных статей Сологуба этого периода об искусстве бесконечно варьировались одни и те же концепции «преображения» мира и солипсического восприятия, то в этом выступлении, наряду с малооригинальными общими высказываниями, заимствованными большей частью у Вяч. Иванова и А. Белого, очень интересно раскрывалось художественное мировосприятие Сологуба зрелого периода, легшее в основу его стилистической системы, осмыслялся его собственный творческий опыт.

Сологуб полагает, что поэзия, искусство «всегда бывает выражением наиболее общего миропостижения данного времени», «наиболее глубоких и общих дум современности», дум, «направленных к мирозданию, к человеку, к обществу», то есть защищает большую философскую тему в поэзии. Он настаивает на ее интеллектуальном содержании. «Художнику нужно не наблюдать жизнь, а мыслить» (запись П. Н. Медведева) — в такой заостренной форме выражается крайне существенный для него момент — момент «творчества», созидание в себе «мира, подобного миру внешних предметов, но мира действительного, созданного». [1]

Что же представляет из себя такой мир?

«Живая жизнь души протекает не только в наблюдении предметов и в приурочивании им имен, — писал Сологуб, — но и в постоянном стремлении понять их живую связь и поставить все, являющееся нашему сознанию, в некоторый всеобщий всемирный чертеж». Для этого «все сложное представляющегося нам мира сводится к возможно меньшему числу общих начал, и каждый предмет постигается в его отношении к наиболее общему, что может быть мыслимо». [2]

В описании творческого процесса и в самом творческом методе Сологуба проявляется специфическое для него рационалистическое и идеалистическое мировосприятие. «По складу своего ума и по особенностям своего образования я гораздо более сторонник точного знания, чем мистик», [3] — подчеркивал он в интервью газете «Биржевые ведомости». Но при этом признавал, что некоторые воззрения,

---

[1] «Заветы», 1914, № 2, с. 72.

[2] Там же, с. 72. Характерен сам термин — «чертеж». Мир дан в пространстве, а не во времени. Отсюда и тенденция к двуплановости, разграниченности: мир мечты, «желанный, необходимый и невозможный», и мир действительности.

[3] «Если бы я начинал жизнь снова, я стал бы математиком. Математика и теоретическая физика были бы моей специальностью», — говорил Сологуб в 1925 году П. Н. Медведеву. Современники вспоминают, что в споре Сологуб использовал всегда математические выкладки.

разделяемые мистиками, близки и ему — прежде всего ощущение единой скрытой реальности под оболочкой скользящих явлений. «Это во мне не дело ума, не дело убеждения, но все мое жизнеощущение требует этой веры». [1]

«Всеобщий всемирный чертеж» подводит к пониманию Сологубом символа: в высоком искусстве всякий образ стремится стать символом, вместить многозначное содержание, которое раскрывается читателем в процессе восприятия. Однако, обращаясь к классическим образам (например, Дон-Кихот Сервантеса, Савельич Пушкина и т. д.), Сологуб толковал их обобщенно, но однозначно, в своем толковании приближаясь к аллегории. В отличие от великих поэтов прошлого, символизм новых поэтов, полагает Сологуб, сознательный; для них «образы предметного мира... суть один из способов миропостижения». [2]

Брюсов, читая книгу «Пламенный круг», на последней странице написал: «Картина для иллюстрации своего мировоззрения. В историческом смысле символист. Во всем видит символы, все превращает в символы и аллегорию». В этой надписи очень точно уловлен конструктивный характер сологубовской символики.

В своем понимании символа Сологуб был близок к старшим символистам и не занимал особой позиции. На фоне символистской поэзии его резко выделяло следование эстетическим принципам, заявленным им в самом начале творческого пути. Главным из них было требование «внешней простоты», общепонятности и прозрачности искусства на его «зримой поверхности». [3] Оно сочеталось с утверждением точности и ясности как эстетических критериев — «вполне точное и потому прекрасное». [4] Такой смысл имела и настойчивая ориентация Сологуба на Пушкина, поэзия которого как высший литературный эталон всегда присутствовала в его сознании, но при этом он формально отвлекал некоторые черты поэтического стиля Пушкина от чуждого ему пушкинского миропонимания и целостности пушкинского художественного метода. Само истолкование Пушкина в статьях и заметках Сологуба очень субъективно, оно проливает свет только на его собственную творческую личность и, по существу, искажает облик любимого им поэта.

---

[1] «Биржевые ведомости», 1912, 21 сентября.

[2] «Заветы», 1914, № 2, с. 73.

[3] «Русская литература XX в. 1890—1910», т. 2, с. 11. См. также: Ф. Сологуб, Театр-храм. — «Театр и искусство», 1916, № 3.

[4] Ф. Сологуб. Порча стиля. — «Новости», 1904, 25 августа. Ср. о точности и ясности у Пушкина: Ф. Сологуб, Собр. соч., т. 10, с. 187, 198, а также заметки о Пушкине в его архиве.

Простоту как специфическую особенность поэзии Сологуба выделяли современники. «Совсем отдельно стоят в современной литературе произведения Сологуба», — отмечал Блок, неоднократно подчеркивая «простоту, строгость», «*отсутствие* в поэзии Сологуба какой бы то ни было *пряности и мишуры*, от которой едва ли избавлен хоть один современный поэт».[1] «В словесности его поражали сухость и лапидарность, отделявшие его от других модернистов», — писал впоследствии А. Белый.[2]

Стремление к предельной простоте сказалось и на развертывании поэтической мысли, и на формулировке темы,[3] и, конечно, на поэтике и поэтическом языке Сологуба. Во всех случаях это стремление либо утверждало ценность простого — естественную человеческую ценность — и приводило к созданию в своем роде классических стихотворений, либо, переходя грань, сочетаясь с безвкусными «поэтизмами» типа «фиал» и т. п., оборачивалось примитивом, упрощенностью, вульгарностью. «Это был самый неровный поэт из всех, каких я встречал в своей жизни, — вспоминал К. Чуковский. — Наряду с чудесными стихами, классически прекрасными по форме, он написал целые сотни плохих... Иногда казалось, что есть два Сологуба: один сильный и взыскательный мастер благородного, новаторски смелого стиля, другой — графоман и ремесленник».[4]

Сама «точность» приобретала у Сологуба разные смыслы. Образ-символ, как считает Сологуб, должен обладать «двойной точностью»: во-первых, он должен быть сам точным изображением, чтобы не стать образом «случайным и праздно измышленным, — за праздными измышлениями никакой глубины не откроешь», во-вторых, он «должен быть взят в точном отношении его с другими предметами предметного мира, должен быть поставлен в чертеже мира на свое надлежащее место».[5] «Двойная точность» раскрывала и специфику стиля и противоречия творческого метода Сологуба.

Первое условие определило жизненность его поэзии, ее впечатляющую силу. Например, Сологуб обращается неоднократно к образу качелей как символу душевного состояния («В истоме тихого заката...», «Снова покачнулись томные качели...»). Параллелизм-сравнение стихотворения «Качели» («В истоме тихого заката...», 1894) сменяется в 1907 году трагическим мифом о жизни — «Чертовы

---

[1] А. Блок, Собр. соч. в восьми томах, т. 5, с. 160, 285.
[2] А. Белый, Начало века, с. 445.
[3] См. ниже, с. 583, 589 и др.
[4] К. Чуковский, Собр. соч. в шести томах, т. 6, с. 332.
[5] «Заветы», 1914, № 2, с. 74.

качели». Символ здесь развернут в миф, как бы реализующий бранную формулу «чертова жизнь», «черт с тобой»:

В тени косматой ели
Над шумною рекой
Качает черт качели
Мохнатою рукой

и «хохочет с хрипом, хватаясь за бока», над тем, кто «держится, томится, качается» на этих качелях. Его бросает из стороны в сторону, и ему некуда податься:

Хватаюсь и мотаюсь,
И отвести стараюсь
От черта томный взгляд.

Напрасно. Здесь хохочет черт, а там —

Над верхом темной ели
Хохочет голубой:
«Попался на качели,
Качайся, черт с тобой».

Внизу «визжат, кружась гурьбой», издеваются над пленником жизни не то люди, не то нежити, повторяя:

«Попался на качели,
Качайся, черт с тобой».

Одинаковые рифмы подчеркивают связь четвертой и пятой строфы с первой и последней.

Качаются качели. Повторяющиеся внутренние глагольные рифмы, повторы «вперед — назад, вперед — назад» создают ощущение непрерывности, вынужденного тягостного, томительного качания. «Его качели — самые настоящие качели. Это скрип, это — дерзкое перетирание конопли... А эти повторяющиеся, эти качальные, эти стонущие рифмы», — восхищался И. Ф. Анненский. [1]

Но вот начинаются анафоры: «Пока... пока... пока...», они отмечают как бы возрастающий размах качелей и одновременно передают нарастание страха и ужаса, и наконец — обрыв, катастрофа: «Все выше, выше... ах!»

---

[1] И. Анненский, О Сологубе. — «Аполлон», 1909, № 1, с. 41—42.

Так создается точный лирический рисунок, и, как следствие, символ обретает большую силу воздействия.[1] Другое дело — «точность» расположения образов во «всеобщем, всемирном чертеже»: их отношение устанавливается, утверждается поэтом, оно не познается, не извлекается из действительности, а навязывается ей, это «точность» рационалистического субъективистского восприятия мира. Второй аспект «точности» образа-символа, отрывая его от объективной действительности, нес в себе тенденции к схематизму, омертвению и превращению в штамп (ср. излюбленный у Сологуба символ змия, дракона-солнца).

Эстетические принципы Сологуба — предельная простота и точность — естественно определили его поэтику, прежде всего эпитет. Сологуб очень скупо пользуется эпитетами, число их крайне ограничено. «Эпитет наиточнейший, — писал Сологуб в одной из своих заметок, — поэтому наклонность повторять эпитеты. Ибо мир для субъекта необходимо однообразен». Соотнесенность эпитетов по «месту в чертеже мира», «точность» делает их оценочными, они образуют две контрастные устойчивые группы. Одна — *злой, лукавый, безумный, недужный, больной, темный, томительный, скучный, холодный;* другая — *тихий, легкий, сладкий, нежный, блаженный* и т. п. У зрелого Сологуба цвета, краски почти совершенно исчезают, остаются преимущественно противостоящие друг другу *белый — черный (темный)* и *серый — голубой (лазоревый)*.[2]

Так, в обыденном мире тишина «холодная»:

А мне холодной тишиной
Томиться вечно за стеной?

*(«В дневных лучах
и в сонной мгле. . .»)*

В ином мире, мире мечты, — тишина «голубая» (здесь возможна метафора — небо):

Незаметная людям,
Ты открылась лишь мне,
И встречаться мы будем
В голубой тишине.

«(Ты печально мерцала. . .»)

---

[1] Ср. другой принцип символизации — у Блока в стихотворении «Миры летят. Года летят. . .» (1912), где верчение на чертовом колесе — символ трагизма человеческой жизни, втянутой в мировой круговорот.

[2] Любопытно, что в заметке о Пушкине Сологуб отмечает: «Любовь к контрастам знаменует собою двуцветность пушкинского мира. У него нет рефлексов. Определенные цвета».

Ко мне волшебница Лилит
Стезей лазурной приходила.

(«Я был один в моем раю. . .»)

Брюсов в статье о Сологубе 1909 года отмечал особенность эпитетов Сологуба: зрелый Сологуб, писал он, «в уверенных словах являет перед нами *свой* отныне навек существующий мир», и его «эпитеты, столь простые с первого взгляда, образуют крепкую и неразрывную систему мысли. . .» [1]

У Сологуба нет эпитетов с зыбким, неустойчивым значением, отказывается он и от сложных изысканных эпитетов, — его эпитет всегда простой, как бы взятый из разговорного языка (подчас это логическое определение), и четкий:

Я живу в *темной* пещере,
Я не знаю *белых* ночей. . .

А мой удел *земной* —
В томленьях и скитаньях,
И только *нежный* голос твой
Ко мне доносится в мечтаньях. . .

(«Чиста любовь моя. . .»)

Излюбленные им приставки *без* и *не* не делают эпитет расплывчатым, но подчеркивают момент отрицания:

В стране безвыходной бессмысленных томлений. . .

Предельно скупое пользование эпитетами, их характер, «точность» и связанное с ней «однообразие» создают отвечающую стилевому заданию Сологуба простоту и прозрачность — графичность стиля. Не случайно критики, останавливаясь на стилистических особенностях его стихов, прибегали к термину «линия» — «безукоризненно верные линии», «красота линий образов» (Брюсов), «строгость линий» (Чулков).

Конечно, принцип ограниченного употребления эпитетов и их однообразия требовал соблюдения строжайшей меры, в противном случае сосредоточенная выразительность становится мертвящим упрощением. В лучших стихах Сологуб эту меру соблюдает и достигает художе-

---

[1] В. Брюсов, Федор Сологуб. — В кн.: «Далекие и близкие», с. 111.

ственного эффекта, который ему необходим. В стихотворении «В село из леса она пришла...» всего два почти одинаковых эпитета — *ночная* тьма (дважды) и *темная* ночь — создают ощущение беспросветного мрака, в котором бредет обреченная на безответное и безысходное одиночество человеческая душа. Или повторение эпитета *скучный* в стихотворении «Порой повеет запах странный...», где этот повтор поддерживается инструментовкой, подчеркивающей однообразие, тягостность, беспросветность:

Где *скучный* маятник маячит,
Внимая *скучным* злым речам,
Где кто-то молится да плачет,
Так долго плачет по ночам.

Или тот же эпитет в стихотворении «Скучная лампа моя зажжена ..».

Как и эпитет, рифма у Сологуба создает впечатление безыскусственности и простоты, ее роль в стихе ослаблена. Он предпочитает каноническую рифму, часто пользуется банальными, стертыми и грамматическими рифмами, причем их привычность, неяркость оказываются художественно действенными в поэтической системе Сологуба.

Я спал от печали
Тягостным сном.
Чайки кричали
Над моим окном.
. . . .
Но в тяжелой печали
Я безрадостно спал.
О веселые дали,
Я вас не видал.

Простота рифм у Сологуба сочетается с исключительно разнообразным и изысканным строфическим построением и подчас сложной рифмовкой, что создает богатство композиционного построения стихов. В первом томе собрания сочинений Сологуба, указывал В. Брюсов, на 177 стихотворений более 100 различных метров и построений строф — «отношение, которое вряд ли найдется у кого-либо другого из современных поэтов».[1]

---

[1] В. Брюсов, Федор Сологуб. — В кн.: «Далекие и близкие», с. 108.

В композиции стихов Сологуба сказывается прежде всего рационалистичность, свойственная его творческому методу.[1] Его стихи «напоминают кристаллы по строгости своих линий», — писал Г. Чулков.[2] Четкое строфическое членение, обычное для Сологуба, совпадает с синтаксическим, что придает особую выраженность теме: каждая строфа дает какой-либо ее аспект или момент в развитии тематического содержания.

Исключительную роль в композиции стихов Сологуба играют сочетания явных, ощутимых повторов — тематических, синтаксических, лексических, интонационных (с преобладанием вопросительной интонации), метрических и звуковых. Эти повторы, с одной стороны, создают противопоставления и сопоставления, очень важные для поэтики Сологуба, его «чертежа мира», усиливают выразительность, суггестивность отдельных элементов в его стихе. С другой стороны, многообразие повторов создает исключительную гармоничность и мелодичность, столь значимую для его поэзии.

Гармоничность стиха Сологуба достигается и совпадением стиховых и синтаксических членений, и, конечно, богатством ритмических вариаций, поддержанных звуковой инструментовкой. Сологуб предпочитает канонические размеры — ямб и хорей, и на их фоне развертывает многообразные ритмические модуляции. А. Белый на основании графического и статистического изучения ритма поэтов XIX—XX веков пришел к заключению, что из современных поэтов «исключительно богаты ритмами» А. Блок и Ф. Сологуб, у них он констатирует «подлинное ритмическое дыхание».[3]

Устанавливая ритмическую генеалогию Сологуба в господствующем для него размере четырехстопного ямба, Белый писал: «Ритм Сологуба представляет собою сложное видоизменение ритмов Фета и Баратынского, с примесью некоторого влияния Лермонтова, Пушкина и Тютчева. Но родственность напевности Сологуба с напевностью Фета и Баратынского резко подчеркнута».[4] Названные Белым поэты — это поэты, которые значимы для Сологуба не только в ритмическом отношении, следы их влияния ощущаются в его творчестве, к ним он относится с неизменным уважением: «гениальный

---

[1] «Все его выражения, все его слова обдуманы и осторожно выбраны», — отмечал в своей статье о Сологубе В. Брюсов («Далекие и близкие», с. 108).

[2] Г. Чулков, Дымный ладан. — В кн.: «Покрывало Изиды», М., 1909, с. 61.

[3] А. Белый, Сравнительная морфология ритма русских лириков в ямбическом диметре. — В кн.: «Символизм», М., 1910, с. 382.

[4] Там же, с. 342.

Баратынский», «великий Лермонтов». Тютчев, Баратынский, Фет представляют для него «высокое искусство».

Гармония, музыка стиха у Сологуба имела первостепенное значение, и родственность его с наиболее «музыкальным» поэтом Фетом не случайна. Полемизируя с Львом Толстым о необходимости стихов в заметке «За стихи», он выделял «особое очарование мерного и звучного слова». [1] В гармонии, мелодии стиха Сологуб находит душевное освобождение, «очищение», катарсис:

Я слагал эти мерные звуки,
Чтобы голод души заглушить,
Чтоб сердечные вечные муки
В серебристых струях утопить. [2]

И это тот эстетический катарсис, который присущ его безысходно жестокой лирике. Гармония стиха противостоит злой, дисгармоничной действительности и художественно преодолевает ее. «Я не знаю среди современных русских поэтов, чьи стихи были бы ближе к музыке, чем стихи Сологуба, — писал Л. Шестов. — Даже тогда, когда он рассказывает самые ужасные вещи — про палача, про воющую собаку, — стихи его полны таинственной и захватывающей мелодии». [3] Ощущение от чтения стихов Сологуба Илья Эренбург передает так: «Все предметы вырастают до небывалых размеров, но теряют плоть и вес. Мир вещей претворяется в мир понятий, *волны ритма заливают вселенную*». «Высокий дар поэта», присущий Сологубу, по мнению Эренбурга, и заключается в том, что «Сологуб познал высшую тайну поэзии — музыку. Не бальмонтовскую музыкальность, но трепет ритма». [4]

Музыка, гармония стиха — то, что привлекает Сологуба и в других поэтах. Не случайно его любимые поэты — Верлен и Блок.

В самом поэтическом слове Сологуб видел «средство убеждения и очарования». [5] В статье «Не постыдно ли быть декадентом» он так

---

[1] «Новости», 1904, 16 августа. Любопытно замечание Сологуба о чтении стихов: «Для актера кажется ересью читать стихи как стихи, он думает, что читать надо не по строчкам, а по знакам препинания. Стих обращен в лохмотья. . .» («Забытое искусство»).

[2] Ср. также: «И в совершенном созданьи одном Чистым навеки зажечься огнем» («Скучная лампа моя зажжена. . .»).

[3] «Речь», 1909, 24 мая.

[4] Илья Эренбург, Портреты современных поэтов, М., 1923, с. 69, 68. Курсив мой. — *М. Д.*

[5] «Раннее утро», 1914, № 1.

формулировал свою цель: «Декадентство пользуется словами и сочетаниями их не как зеркалами для повторения предметного мира, а только как орудием для возбуждения в читателе некоторого внутреннего процесса». Этой цели он стремится достичь всеми средствами своей поэтики. «Вы заражаете переживанием читателя, Вы его гипнотизируете... — писал ему А. Белый. — Это «колдовство» я не раз на себе испытывал». «Он заставляет нас занять определенную позицию по отношению к нему... Пусть мы потом проклянем его — все равно: лишь бы не были равнодушны», — характеризовал искусство Сологуба А. Горнфельд.[1]

9

Годы реакции — время необычайной известности и популярности Сологуба. «Федор Навьич Сологуб, ныне славою пасомый» — гласила подпись под шаржем 1907 года. Вышедший в 1907 году отдельным изданием его роман «Мелкий бес» в короткое время выдерживает пять переизданий. Инсценировки романа обходят почти всю Россию. Один за другим появляются сборники рассказов. Пьесы Сологуба ставятся на столичных и провинциальных сценах. После премьеры «Победы смерти» в театре Комиссаржевской автора увенчали лавровым венком. Сологуб широко печатается в периодической прессе. «Руководить журналом, в списке сотрудников которого нет Вашего имени, было бы очень грустно», «„Весы“ любят Вас и высоко ценят», — неоднократно заверяет его В. Брюсов. Произведения Сологуба появляются не только в символистских органах, но и в таких журналах, как «Образование», «Русская мысль», газетах «Речь», «Слово», «Утро России», в многочисленных альманахах и сборниках.

Издательство «Шиповник» выпускает в 1909—1912 годах собрание сочинений Сологуба в двенадцати томах, а вслед за ним издательство «Сирин» приступает к изданию двух собраний сочинений в двенадцати и в двадцати томах (последнее не было завершено).

«Андреев, Куприн, Горький и Сологуб стали одно время четверкой наиболее знаменитых писателей; четверку эту провозгласила критика 1908—1910 годов», — вспоминал А. Белый.[2]

«Современнейшим из современных» назвал К. Чуковский Сологуба в литературном обзоре 1908 года, и это определение освещает причины внезапной популярности писателя. Пессимизм и отчаяние,

---

[1] «Русская литература XX века. 1890—1910», т. 2, с. 63.
[2] А. Белый, Начало века, с. 446.

проникающие его творчество, утверждение неизбывности страданий, бессмысленности и нелепости судьбы человека, пафос смерти — освободительницы и утешительницы были близки людям подавленным и растерявшимся, у которых, по словам Белого, «опускались руки». Проповедуемые Сологубом декадентские теории отстранения от кошмаров жизни посредством ее «преображения в мечте» и т. п. создавали иллюзию выхода. Привлекали у Сологуба вечные вопросы бытия, выдвинувшиеся на передний план в философии и литературе тех лет и заслонившие непосредственные вопросы общественно-политической жизни. Его известности способствовали и развившиеся особенно в годы безвременья (не без влияния восхвалявшей его произведения буржуазной публики) такие элементы его творчества, как самодовлеющий эстетизм и болезненная эротика, — печальную славу приобрели его «садические» стихи, подвергшиеся цензурным преследованиям.

Перелом произошел не только в писательской судьбе, но и в личной жизни Сологуба. В 1908 году он женится на Анастасии Николаевне Чеботаревской, вернувшейся из Парижа, где она окончила Высшую школу общественных наук, основанную либеральным деятелем М. М. Ковалевским для русских эмигрантов. Чеботаревской принадлежат статьи по искусству, рассказы, она много переводила. «Анастасия Николаевна, — писал Сологуб, — стала моею постоянною и деятельною сотрудницею». [1]

После женитьбы Сологуб переезжает на другую квартиру, и этот переезд знаменателен. Раньше он жил с сестрой на 8-й линии Васильевского острова, в доме Андреевского городского училища, где служил инспектором. Здесь, в тихой, скромной, несколько провинциальной квартире, с конца 90-х годов по воскресеньям собирались деятели «новой поэзии» и «нового искусства», «вполголоса рассуждали о стихах с бесстрастием мастеров и знатоков поэтического ремесла. Это был ареопаг петербургских поэтов». [2] В большой новой квартире гостиная с пышной мебелью была превращена в «салон», куда, как вспоминают современники, шли «все — антрепренеры, импресарио, репортеры, кинематографщики... Изысканные художники встречались здесь с политическими деятелями, маленькие эстрадные актрисы с философами». [3]

Не без влияния Ан. Н. Чеботаревской Сологуб втягивается в сутолоку либерально-буржуазной общественности: маскарады, благо-

---

[1] Ф. Сологуб, Вступительная статья к кн.: А. Чеботаревская-Сологуб, Женщина накануне революции 1789 г., Пг., 1922, с. 15.

[2] Г. Чулков, Годы странствий, с. 146—147.

[3] Там же, с. 160.

творительные спектакли и вечера, интервью и фотографии в газетах, участие в разнообразных мероприятиях и сборищах. «Он — стал вдруг необычайно общественен: вылез из норы», — писал А. Белый.[1]

Разительно изменился и его внешний облик. Если на портрете Кустодиева (1907) — скромный учитель гимназии с «учительской» бородкой и усами, то на портрете К. Сомова (1910) — маститый метр декадентских салонов, походивший, «со своим обрюзгшим лицом и саркастической усмешкой, на римского сенатора времен упадка».[2]

П. Н. Медведев в своих записях так описывает два периода в жизни Сологуба: «I. Вас. Остр. Маленькая мещанская квартира. Горбунья-сестра. Сологуб никому не известный. Вечера — поэзия и поэзия. II. А. Н. Чеботаревская. Дешевый шик-модерн и помпа. Сбрил бороду и стал великим. Слава. Внешнее. Вычуры. Излом. Жесты».

Сологуб и его произведения, особенно скандально известный роман-трилогия «Навьи чары», привлекали внимание критиков всех направлений. «Навьи чары» публиковались в альманахе «Шиповник» (1907, № 3, 1908, № 7 и 1909, № 10). Противоестественное смешение в романе освободительного движения, «священного имени социал-демократии» с самой откровенной эротикой, примитивной черной магией, декадентскими «теориями» и идеалами компрометировало это движение и не могло не вызвать возмущения всей демократической критики.[3] Роман был воспринят как «клевета на революцию», «идейное мародерство» (В. Воровский, «Ночь после битвы» — в сб. «О веянии времени», 1908). Резкой критике подвергли общественно-литературную позицию Сологуба и его творчество литераторы социал-демократических кругов, участники сборника «Литературный распад», направленного против декадентских течений, Ю. Стеклов, М. Морозов, В. Войтоловский и другие.

Против Сологуба как «учителя жизни» выступил и М. Горький. Еще в 1896 году он опубликовал в «Самарской газете» рецензию на прошедший почти незамеченным первый сборник стихов Сологуба, где писал, что настроение, которое очень точно и искренне передают стихи — «скорбное шатание духа», «бессильный порыв», — типично для «всех новых поэтов» и многих современных литераторов.[4]

В годы реакции отношение Горького к Сологубу становится крайне

---

[1] А. Белый, Начало века, с. 446.

[2] П. Перцов, Литературные воспоминания. 1890—1902, с. 232.

[3] О политических взглядах Сологуба, выразившихся в романе, см.: «Русская литература конца XIX — начала XX в. 1908—1917», с. 232.

[4] М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, т. 23, М., 1953, с. 122—123.

отрицательным: он возмущен романом «Навьи чары», для него неприемлем всеохватывающий пессимизм Сологуба. Разоблачая «современную проповедь пессимизма» как вредную для народа и страны, Горький в одной из статей серии «Издалека» (1912) привел стихи Сологуба. «Это —хорошие стихи, и... прямого призыва к самоубийству в них нет», — замечает он, — но позиция поэта, публикующего их в настоящее время, антиобщественна: его не занимает, «как... бесстрастное прославление смерти подействует на замученных и усталых людей его родины в тяжкий и больной момент, переживаемый ими». [1]

В том же году он публикует сказку о Смертяшкине, убийственную сатиру на поэтических проповедников пессимизма. Оскорбленный Сологуб узнал себя в герое сказки и обратился к Горькому с письмом. Горький отвел подобное толкование, отделив Сологуба от эпигонов, вульгаризировавших и упрощавших идеи и образы модных деятелей «нового искусства», от декадентов по зову моды. «Смертяшкин, — писал он, — это тот безымянный, но страшный человек, который все — в том числе и Ваши идеи, даже Ваши слова, — опрощает, тащит на улицу, пачкает, и которому, в сущности, все, кроме сытости, одинаково чуждо». [2] Позже он все же заметил, что «вероятно... „в числе драки“» имел в виду и пессимизм Сологуба. [3]

Идейно полемизируя с Сологубом, Горький всегда видел в нем большого поэта, достойного серьезного внимания, и даже в 1908 году называл его стихи «прекрасными». [4]

В 1909—1911 годах Горький пишет повести Окуровского цикла, повести об «уездной звериной глуши» и ее обитателях, о русском мещанстве. Один из героев «Городка Окурова» — самобытный слободской поэт Девушкин, по-своему протестующий против окружающей его жизни. При всей своей примитивности, его стихи обнаруживают сходство со стихами Сологуба, в них те же темы и мотивы, которые доминируют в сологубовской поэзии. Это — отчужденность, обособленность, одиночество людей, бессмысленность страшной, невыносимо тяжелой жизни, отвращение и нелюбовь к ней, бегство к смерти, обращение к богу и ропот на него, смирение и покорность. Даже такая характерная для Сологуба тема — судьба детей в

---

[1] М. Горький, Несобранные литературно-критические статьи, М., 1941, с. 431.

[2] М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, т. 29, М., 1955, с. 289.

[3] См.: М. Горький, Собр. соч. в тридцати томах, т. 30, М, 1955, с. 275.

[4] «Литературное наследство», т. 72, с. 306.

этом ужасном мире — звучит в стихах Девушкина. «Все ты да ты... да голодное житье, да смерть» — так очерчивал темы стихов его собеседник Тиунов. Сам их колорит напоминает сологубовский: обращения, одни и те же эпитеты (ср. у Девушкина: «все живут в нем злобно и недужно»), монотонность.

Сима Девушкин — выразитель «строя души зареченских жителей», и Горький показывает жизнь, порождающую этот «строй души» и неразрывно спаянную с ним: возникает ряд «явлений почти кошмарных», «всюду чувствовалась жестокость», «тяжелая темная скука», «страсть к разрушению». «Впечатления механической силой тяжести своей слагались в душе помимо воли в прочную и вязкую массу, вызывая печальное ощущение бессилия». Эта жизнь символизируется в образе шара отребьев, который «катится по земле из края в край», «мягкой тяжестью своей» приминая все на своем пути.

Так, пристально анализируя «окуровщину» и ее порождения, Горький, не ставя это целью, проливает свет на «окуровскую» природу, подлинность декадентства Сологуба и, в частности, на «окуровские» корни его высокой лирики. Декадентство Сологуба предстает как тупик, в который «окуровщина» загоняла талантливых людей.

Пессимизм Сологуба встречал неприятие и внутри символистского лагеря, в котором Сологуб пользовался признанием и почтительным уважением. «Ваша физиономия как писателя ярка до чрезвычайности: с Вами нужно бороться», — писал Сологубу в 1908 году А. Белый, заверяя его при этом, что является «горячим поклонником» его «огромного таланта». Письмо было написано после опубликования в «Весах» № 3 за 1908 год статьи Белого о Сологубе под названием «Далай-Лама из Сапожка». Белый утверждал, что Сологуб-прозаик — громадный художник, но не «учитель жизни», не «колдун», а маленький, измученный жизнью человек, плотью и кровью связанный с русской действительностью. «Идеология» Сологуба родственна мироощущению «обитателей глухой провинции», «обывателей из Сапожка», — это «идеология», порожденная социальным бессилием. «Человек... — писал Белый, — как только сознает ужас своего положения в Сапожке, то превращается в тоскливого, милого маленького ворчуна, ёлкича, у которого украли жизнь, зеленую елку», и он «смерти протягивает маленькие ручки свои...».[1] Обыватели из Сапожка — «бессознательные буддисты», и вот Сологуб «вообразил себя буддийским бонзой и воссел на корточках перед темным углом. Буддизм хорош на Тибете; в Сапожке он только дыромоляйство...»[2]

[1] «Весы», 1908, № 3, с. 67.
[2] Там же, с. 76.

Остроумно и зло разоблачив позицию Сологуба, Белый его пессимистической концепции жизни, безвыходности его отчаяния противопоставил умозрительную концепцию гармонического синтеза противоречий действительности,[1] идеалистическое жизнестроительство. С другой точки зрения, с позиции «религиозного устроения жизни», «радостного утверждения своего и всеобщего бытия», полемизировал с Сологубом и Вяч. Иванов.[2] Несостоятельность позиций, с которых теоретики символизма критиковали пессимизм Сологуба, во многом ослабляла их критику.

10

Попытки Сологуба «построить» в своем творчестве философскую систему, созвучную духу времени, переключение на драматургию и прозу были симптомами творческого кризиса, переживаемого им как поэтом. Этот кризис совпал и с идейным кризисом символистского движения в целом, который, естественно, не мог не привести к поискам новых путей. Обнаружившаяся несостоятельность мирообъемлющих концепций символизма привела к тому, что в поэзии 10-х годов угас интерес к осмыслению мира и человека, к философским исканиям. Для молодых поэтов характерно возвращение к земной конкретности, ограничение вещным миром. Философские устремления заменяются эмпирическим психологизмом, мировому и историческому «хаосу» противопоставляется стилистическая «гармония», «стройность». Большую популярность приобретает статья М. Кузмина «О прекрасной ясности», в которой он провозглашает идеал «кристальной формы», подчинения искусства «законам ясной гармонии и архитектоники».[3]

Сологуб очень чутко относился к исканиям молодой поэзии, и в его лирике 10-х годов наблюдаются сдвиги, в известной мере идущие в общем направлении. В то же время ряд молодых поэтов, особенно входивших в группу акмеистов, ориентируются на его поэзию, вернее на близкие им ее особенности. Влияние Сологуба заметно на раннем творчестве Мандельштама. С большим уважением к поэзии Сологуба относилась молодая Ахматова. Учеником Сологуба считал себя Городецкий.

---

[1] О теориях «синтеза» у символистов см.: П. Громов, А. Блок, его предшественники и современники, Л., 1966.

[2] См. наст. книгу, с. 615.

[3] М. Кузмин, О прекрасной ясности. — «Аполлон», 1910, № 4, с. 6.

Внимательно присматривался Сологуб и к эстетическим декларациям и творчеству футуристов, участвовал в сборниках «Стрелец» (1915—1916), издаваемых Д. Бурлюком. Как и Брюсов, из всех футуристов он выделял Игоря Северянина, его привлекали бытовая заземленность, новизна и смелость поэтического языка молодого поэта, хотевшего «трагедию жизни превратить в грезофарс». Пошлость и безвкусие в поэзии Северянина Сологубом не ощущались. Он написал лирическое предисловие к сборнику Северянина «Громокипящий кубок» (1913), в котором представил поэта читателям. Вместе с ним в том же году совершил литературное турне по югу России.

Одобрительно отнесся Сологуб к стихам молодого Есенина («Искра есть... парень заслуживает внимания») и рекомендовал их журналу «Новая жизнь». [1]

В эволюции Сологуба сказалась, конечно, не только свойственная ему отзывчивость на литературные веяния времени, для него она была в какой-то мере органичной. В стихах 1910-х годов он как бы возвращается к ранней лирике, в них находят продолжение некоторые ее черты: будничная конкретность, непосредственная соприкосновенность с действительностью. Не случайно в это время он публикует в журналах стихи 80—90-х годов и включает их наряду с новыми стихами в сборник «Алый мак» (1917).

Привычные для Сологуба темы транспонируются и более или менее органично переводятся в будничный, повседневный план. Так, в стихотворении «Проснусь я, и думаю снова...» пытка «безумством блаженства земного» передается бытовой картинкой. Подчеркнутая будничность роднит Сологуба с И. Анненским, стихи которого приобретают популярность в эти годы.

Появляются конкретные описания пейзажа. Завораживающая мелодичность вытесняется разговорной интонацией и лексикой. Достаточно сравнить стихотворение «Высока луна господня...» со стихами цикла «Когда я был собакой».

Мифологические построения теперь заменяются сюжетными и «ролевыми» стихами. Вместо мифа о «мечтателе, чуждом миру» — бытовой образ погруженной в мечты мещаночки:

Обыдиотилась совсем,
Такая стала несравненная,
Почти что ничего не ем
И улыбаюсь, как блаженная...

---

[1] E. Wataka, W. Woroszylski, Życie Sergiusza Jesienina, Warszawa, 1973, s. 63—64.

В стихотворении «Там, где улицы так гулки...» тщетность мечтаний подчеркивается резким переводом в сугубо бытовой план:

И не рай, квартира тут.
Ах, мечтанья, осчастливьте
Хоть на двадцать пять минут.

В лучших стихах Сологуба появляется ирония, выражающая утрату каких-либо иллюзий, горькая ирония над собой, поэтом, превращенным в этой жизни в собаку (цикл «Когда я был собакой»), «старого шута» («Тебя господь накажет...»).

От философских концепций в лирике Сологуб возвращается к психологическим переживаниям, «движениям души». Уже в первом томе своего собрания сочинений (1909) Сологуб располагает стихи без деления на разделы, руководствуясь «общностью настроения». Он хочет, «чтобы читатель улавливал их внутреннюю связь и целые книги казались бы правильно развивающейся психологической повестью», — формулирует принцип композиции тома критик А. Измайлов.[1]

В 1913 году Сологуб совместно с Ан. Чеботаревской и поэтом И. Северяниным предпринял поездку по югу России с лекцией «Искусство наших дней» и чтением стихов. Целью поездки, по словам Сологуба, было установление непосредственного контакта с провинциальными читателями. Лекция была прочитана в 39-ти городах, и вся поездка освещалась как в столичной, так и в провинциальной печати. Очень характерны написанные Сологубом во время этой поездки циклы триолетов, в которых эстетская изысканность формы сочетается с дневниковым эмпиризмом содержания, — это разрозненные, отдельные, часто незначительные впечатления, мысли, зарисовки.[2]

В лирике Сологуба появляются мотивы, несвойственные ему раньше — приятие жизни, наслаждение ее радостями. «Очарования земли. Стихи 1913 года» — озаглавлен том XVII его собрания сочинений. Жизнь у Сологуба теперь «полумилая», по ироническому определению Блока. «Женившись и обрившись, Сологуб разучился по-сологубовски любить Смерть и ненавидеть Жизнь», — записывает Блок в дневнике 27 ноября 1912 года.[3]

---

[1] А. Измайлов, Литературный Олимп, с. 304.

[2] В 1914 году Сологуб совместно с Ан. Чеботаревской предпринимает издание журнала «Дневники писателей» (вышло 4 номера). Как подчеркивает название, журнал состоял из разрозненных заметок, высказываний, сообщений, принадлежавших преимущественно самим издателям.

[3] А. Блок, Собр. соч. в восьми томах, т. 7, с. 185.

В 10-х годах Сологуб часто высказывался по политическим вопросам. В многочисленных интервью он выражал резко отрицательное отношение к «строю, который, отживая в России, делает последние усилия продлить свое гнусное существование».[1] «Непреображенный» мир для Сологуба «ужасающе дисгармоничен», так как базируется на «зыбком фундаменте мировых противоречий, социальной несправедливости и неправедных отношений».[2]

И вы хотите, о люди, люди,
Чтоб жизнь земную я полюбил, —

заканчивает он стихотворение «Цветы для наглых, вино для сильных. . .» (1914). «Земная жизнь» — жизнь социальная, она связывается, как и в ранней лирике Сологуба, с «неравенством людей»: «мечтатель бедный» умирает в подвале, а «все блага жизни тому, кто грубо и беспощадно вперед идет».

В 1914 году Сологуб едет за границу, живет в Германии, Франции. Здесь написаны цитировавшиеся стихи и антибуржуазные «Парижские песни», напоминающие его политическую лирику революционных лет.

Особое место в поэзии Сологуба занимают стихи, связанные с мировой войной 1914 года. Четыре стихотворения, посвященные русско-японской войне, статьи тех лет, с одной стороны, и обильная милитаристская лирика и статьи 1914—1916 годов, с другой, — вехи пути, который прошел Сологуб. Теперь он полностью разделяет национал-шовинистские настроения, охватившие буржуазную интеллигенцию. С войной Сологуб связывает надежды на политическое и нравственное преображение жизни, очищение человеческих душ. В статье «Почему символисты приняли войну» он писал о войне как о христианском подвиге, высшем самопожертвовании ради обновления жизни. Его стихи постоянно публикуются в кадетских «Биржевых ведомостях». Он становится сотрудником такого органа, как нововременское «Лукоморье», а уйдя из него под давлением общественного мнения, начинает сотрудничать в не менее одиозной газете «Русская воля». В 1915—1916 годах предпринимает турне по центральной России и Сибири с лекцией «Россия в мечтах и ожиданиях поэтов». В 1915 году выходит его книга стихов «Война», поразившая критику своей антихудожественностью. «Перед сборником «Война», — писал рецензент «Северных записок» (1915, № 3), — останав-

---

[1] Ф. Сологуб, Художники как жертвы. — «Биржевые ведомости», 1916, 27 февраля.

[2] «У Федора Сологуба». — «Биржевые ведомости», 1910, 10 ноября.

ливаешься как перед загадкой...» Насквозь фальшивые стихи от имени русского солдата («Обстрелян», «На подвиг», «Ночной приказ», «Часовой» и т. п.), беспомощные ура-патриотические вирши были более чем странны для такого мастера стиха и человека, искренне любящего свою родину, как Сологуб.

11

Февральскую революцию Сологуб встретил восторженно. Для него это «дни великой радости», «радостного преображения родины нашей», возвестившие «многие прекрасные начала гражданской свободы». Всецело поддерживает он и лозунг Временного правительства — «война до победного конца». Деятельно сотрудничает как публицист в эсеровских и кадетских газетах. В статьях он противопоставляет непосредственным революционным действиям «единственную и святую задачу» восстановления страны, необходимость созидательной работы, объявляя злейшим врагом «яд лености и равнодушия», «нелюбви к труду». Его идеал — «европейская гуманитарная цивилизация», ибо социализм, по его мнению, «требует такого высокого душевного строя, который не всем родом человеческим достигнут».

К Октябрьской революции Сологуб отнесся отрицательно. «Чем дальше идут дни, тем все смутнее и тоскливее на душе и ничто не радует сердца», — признавался он в одной из своих многочисленных статей. Политические предрассудки Сологуба, характер среды, в которой он вращался, болезненно переживаемые им нарушения привычного уклада жизни создавали шоры, сужавшие его взгляд на исторические события. Кругом видел он только «разрушение и отнятие». Враждебность к новой действительности, неприятие ее нашли свое отражение в его публицистике и в поэзии пореволюционных лет.

Сологуб пытался принять активное участие в решении вопросов искусства, возглавив «литературную курию» в Союзе деятелей искусства. Этот Союз, созданный в апреле 1917 года, выступил с требованием «свободы» и «независимости» искусства от государства, в конце 1918 года он прекратил свое существование. Вместе с Ан. Чеботаревской Сологуб участвовал и в работе профессионального союза переводчиков. В марте 1918 года он был избран председателем Совета Союза деятелей художественной литературы, созданного по его инициативе. Союз был призван помогать писателям жить и работать в тяжелых условиях послевоенной разрухи. Намеченные им

мероприятия (открытие столовой и общежития для писателей, организация издательства и т. д.) он пытался осуществить на частные средства, отказываясь от сотрудничества с правительственными учреждениями. Разногласия в Совете привели к выходу Сологуба и Ан. Чеботаревской из Союза, вскоре они на время вообще отходят от общественной деятельности.[1]

Сологуб трудно переносил материальные и бытовые невзгоды, в начале 1920 года он хлопочет о разрешении выехать с женой за границу на осенние и зимние месяцы (лето они проводили в Костроме). «Бежать из России мы не хотели», — впоследствии писал он.[2] Разрешение было получено, но в сентябре 1921 года в припадке психастении кончила жизнь самоубийством Анастасия Николаевна Чеботаревская. Это был большой удар для Сологуба. Он тяжело переживал трагическую смерть жены и с еще большей силой почувствовал тягость изоляции, в которой очутился. «Некуда было ему идти. Его никто не звал. Его нигде не ждали... Жизнь отвергала его», — вспоминал К. Федин.[3]

В 20-х годах политическая позиция Сологуба меняется — он начал деятельно работать в литературных организациях, в контакте с советской общественностью и советскими учреждениями, «ушел с головой в дела Союза ленинградских писателей», — писал А. Белый. Членом этого Союза Сологуб был с момента его основания в ноябре 1918 года. С 1924 года — почетным председателем секции переводчиков, с 1925 года — председателем секции детской литературы, с начала 1926 года — членом, а затем председателем правления. Работу в Союзе он очень любил, перед смертью говорил о ней: «Хоть еще раз посидеть в этих комнатах».

11 февраля 1924 года в Государственном Академическом драматическом театре литературная общественность торжественно отметила 40-летие литературной деятельности Сологуба. Он избирается почетным членом Всероссийского Союза поэтов, членом редакционной коллегии издательства «Всемирная литература» и других организаций. Но ни литературно-общественная деятельность, ни большая переводческая работа, ни поэтическое творчество не спасали его от страданий одиночества.

---

[1] См.: П. П. Ширмаков, К истории литературно-художественных объединений первых лет Советской власти. Союз деятелей художественной литературы (1918—1919 годы). — В сб. «Вопросы советской литературы», VII, М.—Л., 1958.

[2] Ф. Сологуб, Вступительная статья к кн.: А. Чеботаревская-Сологуб, Женщина накануне революции 1789 г., Пг., 1922, с. 20.

[3] К. Федин, Горький среди нас, М., 1967, с. 132—133.

Послушай мое пророчество
И горькому слову поверь:
В диком холоде одиночества
Я умру, как лесной зверь, —

писал поэт в 1926 году.

В последние годы жизни Сологуба современники отмечают в его духовном облике перемены, о его «новом лице» вспоминают общавшиеся с ним П. Н. Медведев и А. Белый. «Старик весь как-то просветлел (как и его стихи)... Сологуб-человек больше Сологуба-писателя. Больше, глубже, мудрее, разнообразнее, с бо́льшим вкусом», — подчеркивал П. Н. Медведев. — «Он ищет людей, и ласки, и общения. Ему это нужно — хоть он готов отрицать это». «Его интересы — расширились; он перед смертью силился вобрать все в себя и на все отзываться», — вспоминал А. Белый. [1]

Общая атмосфера необычайного эмоционального подъема начала 20-х годов сказалась и на творчестве Сологуба. Он писал преимущественно стихи, и писал много. Выходят сборники «Голубое небо» (1920), «Одна любовь» (1921), «Соборный благовест» (1921), «Фимиамы» (1921), «Костер дорожный» (1922), «Свирель» (1922), «Чародейная чаша» (1922), «Великий благовест» (1923), в которые входят преимущественно новые стихи.

В послереволюционные годы Сологуб много переводит. Переводом он занимался на протяжении всей своей творческой деятельности. Переводил, главным образом, с французского и немецкого, как стихи, так и прозу и драматургию. Философская повесть Вольтера «Кандид, или Оптимизм» и роман Мопассана «Сильна, как смерть» до настоящего времени печатаются в его переводах. Часто Сологуб выступал как редактор переводов, преимущественно прозаических.

Переводить Сологуб начал рано. Первые переводческие опыты относятся к 1878 году. Это песенки из комедии Шекспира «Сон в летнюю ночь» и трагедии «Король Лир» — дань любви к великому драматургу. В годы ученья он переводил лирические стихи Гете и Гейне, украинские, болгарские, немецкие, новогреческие народные песни, отрывки из «Эдды». Не оставляет он перевод и в провинции — там он переводит «Медею» Еврипида, «Прометея» Эсхила, стихи венгерского поэта Петефи, современного польского поэта В. Гомулевского и польского поэта Возрождения Я. Кохановского, продолжает переводить народные песни. В 1889 году Сологуб обратился к переводу

---

[1] А. Белый, Начало века, с. 448.

стихотворений Верлена, поэта, сыгравшего большую роль для всех «старших» символистов.

Переводы Сологуба 80-х годов — это, собственно говоря, принятые в то время переложения, стихотворный пересказ содержания подлинника. Они любопытны как отражение поэтических симпатий и интересов поэта.

Переводческая деятельность Сологуба в пору его творческой зрелости не была столь обширной и не носила культурно-просветительского или программного характера («дать образцы»), как у Брюсова. «Я переводил Верлена... потому что люблю его» — так в предисловии к переводам он обосновывает свой выбор поэта, к которому обращался в разные периоды жизни. Седьмой книгой своих стихов назвал он сборник «Верлен. Стихи избранные и переведенные Сологубом». Публикация перевода стихотворения Гюго «О, верьте, верьте...» — отклик поэта на революцию 1905 года. Переводил Сологуб до революции сравнительно немного, предпочитая в поэзии чисто лирические жанры.[1] «...Мало-мальски сносный перевод — дело случая более, чем желания, и вообще страшно труден для меня», — признавался он в письме Л. Вилькиной 6 июля 1902 года.

В 1913 году в интервью по поводу драм Г. Клейста, которые Сологуб переводил совместно с Ан. Чеботаревской, он высказал свое отношение к переводу: «Относительно переводов своих я должен подчеркнуть, что они для меня разорительны с практической точки зрения, но зато работа над ними доставляет мне огромное наслаждение. Переводить для меня все равно, что пианисту играть экзерцисы; переводы предъявляют огромные требования к языку, и то, что пианист достигает в передаче языка композитора, я стремлюсь дать в стиле. Особенно усердно работаю над формой».[2]

С большой ответственностью относился Сологуб к порученным ему переводам: «Не знаю, сколь они удачны, усердие было большое», — пишет он Ж. М. Брюсовой, посылая переводы Наапета Кучака для сборника «Поэзия Армении» (ГБЛ). «Стихи превосходные, не знаю, насколько мне удастся их перевести, постараюсь сделать перевод так хорошо, как смогу», — пишет он 5 сентября 1916 года по получении стихов Х. Н. Бялика (ГБЛ).

Итогом 17-летней работы явилась книга переводов Верлена, вышедшая в 1908 году. Эта книга была большим достижением для

---

[1] «Я думаю, что мне больше удадутся переводы чисто лирических стихотворений», — писал Сологуб по поводу переводов стихов еврейского поэта Х. Н. Бялика 13 августа 1916 г. (ЦГАЛИ).

[2] «Биржевые ведомости», 1913, 28 октября, веч вып.

своего времени. В лучших переводах Сологуб передал безыскусственность, непринужденность, тонкую красоту и певучесть, «музыку» верленовского стиха. Стремясь как можно точнее передать подлинник (отсюда — публикация нескольких редакций, вариантов перевода), Сологуб сохранял «независимость стихотворного склада».[1] Его переводы, отмечал знаток и переводчик поэзии Верлена В. Брюсов, воспринимались как оригинальные русские стихи.[2] «Верлен становится русским поэтом», — резюмировал свои впечатления М. Волошин.[3] Великолепный сологубовский перевод стихотворения «Le ciel est pardessus le toit...» — «Синева небес над кровлей...» — Блок воспринял как одно «из первых острых откровений новой поэзии». «Слова его со мной», — писал он Сологубу.[4]

В 20-х годах Сологуб вновь обратился к Верлену, подверг существенной переработке старые переводы и сделал ряд новых. Эта работа отразила эволюцию переводческих принципов Сологуба: в его переводах обнаруживается характерное для переводческой теории и практики тех лет стремление к буквализму. В ряде случаев Сологуб перерабатывает переводы, приближая их к подлиннику, и нередко ухудшает. Новый перевод, вербально точный, буквально передающий ритмический рисунок подлинника, уступает первым редакциям в поэтической верности.

В послереволюционное десятилетие Сологуб перевел поэму Ф. Мистраля «Мирейя», написанную на материале фольклорных сказаний, много переводил В. Гюго, продолжал переводить А. Рембо, к переводу поэзии которого он обратился еще в 10-е годы, переводит немецких поэтов-экспрессионистов. В последние годы жизни он предпринял большую работу по переводу поэм и стихотворений Т. Шевченко, а также переводил стихи другого украинского поэта — П. Тычины.

Сологуба теперь интересуют поэты не только близкие ему, его увлекает «преодоление трудностей», он обращается к стилистически и ритмически сложным поэтическим явлениям. Во многих случаях сознательный и последовательный буквализм приводил его к неудачам: переводы оказывались несостоятельными как поэтические произведения и, таким образом, искажали подлинник. Все же ряд поэти-

---

[1] Ю. Верховский, Рецензия на кн.: П. Верлен, Стихи избранные и переведенные Ф. Сологубом. — «Речь», 1908, 29 февраля.

[2] См.: В. Брюсов, Вступительная статья к кн.: Поль Верлен, Собр. стихов в переводе В. Брюсова, М., 1911.

[3] М. Волошин, Лики творчества. — «Русь», 1907, 22 декабря.

[4] А. Блок, Собр. соч. в восьми томах, т. 8, с. 219.

ческих переводов Сологуба тех лет сыграл большую роль в освоении русской литературой иноязычной поэзии; так, некоторые стихи Шевченко и П. Тычины до сих пор публикуются в его переводах.

Интенсивное поэтическое творчество в пореволюционные годы для Сологуба — средство отгородиться, изолироваться от современности, которой не понимает. Он замыкается в «тесные пределы» вневременных узколичных тем или создает стилизации, имитируя французские пасторали XVIII века. В то же время Сологуб напряженно ощущает необходимость уйти от созданной им самим поэтической «личины»: «...чем больше живешь, тем больше хочешь отойти от себя, быть непохожим на прежнего себя, и я был бы рад, если бы мне удалось написать нечто хорошее, но такое, под чем можно поставить новое, еще неведомое имя» (письмо А. Волынскому 12 июня 1918 г. — ЦГАЛИ).

В 20-е годы поэзия Сологуба претерпевает некоторую эволюцию. Принятие «здешней милой жизни» в ее чувственной красоте, любовь и привязанность к ней — поэтическая линия, возникшая в 10-х годах, усиливается и крепнет. «Стихи о милой жизни» — называется его рукописный сборник 1922 года. Жизнь теперь предстает как «творческое дело» («Чем дальше, тем чудесней...»), как стремительное движение, «стремительный пожар». «Правит нашей жизнью светлый Аполлон» — бог творчества, поэзии, света, солнца («Ветер наш разгульный...»), поэт уверен, что «мечтанья не обманут, все сбудется в веках» («Чем дальше, тем чудесней...»).

В стихах Сологуба отразился и его интерес к точным наукам,[1] в частности — знакомство с теорией относительности Эйнштейна, пользовавшейся большой популярностью у гуманитарной интеллигенции в 20-х годах. Ограниченность человека трехмерным пространством предстает уже не как «роковой плен», а как ограниченность познания и восприятия человека.

Новые ноты не меняют, однако, трагического звучания поздней лирики Сологуба в целом. Универсальный пессимизм «Пламенного

---

[1] Э. Голлербах вспоминал, что в 1923 году Сологуб много говорил о теории колебаний; рассказывая ему о творческом процессе, он использовал категории этой теории. «Бывает, — говорил он, — что мы слышим слова, но не звуки слов, а что-то очень к ним близкое, то есть до нас доходят такие впечатления инобытия, которые по своему характеру, по ритму — по числу колебаний ближе всего к звукам слов, речи, но часто это что-то менее материальное, чем слово», «поэт нередко прибегает к понятию цвета лишь потому, что испытываемые им волны ощущений более всего приближаются по количеству колебаний к данному цвету» (ГБЛ).

круга» вытесняется трагизмом единичной человеческой судьбы: *его* жизнь не удалась.

Ты посетил меня, и горем
Всю душу мне ты сжег дотла, —
С тобой мы больше не заспорим,
Всё решено, вся жизнь прошла —

(«Как я с тобой ни спорил, боже. . .»)

так заканчивает Сологуб свой многолетний диалог с богом.

Я сам закон игры уставил
И проиграл. . . —

констатирует он.

Стихи, полные любви, отчаяния и тоски, посвящены гибели Чеботаревской, большая их часть объединена в рукописном сборнике «Анастасия». Эта гибель порождает «великую обиду», «отчаяния лед», сковывающие позднюю лирику Сологуба. Трагическая концепция жизни Сологуба, которая стоит за его поздней лирикой, не сюжет поэтического мифа, а непосредственное выражение обнаженного страдания. О чем бы ни писал Сологуб, в его стихи всегда врывается трагическая тема.

В последнее десятилетие своей жизни поэт как бы подводит итоги: он выделяет то, что считал единственно подлинными ценностями жизни. Для него это природа, любовь и — высшая ценность — творчество.

И еще вожделенней лобзанья,
Ароматней жасминных кустов
Благодатная сила мечтанья
И певучая сладость стихов.

(«Измотал я безумное тело. . .»)

Поэтическое творчество — ведущая тема Сологуба 20-х годов. «Только творчество во всех его проявлениях делает пребывание человека на земле жизнью. Искусство — это и есть высшая форма жизни», — формулировал свое credo Сологуб в «Дневниках писателей». Теперь поэтическое творчество отождествляется у него с трудом:

Но есть одно, чему всегда я рад
И с чем всегда бываю светло-молод, —
Мой труд.

(«Я испытал превратности судеб. . .»)

В этом стихотворении «переносы» выделяют две строки: «Мой труд», «Но я — поэт». «Поэтический труд» — самое высокое человеческое занятие на земле. Этот труд — высшая «земная награда» и радость.

Поэтическое творчество для Сологуба такой же труд, как и любой другой.[1] «Трудом я добывал свой хлеб», — говорил он в стихах, а в мае 1921 года писал В. И. Ленину в связи с просьбой о разрешении на выезд за границу: «И по происхождению и по работе я — член трудового народа... Я 25 лет был учителем городских училищ, написал 20 томов художественных произведений и имею не меньшее количество вещей, не вошедших в собрание сочинений...»[2]

В то же время поэтический труд окружен у Сологуба ореолом чистоты и святости:

Я подхожу к моей работе,
Как иерей подходит к алтарю...

(«Я отдал дань земной заботе...»)

Творчество наделяется сверхъестественной силой: оно преодолевает страдание и даже смерть («Не иссякли творческие силы...»), а сам поэт — носитель творческого дара — возвышается над людьми, к нему не приложимы общие этические нормы («Я испытал превратности судеб...»). В поздних стихах Сологуба появляется классический образ поэта-пророка, но пророка, изнемогающего под бременем своей миссии. Наряду с ним возникает другой образ поэта, тоже по-своему трагичный: поэт-художник владеет «высшей силой, высшей властью облечен», эта сила и власть заключены в слове, в жертву своему призванию он должен принести все связывающее его с жизнью, отказаться от всего, что «живым сердцам отрада» («Нет словам переговора...»). Стихотворение «Канон бесстрастия» — гимн Слову, стоящему над «бесследно тающим сном» эмпирической действительности. И творчество в понимании Сологуба не объединяет поэта с людьми, а отделяет от них, создает некую замкнутую высшую сферу:

---

[1] «Талант и сопутствующее ему необщее выражение личности для искусства не более как билеты на вход... Талант дает человеку право на бесконечно трудную работу...» Победы в искусстве достигаются «непомерным трудом и великой мукой», — писал Сологуб в статье «Правда искусства» («Театр и искусство», 1915, № 16, с. 273—274).

[2] Цит. по предисловию О. Цехновицера к кн.: Ф. Сологуб, Мелкий бес, М.—Л., 1933, с. 5.

И муки и услады слова —
В них вся безмерность бытия.
Не надо счастия иного.
Вот круг, и в нем вся жизнь твоя.

То, что Сологуб считал ценностями жизни, его понимание этих ценностей в итоге уводило его от жизни и от людей. Их утверждение было формой ухода от современной действительности, и этот уход мстил за себя и в жизни и в искусстве. Беспредельная преданность искусству оборачивалась самодовлеющим эстетизмом, «любовь к сплетенью верных слов» — самоцельной игрой словами, сосредоточенность на определенном круге вопросов, интенсивность мысли — ограниченностью.

Высокие образы поэта оказываются «личиной», и Сологуб же срывает ее; пророк превращается в шута, бряцающего бубенцами, за гордым бесстрастием открывается просто страдающий человек, который, «противоборствуя земному гнету», создал «легенду» о «самовластительстве поэта» («Е. Данько»).

Несмотря на ряд художественно совершенных стихотворений, в целом поэзия Сологуба этих лет обнаруживает признаки исторической исчерпанности. И тематически, и стилистически она как бы изъята из своего времени, и живые пути в литературе проходят мимо нее.

5 декабря 1927 года после продолжительной болезни Сологуб скончался. Умирал он тяжело. «Хоть бы еще походить по этой земле», «еще хоть немного, хоть два дня побыть среди своих вещей», — говорил он. Его похоронили на Смоленском кладбище неподалеку от могилы Блока.

* * *

Почти полвека минуло после смерти Сологуба. Ушла в прошлое действительность, изломавшая и загнавшая в тупик декадентства талантливого поэта, выходца из социальных низов. Но и сегодня в его поэзии ощущается живая боль, волнует искренний, но бессильный протест, мучительное обличение бесчеловечности и уродства строя жизни, основанного на угнетении и порабощении людей. Современный читатель увидит в стихотворениях Сологуба не только большое явление поэтической культуры XX века, но и драматическую исповедь человека, «ослепшего в ночи» обреченного и изжившего себя мира, — важный поэтический документ эпохи.

М. И. Дикман

СТИХОТВОРЕНИЯ

1

В мечтанья погруженный,
По улице я шел.
Я был король влюбленный,
Пред мной стоял посол.

От милой королевы
Кольцо принес он в дар.
Привет любимой девы
Зажег во мне пожар.

И вот в мою столицу
Спешит уже она,
В парчу и в багряницу
Светло облечена.

От счастья мои щеки
Пылают горячо,
И вдруг удар жестокий
Я получил в плечо.

И голос грубый, строгий
Над ухом прогремел:
«Мальчишка босоногий!
Толкаться как ты смел!»

Как из лазури ясной
Я на землю упал,
И франт, от злости красный,
Мне уши натрепал.

С поникшей головою
Плетуся я вперед,
Мальчишки надо мною
Смеются из ворот.

30 мая 1879

2. ГАЙДАМАКИ

По лугам зеленым
В гору от реки
На конях поспешно
Едут казаки.

К дому подъезжают
И в окно стучат,
Отворить скорее
И впустить велят.

Молодая панна
Вышла дверь открыть
И, коня узнавши,
Стала их корить:

«Воры вы! От пана
Отняли коня
И убили зверски
Мужа у меня».

«Нет, не воры, панна,
Здесь перед тобой, —
Идут гайдамаки
На великий бой.

Мы за хлопов ваших,
Наших братий, мстим,
Кровью польской Польшу
Всю мы обагрим.

Мы коня купили,
Мужа твоего
Спать мы уложили
За коня его.

Не поет он песен,
Как когда-то пел,
Да и панне долго
Петь он не велел».

И к осине в поле
Панну повели,
Привязали крепко,
Ствол же подожгли.

Мечется Анеля,
Плачет и кричит,
Тлеет ее платье,
Вспыхнуло — горит.

И горит Анеля,
И клубится смрад.
А казаки дальше
К западу спешат.

15 февраля 1880

3. РИФМА

Сладкозвучная богиня,
   Рифма золотая,
Слух чарует, стих созвучьем
   Звонким замыкая.
И капризна, и лукава,
   Вечно убегает.
Гений сам порой не сразу
   Резвую поймает.

Чтоб всегда иметь шалунью
   Рифму под рукою,
Изучай прилежно слово
   Трезвой головою.
Сам трудись ты, но на рифму
   Не надень оковы:
Муза любит стих свободный,
   И живой, и новый.

29 июня 1880

4

Спишь ты, матушка, в могиле,
Из нее не встанешь
И на дочь твою любовно
Никогда не взглянешь.

Без привета жить на свете
Тяжело, моя родная,
Тяжко мыкать злую долю,
Отдыха не зная.

Нет тебя, и друга нету.
Стал мне свет тюрьмою.
Сердце бьется, словно птичка,
Нет ему покою.

У чужих людей батрачку
Кто приветит, приголубит,
И какой же парень добрый
Сироту полюбит?

Научи ж, моя родная,
Дочку-сиротину,
Как избыть мне горе злое,
Лютую кручину.

Иль уж мне с ней до могилы,
До могилы не расстаться,
И с приветливою долей
Никогда не знаться?

27 июня 1881

5. АРИАДНА

Где ты, моя Ариадна?
Где твой волшебный клубок?
Я в Лабиринте блуждаю,
Я без тебя изнемог.

Светоч мой гаснет, слабея,
Полон тревоги стою
И призываю на помощь
Мудрость и силу твою.

Много дорог здесь, но света
Нет, и не видно пути.
Страшно и трудно в пустыне
Мраку навстречу идти.

Жертв преждевременных тени
Передо мною стоят.
Страшно зияют их раны,
Мрачно их очи горят.

Голос чудовища слышен
И заглушает их стон.
Мрака, безумного мрака
Требует радостно он.

Где ж ты, моя Ариадна?
Где путеводная нить?
Только она мне поможет
Дверь Лабиринта открыть.

7 ноября 1883

6. ПРОСЕЛОК

Вьется предо мною
Узенький проселок.
Я бреду с клюкою,
Тяжек путь и долог.

Весь в пыли дорожной,
Я бреду сторонкой,
Слушая тревожно
Колокольчик звонкий.

Не глушимый далью,
Гул его несется,
Жгучею печалью
В сердце отдается.

Воздух полон гула,
И дрожит дорога, —
Ах, хоть бы уснула
Ты, моя тревога!

9 декабря 1883

7

Пошел мне год уже двадцать второй,
И в Кре́стцах я учителем год третий,
А на уроках я еще босой
Сижу в училище, одет как дети.

Просила мать, директор разрешил,
И каждый год вновь пишет разрешенье,
По бедности, и чтобы я служил
Примером скромности и береженья.

Простым я подпоясан ремешком,
В рубашке ситцевой, зимой суконной.
По улицам я в школу босиком
Хожу, храня порядок заведенный.

18 сентября 1884

8

Я из училища пришел,
И всю домашнюю работу
Я сделал: сам я вымыл пол,
Как делаю всегда в субботу.

Я мыл, раздевшись догола,
А мать внимательно следила,
Чтоб пол был вымыт добела.
Порой ворчала и бранила.

В одной рубашке стол наш я
Накрыл. «Живей! Не будь же копой!
Ну, а салфетка где твоя?
Да ты ногами-то не шлепай!

Варила я, а ты носи!
Неси-ка щи, да осторожно, —
А то ведь, боже упаси!
И обвариться щами можно».

Сходил ко всенощной; потом
Возился в кухне с самоваром.
Весь раскрасневшись, босиком,
Я внес его, кипящий паром.

Чай выпит. «Ну, пора и спать».
И всё благополучно было:
Сегодня не сердилась мать
И ласково благословила.

Сказала: «Раньше поднимись
Тетрадки править пред обедней,
Теперь же поскорей ложись,
И не читай ты светских бредней».

Между 1882 и 1885

9

Пятью восемь сорок!
Лес пиши чрез ять!
Филин ночью зорок!
При́пять, не Припять!

Повторяю это
Вот уж третий год.
Вот уж третье лето
Скоро подойдет.

Хоть и надоело,
Да не спросят нас.
Уж такое дело, —
Живо шлепай в класс!

13 марта 1885

10

Что моя судьбина,
Счастье иль беда?
Движется машина
Общего труда.

Винтик очень малый —
Я в машине той.
К вечеру усталый,
Я сижу босой.

Скучные тетрадки
Надо поправлять,
На судьбу оглядки
Надо забывать.

15 октября 1885

11

Настала светлая минута, —
Совсем не император я,
Вообразил я почему-то,
Что вся Америка — моя.

Я был встревожен и взволнован,
Я Новый Свет завоевал
И, дивной силой очарован,
Мою столицу основал.

Передо мной лежала карта,
Я из Аляски шел в Чили.
Воскреснул гений Бонапарта
В походах средь иной земли.

А если б я открыл для света
Мои надменные мечты,
То мне б ответили на это:
«Вот дурень! Сумасшедший ты!»

Погружусь я сердцем
и юношами и детьми
ним в сердце запада,
чего носит смысл
этот, детски невин-
ный

Но это поприще поэта.
Не так ли поступал Шекспир,
Когда, сознав в себе Гамлета,
Его пустил в широкий мир?

Он был Ромео и Отелло,
И Лир он был, и был Шейлок.
Всё это — творческое дело,
А не в безумие прыжок.

Того безумцем не зовите,
Кто в мир мечтательный влеком,
Его веревкой не вяжите,
Не прячьте в сумасшедший дом.

Но знаю, люди не поверят
В красу мечтательных долин,
И все мечтания измерят
Они на малый свой аршин.

Молчу... Очнулся от мечтаний.
Я за столом сижу босой.
И груз безграмотных писаний
Лежит в тетрадках предо мной.

Уж поздно. Лампа начинает
Коптить. «Ну, прозевал опять, —
Мне мама говорит. — Мечтает.
Уж лучше бы ложился спать».

И высмеян опять мечтатель,
И затаилася мечта,
Но в ней я всё ж завоеватель,
Хоть жизнь моя совсем не та.

3 декабря 1885

12

Трепещет робкая осина,
Хотя и легок ветерок.
Какая страшная причина
Тревожит каждый здесь листок?

Предание простого люда
Так объясняет страх ветвей:
На ней повесился Иуда,
Христопродавец и злодей.

А вот служители науки
Иной подносят нам урок:
Здесь ни при чем Христовы муки,
А просто длинный черешок.

Ученые, конечно, правы,
Я верю умным их словам,
Но и преданья не лукавы,
Напоминанья нужны нам.

15 августа 1886

13

Различными стремленьями
    Растерзана душа,
И жизнь с ее томленьями
    Темна и хороша.

Измученный порывами,
    Я словно вижу сон,
Надеждами пугливыми
    Взволнован и смущен.

Отравленный тревогою,
    Я всё кого-то жду.
Какою же дорогою,
    Куда же я пойду?

19 сентября 1886

14

Где ты делась, несказанная
Тайна жизни, красота?
Где твоя благоуханная,
Чистым светом осиянная,
Радость взоров, нагота?

Хоть бы в дымке сновидения
Ты порой явилась мне,
Хоть бы поступью видения
В краткий час уединения
Проскользнула в тишине!

5 января 1887

15

Больные дни мои унылы.
Меня смущает вещий сон,
А звуки внешние постылы,
Как чей-то неумолчный стон.

Бегу от тяжких впечатлений,
От неотвязного труда,
Ищу порочных наслаждений,
И упоения стыда,

И низшей степени паденья...
Уже богиня прежних дум
Не пробуждает зовом мщенья
Мой тяжко угнетенный ум.

Простите ж, светлые надежды!
Сомкнитесь, плачущие вежды!
И, смертью страсти заглуша,
Усни, усталая душа!

24 февраля 1887

16

Припикни, пыль дорожная,
К моим босым ногам.
Душа моя тревожная,
Послушай птичий гам.

Под лепеты струящейся
В лесном ручье воды
Забудь роптанья злящейся
Томительной Нужды.

Замыканный тетрадками
И тупостью детей
И глупыми загадками
Неумолимых дней,

Хоть на минуты малые
Пойми, что есть цветы,
Просторы, зори алые
И радость красоты.

2 июня 1887

17

В весенний день мальчишка злой
Пронзил ножом кору березы, —
И капли сока, точно слезы,
Текли прозрачною струей.

Но созидающая сила
Еще изникнуть не спешила
Из зеленеющих ветвей, —
Они, как прежде, колыхались
И так же нежно улыбались
Привету солнечных лучей.

21 июня 1887

18

Верь, — упадет кровожадный кумир,
Станет свободен и счастлив наш мир.
Крепкие тюрьмы рассыплются в прах,
Скроется в них притаившийся страх,
Кончится долгий и дикий позор,
И племена прекратят свой раздор.
Мы уже будем в могиле давно,
Но не тужи, милый друг, — всё равно,
Чем разъедающий стыд нам терпеть,
Лучше за нашу мечту умереть!

25 июля 1887

19

Я люблю весной фиалки
Под смеющейся росой,
В глубине зеленой балки
Я люблю идти босой,

Забывая пыль дороги
И лукавые слова,
Высоко открывши ноги,
Чтоб ласкала их трава.

Опустившись по ложбинкам,
Через речку вброд брести,
Выбираться по тропинкам
На далекие пути,

Где негаданны и новы,
Как заветная земля,
И безмолвные дубровы,
И дремотные поля.

26 мая 1888

20

Каждый день люблю подняться
Я на вал и, стоя там,
Городским подивоваться
Улицам, церквам, садам.
Как за белою вуалью,
Очертанья смягчены,
И закутанные далью
Шум и крики не слышны.
Вольный ветер веет, реет,
Как внизу не веет он,
И, кусты качая, деет
Легкий хрупкий перезвон.

15 июля 1888

21

Что напишу? Что изреку
Стихом растрепанным и вялым?
Какую правду облеку
Его звенящим покрывалом?

Писать о том, как серый день
Томительно и скучно длился,
Как наконец в ночную тень
Он незаметно провалился?

Писать о том, что у меня
В душе нет прежнего огня,
А преждевременная вялость
И равнодушная усталость?

О том, что свой мундирный фрак
Я наконец возненавидел,
Или о том, что злой дурак
Меня сегодня вновь обидел?

— Но нет, мой друг, не городи
О пустяках таких ни строчки:
Ведь это только всё цветочки,
Дождешься ягод впереди.

Так говорит мне знанье света.
Увы! его я приобрел
Еще в младые очень лета,
Вот оттого-то я и зол.

8 ноября 1888

22

Тогда насмешливый мой гений
Подсказывал немало мне
Непоэтических сравнений.
Я в поле вышел при луне, —

На мякоть зрелого арбуза
Похожа красная луна,
А иногда и жабы пузо
Напоминала мне она.

26 марта 1889

23

Под черемухой цветущей
Я лежал в июньский зной
И вероники ползущей
Цвет увидел голубой.

Стало весело. На небе ль,
На земле ли я, не знал.
Я сорвал ползучий стебель
И листки поцеловал,

И, покрыты волосками,
Были нежны те листки,
Словно я прильнул губами
К локтю девичьей руки.

6 апреля 1889

24

Я рано вышел на дорогу
И уж к полудню утомлен,
Разочарован понемногу
И чадом жизни опьянен.

В душе мечта — свернуть с дороги,
Где камни острые лежат,
Так утомившие мне ноги, —
Но я и отдыху не рад.

Короткий отдых к лени манит
И утомленный ум туманит,

А неотвязная нужда
Идет со мной везде, всегда.

Нужда — наставник слишком строгий,
И страшен взор ее, как плеть,
И я тащусь своей дорогой,
Чтобы на камнях умереть.

Когда богач самолюбивый
Промчится на коне верхом,
Я молча, в зависти стыдливой
Посторонюсь перед конем.

И сзади в рубище смиренном
Тащусь я, бледный и босой,
И на лице его надменном
Насмешку вижу над собой.

12 мая 1889

25

Порос травой мой узкий двор.
В траве лежат каменья, бревна.
Зияет щелями забор,
Из досок слаженный неровно.
Из растворенного окна,
Когда сижу один, лениво,
Под тем забором мне видна
Полынь да жгучая крапива.
И ветер, набежав порой,
Крапиву треплет и качает,
Играет ею, вот как мной
Судьба капризная играет.
И я, как та крапива, жгусь,
Когда меня случайно тронут.
И я, как та крапива, гнусь,
Когда порывы ветра стонут.

9—13 мая 1889

26

С врагом сойдясь для боя злого,
Свой меч я тяжко опустил.
Казалось мне, врага ночного
Я пополам перерубил.

Но вдоль согнувшегося тела
Безвредно сталь моя прошла
И, раздробившись, зазвенела,
Как отлитая из стекла.

Тогда последнего удара
Я равнодушно ожидал,
Но мой противник, злая мара,
Вдруг побледнел и задрожал.

Холодным тягостным туманом
Обоих нас он окружил,
И, трепеща скользящим станом,
Он, как змея, меня обвил.

Глаза туманит, грудь мне давит,
По капле кровь мою сосет.
Мне душно! Кто меня избавит?
Кто этот призрак рассечет?

10 июня 1889

27

Словно лепится сурепица
На обрушенный забор, —
Жизни сонная безлепица
Отуманила мой взор.

Словно мальчик, быстро пчелами
Весь облепленный, кричит, —
Стонет сердце под уколами
Злых и мелочных обид.

8—9 августа 1889

28

Что в жизни мне всего милей?
Не это ль светлое мечтанье
Под тихозвучное журчанье
Твое, пленительный ручей?

И как мне радостны пески,
Кусты, и мирная равнина,
И нежная от влаги глина,
И разноцветные жучки.

18 августа 1889

29

Влачу бесцветное житье
Так равнодушно, так лениво.
Мировоззрение мое
Зато упро́стилось на диво:
Пока живется, надо жить,
Как надо спать, доколе спится,
А надоест тоску сносить —
Так можно удавиться.

7 сентября 1889

30

Ты слышишь гром? Склонись, не смейся
Над неожиданной грозой
И легковерно не надейся,
Что буря мчится стороной.

Уж демон вихрей реет грозно,
Свинцовой тучей облачен,
И облака, что плыли розно,
К себе зовет зарницей он.

Он налетит, гремя громами,
Он башни гордые снесет,
Молниеносными очами
Твою лачугу он сожжет.

28 июня 1885, 25 сентября 1889

31

После жизни недужной и тщетной,
После странных и лживых томлений
Мы забудемся сном без видений,
Мы потонем во тьме безответной.

И пускай на земле, на печальном просторе
Льются слезы людские, бушует ненастье:
Не найдет нас ни бледное, цепкое горе,
Ни шумливо-несносное счастье.

9 декабря 1889

32

Что жалеть о разбитом бокале!
Пролитое вино пожалей.
Не об юности пылкой твоей,
О забытом тоскуй идеале.

Пусть трудами измучена грудь
И неправдами сердце разбито, —
Лишь была бы любовь не забыта,
В дикой мгле указавшая путь.

Та любовь, что предстала так рано
Пред тобой, оробелым от зла,
И завесу немого тумана
Над твоею душой подняла,

И, как солнечный луч, озарила
Бездну зла и неправды людской,
И не раз на решительный бой
За собою тебя выводила.

Но любовь позабыта; разлит
Драгоценный нектар идеала;
Если сердце порой и горит,
Так душа отзываться устала.

13 декабря 1889

33

Родился сын у бедняка.
В избу вошла старуха злая.
Тряслась костлявая рука,
Седые космы разбирая.

За повитухиной спиной
Старуха к мальчику тянулась
И вдруг уродливой рукой
Слегка щеки его коснулась.

Шепча невнятные слова,
Она ушла, стуча клюкою.
Никто не понял колдовства.
Прошли года своей чредою, —

Сбылось веленье тайных слов:
На свете встретил он печали,
А счастье, радость и любовь
От знака темного бежали.

15 декабря 1889

34. СЧАСТЬЕ

Счастье, словно тучка в небе голубом.
Пролилась на землю радостным дождем
Над страной далекой, пышной и красивой,
Не над нашей бедной, выжженною нивой.

Счастье, словно зрелый, сочный виноград.
Вкус его приятен, сладок аромат.
Ягоды ногами дружно мы топтали,
Вин же ароматных мы и в рот не брали.

Счастье, словно поле вешнею порой,
С пестрыми цветами, с сочною травой,
Где смеются дети, где щебечут птицы...
Мы на них дивимся из окна темницы.

18 декабря 1889

35

Как много снегу намело!
Домов не видно за буграми.
Зато от снега здесь светло,
А осенью темно, как в яме.

Тоска и слякоть, хоть завыть, —
Недаром Вытегрой зовется, —
Иль в карты дуться, водку пить,
Коль грош в кармане заведется.

На набережной от всего
Треской несвежей душно пахнет.
Весной и летом — ничего,
Хоть вся природа словно чахнет.

Но всё ж земля, трава, река...
Я — питерец, люблю мой Север.
Дорога всякая легка,
Милы мне василек и клевер.

12 декабря 1889

36

По жестоким путям бытия
Я бреду, бесприютен и сир,
Но зато вся природа — моя,
Для меня наряжается мир.

Для меня в тайне вешних ночей,
Заливаясь, поют соловьи.
Как невольник, целует ручей
Запыленные ноги мои.

И светило надменное дня,
Золотые лучи до земли
Предо мною покорно склоня,
Рассыпает их в серой пыли.

17 мая 1890

37

Странный сон мне снился: я кремнистой кручей
Медленно влачился. Длился яркий зной.
Мне привет веселый тихий цвет пахучий
Кинул из пещеры темной и сырой.

И цветочный стебель начал колыхаться,
Тихо наливаться в жилки стала кровь, —
Из цветочной чаши стала подыматься
С грустными очами девушка — любовь.

На губах прекрасной стали ясны речи, —
Я услышал звуки, легкие, как сон,
Тихие, как шепот потаенной встречи,
Как далекой тройки серебристый звон.

«На плечах усталых вечное страданье, —
Говорила дева, — тяжело носить.
Зреет в темном сердце горькое желанье
Сбросить бремя жизни, душу погасить.

Страстною мечтою рвешься в жизнь иную,
Хочешь ты проникнуть в даль иных времен.
Я твои мечтанья сладко зачарую,
Ты уснешь, и долог будет чудный сон.

И, когда в народах правда воцарится
И с бессильным звоном рухнет злой кумир,
В этот миг прекрасный сон твой прекратится,
Ты увидишь ясный, обновленный мир».

Девушка замолкла, легкой тенью скрылась,
И внезапно тихо стало всё вокруг.
Голова безвольно на землю склонилась,
И не мог я двинуть онемелых рук.

Омрачался ль дух мой сладостным забвеньем
И слетали грезы лишь по временам,
Неустанно ль сердце трепетным биеньем
Жизнь мою будило — я не знаю сам.

Бурно закипали прежние страданья,
Вновь меня томила жадная тоска.
Но, пока пылал я муками желанья,
Над землей промчались многие века.

«Донеси от жизни только звук случайный,
Ветер перелетный, гость везде родной!
Только раз весною, с радостью и тайной,
Донеси случайно запах луговой!»

Так молило сердце и в тревоге жадной
В грудь мою стучало, но холодных губ
Разомкнуть не мог я для мольбы отрадной
И лежал в пещере, как тяжелый труп.

Снилось мне: столетья мчатся над землею,
Правда всё страдает, Зло еще царит,
Я один во мраке, мертвой тишиною
Скован, тишиною мертвою обвит.

23 мая — 28 июня 1890

38. УТРО

Мутное утро грозит мне в окно,
    В сердце — тревога и лень.
Знаю, — мне грустно провесть суждено
    Этот неласковый день.

Знаю, — с груди захирелой моей
    Коршун тоски не слетит.
Что ж от его беспощадных когтей
    Сердце мое защитит?

Сердце, сбери свои силы, борись!
    Сердце мне шепчет в ответ:
«Силы на мелочь давно разошлись,
    Сил во мне больше и нет!»

10 сентября 1890

Навек налажен в рамках тесных
Строй жизни пасмурной, немой.
Недостижимей звезд небесных
Свободной жизни блеск и зной.

Одной мечтою в час досуга
Я обтекаю вольный свет,
Где мне ни подвига, ни друга,
Ни наслаждений бодрых нет.

Томясь в завистливой печали,
Слежу задумчиво тогда,
Как выплывают из-за дали
Деревни, степи, города,

Мелькают лица, платья веют,
Смеются дети, солнце жжет,
Шумят стада, поля пестреют,
Несутся кони, пыль встает...

Ручья лесного нежный ропот
Сменяет рынка смутный гул.
Признания стыдливый шепот
В базарных криках потонул.

25 сентября 1890

40. НЕГОДОВАНИЕ

Душою чистой и незлобной
Тебя Создатель наделил,
Душой, мерцанью звезд подобной
Иль дыму жертвенных кадил.

Хотя дыханьем чуждой злобы
Не раз мрачился твой удел, —
Нет человека, на кого бы
Ты темной злобою кипел.

Но каждый день огнем страданья
Тебя венчали ложь и зло, —
В твоей душе негодованье,
Как семя в почве, проросло.

4 апреля 1891

41

Тепло мне потому, что мой уютный дом
Устроил ты своим терпеньем и трудом.
Дрожа от стужи, вез ты мне из леса хворост,
Ты зерна для меня бросал вдоль тощих борозд,
А сам ты бедствовал, покорствуя судьбе.
Тепло мне потому, что холодно тебе.

25 мая 1891

42

Безочарованность и скуку
Давно взрастив в моей душе,
Мне жизнь приносит злую муку
В своем заржавленном ковше.

7 июня 1891

43

Уйдешь порой из солнечной истомы
В лесной приют,
Но налетают жалящие гномы
И крови ждут.

Лесной тиран, несносная докука,
Комар-палач!
Твой тонкий писк томителен, как скука,
Как детский плач.

3 июля 1891

44

Стоит пора голодная,
Край в лапах нищеты.
Отчизна несвободная,
Бездомная, безродная,
Когда ж проснешься ты?

Когда своих мучителей
Ты далеко сметешь,
И с ними злых учителей,
Тебе твердящих ложь?

13 ноября 1891

45

Небо желто-красное зимнего заката,
Колокола гулкого заунывный звон...
Мысли, проходящие смутно, без возврата,
Сердца наболевшего неумолчный стон...

Снегом занесенные улицы пустые,
Плачу колокольному внемлющая тишь...
Из окошка вижу я кудри дымовые,
Вереницы тесные деревянных крыш.

Воздух жгучим холодом чародейно скован.
Что-то есть зловещее в этой тишине.
Грустью ожидания разум очарован.
Образы минувшего снова снятся мне.

20 марта 1892

46. ВОСЬМИДЕСЯТНИКИ

Среди шатания в умах и общей смуты,
Чтобы внимание подростков поотвлечь
И наложить на пагубные мысли путы,
Понадобилась нам классическая речь.

Грамматики народов мертвых изучая,
Недаром тратили вечерние часы
И детство резвое, и юность удалая
В прилежном изученьи стройной их красы.

Хирели груди их, согнутые над книгой,
Слабели зоркие, пытливые глаза,
Слабели мускулы, как будто под веригой,
И гнулся хрупкий стан, как тонкая лоза.

И вышли скромные, смиренные людишки.
Конечно, уж они не будут бунтовать:
Им только бы читать печатные коврижки
Да вкусный пирожок казенный смаковать.

3 августа 1892

47

Стоит он, жаждой истомленный,
Изголодавшийся, больной,
Под виноградною лозой,
В ручей по пояс погруженный,
И простирает руки он
К созревшим гроздьям виноградным, —
Но богом мстящим, беспощадным
Навек начертан их закон:
Бегут они от рук Тантала,
И выпрямляется лоза,
И свет небес, как блеск металла,
Томит молящие глаза.

И вот Тантал нагнуться хочет
К холодной, радостной струе, —
Она поет, звенит, хохочет
В недостигаемом ручье.
И чем он ниже к ней нагнется,
Тем глубже падает она,
И пред устами остается
Песок обсохнувшего дна.

В песок сыпучий и хрустящий
Лицом горячим он поник,
И, безответный и хрипящий,
Потряс пустыню дикий крик.

12 августа 1892

48

Вот у витрины показной
Стоит, любуясь, мальчик бедный.
Какой он худенький и бледный,
И некрасивый, и больной!

Блестят завистливо и жадно
Его широкие глаза.
Порой сверкнет на них слеза,
И он вздыхает безотрадно.

Вот нагляделся он, идет.
Вокруг него шумит столица.
Мечтаний странных вереница
В душе встревоженной растет.

2 октября 1892

49

Я также сын больного века,
Душою слаб и телом хил,
Но странно — веру в человека
Я простодушно сохранил.

В борьбе упорно-беспощадной
Сгорели юные мечты,
Потоптаны толпой злорадной
Надежд весенние цветы,

И длится ночь, черна, как прежде,
Всю землю мглою полоня, —
А всё же радостной надежде
Есть место в сердце у меня!

6 октября 1892

50

Я ждал, что вспыхнет впереди
Заря, и жизнь свой лик покажет
И нежно скажет:
«Иди!»

Без жизни отжил я, — и жду,
Что смерть свой бледный лик покажет
И грозно скажет:
«Иду!»

12 октября 1892

51. ИРИНА

Помнишь ты, Ирина, осень
В дальнем, бедном городке?
Было пасмурно, как будто
Небо хмурилось в тоске.

Дождик мелкий и упорный
Словно сетью заволок
Весь в грязи, в глубоких лужах
Потонувший городок,

И тяжелым коромыслом
Надавив себе плечо,
Ты с реки тащила воду,
Щеки рдели горячо...

Был наш дом угрюм и тесен,
Крыша старая текла,
Пол качался под ногами,
Из разбитого стекла

Веял холод; гнулось набок
Полусгнившее крыльцо...
Хоть бы раз слова упрека
Ты мне бросила в лицо!

Хоть бы раз в слезах обильных
Излила невольно ты

Накопившуюся горечь
Беспощадной нищеты!

Я бы вытерпел упреки
И смолчал бы пред тобой,
Я, безумец горделивый,
Не поладивший с судьбой,

Так настойчиво хранивший
Обманувшие мечты
И тебя с собой увлекший
Для страданий нищеты.

Опускался вечер темный
Нас измучившего дня, —
Ты мне кротко улыбалась,
Утешала ты меня.

Говорила ты: «Что бедность!
Лишь была б душа сильна,
Лишь была бы жаждой счастья
Воля жить сохранена».

И опять, силен тобою,
Смело я глядел вперед,
В тьму зловещих испытаний,
Угрожающих невзгод.

И теперь над нами ясно
Вечереют небеса.
Это ты, моя Ирина,
Сотворила чудеса.

1—22 октября 1892

52

Ах, раздвиньтесь, стены душные,
Степь нарядная, прихлынь
И мечты свои воздушные
На меня, как рати, двинь.

22 октября 1892

53

Туман не редеет,
Молочною мглою закутана даль,
И на сердце веет
Печаль.

С заботой обычной,
Суровой нуждою влекомый к труду,
Дорогой привычной
Иду.

Бледна и сурова,
Столица гудит под туманною мглой,
Как моря седого
Прибой.

Из тьмы вырастая,
Мелькает и вновь уничтожиться в ней
Торопится стая
Теней.

6 ноября 1892

54

Какая тишина! Какою ленью дышит
Дремотный сад!
Какою радостью беспечной пышет
Его закат!

Мой старый клен, ты прожил много,
Но что ты рассказать бы мог?
Спокойна и убога,
Перед тобою сеть дорог.

Поник ты старыми ветвями
Над одинокою скамьей.
Весенними ночами
Ты слушал речи страсти молодой?

Видал ты здесь потайные свиданья?
Хранил ты на коре своей
Следы ножа — немые начертанья,
Понятные лишь ей?

Скучающий старик, едва ли
В твоей тени
Слова любви звучали,
Едва ли пролетали
Ликующие дни.

Вот сыплет ночь движением нескорым
Рой звезд на небе бледно-голубом,
И бледная луна над косогором
Взошла серпом.

Заснувшая беззвучно деревушка
Так ярко вся луной озарена,
Что каждая лачужка,
Как на столе красивая игрушка,
Мне в ней отчетливо видна.

Загадочные силы!
Когда взойдет над ними день?
Темнее сумрака могилы
Их обнимающая тень.

20 октября — 24 декабря 1892

55. ТВОРЧЕСТВО

Темницы жизни покидая,
Душа возносится твоя
К дверям мечтательного рая,
В недостижимые края.
Встречают вечные виденья
Ее стремительный полет,
И ясный холод вдохновенья
Из грез кристаллы создает.

Когда ж, на землю возвращаясь,
Непостижимое тая,

Она проснется, погружаясь
В туманный воздух бытия, —
Небесный луч воспоминаний
Внезапно вспыхивает в ней
И злобный мрак людских страданий
Прорежет молнией своей.

3 февраля 1893

56

Сердцем овладевшая злоба застарелая
Шепчет речи знойные, горько-справедливые,
И скликает в бешенстве воля моя смелая
Замыслы безумные, грезы горделивые.

А над вьюгой замыслов, над огнем восстания
Реет тень зловещая, облачко летучее.
Что-то непонятное за дверьми сознания
Чутко притаилося — лихо неминучее.

Знаю: гость непрошеный с холодом презрения
Глянет неожиданно в душу многодумную,
И погасит хохотом веру неразумную,
И погубит замыслы сладостного мщения.

30 января — 21 февраля 1893

57

Холодный ветерок осеннего рассвета
Повеял на меня щемящею тоской.
Я в ранний час один на улице пустой,
В уме смятение, вопросы без ответа.

О, если бы душа была во мне согрета
Надеждой на ответ, могучей жаждой света!
Нет и желанья знать загадки роковой
Угрюмый смысл, почти разгаданный судьбой.

Текут события без цели и без смысла, —
Давно я так решил в озлобленном уме, —
Разъединенья ночь над весями повисла,

Бредем невесть куда, в немой и злобной тьме,
И тьмы не озарят науки строгой числа,
Ни звучные хвалы в торжественном псалме.

21 февраля 1893

58

Устав брести житейскою пустыней,
Но жизнь любя,
Смотри на мир как на непрочный иней,
Не верь в себя.

Разлей отраву дерзких отрицаний
На ткань души,
И чувство тождества своих сознаний
Разбить спеши.

Не верь, что тот же самый был ты прежде,
Что и теперь,
Не доверяйся радостной надежде,
Не верь, не верь.

Живи и знай, что ты живешь мгновеньем,
Всегда иной,
Грядущим тайнам, прежним откровеньям
Равно чужой.

И думы знойные о тайной цели
Всебытия
Умрут, как звон расколотой свирели
На дне ручья.

28 марта 1893

59. ЛИХО

Кто это возле меня засмеялся так тихо?
Лихо мое, одноглазое, дикое Лихо!
Лихо ко мне привязалось давно, с колыбели,
Лихо стояло и возле крестильной купели,
Лихо за мною идет неотступною тенью,
Лихо уложит меня и в могилу.
Лихо ужасное, враг и любви и забвенью,
Кто тебе дал эту силу?

Лихо ко мне прижимается, шепчет мне тихо:
«Я — бесталанное, всеми гонимое Лихо!
В чьем бы дому для себя уголок ни нашло я,
Всяк меня гонит, не зная минуты покоя.
Только тебе побороться со мной недосужно, —
Странно мечтая, стремишься ты к мукам.
Вот почему я с твоею душою так дружно,
Как отголосок со звуком».

30 декабря 1891, 26 января 1892,
2 апреля 1893

60. В МАЕ

Майские песни!
Нежные звуки!
Страсть их слагала, поет их весна.
Радость, воскресни!
Злоба и муки —
Призраки страшные зимнего сна.

Злые виденья
Раненой жизни,
Спите до срока в мятежной груди!
Ключ вдохновенья,
На душу брызни,
Чувства заснувшие вновь разбуди!

13 апреля 1893

61

Я слагал эти мерные звуки,
Чтобы голод души заглушить,
Чтоб сердечные вечные муки
В серебристых струях утопить,

Чтоб звучал, как напев соловьиный,
Твой чарующий голос, мечта,
Чтоб, спаленные долгой кручиной,
Улыбнулись хоть песней уста.

2 июля 1893

62

Как высокая тонкая арка,
Семицветная радуга ярко
Над омытой землею висит.
Многодумное сердце трепещет,
И тревожными песнями плещет,
И неведомой грустью горит.

Обещанье старинное снова
С умилением встретить готова
Изнуренная жизнью душа.
Побледнеют небесные краски,
И она обманувшие сказки
Позабудет, к печали спеша.

Растворяется радуга, — снова
Бесконечная даль голубого,
Бесконечной тоски пустота.
Снова злобою сердце трепещет,
Снова темными песнями плещет,
Снова ужасом жизнь повита.

19 июля 1893

63

Тень решетки прочной
Резким переплетом
На моем полу.
Свет луны полночной
Беспокойным лётом
Падает во мглу.

Тучки серебристой
Вижу я движенья,
Вижу грусть луны.
Резок холод мглистый.
Страшно заточенье.
Неподвижны сны.

В голове склоненной
Созданы мечтою
Вольные пути,
Труд освобожденный,
Жизнь не за стеною...
Как же мне уйти?

Долетают звуки,
Льется воздух влажный,
Мысли, как и там, —
Я тюремной муки
Плач и вопль протяжный
Ветру передам.

22 июля 1893

64

Прильнул он к решетке железной
Лицом исхудалым и злым.
Блистающей, грозною бездной
Раскинулось небо над ним.

Струилася сырость ночная,
О берег плескалась река.
Решетку тоскливо сжимая,
Горела, дрожала рука.

Рвануться вперед — невозможно,
В темнице — и ужас, и мгла...
Мечта трепетала тревожно,
Но злобы зажечь не могла.

26 июля 1893

65

Наш кот сегодня видел
Ужасно скверный сон,
И с болью головною
Проснулся рано он.

Ему сегодня снился
Амбар такой большой, —
Там прежде были мыши,
Но он стоял пустой.

Голодные крестьяне
Муки не привезли,
И мыши с голодухи
Куда-то все ушли, —

И нет коту поживы.
Какой противный сон!
Расстроил чрезвычайно
Кота сегодня он.

7 сентября 1893

66

Люди такие презренные,
Дело такое ничтожное,
Мысли — всегда переменные,
Счастье — всегда невозможное...
Сердце тревожное
Робко болит, —
Чуждое, ложное
В жизни томит.

18 сентября 1893

67

Вновь неудачи,
Снова ошибки.
Жить ли иначе,
Ждать ли улыбки
Нравной кручины,
Стоя на месте?
Злые картины,
Злобные вести, —
Трудны дороги,
Ветер навстречу.
Голые ль ноги
Я изувечу,
Или приникну
К злому кумиру,
К лжи попривыкну,
Буду льстить миру
Песней наемной,
Песней лукавой?
Нет, хоть и темный,
Путь мой — будь правым.

1 декабря 1893

68

Мне была понятна жизнь природы дивной
В дни моей весны.
Охраняла вера, рдел восторг наивный,
Ясны были сны,

И в сияньи веры был чудес чудесней
Блеск живого дня.
Мне певала мама и будила песней
Сонного меня:

«Если мы не встанем, так заря не вспыхнет,
Солнце не взойдет,
Петушок крикливый загрустит, затихнет,
Сивка не заржет,

Птичка не проснется, не прольются песни,
Дней убавит лень.
Встань же, позови же: „Солнышко, воскресни!
Подари нам день!“»

Так мне пела мама и будила песней
Сонного меня, —
И в сияньи веры был чудес чудесней
Блеск живого дня!

Верил я, что жизни не напрасна сила
У меня в груди.
Что-то дорогое, светлое сулила
Жизнь мне впереди.

Так была понятна жизнь природы дивной
В дни моей весны!
О, святая вера! о, восторг наивный!
О, былые сны!

5 декабря 1893

69

В пути безрадостном, среди немой пустыни
Предстала предо мной
Мечта порочная, принявши вид богини
Прекрасной и нагой.

Рукою нежной разливала
Из тонкого фиала
Куренья дымные она,
И серебристо обвивала
Ее туманная волна.

И где она ногою голой
Касалася сухой земли,
Там грешные цветы толпой веселой
Бесстыдные, пахучие цвели.

И предо мной склонившись, как рабыня,
Она меня к греху таинственно звала, —
И скучной стала мне житейская пустыня,
И жажда дел великих умерла.

5 декабря 1893

70

Нет, не любовь меня влекла,
Не жажда подвига томила, —
Мне запрещенный рай сулила
Царица радостного зла.

Окружена зловещей дымкой
Порочных снов и злых страстей,
Она сошла к душе моей
Ожесточенной нелюдимкой.

И научила презирать
Людские скучные забавы,
И чары тайные вкушать,
Благоуханные отравы.

Восторгов тщетных, грез ночных
Струи кипучие так сладки, —
Но в сердце копятся от них
Противно-горькие осадки.

22 декабря 1893

71

Грустная светит луна,
Плещется тихо волна,
И над рекою туман.
Тяжко задумался лес.
Хочется сердцу чудес,
Грезится милый обман.

Чутко иду над рекой, —
Шатки мостки подо мной,

Вижу я мелкое дно,
Тень утонула в реке,
Город за мной вдалеке,
Возле — молчанье одно.

23 декабря 1893

72

Иду я влажным лугом,
Томят меня печали.
Широким полукругом
Развернутые дали,

Безмолвие ночное
С пленительными снами
И небо голубое
С зелеными краями, —

Во всем покой и нега,
Лишь на сердце тревога.
Далёко до ночлега.
Жестокая дорога!

27 января 1894

73

Что вчера пробегало во мне,
Что вчера называл я собою,
Вот оно в голубой вышине
Забелелося тучкой сквозною.

Тот порыв, что призывной тоской
В этом сердце вчера отозвался,
Это он перед близкой грозой
Над шумящею нивой промчался.

Та мечта, что в безрадостной мгле
Даровала вчера мне забвенье,
На иной и далекой земле
Снова ищет себе воплощенья.

24 апреля 1894

74

О смерть! я твой. Повсюду вижу
Одну тебя, — и ненавижу
Очарования земли.
Людские чужды мне восторги,
Сраженья, праздники и торги,
Весь этот шум в земной пыли.

Твоей сестры несправедливой,
Ничтожной жизни, робкой, лживой,
Отринул я издавна власть.
Не мне, обвеянному тайной
Твоей красы необычайной,
Не мне к ногам ее упасть.

Не мне идти на пир блестящий,
Огнем надменным тяготящий
Мои дремотные глаза,
Когда на них уже упала,
Прозрачней чистого кристалла,
Твоя холодная слеза.

12 июня 1894

75

Истомный зной, но мне отрадна
Лесная глушь и тишина.
Дыханье хвой впиваю жадно,
Как ток багряного вина.

Лесная тишь поет со мною
И краски жизни огневой
Смягчает лиловатой тьмою,
Как тучею перед грозой.

Но не люблю я возвращенья
В простор полей и в гомон сел,
Где волны тщетного волненья
Жизнь рассекает, тучный вол.

О, тишина, о, мир без звука!
Парю высоко над землей, —
А там, в полях, земная скука
Влачится хитрою змеей.

Зарница на небе проблещет,
Не расцвечая пыльный путь,
Где травка хилая трепещет
И где в канавках дремлет жуть.

Хоть час еще идти тропами
Твоими, лес, где сладок вздох,
Где мягко гнется под ногами
Такой пахучий, нежный мох!

Никто не встретится, не спросит,
Куда иду, зачем босой,
И цвет мечты моей не скосит
Никто стремительной косой.

14 июня 1894

76. КОСТЕР

Забыт костер в лесной поляне:
Трещат иссохшие сучки,
По ним в сереющем тумане
Перебегают огоньки.
Скользят, дрожат, траву лобзают,
В нее ползут и здесь и там
И скоро пламя сообщают
Еще могучим деревам...

И я, томясь в немой кручине,
Изнемогая в тишине,
В моей безвыходной пустыне
Горю на медленном огне.
О, если б яростным желаньям
Была действительность дана,
Каким бы тягостным страданьям
Земля была обречена!

8 июля 1894

77. КАЧЕЛИ

В истоме тихого заката
Грустило жаркое светило.
Под кровлей ветхой гнулась хата
И тенью сад приосенила.
Березы в нем угомонились
И неподвижно пламенели.
То в тень, то в свет переносились
Со скрипом зыбкие качели.

Печали ветхой злою тенью
Моя душа полуодета,
И то стремится жадно к тленью,
То ищет радостей и света.
И покоряясь вдохновенно
Моей судьбы предначертаньям,
Переношусь попеременно
От безнадежности к желаньям.

9 июля 1894

78

Терцинами писать как будто очень трудно?
Какие пустяки! Не думаю, что так, —
Мне кажется притом, что очень безрассудно

Такой размер избрать: звучит как лай собак
Его тягучий звон, и скучный, и неровный, —
А справиться-то с ним, конечно, может всяк, —

Тройных ли рифм не даст язык наш многословный!
То ль дело ритмы те, к которым он привык,
Четырехстопный ямб, то строгий, то альковный, —

Как хочешь поверни, всё стерпит наш язык.
А наш хорей, а те трехсложные размеры,
В которых так легко вложить и страстный крик,

И вопли горести, и строгий символ веры?
А стансы легкие, а музыка октав,
А белого стиха глубокие пещеры?

Сравненье смелое, а всё-таки я прав:
Стих с рифмами звучит, блестит, благоухает
И пышной розою, и скромной влагой трав,

Но темен стих без рифм и скуку навевает.

10 июля 1894

79

Блажен, кто пьет напиток трезвый,
Холодный дар спокойных рек,
Кто виноградной влагой резвой
Не веселил себя вовек.
Но кто узнал живую радость
Шипучих и колючих струй,
Того влечет к себе их сладость,
Их нежной пены поцелуй.

Блаженно всё, что в тьме природы,
Не зная жизни, мирно спит, —
Блаженны воздух, тучи, воды,
Блаженны мрамор и гранит.
Но где горят огни сознанья,
Там злая жажда разлита,
Томят бескрылые желанья
И невозможная мечта.

13 июля 1894

80

О, если б сил бездушных злоба
Смягчиться хоть на миг могла,
И ты, о мать, ко мне из гроба
Хотя б на миг один пришла!
Чтоб мог сказать тебе я слово,
Одно лишь слово, — в нем бы слил
Я всё, что сердце жжет сурово,
Всё, что таить нет больше сил,

Всё, чем я пред тобой виновен,
Чем я б тебя утешить мог, —
Нетороплив, немногословен,
Я б у твоих склонился ног.
Приди, — я в слово то волью
Мою тоску, мои страданья,
И стон горячий раская́нья,
И грусть всегдашнюю мою.

16 июля 1894

81

Мечтатель, странный миру,
Всегда для всех чужой,
Царящему кумиру
Не служит он хвалой.

Кому-то дымный ладан
Он жжет, угрюм и строг,
Но миром не разгадан
Его суровый бог.

Он тайною завесил
Страстей своих игру, —
Порой у гроба весел
И мрачен на пиру.

Сиянье на вершине,
Садов цветущих ряд
В прославленной долине
Его не веселят.

Поляну он находит,
Лишенную красы,
И там в мечтах проводит
Безмолвные часы.

19 июля 1894

82

Дождь неугомонный
Шумно в стекла бьет,
Точно враг бессонный,
Воя, слезы льет.

Ветер, как бродяга,
Стонет под окном,
И шуршит бумага
Под моим пером.

Как всегда случаен
Вот и этот день,
Кое-как промаен
И отброшен в тень.

Но не надо злости
Вкладывать в игру,
Как ложатся кости,
Так их и беру.

19 июля 1894

83. ЗВЕЗДНАЯ ДАЛЬ

Очи темные подъемлет
Дева к небу голубому
И, на звезды глядя, внемлет
Чутко голосу ночному.

Под мерцаньем звезд далеких,
Под блистающей их тайной
Вся равнина в снах глубоких
И в печали не случайной.

Тихо, робко над рекою
Поднимаются туманы
И ползучею толпою
Пробираются в поляны.

У опушки тени гуще,
Лес и влажный и дремотный.
Смотрит страх из темной кущи,
Нелюдимый, безотчетный.

К старику отцу подходит
Дева с грустною мечтою
И про небо речь заводит:
«Беспредельность предо мною.

Где-нибудь в раздольях света,
За безмерным отдаленьем,
Есть такая же планета,
И с таким же населеньем.

Есть там зори и зарницы,
Реки, горы и долины,
Счастье, чары, чаровницы,
Грозы, слезы и кручины.

Не оттуда ль в сердце плещет
Греза сладостным приветом?
Вот звезда над нами блещет
Переливным дивным светом:

Это — солнце, и с землею,
И на той земле мечтает
Кто-то близкий мне душою.
К нам он взоры подымает,

Нескончаемые дали
Мерит черными очами,
И томления печали
Отвеваются мечтами.

Он иную землю видит,
Где так ярко счастье блещет,
Где могучий не обидит,
Где бессильный не трепещет,

Где завистливой решеткой
Пир богатых не охвачен,

Где клеймом недоли кроткий
Навсегда не обозначен».

Скоро звезды гаснуть станут,
Расточатся чары ночи,
И с тоской пугливой глянут
Размечтавшиеся очи.

26 июня — 22 июля 1894

84

Невольный труд,
Зачем тобой я долго занят?
Мечты цветут, —
Но скоро сад их яркий вянет.

И прежде чем успел
Вдохнуть я теплое дыханье,
Их цвет багряный облетел
В печальной муке увяданья.

23 июля 1894

85

Каждый день, в час урочный,
Я сюда прихожу,
Молчаливый и точный,
И угрюмо гляжу,
Не видны ли в потоке
Ненавистных теней
Эти бледные щеки,
Это пламя очей,
Эти губы сухие,
Эта строгость чела,
Где проносятся злые
Наваждения зла.
И сегодня я встретил
Ту, кого я так ждал,
Ту же гордость заметил,
Ту же томность узнал.

Но за нею стремиться
Я в толпе не посмел —
Мне скорей удалиться
Тайный голос велел.

31 июля 1894

86. КРЕМЛЕВ

Рассказ в стихах

1

Унылой бедности невольник терпеливый,
Сидел он у окна, склонясь в немой тоске.
Пред ним раскинулся пустынный и ленивый
Уездный городок. На дремлющей реке
Повисли с берега картиной прихотливой,
Вниз крышами, дома. Яснели вдалеке,
В просветы крыш седых, за крайней бедной хатой,
Зеленые поля и лес голубоватый.

2

Когда бы посмотрел он влево из окна,
Упал бы взор его на домик деревянный,
Где школа ютилась. Увы! теперь она
Всегда будила в нем порывы злости странной,
Хотя была ему по-прежнему нужна,
Как поприще его работы неустанной.
Короче говоря, учителем он был.
Сначала он любил свой труд, потом остыл.

3

Первоначальный пыл наивных увлечений,
Увяли юные горячие мечты —
Цветы в чужой земле тоскующих растений.
Увидел он себя в объятьях нищеты,
В цепях ненужных мук, печалей и лишений.
Без яркой грезы дни томительно-пусты.
Желаньем умереть он тайно зачарован,
Но цепью прочною к земле пока прикован —

4

Любовью... У него племянница жила,
Девица в тех летах, когда давно другие
Нашли себе мужей. Что ж! Настенька мила,
Но не красавица, хоть волосы густые,
И глазки темные, как яркая смола,
И губы алые, как розы полевые,
Могли понравиться, — да главная вина,
Непоправимая, — совсем она бедна...

5

А он... В его груди тоска воспоминаний.
Один и на людях, он грустен, одинок.
Из детства в жизнь вошли невзгоды испытаний
И преждевременный, сжигающий порок.
Когда же с юностью зардел огонь желаний,
Ему не вспыхивал ответный огонек:
Застенчивый чудак несчастливо влюблялся —
Семейственный удел ему не доставался.

6

Бывало, влюбится, томится долго, ждет
От милой девушки ласкающего взгляда,
Но, полная своих мечтаний и забот,
Она с ним холодна, она ему не рада.
Набравшись храбрости, всю страсть он изольет
Пред нею наконец. Какая же награда?
Красавица бежит, словечка одного,
Ни даже *да* иль *нет*, не бросив для него.

7

Вновь за тетради он присаживался рьяно,
На школьные дела переносил он пыл,
Но здесь — увы! — еще одна для сердца рана —
Его служебный путь угрюм и труден был.
И горе и тоску топить на дне стакана
И пить угар хмельной он скоро полюбил,
И тратил дни свои в бессмысленном разврате,
В угарных кутежах, не плача об утрате.

8

И так бы прожил он... Но, к счастью или нет,
Поток унылых дней, отравленных и смрадных,
Струею резвою внезапно был согрет...
Кремлев имел сестру. Подруга дней отрадных,
Когда и в бедности являлся милым свет,
Теперь она была рабою бед злорадных.
В далеком и чужом краю она жила
И с мужем-пьяницей терпела много зла.

9

Прибрал детей господь, — их мать жалеть не стала.
Что жить им в нищете! они счастливей «там».
Осталась только дочь, — не чахла, не хворала,
А трудно было жить. В работе мать, а «сам»,
Что ни достанет, всё пропьет. Не раз искала
Его в глухую ночь жена по кабакам.
Он часто бил жену. Порою доставалось
И бедной девочке, как мать ни заступалась.

10

В лачуге нищенской, в предместьи городском
Куда как тяжело суровою зимою!
Завоет вьюга вкруг — и зыблется весь дом,
И горница полна вся стужею сырою.
Вот летний вечерок, — Настасья босиком
Бежит, согнувшися, на речку за водою,
И глазки детские на дорогой наряд
Прохожих барышень завистливо глядят.

11

Так детство Настино печально проходило.
А в восемнадцать лет осталась вдруг она
Одна: перед отцом открылася могила,
За ним и мать ушла, как верная жена.
Взял Настеньку Кремлев. Она сперва грустила,
Была застенчива, пуглива и смирна.
С ресниц ее порой потоки слез катились, —
А щеки девичьи румянцем золотились.

12

Целило время скорбь, — и Настя обжилась,
Почуяла себя довольной и свободной,
Хозяйством дядиным прилежно занялась,
Не чувствуя тоски, ни зависти бесплодной
И сытой бедности, конечно, не боясь.
Ей, выросшей в избе понурой и холодной,
Привыкшей голодать, и скромный дядин дом
Казался, может быть, чуть-чуть что не дворцом.

13

И вот они живут несходною четою,
Но одинаково наивные; с тех пор
Немало лет прошло докучной чередою,
И жизни будничной томительный узор
Ни разу не разбит ни счастьем, ни бедою,
Как будто бы судьба поставила забор,
Ревниво их от всех напастей охраняя,
Но вольные пути пред ними закрывая.

14

Как эту изгородь досадную сломать?
Как выйти на простор, исполненный движенья,
И воздухом живым стремительно дышать,
Дышать не так, как те ленивые растенья,
Которых злой удел — в ограде прозябать,
Где света нет и где не слышно птичья пенья?
Где прочный тот рычаг, то крепкое бревно,
Которым раздробить ограду суждено?

15

Он сам ли разгадал, узнал ли он из книжек,
Прочел ли он в ее застенчивых глазах,
Что взрослой девушке не мёдовых коврижек,
А жизни хочется, — но только смутный страх
В тоскующей душе неизгладимо выжег
Сознанье горькое, что в сереньких годах,
Которые чредой над ними пролетали,
Отрады не было, хоть не было печали.

16

И жизни не было: крикливою семьей
Являлись темные, ничтожные заботы,
Тревоги бедности и доли трудовой,
Приливы быстрые томительной работы
И сплетни зависти да пошлости пустой, —
То им, а то о них слагались анекдоты...
Не жизнь, а скучный бред, больной и дикий сон,
Где тени мрачные плывут со всех сторон.

17

Года бегут, бегут, — бледнеет Настя, вянет,
Как сломанный цветок полуденной порой, —
И скоро, думал он, так жить она устанет,
В душе почувствует прилив кручины злой,
Оглянется вокруг — и больше не обманет
Ее больная жизнь своею тишиной.
Постылым станет всё, и будет ей в отраду
Срывать на ком-нибудь тяжелую досаду.

18

И жалость в нем росла. Отсюда далека,
Казалось бы, любовь. Но мы народ особый,
И русская любовь, как наша степь, дика:
У нас любовь смешать нетрудно и со злобой.
Века минувшие, безумные века
Все чувства русского особенною пробой
Отметили... И вот заметил раз Кремлев,
Что грешная любовь вошла под мирный кров.

19

Томился долго он, смиренно отвергая
Безумную любовь. Но как ее разбить?
Улыбку ясную приветливого мая
От взора жаркого кто б мог загородить?
И каждый день словам возлюбленной внимая,
Как можно запретить душе ее любить?
Пожар любви растет, в огне сомненья топит
И волю робкую пугает и торопит.

20

Мечты горят, зовут. Бежать бы в чуждый край,
В далекий чуждый край, где их никто не знает,
Где будет им открыт незапрещенный рай,
Где ясная весна любовь их увенчает,
Где жизнь подарит им цветущий, долгий май...
Мечты кипят, а жизнь их злобно отвергает.
Какими жертвами любовь завоевать?
Как счастье новое бестрепетно создать?

21

Судьба дает ответ и горестный и странный:
Тот обеспечил жизнь и лучше и верней
И тот придет скорей к обители желанной,
Кто смог достать себе поболее рублей —
Бумаг ли биржевых, монеты ли чеканной,
Земель, полей, лесов иль всяческих вещей —
Всего, что может быть оценено рублями,
Хотя досталося и темными путями.

22

Посмотришь ли вокруг на гордых богачей —
Богатство им далось постыдною ценою:
Иной обманывал доверчивых людей,
Другой умел вести хитро дела с казною,
Тот опекаемых обкрадывал детей,
Тот был ростовщиком, людей пускал с сумою,
Пускает и теперь, коль случай подойдет, —
Зато от всякого им ласка и почет.

23

Иной живет себе отцовским капиталом,
И горд он тем, что даст порой бедняге грош;
Отец иль дед его, конечно, начал малым,
На счастье, к плутовству отменно был пригож,
И вот разбогател, — бегут, как вал за валом,
К наследнику рубли, считай, так не сочтешь.
О том, кто в городе богаче всех, твердили,
Что двадцать лет назад с отцом они ходили

24

В леса разбойничать. Близ города стоит
«Поклонная» гора с крутым обрывом в реку;
Через ее хребет проезжий путь лежит,
Как будто проведен лихому человеку
Нарочно в помощь он. Суровый, дикий вид.
Сосновый лес кругом. Широкую просеку
Дорога заняла; свирепо ропщет бор,
Угрюмый великан, и гневно хмурит взор.

25

На темени горы — площадка над обрывом;
Там сосен вековых разорвана стена.
Глубокая река, в движении ленивом
Обрыв омывшая, внизу едва видна.
Немного впереди, на страх коням пугливым,
Глубокий спуск идет — такая крутизна,
Что надо тормозить проворные колеса,
Чтоб шею не сломать посереди откоса.

26

В былые времена случалось там не раз,
Что путешественник, полуночью глухою, —
А то средь бела дня в иной недобрый час, —
С обрыва вниз летел с разбитой головою;
Звенел, гремел за ним тяжелый тарантас, —
Всё пожиралось вмиг безмолвною рекою.
Разбойники меж тем, добычу разделя,
Спокойно шли домой чрез бор и чрез поля.

27

Хор одиноких дум и толки городские,
Угла медвежьего постыдная мораль,
Кому ни доведись, советчики плохие.
Спокойно рассудя, конечно, очень жаль,
Что честной бедности мозоли трудовые
Не всякому милы. А иначе едва ль
Нашелся бы приют и в прозе и в поэме
О деньга́х и нужде давно постылой теме.

28

Мечты лазурные иному принесут
Утеху мирную; бедняк трудолюбивый,
С мечтой переплетя свой неприветный труд,
Идет своим путем, и грустный и счастливый.
Иные люди есть: в них грезы не умрут,
Но каждая из них попутчицей ревнивой
Идет, родит в душе желаний гордых зной
И, жизни требуя, не хочет быть мечтой.

29

И много-много дней, отдавшись тайным думам,
Глядит в окно свое Кремлев по вечерам,
Не развлекаемый ни тем нестройным шумом,
Когда ведут коров ребята по домам,
Ни дракой мужиков, ни спором их угрюмым,
Ни тихим веяньем, бегущим по кустам,
Что берега реки бульваром окаймили
И ветки гибкие над нею наклонили.

30

Улыбка горькая порою пробежит,
Как тонкая змея в траве скользнет проворно;
Порой невольный вздох тихонько прозвучит
Стыдливым отзвуком печали тайной, черной, —
И вновь на стиснутых губах его лежит
Печать угрюмых дум, печать тоски упорной.
Но резкий блеск очей всё чаще выдает,
Что на душе созрел решенья сочный плод...

31

Закат сиял пред ним прощальными лучами,
Края пурпурных туч зачем-то золотя;
Гляделся в реку он, как бойкими глазами
Глядится в зеркало веселое дитя;
Оттенки нежные владели небесами,
И тихо ветер полз, травою шелестя.
Кремлев закрыл окно, и, к Насте обратившись,
Он ей сказал, в лице слегка переменившись:

32

«Мне надо уезжать, и очень далеко...
Поеду в Петербург и с месяц там пробуду;
Есть дело важное: с ним сладить не легко, —
Но если сладится, тогда тебе я груду
Обновок навезу; ей-ей, на молоко
Ребятам будущим деньжонок я добуду...
Ну, нечего краснеть и нечего ворчать, —
Изволь-ка в путь меня скорее собирать».

33

Уехал утром он... А через две недели
Глухою полночью ударили в набат.
В испуге жители покинули постели,
Оделись наскоро, на улицы спешат...
Недолог был пожар, а все-таки сгорели
Хоромы пышные да хижин бедных ряд.
Хозяин тех хором, купец весьма богатый,
Спознался в эту ночь с нежданною утратой.

34

Сгорели у него — вот горе, вот удар!
Судьба злодейская, разящая так тяжко!
Сгорели в эту ночь — о, гибельный пожар!
Рыдает наш купец, и стонет он, бедняжка! —
Сгорели денежки, и вытерпела жар
Случайно лишь одна кредитная бумажка:
Каким-то волшебством во двор ее снесло
И ветром сунуло в углу под помело.

35

А были тысячи, десятки тысяч даже.
Недавно продал он хорошенький лесок
На сруб и нажился изрядно на продаже,
Но в дело денег тех пока пустить не мог, —
И вдруг добычею пожара или кражи
Исчез весь капитал. Твердили: здесь поджог.
Найти преступника полиция старалась,
Но и следов его нигде не отыскалось.

36

Еще недели две чредою протекли.
Я не могу сказать, чтоб Настенька скучала.
Пускай Кремлев блуждал бог весть в какой дали,
Она себя кой-чем порою развлекала, —
Кого-то в гости к ней глаза ее влекли,
И в чьем-то сердце к ней страстишка запылала.
То был телеграфист, — он мало получал
И тщетно пятый год всё повышенья ждал.

37

Настасья стала звать его Володей скоро,
И быстро перешли потом они на ты;
Случалось иногда, в разгаре разговора,
Когда он поверял ей тайные мечты,
От страстного его и пламенного взора
На щечках Настиных бывали разлиты
Такие зореньки, что жарким поцелуем
Спешил он их венчать, восторгами волнуем.

38

Вернулся и Кремлев. Рассеян и угрюм,
А то порой шумлив и весел чрезвычайно,
Порой ответит он и вовсе наобум,
На что-то намекнет порою неслучайно,
Порой молчит, — молчит под гнетом темных дум,
Как будто у него на сердце злая тайна,
Как будто что-нибудь случилось на пути, —
И Настя не могла того перенести.

39

«Что с вами, дяденька, скажите, друг мой милый?»
— «Узнаешь, Настенька, немного погоди».
— «Уж не случилось ли, ах, господи помилуй,
Беды какой-нибудь?» — «Иди себе, иди».
— «А, стала, значит, я племянницей постылой,
Чего и ждать от вас теперь мне впереди!
Напрасно тратились тогда вы на покупки!» —
Надула Настенька хорошенькие губки.

40

Смеется дядя ей: «Голубка, не ворчи.
Ну что бы подождать еще тебе хоть ночку!
Сюрпризом я хотел... А впрочем, вот ключи
От тайны, коли нет терпения... Как дочку,
Люблю тебя...» — «Ну да!» — «Ах, Настя,
помолчи...
У Блокка я купил тебе билет в рассрочку...»
— «Что тратились! ..» — «Купил, а завтра и тираж,
И что б ты думала! Ведь выигрыш-то наш».

41

«Ах, милый дядюшка! Неужли? Быть не может!»
— «Да, Настенька, теперь мы славно заживем.
Грошовая нужда нас больше не встревожит.
Мы выстроим себе отличный, прочный дом,
Товарищей сзовем, — пускай их зависть гложет.
По свету странствовать отправимся потом...»
— «Да, дядюшка, с собой Володю мы захватим,
Иль нет, сперва к венцу, а после и покатим».

42

И побледнел Кремлев. «А что-то я устал!» —
Промолвил он с едва скрываемой досадой,
Простился и пошел к себе, — бедняк! Упал
Он на свою постель и с горестной отрадой,
Зажав подушкой рот, до полночи рыдал.
А Настенька меж тем пред ясною лампадой
Молилась, может быть, иль яркою мечтой
Забавила себя, одна в тиши ночной.

43

Мне кажется, пора покончить эту сказку,
Тем более, что в ней трагического нет.
В крови топить ее мещанскую развязку,
Конечно, незачем. К тому же пистолет
Хоть у Кремлева был, да праздно перержавел.
Боюсь, что никого я песней не забавил,
Прерву ж ее строфой, написанной без правил.

21 июня 1890; 24 июля — 26 августа 1894

87

Мы устали преследовать цели,
На работу затрачивать силы, —
Мы созрели
Для могилы.

Отдадимся могиле без спора,
Как малютки своей колыбели, —
Мы истлеем в ней скоро
И без цели.

28 сентября 1894

88

Скользко-холодное
Правой рукою трепетно сжато.
Злоба стихает, меркнет забота,
Грезы умчались вдаль без возврата.
Твердое, скользкое.

Только нажать бы мне,
Только на то достало бы силы!
Что это, скорбь, тревога?
Мрак желанной могилы.
Только нажать бы мне!

3 октября 1894

89

Лампа моя равнодушно мне светит,
Брошено скучное дело,
Песня еще не созрела, —
Что же тревоге сердечной ответит?

Белая штора висит без движенья.
Чьи-то шаги за стеною.
Эти больные томленья —
Перед бедою!

3 октября 1894

90

Сквозь кисейный занавес окна
Мне видна
Улицы дремотной тишь —
Снег на скатах крыш,
Ворота, забор...
Изредка прохожие мелькнут...
Шумный спор
Иногда бабенки заведут.

11 октября 1894

91. НЕУРОЖАЙ

Над полями ходит и сердито ропщет
Злой Неурожай,
Взором землю сушит и колосья топчет, —
Стрибог, помогай!

Ходит дикий, злобный, хлеб и мнет и душит,
Обошел весь край
И повсюду землю гневным взором сушит, —
Стрибог, помогай!

Губит наших деток неподвижным взором
Злой Неурожай.
Голодом томимы, молим хриплым хором:
Стрибог, помогай!

11 октября 1894

92

О царица моя! Кто же ты? Где же ты?
По каким заповедным иль торным путям
Пробираться к тебе? Обманули мечты,
Обманули труды, а уму не поверю я сам.

Молодая вдова о почившем не может, не хочет скорбеть.
Преждевременно дева всё знает, — и счастье ее не манит.

Содрогаясь от холода, клянчит старуха и прячет
истертую медь.
Замирающий город туманом и мглою повит.

Умирая, томятся в гирляндах живые цветы.
Побледневший колодник сбежавший прилег, отдыхая,
в лесу у ручья.

Кто же ты,
Чаровница моя?

О любви вдохновенно поет на подмостках поблекший
певец.
Величаво идет в равнодушной толпе молодая жена.
Что-то в воду упало, — бегут роковые обломки
колец.
Одинокая, спешная ночь и трудна, и больна.

Сколько странных видений и странных,
недужных тревог!
Кто же ты, где же ты, чаровница моя?
Недоступен ли твой светозарный чертог?
Или встречу тебя, о царица моя?

20 октября 1894

93. МОРОЗНАЯ ДАЛЬ

Морозная светлая даль,
И низкое солнце, и звезды в снегу...
Несут меня сани. Забыта печаль.
Морозные грезы звенят надо мной на бегу.
Открытое поле всё бело и чисто кругом.
Раскинулось небо широким и синим шатром.
Я вспомнить чего-то никак не могу,
Но что позабылось, того и не жаль.
Пуста и безлюдна морозная даль.
Бегут мои кони. Ямщик мой поет.
Деревни дымятся вдали...

Надо мною несется мечта и зовет...
Плещут волны, летят корабли...

Рассыпается девичий смех перекатной волной...
Ароматная ночь обаяла своей тишиной...

Мы крылаты, — плывем далеко от земли...
Ты, невеста моя, не оставишь меня...
Нет, опять предо мною зима предстает,
Быстро сани бегут, и ямщик мой поет,
И навстречу мне снежная пыль мимолетного дня.

20 октября 1894

94

Не быть никем, не быть ничем,
Идти в толпе, глядеть, мечтать,
Мечты не разделять ни с кем
И ни на что не притязать.

24 ноября 1894

95

Светлой предутренней грезой,
Очерком тонким и нежным,
Девственно-белою розой
Светится в сердце мятежном, —

Нет, не земною женою,
Нет, не из дольних селений!
Это — туманной порою
Небом потерянный гений.

2 декабря 1894

96

Оболью горячей кровью,
Обовью моей любовью
Лилию мою.
В злом краю ночной порою
Утаю тебя, укрою
Бледную мою.

Ты моя, и, отнимая
У ручья, любимца мая,
  Лилия моя,
Я пою в ночах зимовья
Соловьем у изголовья,
  Бледная моя.

15 ноября — 13 декабря 1894

97

Ты не знаешь, невеста, не можешь ты знать,
  Как не нужен мне мир и постыл,
Как мне трудно идти, как мне больно дышать,
  Как мне страшно крестов и могил.

И напрасно мечта в опечаленной мгле
  Мне твои озаряет черты, —
Далека ты, невеста! На грешной земле
  И тоска, и беда разлиты.

21 декабря 1894

98

Живи и верь обманам,
И сказкам, и мечтам.
Твоим душевным ранам
Отрадный в них бальзам.

И жизни переменной
Нектар кипучий пей,
Напиток сладкопенный
Желаний и страстей.

За грани жизни дольной
Очей не устремляй,
И мыслью своевольной
Природы не пытай.

Вещают тайну тени.
Для смелого ума

В них смертные ступени,
Предсказанная тьма.

О смертный, верь обманам,
И сказкам, и мечте.
Дивись мирским туманам,
Как вечной красоте.

28 марта 1889, 30 декабря 1894

99

З. Н. Гиппиус

Где грустят леса дремливые,
Изнуренные морозами,
Есть долины молчаливые,
Зачарованные грозами.

Как чужда непосвященному,
В сны мирские погруженному,
Их краса необычайная,
Неслучайная и тайная!

Смотрят ивы суковатые
На пустынный берег илистый.
Вот кувшинки, сном объятые,
Над рекой немой, извилистой.

Вот березки захирелые
Над болотною равниною.
Там, вдали, стеной несмелою
Бор с раздумьем и кручиною.

Как чужда непосвященному,
В сны мирские погруженному,
Их краса необычайная,
Неслучайная и тайная!

5 января 1895

100

Вокруг меня зыбкая мгла...
Мне страшно морозной поры...
Невеста в тоске умерла...
Багровы и дымны костры.

Морозная ночь мне страшна...
Как тесно в пустыне небес!
Луна холодна и бледна,
И край горизонта исчез.

По воздуху искры и дым.
Как скупы и чадны огни!
Туманом и мраком седым
Одеты и смяты они.

30 января 1895

101

Я устал, — я едва только смею дышать, —
И недужны, и трудны людские пути.
Невозможно понять, невозможно сказать,
    И куда же, и как же идти?

В этих жилах струится растленная кровь,
В этом сердце немая трепещет тоска.
И порочны мечты, и бесстыдна любовь,
    И безумная радость дика.

28 февраля 1895

102

Думы черные лелею,
Грустно грежу наяву,
Темной жизни не жалею,
Ткани призрачные рву,

Ткани юных упований
И туманных детских снов;

Чуждый суетных желаний,
Умереть давно готов.

Грустно грежу, скорбь лелею,
Паутину жизни рву
И дознаться не умею,
Для чего и чем живу.

21 марта 1895

103

Есть тайна несказанная,
Но где, найду ли я?
Блуждает песня странная,
Безумная моя.

Дорогой незнакомою,
Среди немых болот,
С медлительной истомою
Она меня ведет.

Мгновения бесследные
Над ней летят в тиши,
И спят купавы бледные,
И дремлют камыши.

Коса ее запутана,
В ней жесткая трава,
И, дикой мглой окутана,
Поникла голова.

Дорогой потаенною,
Среди немых болот,
Где ирис, влагой сонною
Напоенный, цветет,

Блуждает песня странная,
Безумная моя.
Есть тайна несказанная,
Ее найду ли я?

21 марта 1895

104

Слова твои строптивые,
Цветы твои поблекшие,
Глаза твои недужные
И руки изнемогшие.

Словами тайна сказана,
Слезами тайна выдана,
Былое тайной связано,
Иное не увидано.

21—22 марта 1895

105

Я душой умирающей
Жизни рад и не рад.
И от бури взывающей
Не ищу я оград.

Я беспечной улыбкою
Отвечаю грозе,
И покорностью зыбкою
Я подобен лозе.

Верю сказке божественной,
Вижу дивные сны.
Что мне радость торжественной
Нерастленной весны!

Что мне звезды небесные,
Их торжественный строй!
Что мне торжища тесные
И телец золотой!

Горько пахнет известкою
В переулке моем.
Я дорогою жесткою
Пробираюсь в мой дом.

Там дыхание ладана
Всё мерещится мне,
Там святыня угадана
В неземной тишине.

Бесконечность страдания
В тех стенах вмещена,
И тоска умирания,
Как блаженство, ясна.

14 сентября 1893, 29 марта 1895

106

Многоцветная ложь бытия,
Я бороться с тобой не хочу.
Пресмыкаюсь томительно я,
Как больная и злая змея,
И молчу, сиротливо молчу.

У подножья нахмуренных скал,
По расселинам мглисто-сырым
Мой отверженный путь пролегал.
Там когда-то я с верой внимал
Голосам и громам роковым.

А теперь, как больная змея,
По расселинам мглисто-сырым
Пробираюсь медлительно я.
Многоцветная ложь бытия,
Я отравлен дыханьем твоим.

5—6 апреля 1895

107

Я любил в тебе слиянье
Качеств противоположных:
Глаз правдивых обаянье
И обман улыбок ложных;

Кротость девочки-подростка,
Целомудренные грезы —
И бичующие жестко
Обличенья и угрозы;

Сострадательную нежность
Над поруганной рабыней —
И внезапную мятежность
Перед признанной святыней.

7 апреля 1895

108

Я люблю всегда далекое,
Мне желанно невозможное,
Призываю я жестокое,
Отвергаю непреложное.

Там я счастлив, где туманные
Раскрываются видения,
Где скользят непостоянные
И обманные мгновения,

Где сверкают неожиданно
Взоры молний потухающих...
Мне желанно, что невиданно, —
Не хочу я расцветающих.

7 апреля 1895

109

Толпы домов тускнели
    В тумане млечном,
Томясь в бессильи хмуром
    И бесконечном,

И дождь всё падал, плача,
    И под ногами
Стекал он по граниту
    В канал струями,

И сырость пронизала
Больное тело.
Измученная жизнью,
Ты вниз глядела,

Где отраженья млели
В воде канала,
И дрожью отвращенья
Ты вся дрожала.

Зачем же ты стояла
Перед сквозною
Чугунною решеткой
Над злой водою,

И мутными глазами
Чего искала
В зеленовато-желтой
Воде канала?

10 апреля 1895

110

Я приготовился принять гостей,
Украсил я свою келейку,
И вышел к воротам, и сел там на скамейку,
С дороги не свожу внимательных очей
И жду, — а путь лежит печальный и пустынный,
Бубенчик не гудет, колеса не гремят,
Лишь вихри пыльные порою закружат, —
И снова путь лежит докучливый и длинный.

14 апреля 1895

111

Этот зыбкий туман над рекой
В одинокую ночь, при луне, —
Ненавистен он мне, и желанен он мне
Тишиною своей и тоской.

Я забыл про дневную красу,
И во мглу я тихонько вхожу,
Еле видимый след напряженно слежу
И печали мои одиноко несу.

14 мая 1895

112

На серой куче сора,
У пыльного забора,
На улице глухой
Цветет в исходе мая,
Красою не прельщая,
Угрюмый зверобой.

В скитаниях ненужных,
В страданиях недужных,
На скудной почве зол,
Вне светлых впечатлений
Безрадостный мой гений
Томительно расцвел.

26 мая 1895

113

В тени аллей прохлада,
Нарядны господа,
А за оградой сада
Голодная нужда.

Глядит на бойких деток
Мальчишка-водонос,
В одну из узких клеток
Решетки всунув нос.

На жесткие каменья
Потом ему идти,
Томления терпенья
В груди своей нести.

Мучительно мне видеть
Неравенство людей
И горько ненавидеть
И взрослых и детей.

8 июня 1895

114

Покрыла зелень ряски
Пустынный старый пруд, —
Я жду, что оживут
Осмеянные сказки:

Русалка приплывет,
Подымется, нагая,
Из сонной глади вод
И запоет, играя

Зеленою косой,
А в омуте глубоком
Сверкнет огромным оком
Ревнивый водяной. . .

Но тихо дремлет ряска,
Вода не шелохнет, —
Прадедовская сказка
Вовек не оживет. . .

6 апреля 1889, 11 июля 1895

115

Как бессвязный рассказ идиота,
Надоедлива жизнь и темна.
Ожидаю напрасно чего-то, —
Безответна ее глубина.

Перепутаны странно дороги.
А зачем-то куда-то бреду.
Предо мною в багряном бреду
Терема золотые, чертоги.

31 июля 1895

116

В амфоре, ярко расцвеченной,
Угрюмый раб несет вино.
Неровен путь неосвещенный,
А в небесах уже темно, —
И напряженными глазами
Он зорко смотрит в полутьму,
Чтоб через край вино струями
Не пролилось на грудь ему.

Так я несу моих страданий
Давно наполненный фиал.
В нем лютый яд воспоминаний,
Таясь коварно, задремал.
Иду окольными путями
Вдали от всех, чтоб кто-нибудь
Неосторожными руками
Не пролил яда мне на грудь.

23 июля 1887, 9 мая 1893,
12 сентября 1895

117

Нет, не одно только горе, —
    Есть же на свете
Алые розы, и зори,
И беззаботные дети.

Пусть в небесах догорают
    Зори так скоро,
Пусть наши розы роняют
    Скоро уборы,

Пусть омрачаются рано
Властию зла и обмана
    Детские взоры, —
Розы, и зори, и дети
Будут на пасмурном свете.

24 сентября 1895

118

Истомил меня пасмурный день,
Извела одинокая скука.
Неотступна чуть видная тень,
Повторений томящих порука.

Впечатлений навязчивых сеть...
Разорвать бы постылые петли!
Не молитвой ли сердце согреть?
О веселых надеждах не спеть ли?

Но молитвы забыты давно,
И наскучили песни былые,
Потому что на сердце темно,
Да и думы — такие всё злые!

19 ноября 1894, 5 октября 1895

119

Словно бусы, сказки нижут,
Самоцветки, ложь да ложь.
Языком клевет не слижут,
Нацепили, и несешь.

Бубенцы к дурацкой шапке
Пришивают, ложь да ложь.
Злых репейников охапки
Накидали, не стряхнешь.

Полетели отовсюду
Комья грязи, ложь да ложь.
Навалили камней груду,
А с дороги не свернешь.

По болоту-бездорожью
Огоньки там, ложь да ложь, —
И барахтаешься с ложью,
Или в омут упадешь.

10 октября 1895

120

Шум и ропот жизни скудной
    Ненавистны мне.
Сон мой трудный, непробудный
    В мертвой тишине,

Ты взлелеян скучным шумом
    Гордых городов,
Где моим заветным думам
    Нет надежных слов.

Этот грохот торопливый
    Так враждебен мне.
Долог сон мой, сон ленивый
    В мертвой тишине.

26 октября 1895

121

Покоряясь жажде странной,
Овладевши кучей книг,
Как тигрица на добычу,
Ты набросилась на них.

Не учись по этим книгам,
Что лежат перед тобой, —
Лицемеры их писали,
Вознесенные толпой.

Что прилично, что обычно,
Что вошло уже в закон,
Лишь тому их жалкий лепет
Малодушно посвящен.

А тому, что в темном сердце
Подымает бунт страстей,
Не могли они ответить
Речью косною своей.

6 декабря 1895

122

Хорошо бы стать рыбачкой,
Смелой, сильной и простой,
С необутыми ногами,
С непокрытой головой.
Чтоб в ладье меня качала б
Говорливая волна,
И в глаза мои глядели б
Небо, звезды и луна.
На прибрежные каменья
Выходила б я боса,
И по ветру черным флагом
Развевалась бы коса.

6 декабря 1895

123

Приучив себя к мечтаньям,
Неживым очарованьям
Душу слабую отдав,
Жизнью занят я минутно,
Равнодушно и попутно,
Как вдыхают запах трав,
Шелестящих под ногами
В полуночной тишине,
Отвечающей луне
Утомительными снами
И тревожными мечтами.

7 декабря 1895

124

Мне страшный сон приснился,
Как будто я опять
На землю появился
И начал возрастать, —

И повторился снова
Земной ненужный строй

От детства голубого
До старости седой:

Я плакал и смеялся,
Играл и тосковал,
Бессильно порывался,
Беспомощно искал...

Мечтою облелеян,
Желал высоких дел, —
И, братьями осмеян,
Вновь проклял свой удел.

В страданиях усладу
Нашел я кое-как,
И мил больному взгляду
Стал замогильный мрак,

И, кончив путь далекий,
Я начал умирать, —
И слышу суд жестокий:
«Восстань, живи опять!»

12 декабря 1895

125

Кинул землю он родную
И с женой не распрощался.
Из одной земли в другую
Долго молодец шатался.
Наконец в земле литовской
Счастье парню привалило
И удачей молодцовской
Вдосталь наделило.
Был он конюхом сначала,
Полюбился королеве,
И она его ласкала, —
А потом повис на древе,
Потому что проследили,
Донесли и уличили!

Суд был строгий и короткий:
Королеву заточили,
Парня в петле удавили
Под ее окном с решеткой.

7 января 1896

126

На гулких улицах столицы
Трепещут крылья робких птиц,
И развернулись вереницы
Угрюмых и печальных лиц.

Под яркой маской злого света
Блестит торжественно глазет.
Идет, вся в черное одета,
Жена за тем, кого уж нет.

Мальчишки с песнею печальной
Бредут в томительную даль
Пред колесницей погребальной,
Но им покойника не жаль.

28—29 января 1896

127

Вдали, над затравленным зверем,
Звенит, словно золотом, рог.
Не скучен боярыне терем,
И взор ее нежен и строг.

Звенит над убитым оленем,
Гремит торжествующий рог.
Коса развилась по коленям,
И взор и призывен, и строг.

Боярин стоит над добычей,
И рог сладкозвучен ему.
О, женский лукавый обычай!
О, сладкие сны в терему!

Но где же, боярин, твой кречет?
Где верный сокольничий твой?
    Он речи лукавые мечет,
    Целуясь с твоею женой.

1—2 февраля 1896

128

Расцветайте, расцветающие,
Увядайте, увядающие,
Догорай, объятое огнем, —
Мы спокойны, не желающие,
Лучших дней не ожидающие,
Жизнь и смерть равно встречающие
С отуманенным лицом.

25 февраля 1896

129

Дорогой скучно-длинною,
Безрадостно-пустынною,
Она меня вела,
Печалями изранила,
И разум отуманила,
И волю отняла.

Послушен ей, медлительной,
На путь мой утомительный
Не жалуясь, молчу.
Найти дороги торные,
Веселые, просторные,
И сам я не хочу.

Глаза мои дремотные
В виденья мимолетные
Безумно влюблены.
Несут мои мечтания
Святые предвещания
Великой тишины.

9—10 марта 1896

130

Вывески цветные,
Буквы золотые,
Солнцем залитые,
Магазинов ряд
С бойкою продажей,
Грохот экипажей, —
Город солнцу рад.

Но в толпе шумливой,
Гордой и счастливой,
Вижу я стыдливой,
Робкой нищеты
Скорбные приметы:
Грубые предметы,
Темные черты.

18 марта 1896

131

Имена твои не ложны,
Беспечальны, бестревожны, —
Велика их глубина.
Их немолчный, темный шепот,
Предвещательный их ропот
Как вместить мне в письмена?

Имена твержу, и знаю,
Что в ином еще живу,
Бесполезно вспоминаю
И напрасно я зову.

Может быть, ты проходила,
Не жалела, но щадила,
Не желала, но звала,
Грустно взоры опускала,
Трав каких-то всё искала,
Находила и рвала.

Может быть, ты устремляла
На меня тяжелый взор
И мечтать не позволяла
Про победу и позор.

Имена твои все знаю,
Ими день я начинаю
И встречаю мрак ночной,
Но сказать их вслух не смею,
И в толпе людской немею,
И смущен их тишиной.

19 марта 1896

132

Грустные взоры склоняя,
Светлые слезы роняя,
Ты предо мною стоишь.
Только б рыданья молчали, —
Злые лобзанья печали
Ты от толпы утаишь.

Впалые щеки так бледны.
Вешние ль грозы бесследны,
Летний ли тягостен зной,
Или на грех ты дерзаешь, —
Сердце мое ты терзаешь
Смертной своей белизной.

20 марта 1896

133

Запах асфальта и грохот колес,
    Стены, каменья и плиты...
О, если б ветер внезапно донес
    Шелест прибрежной ракиты!

Грохот на камнях и ропот в толпе, —
    Город не хочет смириться.
О, если б вдруг на далекой тропе
    С милою мне очутиться!

Ясные очи младенческих дум
    Сердцу открыли бы много.
О, этот грохот, и ропот, и шум —
    Пыльная, злая дорога!

21—30 марта 1896

134

Одиночество — общий удел,
Да не всякий его сознает, —
Ты себя обмануть не хотел,
И оно тебе ад создает.

И не рад ты, и рад ты ему,
Но с тоской безутешной твоей
Никогда не пойдешь ни к кому —
И чего б ты просил у людей?

Никому не завидовал ты,
Пожелать ничего ты не мог,
И тебя увлекают мечты
На просторы пустынных дорог.

18 апреля 1896

135

Царевной мудрой Ариадной
Царевич доблестный Тезей
Спасен от смерти безотрадной
Среди запутанных путей:
К его одежде привязала
Она спасительную нить, —
Перед героем смерть стояла,
Но не могла его пленить,
И, победитель Минотавра,
Свивая нить, умел найти
Тезей к венцу из роз и лавра
Прямые, верные пути.

А я — в тиши, во тьме блуждаю,
И в Лабиринте изнемог,

И уж давно не понимаю
Моих обманчивых дорог.
Всё жду томительно: устанет
Судьба надежды хоронить,
Хоть перед смертью мне протянет
Путеводительную нить, —
И вновь я выйду на свободу,
Под небом ясным умереть
И, умирая, на природу
Глазами ясными смотреть.

17 марта — 27 апреля 1896

136

Изменил я тебе, неземная, —
Я земную жену полюбил.
Обагрился закат, догорая,
Ароматами нежными мая
Сладкий вечер меня отравил.

Под коварным сиреневым цветом,
Улыбаясь и взоры клоня,
Та, земная, пленила меня
Непорочно-лукавым приветом.

Я, невеста, тебе изменил,
Очарованный девой телесной.
Я твой холод блаженный забыл.
О, закрой меня ризой небесной
От земных распаляющих сил!

14 мая 1896

137

В тишине бездыханной ночной
Ты стоишь у меня за спиной,
Я не слышу движений твоих,
Как могила, ты темен и тих.
Оглянуться не смею назад,
И на мне твой томительный взгляд,
И как ночь раскрывает цветы,
Что цветут для одной темноты,

Так и ты раскрываешь во мне
Всё, что чутко живет в тишине, —
И вошел я в обитель твою,
И в кругу чародейном стою.

28 мая 1896

138

Не понять мне, откуда, зачем
И чего он томительно ждет.
Предо мною он грустен и нем,
    И всю ночь напролет
Он вокруг меня чем-то чертит
На полу чародейный узор,
И куреньем каким-то дымит,
    И туманит мой взор.
Опускаю глаза перед ним,
Отдаюсь чародейству и сну,
И тогда различаю сквозь дым
    Голубую страну.
Он приникнет ко мне и ведет,
И улыбка на мертвых губах, —
И блуждаю всю ночь напролет
    На пустынных путях.
Рассказать не могу никому,
Что увижу, услышу я там, —
Может быть, я и сам не пойму,
    Не припомню и сам.
Оттого так мучительны мне
Разговоры, и люди, и труд,
Что меня в голубой тишине
    Волхвования ждут.

29 мая 1896

139

Грозные невзгоды,
Темная вражда.
Быстро мчатся годы.
За бедой беда.
Утешаться, верить,

Ворожить, тужить,
Плакать, лицемерить.
Стоит жить!

Дни идут. Всё то же,
Перемены нет.
Думы злее, строже.
Много, много лет
Медленно трудиться,
Угождать, служить,
Унижаться, биться.
Стоит жить!

6 июня 1896

140. ПИЛИГРИМ

В одежде пыльной пилигрима,
Обет свершая, он идет,
Босой, больной, неутомимо,
То шаг назад, то два вперед.
И, чередуясь мерно, дали
Встают всё новые пред ним,
Неистощимы, как печали, —
И всё далек Ерусалим...

В путях томительной печали
Стремится вечно род людской
В недосягаемые дали
К какой-то цели роковой.
И создает неутомимо
Судьба преграды перед ним,
И всё далек от пилигрима
Его святой Ерусалим.

7—12 июня 1896

141

На песке прихотливых дорог
От зари догорающей свет
Озарил, расцветил чьих-то ног
Тонкий след...

Может быть, здесь она проходила,
Оставляя следы на песке,
И помятый цветок проносила
На руке.

Поднимая раскрытую руку,
Далеко за мечтой унеслась
И далекому, тайному звуку
Отдалась.

Тосковали на нежной ладони
Молодой, но жестокой руки
По своей ароматной короне
Лепестки...

Молодою и чуждой печалью
Не могу я души оживить
И того, что похищено далью,
Воротить.

Мне об ней ничего не узнать,
Для меня обаяния нет.
Что могу на земле различать?
Только след.

1—2 июля 1896

142

Не люблю, не обольщаюсь,
Не привязываюсь к ним,
К этим горько-преходящим
Наслаждениям земным.

Как ребенок, развлекаюсь
Мимолетною игрой,
И доволен настоящим —
Полднем радостным и тьмой.

3 июля 1896

143

Не нашел я дороги,
И в дремучем лесу
Все былые тревоги
Осторожно несу.

Все мечты успокоя,
Беспечален и нем,
Я заснувшего зоя
Не тревожу ничем.

Избавление чую,
Но путей не ищу, —
Ни о чем не тоскую,
Ни на что не ропщу.

3—4 июля 1896

144

Короткая радость сгорела,
И снова я грустен и нищ,
И снова блуждаю без дела
У чуждых и темных жилищ.

Я пыл вдохновенья ночного
Больною душой ощущал,
Виденья из мира иного
Я светлым восторгом встречал.

Но краткая радость сгорела,
И город опять предо мной,
Опять я скитаюсь без дела
По жесткой его мостовой.

7 июля 1896

145

Под одеждою руки скрывая,
Как спартанский обычай велит,
И смиренно глаза опуская,
Перед старцами отрок стоит.

На минуту вопросом случайным
Задержали его старики, —
И сжимает он что-то потайным,
Но могучим движеньем руки.
Он лисицу украл у кого-то,
И лисица грызет ему грудь,
Но у смелого только забота —
Стариков, как и всех, обмануть.
Удалось! Он добычу уносит,
Он от старцев идет не спеша, —
И живую лисицу он бросит
Под намет своего шалаша.

Проходя перед злою толпою,
Я сурово печаль утаю,
Равнодушием внешним укрою
Ото всех я кручину мою, —
И пускай она сердце мне гложет,
И пускай ее трудно скрывать,
Но из глаз моих злая не сможет
Унизительных слез исторгать.
Я победу над ней торжествую
И уйти от людей не спешу,—
Я печаль мою злую, живую
Принесу к моему шалашу,
И под темным наметом я сброшу,
Совершив утомительный путь,
Вместе с жизнью жестокую ношу,
Истомившую гордую грудь.

6—8 июля 1896

146

Влачится жизнь моя в кругу
Ничтожных дел и впечатлений,
И в море вольных вдохновений
Не смею плыть — и не могу.

Стою на звучном берегу,
Где ропщут волны песнопений,

Где веют ветры всех стремлений,
И всё чего-то стерегу.

Быть может, станет предо мною,
Одетый пеною морскою,
Прекрасный гость из чудных стран,

И я услышу речь живую
Про всё, о чем я здесь тоскую,
Про всё, чем дивен океан.

10—12 июля 1896

147

На закат, на зарю
Долго, долго смотрю.

Слышу, кровь моя бьется
И в заре отдается.

Как-то весело мне,
Что и я весь в огне.

Это — кровь моя тает
И горит да играет

Над моею горой,
Над моею рекой.

Вот заря догорела,
Мне смотреть надоело.

Я глаза затворил,
Я весь мир погасил.

31 июля 1896

148

Восставил бог меня из влажной глины,
  Но от земли не отделил.
Родные мне вершины и долины,
  Как я себе, весь мир мне мил.

Когда гляжу на дальние дороги,
Мне кажется, что я на них
Все чувствую колеса, камни, ноги,
Как будто на руках моих.

Гляжу ли я на звонкие потоки —
Мне кажется, что это мне
Земля несет живительные соки,
Свои дары моей весне.

1 августа 1896

149

Затаился в траве и лежу,
И усталость мою позабыл, —
У меня ль недостаточно сил?
Я глубоко и долго гляжу.

Солнцем на небе сердце горит,
И расширилась небом душа,
И мечта моя ветром летит,
В запредельные страны спеша.

И на небе моем облака
То растают, то катятся вновь.
Позабыл, где нога, где рука,
Только в жилах торопится кровь.

2 августа 1896

150. ВСЁ ВО ВСЕМ

Если кто-нибудь страдает,
Если кто-нибудь жесток,
Если в полдень увядает
Зноем сгубленный цветок, —

В сердце болью отзовется
Их погибель и позор,
И страданием зажжется
Опечаленный мой взор:

Потому что нет иного
Бытия, как только я;
Радость счастья голубого
И печаль томленья злого,
Всё, во всем душа моя.

5 августа 1896

151

Я люблю мою темную землю,
И, в предчувствии вечной разлуки,
Не одну только радость приемлю,
Но смиренно и тяжкие муки.

Ничего не отвергну в созданьи, —
И во всем есть восторг и веселье,
Есть великая трезвость в мечтаньи,
И в обычности буйной — похмелье.

Преклоняюсь пред Духом великим,
И с Отцом бытие мое слито,
И созданьем Его многоликим
От меня ли единство закрыто!

5 августа 1896

152

Какие-то светлые девы
Сегодня гостили у нас.
То не были дочери Евы, —
Таких я не видывал глаз.
Я встретил их где-то далёко
В суровом лесу и глухом.
Бежали они одиноко,
Пугливо обнявшись, вдвоем.
И было в них много печали,
Больной, сиротливой, лесной,
И ноги их быстро мелькали,
Покрытые светлой росой.

Но руки их смелой рукою
Сложил я в спасающий крест
И вывел их верной тропою
Из этих пугающих мест.
И бедные светлые девы
Всю ночь прогостили у нас, —
Я слушал лесные напевы,
И сладкий, и нежный рассказ.

5—6 августа 1896

153

Путь мой трудный, путь мой длинный,
Я один в стране пустынной,
Но услады есть в пути, —
Улыбаюсь, забавляюсь,
Сам собою вдохновляюсь,
И не скучно мне идти.

Широки мои поляны,
И белы мои туманы,
И светла луна моя,
И поет мне ветер вольный
Речью буйной, безглагольной
Про блаженство бытия.

7—11 августа 1896
Нижний Новгород

154

Больному сердцу любо
Строй жизни порицать.
Всё тело хочет грубо
Мне солнце пронизать,

Луна не обратилась
В алтарную свечу,
И всё навек сложилось
Не так, как я хочу.

Кто дал мне это тело
И с ним так мало сил,
И жаждой без предела
Всю жизнь меня томил?

Кто дал мне землю, воды,
Огонь и небеса,
И не дал мне свободы,
И отнял чудеса?

На прахе охладелом
Былого бытия
Природою и телом
Томлюсь безумно я.

7—11 августа 1896
Нижний Новгород

155

Из мира чахлой нищеты,
Где жены плакали и дети лепетали,
Я улетал в заоблачные дали
В объятьях радостной мечты,
И с дивной высоты надменного полета
Преображал я мир земной,
И он сверкал передо мной,
Как темной ткани позолота.
Потом, разбуженный от грез
Прикосновеньем грубой жизни,
Моей мучительной отчизне
Я неразгаданное нес.

11 августа 1896
Волга

156

Люблю мое молчанье
В лесу во тьме ночей
И тихое качанье
Задумчивых ветвей.

Люблю росу ночную
В сырых моих лугах
И влагу полевую
При утренних лучах.
Люблю зарею алой
Веселый холодок
И бледный, запоздалый
Рыбачий огонек.
Тогда успокоенье
Нисходит на меня,
И что мне всё томленье
Пережитого дня!
Я всем земным простором
Блаженно замолчу
И многозвездным взором
Весь мир мой охвачу.
Закроюсь я туманом
И волю дам мечтам,
И сказочным обманом
Раскинусь по полям.

14—15 августа 1896

157

Усмиривши творческие думы,
К изголовью день мой наклоня,
Погасил я блеск, огни и шумы,
Всё, что здесь не нужно для меня.

Сквозь полузакрытые ресницы
Я в края полночные вхожу
И в глаза желанной Царь-Девицы
Радостно гляжу.

17 августа 1896

158

Какие злые перемены!
Зачем же вас я должен знать?
Опять меня замкнули стены,
Я каменеть начну опять.

И шум и грохот воздвигаю
Опять на улицах моих,
И понемногу забываю
О тишине ночей лесных,

И учреждаю я торговлю,
И зажигаю фонари,
И забываю сад, и кровлю,
И свежесть утренней зари.

15 октября 1896

159

Какой-то хитрый чародей
Разъединил мое сознанье
С природою моей, —
И в этом всё мое страданье.

Но если дремлет он порой
И колдовство оставит,
Уже природа не лукавит,
Не забавляется со мной.

Послушна и правдива,
Она приблизится ко мне.
В ее бездонной глубине
Я вижу девственные дива.

20 октября 1896

160

Бывают дивные мгновенья,
Когда насквозь озарено
Блаженным светом вдохновенья
Всё, так знакомое давно.

Всё то, что сила заблужденья
Всегда являла мне чужим,
В блаженном свете вдохновенья
Опять является моим.

Смиряются мои стремленья,
Мои безбурны небеса,
В блаженном свете вдохновенья
Какая радость и краса!

21 октября 1896

161

Я — бог таинственного мира,
Весь мир в одних моих мечтах.
Не сотворю себе кумира
Ни на земле, ни в небесах.

Моей божественной природы
Я не открою никому.
Тружусь, как раб, а для свободы
Зову я ночь, покой и тьму.

28 октября 1896

162

Просыпаюсь рано.
Чуть забрезжил свет,
Тёмно от тумана,
Встать мне или нет?
Нет, вернусь упрямо
В колыбель мою, —
Спой мне, спой мне, мама:
«Баюшки-баю!»

Молодость мелькнула,
Радость отнята,
Но меня вернула
В колыбель мечта.
Не придет родная, —
Что ж, и сам спою,
Горе усыпляя:
«Баюшки-баю!»

Сердце истомилось.
Как отрадно спать!
Горькое забылось,
Я — дитя опять,
Собираю что-то
В голубом краю,
И поет мне кто-то:
«Баюшки-баю!»

Бездыханно, ясно
В голубом краю.
Грезам я бесстрастно
Силы отдаю.
Кто-то безмятежный
Душу пьет мою.
Шепчет кто-то нежный:
«Баюшки-баю!»

Наступает томный
Пробужденья час.
День грозится темный,
Милый сон погас,
Начала забота
Воркотню свою,
Но мне шепчет кто-то:
«Баюшки-баю!»

1—2 декабря 1896

163

Поднимаю бессонные взоры
И луну в небеса вывожу,
В небесах зажигаю узоры
И звездами из них ворожу,

Насылаю безмолвные страхи
На раздолье лесов и полей
И бужу беспокойные взмахи
Окрыленной угрозы моей.

Окружился я быстрыми снами,
Позабылся во тьме и в тиши,
И цвету я ночными мечтами
Бездыханной вселенской души.

2 декабря 1896

164

Никого и ни в чем не стыжусь, —
Я один, безнадежно один,
Для чего ж я стыдливо замкнусь
В тишину полуночных долин?

Небеса и земля — это я,
Непонятен и чужд я себе,
Но великой красой бытия
В роковой побеждаю борьбе.

8 декабря 1896

165

Вижу зыбку над могилой,
Знаю, — мать погребена,
И ребенка грудью хилой
Не докормит уж она.
Нет младенца в колыбели,
Крепко спит в могиле мать,
Только зимние метели
Станут зыбку подымать.

Эта зыбка и могила, —
В них мой образ вижу я:
Умерла былая сила,
Опустела жизнь моя, —
Кто-то вынул сон прекрасный
Из души моей больной
И томит меня безгласной,
Бездыханной тишиной.

9 декабря 1896

166

Надо мною жестокая твердь,
Предо мною томительный путь,
А за мною лукавая смерть
Всё зовет да манит отдохнуть.

Я ее не хочу и боюсь,
Отвращаюсь от злого лица.
Чтоб ее одолеть, я стремлюсь
Расширять бытие без конца.

Я — царевич с игрушкой в руках,
Я — король зачарованных стран.
Я — невеста с тревогой в глазах,
Богомолкой бреду я в туман.

14 декабря 1896

167

Я лицо укрыл бы в маске,
Нахлобучил бы колпак
И в бесстыдно-дикой пляске
Позабыл бы кое-как
Роковых сомнений стаю
И укоры без конца —
Всё, пред чем не поднимаю
Незакрытого лица.
Гулкий бубен потрясая
Высоко над головой,
Я помчался б приседая,
Дробь ногами выбивая,
Пред хохочущей толпой,
Вкруг литого, золотого,
Недоступного тельца,
Отгоняя духа злого,
Что казнит меня сурово
Скудной краскою лица.
Что ж меня остановило?

Или это вражья сила
Сокрушила бубен мой?
Отчего я с буйным криком
И в безумии великом
Пал на камни головой?

17 декабря 1895, 15 декабря 1896

168

Злое земное томленье,
Злое земное житье,
Божье ли ты сновиденье
Или ничье?

В нашем, в ином ли твореньи
К истине есть ли пути,
Или в бесплодном томленьи
Надо идти?

Чьим же творящим хотеньем
Неразделимо слита
С неутомимым стремленьем
Мира тщета?

26 декабря 1896

169

На меня ползли туманы
Заколдованного дня,
Чародейства и обманы
Выходили на меня,
Мне безликие грозили,
Мне полуденная мгла
Из дорожной серой пыли
Вихри зыбкие вила.

Но таинственное слово
Начертал я на земле, —
Обаянья духа злого
Робко замерли во мгле.

Без меча вошел я смело
В ту заклятую страну,
Где так долго жизнь коснела
И покорствовала сну.

Вражья сила разливала
Там повсюду страх и тьму, —
Там царевна почивала,
Сидя с прялкой в терему,
Замерла у дивной пряхи
С нитью тонкою рука;
Ветер стих на буйном взмахе,
Ставнем двинувши слегка.

Я вошел в ее светлицу,
Победитель темных сил,
И красавицу девицу
Поцелуем разбудил.
Очи светлые открыла
И зарделась вдруг она,
И рукой перехватила
Легкий взмах веретена.

10 февраля 1897

170

За мельканьем волшебных узоров
Я слежу в заколдованной мгле,
И моих очарованных взоров
Не прельщает ничто на земле.

Обаянья мои как вериги,
Я страданий моих не боюсь.
Мудрецам, изучающим книги,
Я безумцем порочным кажусь.

Но моя недоступна ограда,
Стережет меня крепко печаль.
И в печали, и в тайне — отрада,
И надежд простодушных не жаль.

20 февраля 1897

171

Не ужасай меня угрозой
Безумства, муки и стыда,
Навек останься легкой грезой,
Не воплощайся никогда.

Храни безмерные надежды,
Звездой далекою светись,
Чтоб наши грубые одежды
Вокруг тебя не обвились.

7 марта 1897

172

Порою туманной,
Дорогою трудной
Иду!
О друг мой желанный,
Спаситель мой чудный, —
Я жду!
Мгновенное племя,
Цветут при дороге
Мечты.
Медлительно время,
И сердце в тревоге, —
А ты,
Хоть смертной тропою,
В последний, жестокий
Мой день,
Пройди предо мною,
Как призрак далекий,
Как тень!

7 марта 1897

173

Ты печально мерцала
Между ярких подруг
И одна не вступала
В их пленительный круг.

Незаметная людям,
Ты открылась лишь мне,
И встречаться мы будем
В голубой тишине,

И, молчание ночи
Навсегда полюбя,
Я бессонные очи
Устремлю на тебя.

Ты без слов мне расскажешь,
Чем и как ты живешь,
И тоску мою свяжешь,
И печали сожжешь.

26 марта 1897

174

Над безумием шумной столицы
В темном небе сияла луна
И далеких светил вереницы,
Как виденья прекрасного сна.

Но толпа проходила беспечно,
И на звезды никто не глядел,
И союз их, вещающий вечно,
Безответно и праздно горел.

И один лишь скиталец покорный
Подымал к ним глаза от земли,
Но спасти от погибели черной
Их вещанья его не могли.

28 марта 1897

175

Постройте чертог у потока
В таинственно-тихом лесу,
Гонцов разошлите далёко,
Сберите живую красу —

Детей беспокровных,
Голодных детей
Ведите в защиту дубровных
Широких ветвей.

Проворные детские ноги
В зеленом лесу побегут
И в нем молодые дороги
Себе обретут.
Возделают детские руки
Эдем, для работы сплетясь, —
И зой их веселые звуки
Окличет, в кустах притаясь.

8 апреля 1897

176

Я не спал, — и звучало
За рекой,
Трепетало, рыдало
Надо мной.

Это пела русалка,
А не ты.
И былого мне жалко,
И мечты.

До зари недалекой
Как заснуть!
Вспоминал я жестокий,
Долгий путь.

А русалка смеялась
За рекой, —
Нет, не ты издевалась
Надо мной.

8 апреля 1897

177

Близ одинокой избушки
Молча глядим в небеса.
Глупые стонут лягушки,
Мочит нам платье роса.

Все отсырели дороги,—
Ты не боишься ничуть
И загорелые ноги
Так и не хочешь обуть.

Сердце торопится биться, —
Твой ожидающий взгляд
Рад бы ко мне обратиться, —
Я ожиданию рад.

11 апреля 1897

178

Живы дети, только дети, —
Мы мертвы, давно мертвы.
Смерть шатается на свете
И махает, словно плетью,
Уплетенной туго сетью
Возле каждой головы.

Хоть и даст она отсрочку —
Год, неделю или ночь,
Но поставит всё же точку
И укатит в черной тачке,
Сотрясая в дикой скачке,
Из земного мира прочь.

Торопись дышать сильнее,
Жди — придет и твой черед.
Задыхайся, цепенея,
Леденея перед нею.
Срок пройдет — подставишь шею, —
Ночь, неделя или год.

15 апреля 1897

179

В поле не видно ни зги.
Кто-то зовет: «Помоги!»
Что я могу?
Сам я и беден и мал,
Сам я смертельно устал,
Как помогу?

Кто-то зовет в тишине:
«Брат мой, приблизься ко мне!
Легче вдвоем.
Если не сможем идти,
Вместе умрем на пути,
Вместе умрем!»

18 мая 1897

180

Ускользающей цели
Обольщающий свет,
И ревнивой метели
Угрожающий бред...

Или время крылато?
Или сил нет во мне?
Всё, чем жил я когда-то,
Словно было во сне.

Замыкаются двери,
И темнеет кругом,
И утраты, потери,
И бессильно умрем.

Истечение чую
Холодеющих сил,
И тоску вековую
Беспощадных могил.

15 июня 1897

Въ поле не видно ни зги.
Кто-то зовет: "Помоги!"
Что я могу?
Сам я и беден и мал,
Сам я смертельно устал,
Как помогу?

Кто-то зовет в тишине:
"Брат мой, приблизься ко мне!
Легче вдвоем.
Если не сможем идти,
Вместе умрем на пути,
Вместе умрем!"

18 мая

181

Придешь ли ты ко мне, далекий, тайный друг?
Зову тебя давно. Бессонными мечтами
Давно замкнулся я в недостижимый круг, —
И только ты один, легчайшими руками
Ты разорвешь его, мой тайный, дальний друг.

Я жду, и жизнь моя темна, как смутный бред.
Толпятся чудища перед заветным кругом,
И мне грозят они, и затмевают свет,
И веют холодом, печалью да испугом.
Мне тяжко без тебя, вся жизнь моя как бред.

Сгорает день за днем, за ночью тлеет ночь, —
Мерцает впереди непостижимым светом
Гора, куда взойти давно уж мне невмочь.
О милый, тайный друг, поверь моим обетам
И посети меня в тоскующую ночь.

15 июня 1897

182. УТЕШАЮЩИЙ СВЕТ

В темный час на иконы
Безнадежно гляжу,
И закрыты каноны,
И молитв не твержу.

Безобразны и дики
Впечатления дня.
Бестревожные лики,
Утешайте меня!

От бесстрастного взора
Прямо в душу мою
Я греха и позора
Никогда не таю.

Не от мира исходит
Утешающий свет,
И не к жизни приводит
Нерушимый завет.

Что мне мир. Он осудит
Иль хвалой оскорбит.
Темный путь мой пребудет
Нелюдим и сокрыт.

30—31 июля 1897

183

Мелькающие годы,
Томителен ваш лад,
Как поздней непогоды
Тоскующий наряд.

Протягивая руки,
С надеждою в глазах,
Несбыточной науки
Я ждал в ночных путях, —

И чар полночных сила
Несла мне свой покой,
И сердце примирила
С безвыходной судьбой.

Но я, неблагодарный,
Уставший тайной жить,
С насмешкою коварной
Стал тайну поносить, —

И в мир полдневной скуки
Бежал поспешно я
От радостной науки
Ночного бытия.

И сердце взволновалось,
В огне внезапном кровь, —
Нежданная примчалась
Проказница — любовь.

Но крик ее веселый
Меня остановил,
И стан ее дебелый
Мечты мои убил.

Я робко отрекаюсь
От злых ее тревог
И быстро возвращаюсь
В полночный мой чертог.

15 августа 1897

184

Час ночной отраден
Для бесстрашного душой.
Воздух нежен и прохладен,
Темен мрак ночной.

Только звезд узоры
Да вдали кой-где огни
Различают смутно взоры.
Грусть моя, усни!

Вся обычность скрыта,
Тьмою смыты все черты.
Ночь — безмолвная защита
Мне от суеты.

Кто-то близко ходит,
Кто-то нежно стережет,
Чутких глаз с меня не сводит,
Но не подойдет.

16 августа 1897

185

Полуночною порою
Я один с больной тоскою
Перед лампою моей.
Жизнь докучная забыта,
Плотно дверь моя закрыта, —
Что же слышно мне за ней?

Отчего она, шатаясь,
Чуть заметно открываясь,
Заскрипела на петлях?

Дверь моя, не открывайся!
Внешний холод, не врывайся!
Нестерпим мне этот страх.

Что мне делать? Заклинать ли?
Дверь рукою задержать ли?
Но слаба рука моя.
И уста дрожат от страха.
Так, воздвигнутый из праха,
Скоро прахом стану я.

18—20 августа 1897

186

Под звучными волнами
Полночной темноты
Далекими огнями
Колеблются мечты.
Мне снится, будто снова
Цветет любовь моя,
И счастия земного,
Как прежде, жажду я.
Но песней не бужу я
Красавицу мою,
И жажду поцелуя
Томительно таю.

Обвеянный прохладой
В немом ее саду
За низкою оградой
Тихохонько иду.
Глухих ищу тропинок,
Где травы проросли, —
Чтоб жалобы песчинок
До милой не дошли.
Движенья замедляю
И песни не пою,
Но сердцем призываю
Желанную мою.

И, сердцем сердце чуя,
Она выходит в сад.

Глаза ее, тоскуя,
Во тьму мою глядят.
В ночи ее бессонной
Внезапные мечты,
В косе незаплетенной
Запутались цветы.
Мне снится: перед нею
Безмолвно я стою,
Обнять ее не смею,
Таю любовь мою.

23 августа 1897

187

Суровый друг, ты недоволен,
Что я грустна.
Ты молчалив, ты вечно болен, —
И я больна.

Но не хочу я быть счастливой,
Идти к другим.
С тобой мне жить в тоске пугливой,
С больным и злым.

Отвыкла я от жизни шумной
И от людей.
Мой взор горит тоской безумной,
Тоской твоей.

Перед тобой в немом томленьи
Сгораю я.
В твоем печальном заточеньи
Вся жизнь моя.

24 августа 1897

188

Выйди в поле полночное,
Там ты стань на урочное,
На заклятое место, —

Где с тоской распрощалася,
На осине качалася
Молодая невеста.

Призови погубителя,
Призови обольстителя,
И приветствуй прокуду,
И спроси у проклятого,
Не былого, не знатого, —
Быть добру или худу.

Опылит тебя топотом,
Оглушит тебя шепотом
И покатится с поля.
Слово довеку свяжется,
Без покрова покажется
Посуленная доля.

27 августа 1897

189

Закрывая глаза, я целую тебя, —
  Бестелесен и тих поцелуй.
Ты глядишь и молчишь, не губя, не любя,
  В колыханьи тумана и струй.

Я плыву на ладье, — и луна надо мной
  Подымает печальный свой лик.
Я плыву по реке, — и поник над рекой
  Опечаленный чем-то тростник.

Ты неслышно сидишь, ты не двинешь рукой, —
  И во мгле, и в сиянии даль.
И не знаю я, долго ли быть мне с тобой,
  И когда ты мне молвишь: «Причаль».

Этот призрачный лес на кругом берегу,
  И поля, и улыбка твоя —
Бестелесное всё. Я забыть не могу
  Бесконечной тоски бытия.

28 августа 1897

190

Не думай, что это березы,
Что это холодные скалы.
Всё это — порочные души.

Печальны и смутны их думы,
И тягостна им неподвижность, —
И нам они чужды навеки;
И люди вовек не узнают
Заклятой и страшной их тайны.

И мудрому только провидцу
Открыто их темное горе
И тайна их скованной жизни.

29 августа 1897

191

Забыты вино и веселье,
Оставлены латы и меч, —
Один он идет в подземелье,
Лампады не хочет зажечь.

И дверь заскрипела протяжно, —
В нее не входили давно.
За дверью и тёмно, и влажно,
Высоко и узко окно.

Глаза привыкают во мраке, —
И вот выступают сквозь мглу
Какие-то странные знаки
На сводах, стенах и полу.

Он долго глядит на сплетенье
Непонятых знаков и ждет,
Что взорам его просветленье
Всезрящая смерть принесет.

8 сентября 1897

192

Жаркое солнце по небу плывет.
Ночи земля утомленная ждет.

В теле — истома, в душе — пустота,
Воля почила, и дремлет мечта.

Где моя гордость, где сила моя?
К низшим склоняюсь кругам бытия.

Силе таинственной дух мой предав,
Жизнью, подобной томлению трав,

Тихо живу, и неведомо мне,
Что созревает в моей глубине.

9 октября 1897

193

Келья моя и тесна, и темна.
Только и свету, что свечка одна.

Полночи вещей я жду, чтоб гадания
        Снова начать
        И услыхать
    Злой моей доли вещания.

Олово, ложка да чаша с водой —
Всё на дощатом столе предо мной.

Олово в ложке над свечкой мерцающей
        Я растоплю,
        И усыплю
    Страх, мое сердце смущающий.

Копоть покрыла всю ложку мою.
Талое олово в воду я лью.
    Что же пророчит мне олово?

Кто-то стоит
И говорит:
«Взял же ты олова — злого, тяжелого!»

Острые камни усеяли путь,
Меч изостренный вонзился мне в грудь.

13 октября 1897

194

Долог мой путь утомительный,
Мрак надо мной,
Слышу я чей-то пронзительный,
Жалобный вой.

Дышит он злыми укорами,
Горько зовет,
Но над немыми просторами
Друг не пройдет.

14 октября 1897

195

О владычица смерть, я роптал на тебя,
Что ты, злая, царишь, всё земное губя.
И пришла ты ко мне, и в сиянии дня
На людские пути повела ты меня.

Увидал я людей в озареньи твоем,
Омраченных тоской, и бессильем, и злом.
И я понял, что зло под дыханьем твоим
Вместе с жизнью людей исчезает, как дым.

20 октября 1897

196

Ты ко мне приходила не раз
То в вечерний, то в утренний час
И всегда утешала меня.

Ты мою отгоняла печаль
И вела меня в ясную даль,
Тишиной и мечтой осеня.

И мы шли по широким полям,
И цветы улыбалися нам,
И, смеясь, лепетала волна,
Что вокруг нас — потерянный рай,
Что я — светлый и радостный май
И что ты — молодая весна.

14 декабря 1897

197

Не стоит ли кто за углом?
Не глядит ли кто на меня?
Посмотреть не смею кругом,
И зажечь не смею огня.

Вот подходит кто-то впотьмах,
Но не слышны злые шаги.
О, зачем томительный страх?
И к кому воззвать: помоги?

Не поможет, знаю, никто,
Да и чем и как же помочь?
Предо мной темнеет ничто,
Ужасает мрачная ночь.

18 декабря 1897

198

Не могу собрать,
Не могу связать, —

Или руки бессильны?
Или стебли тонки?
Как тропы мои пыльны!
Как слова не звонки!

И чего искать?
И куда идти?
Не могу понять,
Не могу найти.

20 декабря 1897

199

Я лесом шел. Дремали ели,
Был тощ и бледен редкий мох, —
Мой друг далекий, неужели
Я слышал твой печальный вздох?

И это ты передо мною
Прошел, безмолвный нелюдим,
Завороженный тишиною
И вечным сумраком лесным?

Я посмотрел, — ты оглянулся,
Но промолчал, махнул рукой, —
Прошло мгновенье, — лес качнулся, —
И нет тебя передо мной.

Вокруг меня дремали ели,
Был тощ и бледен редкий мох,
Да сучья палые желтели,
Да бурелом торчал и сох.

20—21 декабря 1897

200

На нем изношенный кафтан
И шапка колпаком,
Но весь он зыбкий, как туман,
И нет лица на нем.

Не слышно голоса его,
Не видно рук и ног,
И он ступить ни у кого
Не смеет на порог.

Не подойдет и не пройдет
Открыто впереди, —
Он за углом в потемках ждет,
Бежит он позади.

Его никак не отогнать,
Ни словом, ни рукой.
Он будет прыгать да плясать
Беззвучно за спиной.

21 декабря 1897

201

Белая тьма созидает предметы
И обольщает меня.
Жадно ищу я душою просветы
В область нетленного дня.

Кто же внесет в заточенье земное
Светоч, пугающий тьму?
Скоро ль бессмертное, сердцу родное
В свете его я пойму?

Или навек нерушима преграда
Белой, обманчивой тьмы,
И бесконечно томиться мне надо,
И не уйти из тюрьмы?

21 декабря 1897

202

Отвори свою дверь
И ограду кругом обойди.
Неспокойно теперь, —
Не ложись, не засни, подожди.

Может быть, в эту ночь
И тебя позовет кто-нибудь.
Поспешишь ли помочь?
И пойдешь ли в неведомый путь?

Да и можно ли спать?
Ты подумай: во тьме, за стеной
Станет кто-нибудь звать,
Одинокий, усталый, больной.

Выходи к воротам
И фонарь пред собою неси.
Хоть бы сгинул ты сам,
Но того, кто взывает, спаси.

30 декабря 1897

203

Не понимаю, отчего
В природе мертвенной и скудной
Встает какой-то властью чудной
Единой жизни торжество.

Я вижу вечную природу
Под неизбежной властью сил, —
Но кто же в бытие вложил
И вдохновенье и свободу?

И в этот краткий срок земной,
Из вещества сложась земного,
Как мог обресть я мысль и слово
И мир создать себе живой?

Окрест меня всё жизнью дышит,
В моей реке шумит волна,
И для меня в полях весна
Благоухания колышет.

Но не понять мне, отчего
В природе мертвенной и скудной
Воссоздается властью чудной
Духовной жизни торжество.

7 января 1898

204

Чернеет лес по берегам.
Один сижу я в челноке,
И к неизвестным берегам
Я устремляюсь по реке.

На небе ясная луна,
А на реке туман встает.
Сияет ясная луна,
И кто-то за лесом поет.

О ночь, единственная ночь!
Успокоительная сень!
Как пережить мне эту ночь?
К чему мне свет? К чему мне день?

29 января 1898
Миракс

205

Идти б дорогою свободной, —
Да лих, нельзя.
Мой путь лежит в степи холодной,
Иду, скользя.

Вокруг простор, никто не держит,
И нет оков,
И божий гнев с небес не вержет
Своих громов.

Но светлый край далек отсюда,
И где же он?
Его приблизит только чудо
Иль вещий сон.

Он мне, как счастие, неведом;
Меня ведет
Моя судьба звериным следом
Среди болот.

20 августа 1897, 20 марта 1898

206

Передрассветный сумрак долог,
И холод утренний жесток.
Заря, заря, раскинь свой полог,
Зажги надеждами восток.

Кто не устал, кто сердцем молод,
Тому легко перенести
Передрассветный долгий холод
В истоме раннего пути.

Но кто сжимает пыльный посох
Сухою старческой рукой,
Тому какая сладость в росах,
Завороженных тишиной!

11 ноября 1894, 4 апреля 1898

207

Я иду от дома к дому,
Я у всех стучусь дверей.
Братья, страннику больному,
Отворите мне скорей.

Я устал блуждать без крова,
В ночь холодную дрожать
И тоску пережитого
Только ветру поверять.

Не держите у порога,
Отворите кто-нибудь,
Дайте, дайте хоть немного
От скитаний отдохнуть.

Знаю песен я немало, —
Я всю ночь готов не спать.
Не корите, что устало
Будет голос мой звучать.

Но калитки не отворят
Для певца ни у кого.
Только ветры воем вторят
Тихим жалобам его.

23 декабря 1897, 10 июня 1898

208

Под кустами
Снег лежит,
Весь истаял
И сквозит.

Вот подснежник
Под ольхой, —
Он в одежде
Голубой.

Для чего ж он
Так спешит?
Что тревожит?
Что томит?

19 июня 1898
Миракс

209

Иди в толпу с приветливою речью
И лицемерь.
На опыте всю душу человечью
До дна измерь.

Она узка, темна и несвободна,
Как темный склеп,
И тот, кто час провел в ней неисходно,
Навек ослеп.

И ты поймешь, какое врачеванье
В окно глядеть
Из тьмы души на птичье ликованье
И сметь, и петь.

29 июля 1898

210

Есть соответствия во всем, —
Не тщетно простираем руки:
В ответ на счастье и на муки
И смех и слезы мы найдем.

И если жаждем утешенья,
Бежим далёко от людей.
Среди лесов, среди полей —
Покой, безмыслие, забвенье.

Ветвями ветер шелестит,
Трава травою так и пахнет.
Никто в изгнании не чахнет,
Не презирает и не мстит.

Так, доверяяся природе,
Наперекор судьбе, во всем
Мы соответствия найдем
Своей душе, своей свободе.

2 августа 1898
За Гатчиной

211

Если б я был к счастью приневолен,
Если б я был негой опьянен,
Был бы я, как цвет тепличный, болен
И страстьми безумными спален.

Но легко мне: я живу печален,
Я суровой скорби в жертву дан.
Никаким желаньем не ужален,
Ни в какой не вдамся я обман.

И до дня, когда безмолвной тенью
Буду я навеки осенен,
Жизнь моя, всемирному томленью
Ты подобна, легкая, как сон.

2 августа 1898
За Гатчиной

212. ОКНО НОЧНОЕ

Весь дом покоен, и лишь одно
Окно ночное озарено.

То не лампадный отрадный свет:
Там нет отрады, и сна там нет.

Больной, быть может, проснулся вдруг,
И снова гложет его недуг.

Или, разлуке обречена,
В жестоких муках не спит жена.

Иль, смерть по воле готов призвать,
Бедняк бездольный не смеет спать.

Над милым прахом, быть может, мать
В тоске и страхе пришла рыдать.

Иль скорбь иная зажгла огни.
О злая, злая! к чему они?

3 августа 1898

213

В его саду растет рябина.
В его дому живет кручина.
На нем изношенный кафтан.
Глаза окутаны туманом,
Как будто налито шафраном
Лицо, и согнут тощий стан.

Надежда милая убита,
И что от бед ему защита?
Терпеть судьба ему велит.
Перед его печальной хатой,
Враждебной властию заклятой,
Рябина горькая стоит.

4 августа 1898

214

О сердце, сердце! позабыть
Пора надменные мечты
И в безнадежной доле жить
Без торжества, без красоты,

Молчаньем верным отвечать
На каждый звук, на каждый зов,
И ничего не ожидать
Ни от друзей, ни от врагов.

Суров завет, но хочет бог,
Чтобы такою жизнь была
Среди медлительных тревог,
Среди томительного зла.

5 августа 1898

215

Давно стараюсь, и напрасно,
Поработить себя уму.
Смиряться сердце не согласно,
Нет утоления ему.

А было время, — простодушно,
Хоть и нелепо, жизнь текла,
И сердцу вольному послушна
Мысль раболепная была.

Ты в тайне зрела, возрастала,
Ты извивалась, как змея, —
О мысль моя, ты побывала
На всех просторах бытия.

И чем меня ты обольстила?
К чему меня ты увлекла?
Ты ничего мне не открыла
И много, много отняла.

Восходит солнце, как и прежде,
И светит нежная луна,
И обаятельной надежде
Душа бессмертная верна.

И ясен путь мне, путь мой правый,
Я не могу с него свернуть, —
Но неустанно ум лукавый
Хулит единый правый путь.

О, если б бурным дуновеньем
Его коварство разнесло
И всепобедным вдохновеньем
Грозу внезапную зажгло!

О, если б огненные крылья!
О, если б в буйстве бытия,
Шипя от злобы и бессилья,
Сгорела хитрая змея!

10 июня — 14 августа 1898

216

Узкие мглистые дали.
Камни везде, и дома.
Как мне уйти от печали?
Город мне — точно тюрьма.

Кто же заклятью неволи
Скучные стены обрек?
Снова ль метаться от боли?
Славить ли скудный порок?

Ждать ли? Но сердце устало
Горько томиться и ждать.
То, что когда-то пылало,
Может ли снова пылать?

15 августа 1898

217

Печальный дар анахорета,
С гробниц увядшие цветы,
Уединенного поэта
Неразделенные мечты.

Иных сокровищ не имею
И никогда не соберу.
Судьбе противиться не смею,
Аскетом нищим и умру.

16 августа 1898

218

Холод повеял в окно —
И затворилось оно.

Снова один я, и в мире живом,
И не обманут промчавшимся сном.

Снова я грустен и нем.
Где же мой кроткий Эдем?

Пестрым узором напрасно дразня,
Темные стены глядят на меня.

Скучная лампа горит.
Скучная книга лежит.

22 августа 1898

219

Язычница! Как можно сочетать
Твою любовь с моею верой?
Ты хочешь красным полымем пылать,
А мне — золой томиться серой.

Ищи себе языческой души,
Такой же пламенной и бурной, —
И двух огней широкие ковши
Одной скуются яркой урной.

22 августа 1898

220

Мечты о славе! Но зачем
Кумир мне бронзовый иль медный,
Когда я в жизни робко-нем,
Когда я в жизни странник бледный?

На шумных улицах, где я
Иду, печальный и усталый,
Свершать в пределах жития
Мой труд незнаемый и малый,

На перекрестке где-нибудь
Мое поставят изваянье,
Чтоб опорочить скорбный путь
И развенчать мое изгнанье.

О, суета! о, бедный дух!
Честолюбивое мечтанье!
Враждебно-чуждых жизней двух
Столь незаконное слиянье!

Я отрекаюсь наперед
От похвалы, от злой отравы,
Не потому, что смерть взойдет
Предтечею ненужной славы,

А потому, что в мире нет
Моим мечтам достойной цели,
И только ты, нездешний свет,
Чаруешь сердце с колыбели.

23 августа 1898

221

Не поверь лукавой лжи,
Не тужи, не ворожи,
Покоряйся.

Что пропало, не вернешь,
Ждешь чего, то, верно, ложь,
    Не прельщайся.
Краток праздник бытия.
Жизнь твоя и не твоя, —
    Наслаждайся.

23 августа 1898

222

Мы людей не продаем
    За наличные,
Но мы цепи им куем,
    Всё приличные, —

И не сами, а нужда, —
    Цепи прочные,
Ну а сами мы всегда
    Непорочные.

23 августа 1898

223

Скучная лампа моя зажжена,
Снова глаза мои мучит она.

Господи, если я раб,
Если я беден и слаб,

Если мне вечно за этим столом
Скучным и скудным томиться трудом,

Дай мне в одну только ночь
Слабость мою превозмочь

И в совершенном созданьи одном
Чистым навеки зажечься огнем.

26 августа 1898

224

Вот минута прощальная
До последнего дня...
Для того ли, печальная,
Ты любила меня?

Для того ли украдкою,
При холодной луне,
Ты походкою шаткою
Приходила ко мне?

Для того ли скиталася
Ты повсюду за мной,
И ночей дожидалася
С их немой тишиной?

И опять, светлоокая,
Ты бледна и грустна,
Как луна одинокая,
Как больная луна.

27 августа 1898

225

Надо мною, как облако
Над вершиной горы,
Ты пройдешь, словно облако
Над вершиной горы.

В многоцветном сиянии,
В обаяньи святом,
Ты промчишься в сиянии,
В обаяньи святом.

Стану долго, безрадостный,
За тобою глядеть, —
Утомленный, безрадостный,
За тобою глядеть,

Тосковать и печалиться,
Безнадежно грустить,
О далеком печалиться,
О бесследном грустить.

28 августа 1898

226

На улицах пусто и тихо,
И окна, и двери закрыты.
Со мною — безумное Лихо,
И нет от него мне защиты.

Оградой железной и медной
Замкнулся от нищих богатый.
Я — странник унылый и бледный,
А Лихо — мой верный вожатый.

И с ним я расстаться не смею.
На улицах пусто и тихо.
Пойдем же дорогой своею,
Косматое, дикое Лихо!

29 августа 1898

227. ОГНЕННЫЙ МАК

В черном колышется мраке
Огненный мак.
Кто-то проходит во мраке,
Держит пылающий мак.

Близко ли он иль далёко,
Тихий маяк?
Близко ль ко мне иль далёко
Зыблется красный маяк?

В черном колеблется мраке
Огненный мак.
Господи, дай мне во мраке
Этот спасительный мак.

30 августа 1898

228

Ночь настанет, и опять
Ты придешь ко мне тайком,
Чтоб со мною помечтать
О нездешнем, о святом.

И опять я буду знать,
Что со мной ты, потому,
Что ты станешь колыхать
Предо мною свет и тьму.

Буду спать или не спать,
Буду помнить или нет, —
Станет радостно сиять
Для меня нездешний свет.

1 сентября 1898

229

Камыш качается,
И шелестит,
И улыбается,
И говорит
Молвой незвонкою,
Глухой, сухой,
С дремою тонкою
В полдневный зной.

Едва колышется
В реке волна,
И сладко дышится,
И тишина,
И кто-то радостный
Несет мне весть,
Что подвиг сладостный
И светлый есть.

На небе чистая
Моя звезда
Зажглась, лучистая,
Горит всегда,

И сны чудесные
На той звезде,
И сны небесные
Со мной везде.

12 сентября 1898

230. ДРУГУ НЕВЕДОМОМУ

О друг мой тайный,
Приди ко мне
В мечте случайной
И в тишине.

В мою пустыню
Сойди на миг,
Чтоб я святыню
Твою постиг.

В бездушном прахе
Моих путей,
В тоске да в страхе
Безумных дней,

В одежде пыльной,
Сухой тропой
Иду, бессильный,
Едва живой.

Но весь жестокий
Забуду путь,
Лишь ты, далекий,
Со мной побудь.

Явись мне снова
В недолгом сне,
И только слово
Промолви мне.

13 сентября 1898

231

Друг мой тихий, друг мой дальный,
Посмотри, —
Я холодный и печальный
Свет зари.

Я напрасно ожидаю
Божества, —
В бледной жизни я не знаю
Торжества.

Над землею скоро встанет
Ясный день,
И в немую бездну канет
Злая тень, —

И безмолвный, и печальный,
Поутру,
Друг мой тайный, друг мой дальный,
Я умру.

14 сентября 1898

232

Томленья злого
На сердце тень, —
Восходит снова
Постылый день,
Моя лампада
Погасла вновь,
И где отрада?
И где любовь?

Рабом недужным
Пойду опять
В труде ненужном
Изнемогать.
Ожесточенье
Проснется вновь,
И где терпенье?
И где любовь?

16 сентября 1898

233

Угас дневной надменный свет,
Угомонились злые шумы, —
И наступает ваш рассвет,
Благие творческие думы.

Темнее сумрак за окном,
Светлее кроткая лампада.
В уединении ночном
Успокоение, отрада.

Преображается в мечтах
Дневное горькое томленье,
И всё, что было злость и страх,
Теперь смиренное моленье.

Благоухая и звеня,
Восходит к божьему престолу,
А тени суетного дня,
Скользя, бледнея, никнут долу.

16 сентября 1898

234

Я напрасно хочу не любить, —
И, природе покорствуя страстной,
    Не могу не любить,
Не томиться мечтою напрасной.

Чуть могу любоваться тобой
И сказать тебе слова не смею,
    Но расстаться с тобой
Не хочу, не могу, не умею.

А настанут жестокие дни,
Ты уйдешь от меня без возврата.
    О, зачем же вы, дни!
За утратой иная утрата.

16 сентября 1898

235—240. *ЗВЕЗДА МАИР*

1

Звезда Маир сияет надо мною,
Звезда Маир,
И озарен прекрасною звездою
Далекий мир.

Земля Ойле плывет в волнах эфира,
Земля Ойле,
И ясен свет блистающий Маира
На той земле.

Река Лигой в стране любви и мира,
Река Лигой
Колеблет тихо ясный лик Маира
Своей волной.

Бряцанье лир, цветов благоуханье,
Бряцанье лир
И песни жен слились в одно дыханье,
Хваля Маир.

15 сентября 1898

2

На Ойле далекой и прекрасной
Вся любовь и вся душа моя.
На Ойле далекой и прекрасной
Песней сладкогласной и согласной
Славит всё блаженство бытия.

Там, в сияньи ясного Маира,
Всё цветет, всё радостно поет.
Там, в сияньи ясного Маира,
В колыханьи светлого эфира,
Мир иной таинственно живет.

Тихий берег синего Лигоя
Весь в цветах нездешней красоты.
Тихий берег синего Лигоя —
Вечный мир блаженства и покоя,
Вечный мир свершившейся мечты.

22 сентября 1898

3

Всё, чего нам здесь недоставало,
Всё, о чем тужила грешная земля,
Расцвело на вас и засияло,
О Лигойские блаженные поля!

Мир земной вражда заполонила,
Бедный мир земной в унынье погружен,
Нам отрадна тихая могила
И подобный смерти, долгий, темный сон.

Но Лигой струится и трепещет,
И благоухают чудные цветы,
И Маир безгрешный тихо блещет
Над блаженным краем вечной красоты.

23 сентября 1898

4

Мой прах истлеет понемногу,
Истлеет он в сырой земле,
А я меж звезд найду дорогу
К иной стране, к моей Ойле.

Я всё земное позабуду,
И там я буду не чужой, —
Доверюсь я иному чуду,
Как обычайности земной.

22 сентября 1898

5

Мы скоро с тобою
Умрем на земле, —
Мы вместе с тобою
Уйдем на Ойле.

Под ясным Маиром
Узнаем мы вновь,
Под светлым Маиром
Святую любовь.

И всё, что скрывает
Ревниво наш мир,
Что солнце скрывает,
Покажет Маир.

22 сентября 1898

6

Бесстрастен свет с Маира,
Безгрешен взор у жен, —
В сиянии с Маира
Великий праздник мира
Отрадой окружен.

Далекая отрада
Близка душе моей, —
Ойле, твоя отрада —
Незримая ограда
От суетных страстей.

10 января 1901

241

В глубокий час молчания ночного
Тебе я слово тайное шепну.
Тогда закрой глаза, и снова
Увидишь ты мою страну.

Доверься мне опять, иди за мною,
На здешний мир не подымая глаз,
Пока, объятый тихой мглою,
Полночный светоч не угас, —

И всё, о чем душа моя томится,
И для чего не надо слез и слов,
Перед тобою загорится
В ночной стране безмолвных снов.

24 сентября 1898

242

О, жизнь моя без хлеба,
Зато и без тревог!
Иду. Смеется небо,
Ликует в небе бог.
Иду в широком поле,
В уныньи темных рощ,
На всей на вольной воле,
Хоть бледен я и тощ.
Цветут, благоухают
Кругом цветы в полях,
И тучки тихо тают
На ясных небесах.
Хоть мне ничто не мило,
Всё душу веселит.
Близка моя могила,
Но это не страшит.
Иду. Смеется небо,
Ликует в небе бог.
О, жизнь моя без хлеба,
Зато и без тревог!

26 сентября 1898

243

Дни за днями...
Боже мой!
Для чего же
Я живой?

Дни за днями...
Меркнет свет.
Отчего ж я
Не отпет?

Дни за днями...
Что за стыд!
Отчего ж я
Не зарыт?

Поп с кадилом,
Ты-то что ж
Над могилой
Не поешь?

Что же душу
Не влачат
Злые черти
В черный ад?

26 сентября 1898

244

Вереницы мечтаний порочных
Озарили гнилые темницы:
В озарении свеч полуночных
Обнаженные пляшут блудницы,

И в гремящем смятении трубном,
С несказанным бесстыдством во взгляде,
Потрясает сверкающим бубном
Скоморох в лоскуточном наряде.

Высоко поднимая колени,
Безобразные лешие лают,
И не ищут скрывающей тени,
И блудниц опьянелых ласкают.

И, внимая нестройному вою,
Исхудалые узники плачут,
И колотятся в дверь головою,
И визжат, и хохочут, и скачут.

26 сентября 1898

245

Он шел путем зеленым
В неведомую даль.
За ним, с протяжным стоном,
Влеклась его печаль,
Цеплялась за одежду,
Хотела удержать,
Последнюю надежду
Старалась отогнать.

Но тихие лампады
Архангелы зажгли,
Суля ему отрады
В неведомой дали, —
И нежное дыханье
В безрадостную тьму
Блаженное мечтанье
Навеяло ему.

27 сентября 1898

246

Чиста любовь моя,
Как ясных звезд мерцанье,
Как плеск нагорного ручья,
Как белых роз благоуханье.

Люблю одну тебя,
Неведомая дева,
Невинной страсти не губя
Позором ревности и гнева.

И знаю я, что здесь
Не быть с тобою встрече:
Твоя украшенная весь
От здешних темных мест далече.

А мой удел земной —
В томленьях и скитаньях,
И только нежный голос твой
Ко мне доносится в мечтаньях.

29 сентября 1898

247

Забыв о родине своей,
Мы торжествуем новоселье, —
Какое буйное веселье!
Какое пиршество страстей!

Но всё проходит, гаснут страсти,
Скучна веселость наконец;
Седин серебряный венец
Носить иль снять не в нашей власти.

Всё чаще станем повторять
Судьбе и жизни укоризны,
И тихий мир своей отчизны
Нам всё отрадней вспоминать.

30 сентября 1898

248

Ты незаметно проходила,
Ты не сияла и не жгла.
Как незажженное кадило,
Благоухать ты не могла.

Твои глаза не выражали
Ни вдохновенья, ни печали,
Молчали бледные уста,
И от людей ты хоронилась,
И от речей людских таилась
Твоя безгрешная мечта.

Конец пришел земным скитаньям,
На смертный путь вступила ты
И засияла предвещаньем
Иной, нездешней красоты.

Глаза восторгом загорелись,
Уста безмолвные зарделись,

Как ясный светоч, ты зажглась,
И, как восходит ладан синий,
Твоя молитва над пустыней,
Благоухая, вознеслась.

1 октября 1898

249

Опять сияние в лампаде,
Но не могу склонить колен.
Ликует бог в надзвездном граде,
А мой удел — унылый плен.

С иконы темной безучастно
Глаза суровые глядят.
Открыт молитвенник напрасно:
Молитвы древние молчат, —

И пожелтелые страницы,
Заветы строгие храня,
Как безнадежные гробницы,
Уже не смотрят на меня.

1 октября 1898

250

Пришли уставленные сроки,
И снова я, как раб, иду
Свершать ненужные уроки,
Плодить пустую меледу.

Потом унылый вечер будет,
И как мне милый труд свершить,
Когда мечты мои остудит
Всё, что придется пережить!

Потом полночные печали
Придут с безумною тоской
И развернут немые дали,
Где безнадежность и покой.

2 октября 1898

251

Громадный живот,
Искаженное злобой лицо,
Окровавленный рот,
А в носу — золотое кольцо.

Уродлив и наг,
И вся кожа на теле черна, —
Он кудесник и враг,
И свирепость его голодна.

На широком столбе
Он сидит, глядит на меня
И твердит о судьбе,
Золотое копье наклоня.

«Сразить не могу, —
Говорит, — не пришел еще срок,
Я тебя стерегу,
Не уйдешь от меня: я жесток.

Копье подыму,
Поражу тебя быстрым копьем
И добычу возьму
В мой костьми изукрашенный дом».

2 октября 1898

252

Если трудно мне жить, если больно дышать,
Я в пустыню иду — о тебе помечтать,
О тебе рассказать перелетным ветрам,
О тебе погадать по лесным голосам.

Я позвал бы тебя, — не умею назвать;
За тобой бы послал, — да не смею послать;
Я пошел бы к тебе, — да не знаю пути;
А и знал бы я путь, — так боялся б идти.

Я холодной тропой одиноко иду,
Я земное забыл и сокрытого жду, —
И безмолвная смерть поцелует меня,
И к тебе уведет, тишиной осеня.

3 октября 1898

253

Затхлый запах старых книг
Оживил в душе былое,
В злой тоске пережитое,
В тихом звяканьи вериг,

Дни, когда, смиренный инок,
В келье тесной, близ икон,
Я молился, окружен
Тучей пляшущих пылинок,

И славянскую печать,
Прихотливые узоры,
Отуманенные взоры
Ухищрялись разбирать.

5 октября 1898

254

Ветер в трубе
Воет о чьей-то судьбе,
Жалобно стонет,
Словно кого-то хоронит.

«Бедные дети в лесу!
Кто им укажет дорогу?
Жалобный плач понесу
Тихо к родному порогу,

Ставнями стукну слегка,
Сам под окошком завою, —
Только немая тоска
К ним заберется со мною.

Им непонятен мой зов.
Дети, обнявшись, заплачут.
Очи голодных волков
Между дерев замаячут».

Ветер в трубе
Плачет о чьей-то судьбе,
Жалобно стонет,
Словно кого-то хоронит.

6 октября 1898

255

Ты ничего не говорила, —
Но уж и то мне был укор.
К смиренным травам ты склонила
Свое лицо и кроткий взор.

И от меня ушла неспешно,
Вдыхая слабый запах трав.
Твоя печаль была безгрешна,
И тихий путь твой не лукав.

8 октября 1898

256. ГОЛОС ИЗ ПУБЛИКИ

Сочиняй ты, как другие,
Я б стихи читал такие,
Всё приятное любя.
Что ж ты пишешь? О невесте,
О любви, вражде и мести
Мало речи у тебя.

Всё бесстрастные иконы,
Покаянные каноны
Да в лампадках слабый свет,
А потом туман, болото,
Угрожающее что-то, —
Сон бессвязный, смутный бред.

Коли гонишься за славой,
Декадентскою отравой
Ты людей не угощай,
Но пиши стихи про бедных
Иль касайся тем безвредных
И понятно сочиняй.

8—9 октября 1898

257

Слабеют силы,
Трудней идти,
Но не унылы
Мои пути.

Длиннее ночи,
Темнее дни.
Мечта, мне в очи
Взгляни, блесни.

Грозится злоба,
Но страха нет,
С мечтой мы оба, —
Отраден свет.

13 октября 1898

258

Цветик белоснежный
У тропы тележной
Вырос в месте незнакомом.
Ты, мой друг, простился с домом,
Ты ушел далече, —
Суждена ль нам встреча?

Цветик нежный, синий
Над немой пустыней
Вырос в месте незнакомом.
Ты, мой друг, расстался с домом,
От тебя хоть слово
Я услышу ль снова?

13 октября 1898

259

Для чего в пустыне дикой
Ты возник, мой вешний цвет?
Безнадежностью великой
Беспощадный веет свет.

Нестерпимым дышит жаром
Лютый змей на небесах.
Покоряясь ярым чарам,
Мир дрожит в его лучах.

Милый цвет, ты стебель клонишь,
Ты грустишь, ты одинок, —
Скоро венчик ты уронишь
На сухой и злой песок.

Для чего среди пустыни
Ты возник, мой вешний цвет,
Если в мире нет святыни
И надежды в небе нет.

17 октября 1898

260

День туманный
Настает,
Мой желанный
Не идет.
        Мгла вокруг.
На пороге
Я стою,
Вся в тревоге,
И пою.
        Где ж мой друг?

Холод веет,
Сад мой пуст,
Сиротеет
Каждый куст.
        Скучно мне.

Распрощался
Ты легко
И умчался
Далеко
        На коне.

По дороге
Я гляжу,
Вся в тревоге,
Вся дрожу, —
        Милый мой!
Долго стану
Слезы лить,
В сердце рану
Бередить, —
        Бог с тобой!

20 октября 1898

261

Полуночная жизнь расцвела,
На столе заалели цветы.
Я ль виновник твоей красоты,
Иль собою ты так весела?

В озарении бледных огней
Полуночная жизнь расцвела.
Для меня ль ты опять ожила,
Или я — только данник ночей?

Я ль тебя из темницы исторг
В озарение бледных огней?
Иль томленья томительных дней —
Только дань за недолгий восторг?

4 декабря 1898

262

Дни безрадостно-пустынны,
Верный спутник мой — тоска,
И она и я невинны,
Что свобода далека.

Для меня закон — смиренье,
Удаленье от борьбы
И безмолвное терпенье
В испытаниях судьбы.

Жизнь моя над суетою
Вознеслась, земле чужда,
Предначертанной стезею,
Непорочная звезда.

20 декабря 1898

263

Поет печальный голос
Про тишину ночную,
Глядит небесный лебедь
На лилию земную.

На ней роса мерцает
От четырех озер.
В лазоревое море
Она подъемлет взор.

Поет печальный голос
О чем-то непонятном.
Пред смертью ль горний лебедь,
В пути ли невозвратном?

Она в печали нежной,
Она как снег бела,
Ее волна колышет,
Ее лелеет мгла.

22—23 декабря 1898

264

Не надейся на силу чудесную
Призорочной черты, —
Покорила я ширь поднебесную,
Одолеешь ли ты?

Я широко раскрою объятия,
Я весь мир обниму, —
Заговоры твои и заклятия
Ни на что, ни к чему.

Укажу я зловещему ворону
Над тобою полет.
Новый месяц по левую сторону, —
Ты увидишь, — взойдет.

На пути твоем вихри полдневные
Закручу, заверчу;
Лихорадки и недуги гневные
На тебя нашепчу.

Всё покрою заразою смрадною,
Что приветишь, любя,
И тоской гробовой, беспощадною
Иссушу я тебя.

И ко мне ты покорно преклонишься,
Призывая меня,
И в объятьях моих ты схоронишься
От постылого дня.

24 декабря 1898

265

Суровый звук моих стихов —
Печальный отзвук дальной речи.
Не ты ль мои склоняешь плечи,
О вдохновенье горьких слов?

Во мгле почиет день туманный,
Воздвигся мир вокруг стеной,
И нет пути передо мной
К стране, вотще обетованной.

И только звук, неясный звук
Порой доносится оттуда,
Но в долгом ожиданьи чуда
Забыть ли горечь долгих мук!

6 января 1899

266

В дневных лучах и в сонной мгле,
В моей траве, в моей земле,
В моих кустах я схоронил
Мечты о жизни, клады сил,
И окружился я стеной,
Мой свет померк передо мной,
И я забыл, давно забыл,
Где притаились клады сил.

Порой, взобравшись по стене,
Сижу печально на окне, —
И силы спят в земле сырой,
Под неподвижною травой..
Как пробудить их? Как воззвать?
Иль им вовеки мирно спать,
А мне холодной тишиной
Томиться вечно за стеной?

6 января 1899

267

Невеста тихая приходит.
Какие белые цветы!
Кого она с собой приводит?
О чем в очах ее мечты?

Она сложила странно руки,
Она склонила взор к земле.
Ее весна — заря разлуки,
Ее пути лежат во мгле.

Идет в святом благоуханьи,
Колебля белую фату
И в угасающем дыханьи
Струя холодную мечту.

20 марта 1899

268

Недотыкомка серая
Всё вокруг меня вьется да вертится, —
То не Лихо ль со мною очертится
Во единый погибельный круг?

Недотыкомка серая
Истомила коварной улыбкою,
Истомила присядкою зыбкою, —
Помоги мне, таинственный друг!

Недотыкомку серую
Отгони ты волшебными чарами,
Или наотмашь, что ли, ударами,
Или словом заветным каким.

Недотыкомку серую
Хоть со мной умертви ты, ехидную,
Чтоб она хоть в тоску панихидную
Не ругалась над прахом моим.

1 октября 1899

269

Давно мне голос твой невнятен,
И образ твой в мечтах поблек.
Или приход твой невозвратен
И я навеки одинок?

И был ли ты в моей пустыне,
Иль призрак лживый, мой же сон,
В укор неправедной гордыне
Врагом безликим вознесен?

Кто б ни был ты, явись мне снова,
Затми томительные дни,
И мрак безумия земного
Хоть перед смертью осени.

12 октября 1899

270

Я томился в чарах лунных,
Были ясны лики дивных дев,
И звучал на гуслях златострунных
Сладостный напев.

В тишине завороженной
От подножья недоступных гор
Простирался светлый и бессонный,
Но немой простор.

К вещей тайне несказанной
Звал печальный и холодный свет,
И струился вдаль благоуханный,
Радостный завет.

16 ноября 1899

271

Рассвет полусонный, я очи открыл,
Но нет во мне воли, и нет во мне сил.

И душны покровы, и скучно лежать,
Но свет мой не хочет в окне засиять.

Докучная лампа, тебя ли зажечь,
Чтоб взоры направить на мертвую речь?

Иль грешной мечтою себя веселить,
Приникнуть к подушке и всё позабыть?

Рассвет полусонный, я бледен и хил,
И нет во мне воли, и нет во мне сил.

21 ноября 1899

272

Иду в смятеньи чрезвычайном,
И, созерцая даль мою,
Я в неожиданном, в случайном
Свои порывы узнаю.

Я снова слит с моей природой,
Хотя доселе не решил,
Стремлюсь ли я своей свободой
Или игрой мне чуждых сил.

Но что за гранью жизни краткой
Меня ни встретит, — жизнь моя
Горит одной молитвой сладкой,
Одним дыханьем бытия.

21 ноября 1899

273

От курослепов на полях
До ярко-знойного светила
В движеньях, звуках и цветах
Царит зиждительная сила.

Как мне не чувствовать ее
И по холмам, и по оврагам!
Земное бытие мое
Она венчает злом и благом.

Волной в ручье моем звеня,
Лаская радостное тело,
Она несет, несет меня,
Ее стремленьям нет предела.

Проснулся день, ликует твердь,
В лесу подружку птица кличет.
О сила дивная, и смерть
Твоих причуд не ограничит!

22 ноября 1899

274

Плеснула рыбка под водой,
И покачнулась там звезда.
Песок холодный и сырой,
А в речке теплая вода.

Но я купаться подожду,
Слегка кружится голова, —
Сперва я берегом пройду.
Какая мокрая трава!

И как не вздрогнуть, если вдруг
Лягушка прыгнет стороной,
Иль невзначай на толстый сук
Наступишь голою ногой!

Я не боюсь, но не пойму,
Зачем холодная трава,
И темный лес, и почему
Так закружилась голова.

22 ноября 1899
Миракс

275

На распутьи злом и диком
В темный час я тихо жду.
Вещий ворон хриплым криком
На меня зовет беду,
А на небе надо мною
Только грустная луна,
И тоскует ночь со мною,
И томится тишина.

От луны мерцанье в росах,
И белеет мгла вокруг.
Тихо чертит верный посох
По земле волшебный круг.
Сомкнут круг — и нет печали
В тесной области моей,
Позабыты все печали
Утомленьем горьких дней.

Он из тьмы выходит. Друг ли
Мне он тайный или враг?
У него глаза как угли,
Темен лик и зыбок шаг.

Я за дивною чертою
Для него недостижим, —
И стоит он за чертою,
Темный, зыбкий, весь как дым.

Он смеется и не хочет
В темный час признать меня.
Он томленья мне пророчит,
Взор свой пламенный склоня,
И во мглу с недобрым словом
От меня отходит он, —
Я его зловещим словом,
Вражьим словом не смущен.

Мне под солнцем горе мыкать
День за днем не привыкать.
Ночь придет, — я буду кликать
В темный час его опять,
Чтоб за дивною чертою
Погадать, поворожить, —
Только здесь лишь, за чертою,
Мне, усталому, и жить.

4 октября 1897, 2 декабря 1899

276

Мне сегодня нездоровится;
Злая немочь ли готовится
Одолеть меня?
С торопливой лихорадкою
Поцелуюсь ли украдкою
На закате дня?

Но не страшно мне томление, —
Это легкое кружение
Я уж испытал.
Забывается досадное,
Вспоминается отрадное,
Кроток я и мал.

Что велят мне, то и сделаю:
То сиделка ль с банкой целою
Горького питья,
Или смерть у изголовия, —
Всем готов без прекословия
Покоряться я.

6—7 декабря 1899

277

Что ж, пойте, вы, артисты,
На разны голоса.
Уж так вы голосисты,
Что просто чудеса!

Припомнишь поневоле,
С чего, не знаешь сам,
Как волки в чистом поле
Взвывают по ночам.

Потом припомнишь кстати,
И сам тому не рад,
Как дети в темной хате
Голодные пищат.

Так нервы стали слабы,
Что вспомнишь невзначай,
Как воем воют бабы:
«Последний каравай!»

Так пойте же, артисты,
На разны голоса.
Уж так вы голосисты,
Что просто чудеса!

26 декабря 1899

278

Зачем, скажи,
В полях, возделанных прилежно,
Среди колосьев ржи
Везде встречаем неизбежно
Ревнивые межи?

Одно и то же солнце греет
Тебя, суровая земля,
Один и тот же труд лелеет
Твои широкие поля.

Но злая зависть учредила
Во славу алчности и лжи
Неодолимые межи
Везде, где ты, земля, взрастила
Хотя единый колос ржи.

29 ноября 1892, 27 января 1900

279

Порой повеет запах странный, —
Его причины не понять, —
Давно померкший, день туманный
Переживается опять.

Как встарь, опять печально всходишь
На обветшалое крыльцо,
Засов скрипучий вновь отводишь,
Вращая ржавое кольцо, —

И видишь тесные покои,
Где половицы чуть скрипят,
Где отсырелые обои
В углах тихонько шелестят,

Где скучный маятник маячит,
Внимая скучным, злым речам,
Где кто-то молится да плачет,
Так долго плачет по ночам.

5 октября 1898 — 10 февраля 1900

280

Не доживу до светлых дней,
Не обрету тебя, свобода,
И вдохновенного народа
Я не увижу. В мир теней,
Как от пустого сновиденья,
Я перейду без сожаленья
И без тоски. Но всё же я
Из темных недр небытия
Хотел бы встать на час единый,
Перед всемирною кончиной
Изведать ясность жития.

26 апреля 1889, 21 апреля 1900

281

Объята мглою вещих теней,
Она восходит в темный храм.
Дрожат стопы от холода ступеней,
И грозен мрак тоскующим очам.
И будут ли услышаны моленья?
Или навек от жизненных тревог
В недостижимые селенья
Сокрылся бог?

Во мгле мерцают слабые лампады,
К стопам приник тяжелый холод плит.
Темны столпов недвижные громады, —
Она стоит, и плачет, и дрожит.
О, для чего в усердьи богомольном
Она спешила в храм идти!
Как вознести мольбы о дольном!
Всему начертаны пути.

8 июня 1900

282

Своеволием рока
Мы на разных путях бытия, —
Я — печальное око,
Ты — веселая резвость ручья;

Я — томление злое,
Ты — прохладная влага в полях, —
Мы воистину двое,
Мы на разных, далеких путях.

Но в безмолвии ночи,
К единению думы склоня,
Ты закрой свои очи,
Позабудь наваждения дня, —

И в блаженном молчаньи
Ты постигнешь закон бытия, —
Всё едино в созданьи,
Где сознанью возникнуть, там Я.

12 июня 1900

283

Слышу голос милой,
Вижу милый лик.
Не моей ли силой
Милый лик возник?

Разве есть иное?
В тишине долин
Мы с тобой не двое, —
Я с тобой один.

Мне ль цветком измятым
К нежной груди льнуть!
Сладким ароматом
Мне, как прежде, будь.

25 июня 1900

284

Что таскать мне эту ношу,
Башмаки!
Дай-ка я их лучше сброшу
У реки.

Окуну я в воду ноги,
Посижу,
Вдоль реки и вдоль дороги
Погляжу.

За рекой я вижу крышу,
Мамин дом.
Песню сестрину я слышу
За холмом.

Мост на речке там пониже,
Где завод,
Только есть дорога ближе,
Это брод.

Башмаки! .. Стащу ж я ношу
Кое-как,
Ну а дома их заброшу
На чердак.

Пусть лежат себе скромнее
Под замком.
Право, летом веселее
Босиком.

25 июня 1900
Миракс

285

Я сам себе создал обман,
Что будто бы чуждые руки
Мне сделали множество ран
И много медлительной муки,

Что будто бы чуждый мне взор
Терзал меня ядом презренья,
Что будто во мне мой позор
Немедленно требовал мщенья,

Что будто враги и друзья
Все стали злорадно смеяться,

И будто бы слабость моя
Меня заставляла смиряться.

Но что же? ведь надобно жить.
И были, и будут обманы,
И станут, быть может, томить
Опять небывалые раны.

25 июня 1900

286

Я воскресенья не хочу,
И мне совсем не надо рая, —
Не опечалюсь, умирая,
И никуда я не взлечу.

Я погашу мои светила,
Я затворю уста мои,
И в несказанном бытии
Навек забуду всё, что было.

25 июня 1900

287

Забелелся туман за рекой,
Этот берег совсем не высок,
И деревья стоят над водой,
И теперь я совсем одинок.

Я в кустах поищу хворостин
И в костер их на берег сношу,
И под ними огонь воскрешу,
Посижу, помечтаю один.

И потом, по теченью реки,
Потихоньку пойду босиком, —
А завижу вдали огоньки,
Буду знать я, что близок мой дом.

27 июня 1900
Миракс

Он промечтал всю ночь, пока в его окно
Не бросил мутный день рассеянные взоры
Сквозь полотно
Дырявой шторы.

Он промечтал всю ночь о счастье неземном,
О счастии вовеки невозможном
Здесь, в этом крае злом
И ложном.

23 марта 1897 — 20 июля 1900

289. АНГЕЛ БЛАГОГО МОЛЧАНИЯ

Грудь ли томится от зною,
Страшно ль смятение вьюг, —
Только бы ты был со мною,
Сладкий и радостный друг.

Ангел благого молчанья,
Тихий смиритель страстей,
Нет ни венца, ни сиянья
Над головою твоей.

Кротко потуплены очи,
Стан твой окутала мгла,
Тонкою влагою ночи
Веют два легких крыла.

Реешь над дольным пределом
Ты без меча, без луча, —
Только на поясе белом
Два золотые ключа.

Друг неизменный и нежный,
Тенью прохладною крыл
Век мой безумно-мятежный
Ты от толпы заслонил.

В тяжкие дни утомленья,
В ночи бессильных тревог
Ты отклонил помышленья
От недоступных дорог.

2—3 декабря 1900

290

Я ухо приложил к земле,
Чтобы услышать конский топот, —
Но только ропот, только шепот
Ко мне доходит по земле.

Нет громких стуков, нет покоя,
Но кто же шепчет, и о чем?
Кто под моим лежит плечом
И уху не дает покоя?

Ползет червяк? Растет трава?
Вода ли капает до глины?
Молчат окрестные долины,
Земля суха, тиха трава.

Пророчит что-то тихий шепот?
Иль, может быть, зовет меня,
К покою вечному клоня,
Печальный ропот, темный шепот?

31 декабря 1900
Миракс

291

Преодолев тяжелое косненье
И долгий путь причин,
Я сам — творец и сам — свое творенье,
Бесстрастен и один.

Ко мне струилось пламенное слово.
Блистая, дивный меч,
Архангелом направленный сурово,
Меня грозился сжечь.

Так, светлые владыку не узнали
В скитальце и рабе,
Но я разбил старинные скрижали
В томительной борьбе.

О грозное, о древнее сверканье
Небесного меча!
Убей раба за дерзкое исканье
Эдемского ключа.

Исполнил раб завещанное дело:
В пыли земных дорог
Донес меня до вечного предела,
Где я — творец и бог.

11 июня 1901

292

Стремленье гордое храня,
Ты должен тяжесть побороть.
Не отвращайся от огня,
Сжигающего плоть.

Есть яд в огне; он — сладкий яд,
Его до капли жадно пей, —
Огни высокие горят
И ярче, и больней.

И как же к цели ты дойдешь,
Когда не смеешь ты гореть?
Всё, что ты любишь, чем живешь,
Ты должен одолеть.

Пойми, что, робко плоть храня,
Рабы боятся запылать, —
А ты иди в купель огня
Гореть и не сгорать.

Из той купели выйдешь цел,
Омыт спасающим огнем...
А если б кто в огне сгорел,
Так что жалеть о нем!

13 июня 1901

293

Любовью легкою играя,
Мы обрели блаженный край.
Вкусили мы веселье рая,
Сладчайшего, чем божий рай.

Лаская тоненькие руки
И ноги милые твои,
Я изнывал от сладкой муки,
Какой не знали соловьи.

С тобою на лугу несмятом
Целуяся в тени берез,
Я упивался ароматом,
Благоуханней алых роз.

Резвей веселого ребенка,
С невинной нежностью очей,
Ты лепетала звонко, звонко,
Как не лепечет и ручей.

Любовью легкою играя,
Вошли мы только в первый рай:
То не вино текло играя,
То пена била через край.

И два глубокие бокала
Из тонко-звонкого стекла
Ты к светлой чаше подставляла
И пену сладкую лила,

Лила, лила, лила, качала
Два тельно-алые стекла.
Белей лилей, алее лала
Бела была ты и ала.

И в звонах ласково-кристальных
Отраву сладкую тая,
Была милее дев лобзальных
Ты, смерть отрадная моя!

3 июля 1901

294

Моя печаль в полночной дали,
Росой обрызгана, легла.
В единственной моей печали,
В безмолвной и туманной дали,
Вся жажда жизни умерла.

Еще одной я вею страстью —
Ты, буйный ветер, страсть моя.
Ты научаешь безучастью,
Своею бешеною властью
Свевая прелесть бытия.

Всех чар бессильно обаянье,
И ни одной преграды нет.
Весь мир — недолгое мечтанье,
И радость — только созерцанье,
И разум — только тихий свет.

10—14 июля 1901

295

Прикован тяжким тяготением
К моей земле,
Я тешусь кратким сновидением
В полночной мгле.

Летит душа освобожденная
В живой эфир
И там находит, удивленная,
За миром мир.

И мимоходом воплощается
В иных мирах,
И новой жизнью забавляется
В иных телах.

20 марта 1899, 30 июля 1901

296

Воля к жизни, воля к счастью, где же ты?
Иль навеки претворилась ты в мечты
И в мечтах неясных, в тихом полусне,
Лишь о невозмо̀жном возвещаешь мне?

Путь один лишь знаю, — долог он и крут,
Здесь цветы печали бледные цветут,
Умирает без ответа чей-то крик,
За туманом солнце скрыто, — тусклый лик.

Утомленьем и могилой дышит путь, —
Воля к смерти убеждает отдохнуть
И от жизни обещает уберечь.
Холодна и однозвучна злая речь,
Но с отрадой и с надеждой внемлю ей
В тишине, в томленьи неподвижных дней.

4 августа 1901

297

Помнишь, мы с тобою сели
На шатучие качели,
И скрипучая доска
Покачнулася слегка.

За холмами две свирели
Про любовь нам сладко пели,
И по воле ветерка
Два мелькали мотылька.

Словно в детской колыбели
Мы качалися и пели,
И была твоя рука
На губах моих сладка.

Тучки на небе горели,
Мы купаться захотели,
От качелей так близка,
Заманила нас река.

8 августа 1901

298

Я печален, я грешен, —
Только ты не отвергни меня.
Я твоей красотою утешен
В озареньи ночного огня.

Не украшены стены,
Желтым воском мой пол не натерт, —
Я твоей не боюся измены,
Я великою верою тверд.

И на шаткой скамейке
Ты, босая, сидела со мной,
И в тебе, роковой чародейке,
Зажигался пленительный зной.

Есть у бедности сила, —
И печалью измученный взор
Зажигает святые светила,
Озаряет великий простор.

12 августа 1901

299

Ты в стране недостижимой,
Я в больной долине снов.
Друг, томительно любимый,
Слышу звук твоих шагов.

Содрогаясь, внемлю речи,
Вижу блеск твоих очей, —
Бледный призрак дивной встречи,
Привидение речей.

Расторгают евмениды
Между нами все пути.
Я — изгнанник, все обиды
Должен я перенести.

Жизнью скучной и нелепой
Надо медленно мне жить,
Не роптать на рок свирепый
И о тайном ворожить.

12 августа 1901

300

Есть тропа неизбежная
На крутом берегу, —
Там волшебница нежная
Запыхалась в бегу.

Улыбается сладкая
И бежит далеко.
Юность сладкая, краткая,
Только с нею легко.

Пробежит — зарумянится,
Улыбаясь, лицо,
И кому-то достанется
Золотое кольцо...

Рокового, заклятого
Не хотеть бы кольца,
Отойти б от крылатого
Огневого гонца.

12 августа 1901

301

Грустное слово — конец!
Милое слово — предел!
Молотом скован венец,
Золотом он заблестел.

Ужас царил на пути.
Злобно смеялась нужда.
Злобе не льсти и не мсти, —
Вечная блещет звезда.

12 августа 1901

302

Окрест — дорог извилистая сеть.
Молчание — ответ взывающим.
О, долго ль будешь в небе ты висеть
Мечом, бессильно угрожающим?

Была пора, — с небес грозил дракон,
Он видел вдаль, и стрелы были живы.
Когда же он покинет небосклон,
Всходили вестники, земле не лживы.

Обвеяны познанием кудес,
Являлись людям звери мудрые.
За зельями врачующими в лес
Ходили ведьмы среброкудрые.

Но всё обман, — дракона в небе нет,
И ведьмы так же, как и мы, бессильны.
Земных судеб чужды пути планет,
Пути земные медленны и пыльны.

Страшна дорог извилистая сеть,
Молчание — ответ взывающим.
О, долго ль с неба будешь ты висеть
Мечом, бессильно угрожающим?

14 августа 1901

303. ВЕДЬМЕ

Поклонюсь тебе я платой многою, —
Я хочу забвенья да веселия, —
Ты поди некошною дорогою,
Ты нарви мне ересного зелия.

Белый саван брошен над болотами,
Мертвый месяц поднят над дубравою, —
Ты пройди заклятыми воротами,
Ты приди ко мне с шальной пошавою,

Страшен навий след, но в нем забвение,
Горек омег твой, но в нем веселие,
Мертвых уст отрадно дуновение, —
Принеси ж мне, ведьма, злое зелие.

14 августа 1901

304

Жизнь проходит в легких грезах,
Вся природа — тихий бред,
И не слышно об угрозах,
И не видно в мире бед.

Успокоенное море
Тихо плещет о песок.
Позабылось в мире горе,
Страсть погибла, и порок.

Век людской и тих, и долог
В безмятежной тишине,
Но — зачем откинуть полог,
Если въявь как и во сне?

15 августа 1901

305

Он песни пел, пленял он дев,
Владел и шпагой и гитарой.
Пройдет — и затихает гнев
У ведьмы даже самой ярой.

И жен лукавая хвала,
И дев мерцающие взоры!
Но бойтесь — у богини зла
Неотвратимы приговоры.

Она предстала перед ним
В обличьи лживом девы нежной,
Одежда зыблилась, как дым,
Над дивной грудью белоснежной.

Он был желаньем уязвлен,
Она коварно убегала,
За ней бежал всё дальше он,
Держась за кончик покрывала, —

И увлекла в долину бед,
И скрылась на заклятом бреге,
И на проклятый навий след
Он наступил в безумном беге.

И цвет очей его увял,
И радость жизни улетела,
И тяжкий холод оковал
Его стремительное тело.

И тает жизнь его, как дым.
В тоске бездейственно-унылой
Живет он, бледный нелюдим,
И только ждет он смерти милой.

15 августа 1901

306

Прохладная забава, —
Скамейка челнока,
Зеленая дубрава,
Веселая река.

В простой наряд одета,
Сидишь ты у руля,
Ликующее лето
Улыбкою хваля.

Я тихо подымаю
Два легкие весла.
Твои мечты я знаю, —
Душа твоя светла.

Ты слышишь в лепетаньи
Прозрачных, тихих струй
Безгрешное мечтанье,
Невинный поцелуй.

15 августа 1901

307

Прозрачный сок смолистый,
Застывший на коре.
Пронизан воздух мглистый
Мечтаньем о заре.

Скамейка у забора,
Далекий плеск реки.
Расстаться надо скоро...
Пожатие руки...

Ты скрылась в тень густую
В замолкнувшем саду.
Гляжу во мглу ночную,
Один в полях иду.

Застенчивой весною,
Стыдяся белых ног,
Не ходишь ты со мною
Просторами дорог.

Но только ноги тронет
Едва-едва загар,
Твой легкий стыд утонет
В дыханьи вешних чар.

И в поле ты, босая, —
В платочке голова, —
Пойдешь, цветкам бросая
Веселые слова.

15 августа 1901

308

Не я воздвиг ограду,
Не мне ее разбить.
И что ж! найду отраду
За той оградой быть.

И что мне помешает
Воздвигнуть все миры,
Которых пожелает
Закон моей игры?

Я призрачную душу
До неба вознесу,
Воздвигну — и разрушу
Мгновенную красу.

Что бьется за стеною —
Не всё ли мне равно!
Для смерти лишь открою
Потайное окно.

23 сентября 1901

309

Я страшною мечтой томительно встревожен:
Быть может, этот мир, такой понятный мне,
Такой обильный мир, весь призрачен, весь ложен,
Быть может, это сон в могильной тишине.

И над моей томительной могилой
Иная жизнь шумит, и блещет, и цветет,
И ветер веет пыль на крест унылый,
И о покойнике красавица поет.

31 января 1895, 25 ноября 1901

310

Порочный отрок, он жил один,
В мечтах и сказках его душа цвела.
В тоске туманной больных долин
Его подругой была ночная мгла.

Она вплетала в его мечты
И зной и холод — отраву злых болот.
Очарованье без красоты!
Твои оковы никто не разорвет.

9 января 1902

311

Безгрешный сон,
Святая ночь молчанья и печали!
Вы, сестры ясные, взошли на небосклон
И о далеком возвещали.

Отрадный свет
И на земле начертанные знаки!
Вам, сестры ясные, земля моя в ответ
Взрастила грезящие маки.

В блестящем дне
Отрада есть — надежда вдохновенья.
О сестры ясные, одна из вас ко мне
Сошла в тумане сновиденья!

10 января 1902

312

Неустанное в работе
Сердце бедное мое, —
В несмолкающей заботе
Ты житье куешь мое.

Воля к жизни, воля злая,
Направляет пылкий ток, —
Ты куешь, не уставая,
Телу радость и порок.

Дни и ночи ты торопишь,
Будишь, слабого, меня
И мои сомненья топишь
В нескончаемости дня.

Я безлепицей измучен.
Житие кляну мое.
Твой тяжелый стук мне скучен,
Сердце бедное мое.

12 января 1902

313

Тропинка вьется,
Река близка,
И чья-то песня раздается
Издалека.

Из-за тумана,
Струясь, горя,
Восходит медленно и рано
Моя заря.

И над рекою
Проходишь ты.
Цветут над мутной глубиною
Твои мечты.

И нет печали
И злых тревог, —
Росинки смехом задрожали
У милых ног.

14 января 1902

314

Вдали от скованных дорог,
В сиянии заката,
Прикосновеньем нежных ног
Трава едва примята.

Прохлада веет от реки
На знойные ланиты,
И обе стройные руки
Бестрепетно открыты.

И разве есть в полях цветы
И на небе сиянье?
Улыбки, шепот, и мечты,
И тихое лобзанье.

14 января 1902

315

Как часто хоронят меня!
Как часты по мне панихиды!
Но нет для меня в них обиды,
Я выше и Ночи и Дня.

Усталостью к отдыху клонят,
Болезнями тело томят,
Печалями со света гонят
И ладаном в очи дымят.
Мой путь перед ними не понят,
Венец многоцветный измят, —
Но, как ни поют, ни хоронят,
Мой свет от меня не затмят.

Оставьте ненужное дело,
Направьте обратно ладью, —
За грозной чертою предела
Воздвигнул я душу мою.
Великой зарею зардела
Любовь к моему бытию.
Вселенское, мощное тело
Всемирной душе создаю.

Ладью мою вечно стремите
К свершению творческих дел, —
И если найдете предел,
Отпойте меня, схороните!

16 апреля 1902

316

Никто не убивал,
Он тихо умер сам, —
Он бледен был и мал,
Но рвался к небесам.

А небо далеко,
И даже — неба нет.
Пойми — и жить легко, —
Ведь тут же, с нами, свет.

Огнем горит эфир,
И ярки наши дни, —
Для ночи знает мир
Внезапные огни.

Но он любил мечтать
О пресвятой звезде,
Какой не отыскать
Нигде — увы! — нигде!

Дороги к небесам
Он отыскать не мог,
И тихо умер сам,
Но умер он, как бог.

21 апреля 1902

317

В предутренних потьмах я видел злые сны.
Они меня до срока истомили.
Тоска, томленье, страх в работу вплетены,
В сиянье дня — седые космы пыли.
Предутренние сны, безумной ночи сны, —
На целый день меня вы отравили.

Есть белый нежный цвет, — далек он и высок,
Святая тень, туманно-голубая.
Но мой больной привет начертан на песок,
И тусклый день, так медленно ступая,
Метет сухой песок, медлительно жесток.
О жизнь моя, безжалостно-скупая!

Предутреннего сна больная тишина,
Немая грусть в сияньи Змия,
Святые ль наизусть твердишь ты имена,
Ты, мудрая жена седого Вия,
Предутреннего сна больная тишина,
Но где ж твои соперницы нагие?

Иль тусклой пеленой закроется закат,
И кто за ним, то будет Тайной снова,
И мертвой тишиной мучительно объят,
Сойду к Иным без творческого Слова?
Мучительный закат, безжалостный закат,
Последний яд, усмешка Духа Злого.

21 апреля 1902

318

Твоя душа — кристалл, дрожащий
В очарованьи светлых струй.
Но что ей в жизни предстоящей?
Блесни, исчезни, очаруй!

В очарованиях бессилен
Горящий неизменно здесь.
Наш дольний воздух смрадно-пылен,
Душе мила иная весь.

29 апреля 1902

319

Балалайка моя,
Утешай-ка меня,
Балалаечка!
У меня ли была,
И жила, и цвела
Дочка Раечка.

Пожила, умерла,
И могила взяла
Дочку Раечку, —
Ну и как мне не пить,
Ну и как не любить
Балалаечку!

Что взгляну на мою
Балалаечку,
То и вспомню мою
Дочку Раечку.

29 апреля 1902

320

Моя усталость выше гор,
Во рву лежит моя любовь,
И потускневший ищет взор,
Где слезы катятся и кровь.

Моя усталость выше гор,
Не для земли ее труды...
О, темный взор, о, скучный взор,
О, злые, страшные плоды!

10 мая 1902

321

Ветер тучи носит,
Носит вихри пыли.
Сердце сказки просит
И не хочет были.

Сидеть за стеною, работником быть, —
О ветер, ты мог бы и стены разбить!

Ходить по дорогам из камней и плит, —
Он только тревожит, он только скользит!

И мертвые видеть повсюду слова, —
Прекрасная сказка навеки мертва.

23 мая 1902

322

Изнемогающая вялость,
За что-то мстящая тоска,
В долинах — бледная усталость,
На небе — злые облака.

Не видно счастья голубого,
Его затмили злые сны.
Лучи светила золотого
Седой тоской поглощены.

9 июня 1902

323

Иду в лесу. Медлительно и странно
Вокруг меня колеблется листва.
Моя мечта, бесцельна и туманна,
Едва слагается в слова.
И знаю я, что ей слова не нужны, —
Она дыхания нежней,
Ее вещания жемчужны,
Улыбки розовы у ней.
Она — краса лесная,
И всё поет в лесу,
Хвалою радостной венчая
Ее красу.

13 июня 1902

324

Холодная, жестокая земля!
Но как же ты взрастила сладострастие?
Твои широкие, угрюмые поля
Изведали ненастье, но и счастие.

Сама ли ты надежды родила,
Сама ли их повила злаками?
Или сошла с небес богиня зла,
Венчанная таинственными знаками,

И низвела для дремлющей земли
Мечты коварные с обманами,
И злые гости облекли
Тебя лазурными туманами?

15 июня 1902

325

Державные боги,
Властители радостных стран!
Устал я от трудной дороги,
И пылью покрылися ноги,
И кровью из ран.

Так надо, так надо, —
Мне вещий ваш ворон твердит.
В чертогах небесных отрада —
За труд и за муки награда,
За боль и за стыд.

Меня бы спросили,
Хочу ли от вас я венца!
Но вашей покорен я силе,
Вы тайно меня победили,
И к вам я иду до конца.

А есть и короче,
Прямой и нетрудный есть путь, —
Лишь только в безмолвии ночи
Мгновенною молнией в очи
Себе самовольно блеснуть.

Его отвергаю,
Я вам покориться хочу.
Живу и страдаю, и знаю,
Что ваши пути открываю,
Иду и молчу.

15 июня 1902

326

Мы скучной дорогою шли
По чахлой равнине.
Уныло звучали шаги
На высохшей глине,
А рядом печально росли
Березки на кочках.
Природа больная! солги
В колосьях, в цветочках.

Обмана мы жаждем и ждем,
Мы жаждем обмана.
Мы рвемся душой к небесам
Из царства тумана.

Мы скучной дорогой идем
Вдоль скудного поля.
Томительно грезится нам
Далекая воля.

16 июня 1902

327

Детский лепет мне несносен,
Мне противен стук машин.
Я хочу под тенью сосен
Быть один, всегда один,

Чтоб пустынно восходило
И катилось надо мной
Безответное светило,
Змей безумно-золотой,

Чтоб свободный и пустынный
Веял ветер всех сторон,
Погружая душу в длинный,
Безразгадно-вещий сон,

Чтоб никто не молвил слова
Ни со мной, ни обо мне,
Злым вторжением былого
В беспредельной тишине,

И, когда настанет время
Беспробудно опочить
И томительное бремя
С утомленных плеч сложить, —

Чтоб никто моей пустыней
С тихим пеньем не ходил,
Чтоб не плавал ладан синий
Вкруг колеблемых кадил.

16 июня 1902

328

Когда звенят согласные напевы
Ойлейских дев,
И в пляске медленной кружатся девы
Под свой напев, —

Преодолев несносные преграды,
И смерти рад,
Вперяю я внимательные взгляды
В их светлый град.

Отрад святых насытясь дуновеньем,
С тебя, Ойле,
Стремлюсь опять, окованный забвеньем,
К моей земле.

Во мгле земли свершаю превращенья,
Покорен я, —
И дней медлительных влачатся звенья,
О, жизнь моя!

16 июня 1902

329

Я живу в темной пещере,
Я не вижу белых ночей.
В моей надежде, в моей вере
Нет сиянья, нет лучей.

Ход к пещере никем не иден,
И не то ль защита от меча!
Вход в пещеру чуть виден,
И предо мною горит свеча.

В моей пещере тесно и сыро,
И нечем ее согреть.
Далекий от земного мира,
Я должен здесь умереть.

16 июня 1902

330

Он не знает, но хочет, —
Оттого возрастает, цветет,
Ароматные сладости точит
И покорно умрет.
Он не знает, но хочет.

Непреклонная воля
Родилася во тьме.
Только выбрана доля —
Та иль эта — в уме,
Но темна непреклонная воля.

Умереть или жить,
Расцвести ль, зазвенеть ли,
Завязать ли жемчужную нить,
Разорвать ли лазурные петли,
Всё равно — умереть или жить.

16 июня 1902

331

Оргийное безумие в вине,
Оно весь мир, смеясь, колышет.
Но в трезвости и в мирной тишине
Порою то ж безумье дышит.

Оно молчит в нависнувших ветвях,
И стережет в пещере жадной,
И, затаясь в медлительных струях,
Оно зовет в покой прохладный.

Порою, в воду мирно погрузясь,
Вдруг власть безумия признает тело,
И чуешь ты таинственную связь
С твоей душой губительного дела.

18 июня 1902

332

Змий, царящий над вселенною,
Весь в огне, безумно-злой,
Я хвалю тебя смиренною,
Дерзновенною хулой.

Из болотной топкой сырости
Повелел, губитель, ты
Деревам и травам вырасти,
Вывел листья и цветы.

И ползущих и летающих
Ты воззвал на краткий срок.
Сознающих и желающих
Тяжкой жизни ты обрек.

Тучи зыблешь ты летучие,
Ветры гонишь вдоль земли,
Чтоб твои лобзанья жгучие
Раньше срока не сожгли.

Неотменны повеления,
Нет пощады у тебя,
Ты царишь, презрев моления,
Не любя и всё губя.

18 июня 1902

333

Околдовал я всю природу,
И оковал я каждый миг.
Какую страшную свободу
Я, чародействуя, достиг!

И развернулась без предела
Моя предвечная вина,
И далеко простерлось тело,
И так разверзлась глубина!

Воззвав к первоначальной силе,
Я бросил вызов небесам,
Но мне светила возвестили,
Что я природу создал сам.

18 июня 1902

334

По тем дорогам, где ходят люди,
В часы раздумья не ходи, —
Весь воздух выпьют людские груди,
Проснется страх в твоей груди.

Оставь селенья, иди далёко,
Или создай пустынный край
И там безмолвно и одиноко
Живи, мечтай и умирай.

18—19 июня 1902

335

Безумием окована земля,
Тиранством золотого Змея.
Простерлися пустынные поля,
В тоске безвыходной немея,
Подъемлются бессильно к облакам
Безрадостно-нахмуренные горы,
Подъемлются к далеким небесам
Людей тоскующие взоры.
Влачится жизнь по скучным колеям,
И на листах незыблемы узоры.
Безумная и страшная земля,
Неистощим твой дикий холод, —
И кто безумствует, спасения моля,
Мечом отчаянья проколот.

19 июня 1902

336

Я сжечь ее хотел, колдунью злую.
Но у нее нашлись проклятые слова, —
Я увидал ее опять живую,
Вся в пламени и в искрах голова.

И говорит она: «Я не сгорела, —
Восстановил огонь мою красу.
Огнем упитанное тело
Я от костра к волшебству унесу.

Перебегая, гаснет пламя в складках
Моих магических одежд.
Безумен ты! В моих загадках
Ты не найдешь своих надежд».

19 июня 1902

337

Обольщения лживых слов
И обманчивых снов, —
Ваши прелести так сильны!
Утомителен летний зной.
На дороге лесной
Утешения тишины.

Позабудешься ты в тени, —
Отдохни и засни.
Старый сказочник недалек.
Он с дремотою подойдет.
Вещий лес оживет
И таинственный огонек.

Чего не было никогда,
Что пожрали года,
Что мечтается иногда —
Снова молодо, снова здесь,
Станешь радостен весь,
В позабытую внидешь весь.

19 июня 1902

Елисавета, Елисавета,
Приди ко мне!
Я умираю, Елисавета,
Я весь в огне.
Но нет ответа, мне нет ответа
На страстный зов.
В стране далекой Елисавета,
В стране отцов.

Ее могила, ее могила
В краю ином.
Она скончалась. Ее могила —
Ревнивый дом.
Победа смерти не победила
Любви моей.
Сильна могила, ее могила, —
Любовь сильней.

Елисавета, Елисавета,
Приди ко мне!
Я умираю, Елисавета,
Я весь в огне.
Слова завета, слова завета
Не нам забыть.
С тобою вместе, Елисавета,
Нам надо быть.

Расторгнуть бремя, расторгнуть бремя
Пора пришла.
Земное, злое растает бремя,
Как сон, как мгла.
Земное бремя — пространство, время —
Мгновенный дым.
Земное, злое расторгнем бремя
И победим!

Елисавета, Елисавета,
Приди ко мне.
Я умираю, Елисавета,
Я весь в огне.

Тебя я встречу в блистаньи света,
Любовь моя.
Мы будем вместе, Елисавета,
И ты и я.

21—22 июня 1902

339

В село из леса она пришла, —
Она стучала, она звала.
Ее страшила ночная тьма,
Но не пускали ее в дома.
И долго, долго брела она,
И темной ночью была одна,
И не пускали ее в дома,
И угрожала ночная тьма.
Когда ж, ликуя, заря взошла,
Она упала — и умерла.

25 июня 1902

340

В его устах двухсмысленны слова,
И на устах двухсмысленны улыбки.
Его душа бессильна и мертва,
А помыслы стремительны и зыбки.

Его любить никто не захотел,
Никто не мог его возненавидеть.
Неузнанным пребыть — его удел, —
Не действовать, не жить, а только видеть.

3 июля 1902

341

О забвение! низойди, обмани!
В воспоминаниях тягостны дни.

Прегрешения выше гор.
В заблуждениях обидный позор.

Если счастье манило, оно ушло.
Все дары жизнь разбила, как стекло.

О забвение! если бы всё стереть!
Если б всё прошлое могло умереть!

Но судьба говорит: «Только с тобой.
Умри, и всё прошлое уведи с собой».

3 июля 1902

342

Равно для сердца мило,
Равно волнует кровь —
И то, что прежде было,
И то, что будет вновь,
И темная могила,
И светлая любовь.

А то, что длится ныне,
Что мы зовем своим,
В безрадостной пустыне
Обманчиво, как дым.
Томимся о святыне,
Завидуем иным.

4—6 июля 1902

343

В великом холоде могилы
Я безнадежно схоронил
И отживающие силы,
И всходы нераскрытых сил.

И погребенные истлели
В утробе матери-земли,
И без надежды и без цели
Могильным соком потекли,

И соком корни напоили, —
И где был путь уныл и гол,
Там травы тихо восходили
И цвет медлительный расцвел.

Покорна гласу темной воли,
И бездыханна и светла,
Без торжества, без слез, без боли
Вся сила мертвая цвела,

И без любви благоухала,
Обманом жизни крася дол,
И сок сладчайший источала
Для пестрых бабочек и пчел.

О, если б смерть не овладела
Семьею первозданных сил,
В какое б радостное тело
Я все миры соединил!

6 июля 1902

344

В стране безвыходной бессмысленных томлений
Влачился долго я без грез, без божества,
И лишь порой для диких вдохновений
Я находил безумные слова.

Они цвели во мгле полночных волхвований,
На злом пути цвели, — и мертвая луна
Прохладный яд несбыточных желаний
Вливала в них, ясна и холодна.

6 июля 1902

345

В тихий вечер на распутьи двух дорог
Я колдунью молодую подстерег,
И во имя всех проклятых вражьих сил
У колдуньи талисмана я просил.

Предо мной она стояла, чуть жива,
И шептала чародейные слова,
И искала талисмана в тихой мгле,
И нашла багряный камень на земле,
И сказала: «Этот камень ты возьмешь, —
С ним не бойся, — не захочешь, не умрешь.
Этот камень всё на шее ты носи
И другого талисмана не проси.
Не для счастья, иль удачи, иль венца, —
Только жить, всё жить ты будешь без конца.
Станет скучно — ты веревку оборвешь,
Бросишь камень, станешь волен, и умрешь».

7 июля 1902

346

Люблю блуждать я над трясиною
Дрожащим огоньком,
Люблю за липкой паутиною
Таиться пауком,
Люблю летать я в поле оводом
И жалить лошадей,
Люблю быть явным, тайным поводом
К мучению людей.
Я злой, больной, безумно-мстительный,
За то томлюсь и сам.
Мой тихий стон, мой вопль медлительный —
Укоры небесам.
Судьба дала мне плоть растленную,
Отравленную кровь.
Я возлюбил мечтою пленною
Безумную любовь.
Мои порочные томления,
Всё то, чем я прельщен, —
В могучих чарах наваждения
Многообразный сон.
Но он томит больной обидою.
Идти путем одним
Мне тесно. Всем во всем завидую,
И стать хочу иным.

9 июля 1902

347

Опять заря смеяться стала,
Про ночь забыли небеса,
И переливно задрожала
На свежей зелени роса.

Ты гордый стыд преодолела,
Ты победила сонм тревог,
И пышных платьев не надела,
И не обула нежных ног.

Конец исканиям мятежным.
Один лишь путь смиренный прав.
К твоим ногам, в лобзаньи нежном,
Приникли стебли тихих трав,

И свежесть утренней прохлады
Тебя, лаская, обняла.
Цветы душисты, птицы рады,
Душа свободна и смела.

9 июля 1902

348

Пойми, что гибель неизбежна.
    Доверься мне
И успокойся безмятежно
    В последнем сне.

В безумстве дни твои сгорели,
    Но что тужить!
Вся жизнь, весь мир — игра без цели.
    Не надо жить.

Не надо счастия земного,
    Да нет и сил,
И сам ты таинства иного
    Уже вкусил!

13—14 июля 1902

Ты не бойся, что темно.
Слушай, я тебе открою, —
Всё невинно, всё смешно,
Всё божественной игрою
Рождено и суждено.

Для торжественной забавы
Я порою к вам схожу,
Собираю ваши травы,
И над ними ворожу,
И варю для вас отравы.

Мой напиток пей до дна.
В нем забвенье всех томлений;
Глубина его ясна,
Но великих утолений
Преисполнена она.

Вспомни, как тебя блаженно
Забавляли в жизни сны.
Всё иное — неизменно,
Нет спасенья, нет вины,
Всё легко, и всё забвенно.

14 июля 1902

350

Когда я в бурном море плавал
И мой корабль пошел ко дну,
Я так воззвал: «Отец мой, Дьявол,
Спаси, помилуй, — я тону.

Не дай погибнуть раньше срока
Душе озлобленной моей, —
Я власти темного порока
Отдам остаток черных дней».

И Дьявол взял меня и бросил
В полуистлевшую ладью.
Я там нашел и пару весел,
И серый парус, и скамью.

И вынес я опять на сушу,
В больное, злое житие,
Мою отверженную душу
И тело грешное мое.

И верен я, отец мой Дьявол,
Обету, данному в злой час,
Когда я в бурном море плавал
И ты меня из бездны спас.

Тебя, отец мой, я прославлю
В укор неправедному дню,
Хулу над миром я восставлю,
И соблазняя соблазню.

23 июля 1902

351

Что мы служим молебны
И пред господом ладан кадим!
Все равно непотребны,
Позабытые богом своим.

В миротканной порфире,
Осененный покровами сил,
Позабыл он о мире
И от творческих дел опочил.

И нетленной мечтою
Мировая душа занята,
Не земною, иною, —
А земная пустыня — пуста.

23 июля 1902

352

Я влюблен в мою игру.
Я, играя, сам сгораю,
И безумно умираю,
И умру, совсем умру.

Умираю от страданий,
Весь измученный игрой,
Чтобы новою зарей
Вывесть новый рой созданий.

Снова будут небеса, —
Не такие же, как ваши, —
Но опять из полной чаши
Я рассею чудеса.

27 декабря 1902

353

В последнем свете злого дня,
В паденьи сил, в затменьи бога,
Перед тобой моя дорога.
Приди ко Мне, люби Меня.

В мирах всё призрачно и тленно, —
Но вот Я заповедь даю,
Она вовеки неизменна:
Люби Меня и жизнь Мою.

Я — всё во всем, и нет Иного.
Во Мне родник живого дня.
Во тьме томления земного
Я — верный путь. Люби Меня.

20 января 1903

354

Настало время чудесам.
Великий труд опять подъемлю.
Я создал небеса и землю
И снова ясный мир создам.

Настало творческое время.
Земное бремя тлеет вновь.
Моя мечта, моя любовь
Восставят вновь иное племя.

Подруга-смерть, не замедляй,
Разрушь порочную природу,
И мне опять мою свободу
Для созидания отдай.

21 января 1903

355

Я уведу тебя далёко
От шумных, тесных городов,
Где в многолюдстве одиноко,
Где рабство низменных трудов.

Уйдем к долине безмятежной
На берега пустынных вод,
Когда свершится неизбежной
Звезды таинственный восход.

И там, на берегу потока,
Под легкий лепет камыша,
От темной суеты далёко,
Прохладой свежею дыша,

Там, на путях очарованья
В безмолвный час поймешь и ты
Неотразимые призванья
Миры объемлющей мечты.

22 января 1903

356—358. *ГИМНЫ РОДИНЕ*

1

О Русь! в тоске изнемогая,
Тебе слагаю гимны я.
Милее нет на свете края,
О родина моя!

Твоих равнин немые дали
Полны томительной печали,
Тоскою дышат небеса,
Среди болот, в бессильи хилом,
Цветком поникшим и унылым,
Восходит бледная краса.

Твои суровые просторы
Томят тоскующие взоры
И души, полные тоской.
Но и в отчаяньи есть сладость.
Тебе, отчизна, стон и радость,
И безнадежность, и покой.

Милее нет на свете края,
О Русь, о родина моя.
Тебе, в тоске изнемогая,
Слагаю гимны я.

6 апреля 1903

2

Люблю я грусть твоих просторов,
Мой милый край, святая Русь.
Судьбы унылых приговоров
Я не боюсь и не стыжусь.

И все твои пути мне милы,
И пусть грозит безумный путь
И тьмой, и холодом могилы,
Я не хочу с него свернуть.

Не заклинаю духа злого,
И, как молитву наизусть,
Твержу всё те ж четыре слова:
«Какой простор! Какая грусть!»

8 апреля 1903

3

Печалью, бессмертной печалью
Родимая дышит страна.
За далью, за синею далью
Земля весела и красна.

Свобода победы ликует
В чужой лучезарной дали,
Но русское сердце тоскует
Вдали от родимой земли.

В безумных, напрасных томленьях
Томясь, как заклятая тень,
Тоскует о скудных селеньях,
О дыме родных деревень.

10 апреля 1903

359

Мы поклонялися Владыкам
И в блеске дня и в тьме божниц,
И перед каждым грозным ликом
Мы робко повергались ниц.

Владыки гневные грозили
И расточали гром и зло,
Порой же милость возносили
Так величаво и светло.

Но их неправедная милость,
Как их карающая месть,
Могли к престолам лишь унылость,
Тоской венчанную, возвесть.

Мерцал венец ее жемчужный,
Но свет его был тусклый блеск,
И вся она была — ненужный
И непонятный арабеск.

Владык встречая льстивым кликом, —
И клик наш соткан был из тьмы, —
В смятеньи темном и великом
Чертог ее ковали мы.

Свивались пламенные лица,
Клубилась огненная мгла,
И только тихая Денница
Не поражала и не жгла.

19 мая 1903

360

В долгих муках разлученья
Отвергаешь ты меня,
Забываешь час творенья,
Злою карою забвенья
День мечтательный казня.

Что же, злое, злое чадо,
Ты ко мне не подойдешь?
Или жизни ты не радо?
Или множества не надо,
И отдельность — только ложь?

Не для прихоти мгновенной
Я извел тебя из тьмы,
Чтобы в день, теперь забвенный,
Но когда-то столь блаженный,
Насладились жизнью мы.

В беспредельности стремленья
Воплотить мои мечты,
Не ушел я от творенья,
Поднял бремя воплощенья,
Стал таким же, как и ты.

11 июня 1903

361

Предметы предметного мира,
И солнце, и путь, и луна,
И все колебанья эфира,
И всякая здесь глубина,

И всё, что очерчено резко,
Душе утомленной моей —
Страшилище звона и блеска,
Застенок томительных дней.

От света спешу я в чертоги,
Где тихой мечтою дышу,
Где вместе со мною лишь боги,
Которых я сам возношу.

Бесшумною тканью завешен
Чертога безмолвный порог.
Там грех мой невинно-безгрешен
И весело-светел порок.

Никто не наложит запрета,
И грубое слово ничье
Не бросит внезапного света
На слово иль дело мое.

Я древних заклятий не знаю
На той стороне бытия,
И если я кровь проливаю,
То кровь эта — только моя.

11 июня 1903

362

На гармонике рев трепака,
Безобразная брань мужика,
Соловья надоедливый треск,
Стрекотание звонких стрекоз,

И бессмысленный солнечный блеск,
И дыхание резкое роз, —
Всё телесно и грубо вокруг,
Пожалей меня, ласковый друг!

12 июня 1903
Сиверская

363

Безумных дней томительная смена,
Ночей безумия томительная мгла, —
Их ткань легка, как злая пена,
И входит в жизнь, как хитрая игла.

26 июля 1903

364

Восходит Змий горящий снова
И мечет грозные лучи.
От волхвования ночного
Меня ты снова отлучи.

Труды подъемлю — на дороги
Пойду безумен, зол и мал,
Забыв полночные чертоги,
Где я словам твоим внимал.

Но из земли возникнут снова
Твои холодные ключи, —
Тогда меня, всегда земного,
Ты в тихий сумрак заключи.

26 сентября 1903

365

Здесь, на этом перекрестке, в тихий, чуткий час
ночной
Ты стояла предо мною, озаренная луной,
И, бессмертными словами откровенье роковое
Повторяя, говорила, что на свете только двое,

Что в созданьи многоликом только я и только ты
В споре вечном и великом сплетены, но не слиты.

Обе темные дороги в ожидании молчали.
Ночь внимала и томилась от восторга и печали.
И в сияньи непорочном, в полуночной тишине
Все дыханья, все желанья возвращались вновь ко мне.
Только ты одна таилась, не стремилась к нашей встрече,
Вещим снам противореча, вечно близко и далече.

14 октября 1903

366

Алой кровью истекая в час всемирного томленья,
С легким звоном злые звенья разжимает лютый Змей,
Умирает с тихим стоном Царь полдневного творенья.
Кровью Змея пламенея, ты жалеть его не смей.
Близок срок завороженный размышленья и молчанья.
Умирает Зверь багряный, Царь безумного сиянья.
Он царил над небосклоном, но настал печальный час,
И с протяжным тихим стоном Змей пылающий погас.

И с бессильною тревогой окровавленной дорогой,
Все ключи свои роняя, труп Царя влечет Заря,
И в томленьи грусти строгой месяц бледный и двурогий
Сеет мглистые мечтанья, не грозя и не горя.
Если страшно, если больно, если жизни жаль невольно, —
Что твой ропот своевольный! Покоряйся, — жить довольно.
Все лучи померкли в небе, и в ночной росе ключи, —
И опять она с тобою. Слушай, слушай и молчи.

14 октября 1903

367

Предстоящих несчастий предтечам,
Я не верю приметам и встречам
И пугающим снам,

Но порою яснеет сознанье,
И откуда приходит вещанье,
Не пойму я и сам.

Всё, как прежде, обычно и ясно,
Изменений искал бы напрасно,
Потолок и стена.

И никто не стоит на пороге,
Никаких нет причин для тревоги,
И вокруг тишина.

Но пришли запредельные гости,
Нет, не те, что лежат на погосте.
На меня не глядят

Обитатели радостной веси, —
Имена их ты, господи, веси! —
И со мной говорят.

Вот горят невидимые свечи,
Вот звучат неслышимые речи —
Вдохновенный язык.

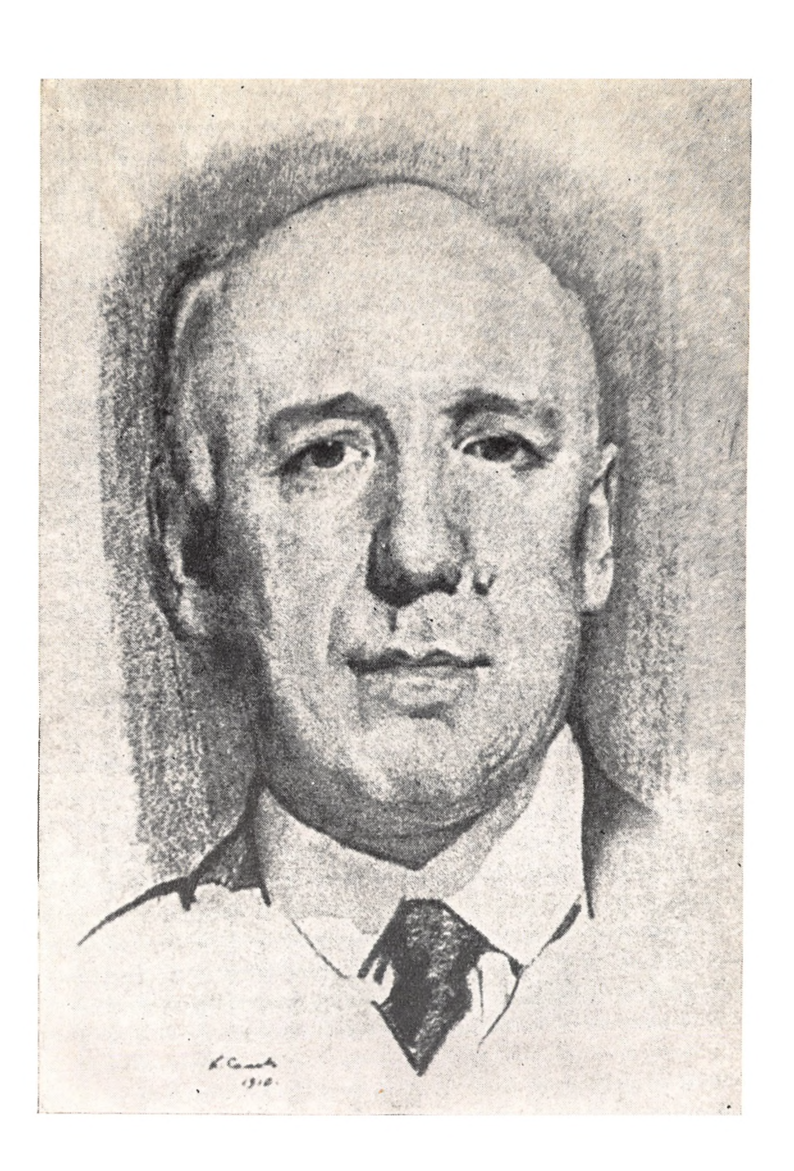
Передать эти речи не смею,
Может быть, их понять не умею,
Но я к тайне приник.

20 октября 1903

368

На гибельной дороге
Последним злом греша,
В томительной тревоге
Горит моя душа.

Святое озаренье
Унылых этих мест,
Сияло утешенье,
Яснейшая из звезд.

Ю. А.
1921

Но, чары расторгая
Кругом обставших сил,
Тебя, надежда рая,
Я дерзко погасил.

И вот — подъемлю стоны,
Но подвиг мой свершу:
Бессмертные законы
Бесстрастно напишу.

Творенья не покину,
Но, всё ко мне склоня,
Дам заповедь едину:
Люби, люби меня.

Венчан венцом терновым,
Несметные пути
Воздвигну словом новым,
Но все — ко Мне идти.

Настал конец утехам,
Страдать и мне пора, —
Гремят безумным смехом
Долина и гора.

Но заповедь едину
Бесстрастно я простер
На темную долину,
На выси гордых гор.

23 октября 1903

369

Луны безгрешное сиянье,
Бесстрастный сон немых дубрав,
И в поле мглистом волхнованье,
Шептанье трав...

Сошлись полночные дороги.
На перекрестке я опять, —
Но к вам ли, демоны и боги,
Хочу воззвать?

Под непорочною луною
Внимая чуткой тишине,
Всё, что предстало предо мною,
Зову ко мне.

Мелькает белая рубаха, —
И по траве, как снег бледна,
Дрожа от радостного страха,
Идет она.

Я не хочу ее объятий,
Я ненавижу прелесть жен,
Я властью неземных заклятий
Заворожен.

Но говорит мне ведьма: «Снова
Вещаю тайну бытия.
И нет и не было Иного,
Но я — Твоя.

Сгорали демоны и боги.
Но я с Тобой всегда была
Там, где встречались две дороги
Добра и зла».

Упала белая рубаха,
И предо мной, обнажена,
Дрожа от страсти и от страха,
Стоит она.

24 октября 1903

370

«Зачем возрастаю? —
Снегурка спросила меня. —
Я знаю, что скоро растаю,
Лишь только увижу веселую стаю,
Растаю, по камням звеня,
И ты позабудешь меня».

Снегурка, узнаешь ты скоро,
Что таять легко;
Растаешь, узнаешь, умрешь без укора,
Уснешь глубоко.

8 февраля 1904

371

Я любви к тебе не знаю,
Злой и мстительный Дракон,
Но, склоняясь, исполняю
Твой незыблемый закон.

Я облекся знойным телом,
Зной лучей твоих во мне.
Раскален в каленьи белом,
В красном часто я огне.

11 марта 1904

372. ОТ ЗЛОЙ РАБОТЫ ПАЛАЧЕЙ

Баллада

Валерию Брюсову

Она любила блеск и радость,
Живые тайны красоты,
Плодов медлительную сладость,
Благоуханные цветы.

Одета яркой багряницей,
Как ночь мгновенная светла,
Она любила быть царицей,
Ее пленяла похвала.

Ее в наряде гордом тешил
Алмаз в лучах и алый лал,
И бармы царские обвешал
Жемчуг шуршащий и коралл.

Сверкало золото чертога,
Горел огнем и блеском свод,
И звонко пело у порога
Паденье раздроблённых вод.

Пылал багрянец пышных тканей
На белом холоде колонн,
И знойной радостью желаний
Был сладкий воздух напоен.

Но тайна тяжкая мрачила
Блестящей славы дивный дом:
Царица в полдень уходила,
Куда, никто не знал о том.

И, возвращаясь в круг веселый
Прелестных жен и юных дев,
Она склоняла взор тяжелый,
Она таила темный гнев.

К забавам легкого веселья,
К турнирам взоров и речей
Влеклась тоска из подземелья,
От злой работы палачей.

Там истязуемое тело,
Вопя, и корчась, и томясь,
На страшной виске тяготело,
И кровь тяжелая лилась.

Открывши царственные руки,
Отнявши бич у палача,
Царица умножала муки
В злых лобызаниях бича.

В тоске и в бешенстве великом,
От крови отирая лик,
Пронзительным, жестоким гиком
Она встречала каждый крик.

Потом, спеша покинуть своды,
Где смрадный колыхался пар,

Она всходила в мир свободы,
Венца, лазури и фанфар.

И, возвращаясь в круг веселый
Прелестных жен и юных дев,
Она клонила взор тяжелый,
Она таила темный гнев.

8 ноября 1898, 24—30 марта 1904

373

Маленькие кусочки счастья, не взял ли я вас от жизни?
Дивные и мудрые книги,
таинственные очарования музыки,
умилительные молитвы,
невинные, милые детские лица,
сладостные благоухания,
и звезды, — недоступные, ясные звезды!

О фрагменты счастья, не взял ли я вас от жизни!

Что же ты плачешь, мое сердце, что же ты ропщешь?

Ты жалуешься:
«Кратким
и более горьким, чем сладким,
обманом промчалась жизнь,
и ее нет».

Успокойся, сердце мое, замолчи.
Твои биения меня утомили.
И уже воля моя отходит от меня.

6 июня 1904
Сиверская

374

Огонь, пылающий в крови моей,
Меня не утомил.
Еще я жду — каких-то новых дней,
Восстановленья сил.

Спешу забыть все виденные сны
И только сохранить
Привычку к снам — полуночной весны
Пылающую нить.
Всё тихое опять окрест меня,
И солнце и луна, —
Но сладкого, безумного огня
Душа моя полна.

6—13 июня 1904

375

Я жил как зверь пещерный,
Холодной тьмой объят,
Заветам ветхим верный,
Бездушным скалам брат.

Но кровь моя кипела
В томительном огне,
И призрак злого дела
Творил я в тишине.

Над мраками пещеры,
Над влажной тишиной
Скиталися химеры,
Воздвигнутые мной.

На каменных престолах,
Как мрачные цари,
В кровавых ореолах
Мерцали упыри.

Безумной лаской нежить
Во тьме и тишине
Отверженная нежить
Сбиралася ко мне.

И я как зверь скитался
В кругу заклятых сил,
И скверною питался,
Но смерти не вкусил.

8—20 июня 1904

376

Там, за стеною, холодный туман от реки.
Снова со мною острые ласки тоски.
Снова огонь сожигает
Усталую плоть, —
Пламень безумный, сверкая, играет,
Жалит, томит, угрожает, —
Как мне его побороть?
Сладок он, сладок мне, сладок, —
В нем я порочно полночно сгораю давно.
Тихое око бесстрастных лампадок,
Тихой молитвы внезапный припадок, —
Вам погасить мой огонь не дано.
Сладкий, безумный и жгучий,
Пламенный, радостный стыд,
Мститель нетленно-могучий
Горьких обид.
Плачет опять у порога
Бледная совесть — луна.
Ждет не дождется дорога, —
И увядает она,
Лилия бедная, бледная, вечно больная. —
Лилия ждет, не дождется меня,
Светлого мая,
Огня.

12—13 июня 1904

377

Я спал от печали
Тягостным сном.
Чайки кричали
Над моим окном.

Заря возопила:
«Встречай со мной царя.
Я небеса разбудила,
Разбудила, горя».

И ветер, пылая
Вечной тоской,
Звал меня, пролетая
Над моею рекой.

Но в тяжелой печали
Я безрадостно спал.
О веселые дали,
Я вас не видал!

13 июня 1904

378

О, жалобы на множество лучей
И на неслитность их!
И не искать бы мне во тьме ключей
От кладезей моих!
Ключи нашел я, и вошел в чертог,
И слил я все лучи.
Во мне лучи. Я — весь. Я — только бог.
Слова мои — мечи.
Я — только бог. Но я и мал, и слаб.
Причины создал я.
В путях моих причин я вечный раб
И пленник бытия.

13 июня 1904

379

Не смейся над моим нарядом,
Не говори, что для него я стар,
Я зачарую властным взглядом,
И ты познаешь силу чар.

Я набекрень надвину шляпу,
Я плащ надену на плечо, —
Ты на плече увидишь лапу —
Химеры дышат горячо.

С моим лицом лицо химеры
Увидишь рядом ты.
Ты слышишь, слышишь запах серы?
И на груди моей цветы.

Кинжал. Смеешься? Стары ножны?
Но он увертлив, как змея.
Дрожишь? Вы все неосторожны.
Я не смешон. Убью. Безумен я.

13 июня 1904

380

Я один в безбрежном мире, я обман личин отверг.
Змий в пылающей порфире пред моим огнем померк.

Разделенья захотел я, и воздвиг широкий круг,
Вольный мир огня, веселья, сочетаний и разлук.

Но наскучила мне радость переменчивых лучей,
Я зову иную сладость, слитность верную ночей.

Темнота ночная пала, скрылась бледная луна,
И под сенью покрывала ты опять со мной одна.

Ты оставила одежды у порога моего.
Исполнение надежды — радость тела твоего.

Предо мною ты нагая, как в творящий первый час.
Содрогаясь и вздыхая, ты нагая. Свет погас.

Ласки пламенные чую, вся в огне жестоком кровь.
Весть приемлю роковую: «Ты один со мною вновь».

17 июня 1904

381

Свободный ветер давно прошумел
И промчался надо мною,
Долина моя тиха и спокойна, —
А чуткая стрела

Над гордою башнею возвышенного дома
Всё обращает свое тонкое острие
К далекой и странной области
Мечты.
Уже и самые острые,
Самые длинные
Лучи
Растаяли в мглистом безмолвии.
Туман поднимается
Над топкими берегами реки.
Усталые дети чего-то просят
И плачут.
Наступает
Моя последняя стража.
Дивный край недостижим, как прежде,
И Я, как прежде, только я.

19 июня 1904

382

Преодолел я дикий холод
Земных страданий и невзгод,
И снова непорочно молод,
Как в первозданный майский год.

Вернувшись к ясному смиренью,
Чужие лики вновь люблю,
И снова радуюсь творенью,
И всё цветущее хвалю.

Привет вам, небеса и воды,
Земля, движенье и следы,
И краткий, сладкий миг свободы,
И неустанные труды.

1 июля 1904

383

Наслаждаяся любовью, лобызая милый лик,
Я услышал над собою и узнал зловещий клик.
И, приникши к изголовью, обагренный жаркой кровью,
Мой двойник, сверкая взором, издевался над любовью.

Засверкала сталь кинжала, и кинжал вонзился в грудь,
И она легла спокойно, а двойник сказал: «Забудь.
Надо быть как злое жало, жало светлого кинжала,
Что вонзилось прямо в сердце, но, любя, не угрожало».

2 июля 1904

384

Пламенем наполненные жилы,
Сердце знойное и полное огнем, —
В теле солнце непомерной силы,
И душа насквозь пронизанная днем.

Что же в их безумном ликованьи?
Бездна ждет, и страшен рев ее глухой.
В озарении, сверканьи и сгораньи
Не забыть ее, извечной, роковой.

2 июля 1904

385

Насытив очи наготою
Эфирных и бесстрастных тел,
Земною страстной красотою
Я воплотиться захотел.

Тогда мне дали имя Фрины,
И в обаяньи нежных сил
Я восхитил мои Афины
И тело в волны погрузил.

Невинность гимны мне слагала,
Порок стыдился наготы,
И напоил он ядом жало
В пыли ползущей клеветы.

Мне казнь жестокая грозила,
Меня злословила молва,
Но злость в победу превратила
Живая сила божества.

Когда отравленное слово
В меня метал мой грозный враг,
Узрел внезапно без покрова
Мою красу ареопаг.

Затмилось злобное гоненье,
Хула, свиваясь, умерла,
И было — старцев поклоненье,
Восторг бесстрастный и хвала.

3 июля 1904

386

Люби меня ясно, как любит заря,
Жемчу́г рассыпая и смехом горя.
Обрадуй надеждой и легкой мечтой
И тихо погасни за мглистой чертой.

Люби меня тихо, как любит луна,
Сияя бесстрастно, ясна, холодна.
Волшебством и тайной мой мир освети, —
Помедлим с тобою на темном пути.

Люби меня просто, как любит ручей,
Звеня и целуя, и мой и ничей.
Прильни и отдайся, и дальше беги.
Разлюбишь, забудешь — не бойся, не лги.

14 июля 1904
Сиверская

387

Невинный цвет и грешный аромат
Левкоя
Пленительным желанием томят
Покоя.

Так сладостно склоняться в полусне
Под тенью
К желанному и радостному мне
Забвенью, —

Простивши всё, что было в жизни злом
И мукой,
Стереть и память даже о былом
Разлукой.

14—15 июля 1904
Сиверская

388

Грешник, пойми, что Творца
Ты прогневил:
Ты не дошел до конца,
Ты не убил.

Дан был тебе талисман
Вечного зла,
Но в повседневный туман
Робость влекла.

Пламенем гордых страстей
Жечь ты не смел, —
На перекрестке путей
Тлея истлел.

Пеплом рассыплешься ты,
Пеплом в золе.
О, для чего же мечты
Шепчут о зле!

20 августа 1904

389

Наивно верю временам,
Покорно предаюсь пространствам, —
Земным изменчивым убранствам
И беспредельным небесам.

Хочу конца, ищу начала,
Предвижу роковой предел, —
Противоречий я хотел,
Мечта владычицею стала.

В жемчуги, злато и виссон,
Прелестница безумно-злая,
Она рядит, не уставая,
Земной таинственный мой сон.

21 октября 1904

390—393. *СОБОРНЫЙ БЛАГОВЕСТ*

1

Давно в степи блуждая дикой,
Вдали от шумного жилья,
Внезапно благовест великий,
Соборный звон услышал я.

Охвачен трепетным смятеньем,
Забывши тесный мой шалаш,
Спешу к проснувшимся селеньям,
Твержу: «Товарищи, я ваш!»

Унынье темное уснуло,
Оставил душу бледный страх, —
И сколько говора и гула
На перекрестках и путях!

2

Клеветники толпою черной
У входа в город нам кричат:

«Вернитесь! То не звон соборный,
А возмущающий набат».

Но кто поверит лживым кликам?
Кому их злоба не ясна,
Когда в согласии великом
Встает родимая страна?

3

В толпе благим вещаньям внемлют.
Соборный колокол велик,
Труды бесстрашные подъемлют
Его торжественный язык.

Он долго спал, над колокольней
Зловещим призраком вися,
Пока дремотой подневольной
Кругом земля дремала вся.

Свободный ветер бури дальной,
Порою мчась издалека,
Не мог разрушить сон печальный,
Колыша медные бока.

И лишь порою стон неясный
Издаст тоскующая медь,
Чтобы в дремоте безучастной
Опять бессильно онеметь.

Но час настал, запрет нарушен,
Разрушен давний тяжкий сон,
Порыву гордому послушен
Торжественно-свободный звон.

4

Слепой судьбе противореча,
Горит надеждами восток,
И праздник радостного веча,
Великий праздник, недалек.

Он куплен кровью наших братий,
Слезами матерей омыт,
И вопль враждующих проклятий
Его победы не смутит.

28 ноября 1904

394. ИВАН-ЦАРЕВИЧ

Сел Иван-Царевич
На коня лихого.
Молвил нам Царевич
Ласковое слово:

«Грозный меч подъемлю,
В бой пойду я рано,
Заберу всю землю
Вплоть до океана».

Год проходит. Мчится
Вестник, воин бледный.
Он поспешно мчится,
Шлем иссечен медный.

«Сгибли наши рати
Силой вражьей злобы.
Кстати иль некстати,
Запасайте гробы.

Наш Иван-Царевич
Бился с многой славой».
— «Где ж Иван-Царевич?»
— «В битве пал кровавой».

3 декабря 1904

395

Солнце светлое восходит,
Озаряя мглистый дол,
Где еще безумство бродит,
Где ликует произвол.

Зыбко движутся туманы,
Сколько холода и мглы!
Полуночные обманы
Как сильны еще и злы!

Злобы низменно-ползучей
Ополчилась шумно рать,
Чтоб зловещей, черной тучей
Наше солнце затмевать.

Солнце ясное, свобода!
Горячи твои лучи.
В час великого восхода
Возноси их, как мечи.

Яркий зной, как тяжкий молот,
Подними и опусти,
Побеждая мрак и холод
Загражденного пути.

Тем, кто в длительной печали
Гордой волей изнемог,
Озари святые дали
За усталостью дорог.

Кто в объятьях сна немого
Позабыл завет любви,
Тех горящим блеском слова
К новой жизни воззови.

3 декабря 1904

396. ЖЕСТОКИЕ ДНИ

Ожиданья дни жестоки.
Истомилася любовь.
На враждующем востоке
Льется братьев наших кровь.

И, о мире воздыхая,
Слезно господа моля,
Вся от края и до края
Стонет русская земля.

Слезы матери печальной!
Кто ведет вам поздний счет?
Кто стране многострадальной
Утешенье принесет?

3 декабря 1904

397

Все были сказаны давно
Заветы сладостной свободы, —
И прежде претворялись воды
В животворящее вино.

Припомни брак еврейский в Кане
И чудо первое Христа, —
И омочи свои уста
Водою, налитой в стакане.

И если верный ученик
В тебе воскреснет — ток прозрачный
Рассеет сон неволи мрачной,
Ты станешь светел и велик.

Что было светлою водою,
То сердцем в кровь претворено.
Какое крепкое вино!
Какою бьет оно струею!

3—4 декабря 1904

398. ДА, БЫЛИ БИТВЫ

Подражание Лермонтову

«Скажи-ка, дядя, ведь не даром...»

«Что ж, дядя, нешто ненароком
Сцепились мы в краю далеком
С толпами басурман?

Иль сдуру схватки боевые,
Да, говорят, еще какие?
К чему ж узнала вся Россия
Шахо и Ляоян?»

«Да́, были битвы, это точно,
И мы пошли туда нарочно,
А не занес нас черт.
Мы встосковались о просторе.
Нам тесно, — вот в чем наше горе,
И на далеком теплом море
Нам очень нужен порт.

Мы корабли туда послали,
В аренду от китайца взяли
Клочок его земли.
Там крепость мы соорудили,
Японцу этим досадили,
Зато уж пили, пили, пили,
Себя не берегли.

Японец злился да ершился,
Всё с нами воевать грозился,
А цепок он в бою,
Но мы с ним обходились важно,
Переговоры шли затяжно,
И повели весьма отважно
Мы линию свою.

Внезапно, невзирая на ночь,
Назвался он «Иван Иваныч»
И под завесой мглы,
Как самый низкий дикий воин,
Наделал нам больших пробоин,
За что, конечно, стал достоин
Презрительной хулы.

Тут стали пятиться мы раком.
По косогорам, буеракам
Сбиралась тихо рать.
Японец шел то врозь, то кучно.
Хоть отступать нам было скучно,
Но с малой ратью несподручно
Японца покорять.

Когда мы вышли понемногу
На Мандаринскую дорогу,

Мне разом оторвало ногу
И прострелило грудь.
Да вот, спасибо санитарам,
Забрали, не погиб я даром,
Поправлюсь как-нибудь.

Что дальше будет, я не знаю,
Газету каждый день читаю, —
В ней пишут мудрено:
Японец, вишь, обескуражен,
И в траур Ниппон весь наряжен,
А порт-артурский флот посажен
На самое на дно.

Не то кингстоны мы открыли,
Не то японцы просадили
Снарядами бока.
Да, скоро будет перемена:
Сидим мы крепко у Мукдена,
Разбитым кораблям замена
Ползет издалека.

Вот так-то. А расчислить точно,
Так что ж — пошли ли мы нарочно
Или понес нас черт?

Что тосковать нам о просторе,
Не в тесноте же наше горе.
На кой нам прах на дальнем море
Какой-то лишний порт».

4 декабря 1904

399

Нерон сказал богам державным:
«Мы торжествуем и царим!»
И под ярмом его бесславным
Клонился долго гордый Рим.

Таил я замысел кровавый.
Час исполнения настал, —

И отточил я мой лукавый,
Мой беспощадно-злой кинжал.

В сияньи цесарского трона,
Под диадемой золотой,
Я видел тусклый лик Нерона,
Я встретил взор его пустой.

Кинжал в руке моей сжимая,
Я не был робок, не был слаб, —
Но ликовала воля злая,
Меня схватил Неронов раб.

Смолою облит, на потеху
Безумных буду я сожжен.
Внимай бессмысленному смеху
И веселися, злой Нерон!

28 декабря 1904

400

Два солнца горят в небесах,
Посменно возносятся лики
Благого и злого владыки,
То радость ликует, то страх.
Дракон сожигающий, дикий,
И Гелиос, светом великий, —
Два солнца в моих небесах.

Внимайте зловещему крику, —
Верховный идет судия.
Венчайте благого владыку,
Сражайтесь с драконом, друзья.

30 декабря 1904

401

Кто на воле? Кто в плену?
Кто своей судьбою правит?
Кто чужую волю славит,
Цепь куя звено к звену?

Кто рабы и кто владыки?
Кто наемник? Кто творец?
Покажите наконец,
Сняв личины, ваши лики.

Но, как прежде, всё темно.
В душных весях и в пустыне
Мы немотствуем и ныне,
Цепь куя к звену звено.

Нет великого владыки.
Празден трон, и нем дворец.
Опечаленный творец
Дал личины, отнял лики.

3 января 1905

402

Пришла ночная сваха,
Невесту привела.
На ней одна рубаха,
Лицом она бела,

Да так, что слишком даже,
В щеках кровинки нет.
«Что про невесту скажешь?
Смотри и дай ответ».

«Да что же думать много!
Пришла, так хороша,
Не стой же у порога,
Садись, моя душа».

В глазах угроза блещет,
Рождающая страх,
И острая трепещет
Коса в ее руках.

14 февраля 1905

403. СОБАКА СЕДОГО КОРОЛЯ

Когда я был собакой
Седого короля,
Ко мне ласкался всякий,
Мой верный нрав хваля.

Но важные вельможи
Противно пахли так,
Как будто клочья кожи,
Негодной для собак.

И дамы пахли кисло,
Терзая чуткий нос,
Как будто бы повисла
С их плеч гирлянда роз.

Я часто скалил зубы,
Ворча на этих шлюх:
И мы, собаки, грубы,
Когда страдает нюх.

Кому служил я верно,
То был король один.
Он пахнул тоже скверно,
Но он был властелин.

Я с ним и ночью влажной,
И в пыльном шуме дня.
Он часто с лаской важной
Похваливал меня.

Один лишь паж румяный,
Веселый мальчуган,
Твердил, что я поганый
Ворчун и грубиян.

Но, мальчику прощая,
Я был с ним очень прост,
И часто он, играя,
Хватал меня за хвост.

На всех рыча мятежно,
Пред ним смирял я злость:

Он пахнул очень нежно,
Как с мозгом жирным кость.

Людьми нередко руган,
Он всё ж со мной шалил,
И раз весьма испуган
Мальчишкою я был.

Опасную игрушку
Придумал навязать
Он мне на хвост: гремушку,
Способную пылать.

Дремал я у престола,
Где восседал король,
И вдруг воспрянул с пола,
В хвосте почуяв боль.

Хвостом косматым пламя
Восставил я, дрожа,
Как огненное знамя
Большого мятежа.

Я громко выл и лаял,
Носясь быстрей коня.
Совсем меня измаял
Злой треск и блеск огня.

Придворные нашлися, —
Гремушка вмиг снята,
И дамы занялися
Лечением хвоста.

Король смеялся очень
На эту дурь и блажь,
А все-таки пощечин
Дождался милый паж.

Прибили так, без гнева,
И плакал он шутя, —
Притом же королева
Была совсем дитя.

Давно всё это было,
И минуло давно.
Что пахло, что дразнило,
Давно погребено.

Удел безмерно грустный
Собакам бедным дан, —
И запах самый вкусный
Исчезнет, как обман.

Ну вот, живу я паки,
Но тошен белый свет:
Во мне душа собаки,
Чутья же вовсе нет.

⟨24 февраля 1905⟩

404

Мы — плененные звери,
Голосим, как умеем.
Глухо заперты двери,
Мы открыть их не смеем.

Если сердце преданиям верно,
Утешаясь лаем, мы лаем.
Что в зверинце зловонно и скверно,
Мы забыли давно, мы не знаем.

К повторениям сердце привычно, —
Однозвучно и скучно кукуем.
Всё в зверинце безлично, обычно,
Мы о воле давно не тоскуем.

Мы — плененные звери,
Голосим, как умеем.
Глухо заперты двери,
Мы открыть их не смеем.

⟨24 февраля 1905⟩

405

Высо́ка луна господня.
Тяжко мне.
Истомилась я сегодня
В тишине.

Ни одна вокруг не лает
Из подруг.
Скучно, страшно, замирает
Всё вокруг.

В ясных улицах так пусто,
Так мертво.
Не слыхать шагов, ни хруста,
Ничего.

Землю нюхая в тревоге,
Жду я бед.
Слабо пахнет по дороге
Чей-то след.

Никого нигде не будит
Быстрый шаг.
Жданный путник, кто ж он будет —
Друг иль враг?

Под холодною луною
Я одна.
Нет, невмочь мне, — я завою
У окна.

Высока луна господня,
Высока.
Грусть томит меня сегодня
И тоска.

Просыпайтесь, нарушайте
Тишину.
Сестры, сестры! войте, лайте
На луну!

Февраль 1905

406

В день Воскресения Христова
Иду на кладбище, — и там
Раскрыты склепы, чтобы снова
Сияло солнце мертвецам.

Но никнут гробы, в тьме всесильной
Своих покойников храня,
И воздымают смрад могильный
В святыню праздничного дня.

Глазеют маленькие дети,
Держась за край решетки злой,
На то, как тихи гробы эти
Под их тяжелой пеленой.

Томительно молчит могила.
Раскрыт напрасно смрадный склеп, —
И мертвый лик Эммануила
Опять ужасен и нелеп.

17 апреля 1905

407

Я к ней пришел издалека.
        Окрест, в полях, прохлада.
И будет смерть моя легка
            И слаще яда.

Я взоры томные склонил.
        В траву роса упала.
Еще дышу. Так мало сил.
            Так жизни мало.

Туман восходит, — и она
        Идет, так тихо, в поле.
Поет, — мне песнь ее слышна, —
            Поет о воле.

Пришел. Она ко мне близка.
В ее очах отрада.
И смерть в руке ее легка
И слаще яда.

25 апреля 1905

408

Белый мой цветок, таинственно-прекрасный,
Из моей земли, из черной ты возник,
На меня глядишь ты, нежный и безгласный,
И понятен мне безмолвный твой язык.

Ты возник из тьмы, моей мечте навстречу,
Ты зовешь туда, откуда вышел ты, —
Я твоим вещаньям не противоречу,
К твоему дыханью наклонив мечты.

6 июля 1905

409

День сгорал, недужно бледный
и безумно чуждый мне.
Я томился и метался
в безнадежной тишине.

Я не знал иного счастья —
стать недвижным, лечь в гробу.
За метанья жизни пленной
клял я злобную судьбу.

Жизнь меня дразнила тупо,
возвещая тайну зла:
Вся она, в гореньи трупа,
мной замышлена была.

Это я из бездны мрачной
вихри знойные воззвал
И себя цепями жизни
для чего-то оковал.

И среди немых раздолий,
 где царил седой Хаос,
Это я своею волей
 жизнь к сознанию вознес.

15 июля 1905

410

В чародейном, темном круге,
 всё простив, что было днем,
Дал я знак моей подруге
 тихо вспыхнувшим огнем.

И она пришла, как прежде,
 под покровом темноты.
Позабыл я все вопросы,
 и спросил я: «Кто же ты?»

И она с укором кротким
 посмотрела на меня.
Лик ее был странно бледен
 в свете тайного огня.

Вкруг нее витали чары
 нас обнявшего кольца,
И внезапно стал мне внятен
 очерк близкого лица.

15 июля 1905

411. ШВЕЯ

Нынче праздник. За стеною
Разговор веселый смолк.
Я одна с моей иглою,
Вышиваю красный шелк.

Все ушли мои подруги
На веселый свет взглянуть,
Скоротать свои досуги,
Забавляясь как-нибудь.

Мне веселости не надо.
Что мне шум и что мне свет!
В праздник вся моя отрада,
Чтоб исполнить мой обет.

Всё, что юность мне сулила,
Всё, чем жизнь меня влекла,
Всё судьба моя разбила,
Всё коварно отняла.

«Шей нарядные одежды
Для изнеженных господ!
Отвергай свои надежды!
Проклинай их злую ложь!»

И в покорности я никла,
Трепетала, словно лань,
Но зато шептать привыкла
Слово гордое: восстань!

Белым шелком красный мечу,
И сама я в грозный бой
Знамя вынесу навстречу
Рати вражеской и злой.

5 августа 1905

412. ШУТ

Дивитесь вы моей одежде,
Смеетесь: что за пестрота!
Я нисхожу к вам, как и прежде,
В святом обличии шута.

Мне закон ваш — не указка.
Смех мой — правда без границ,
Размалеванная маска
Откровенней ваших лиц.

Весь лоскутьями пестрея,
Бубенцами говоря,
Шутовской колпак честнее,
Чем корона у царя.

Иное время, и дороги
Уже не те, что были встарь,

Когда я смело шел в чертоги,
Где ликовал надменный царь.

Теперь на сходке всенародной
Я подымаю бубен мой,
Смеюсь пред Думою свободной,
Пляшу пред мертвою тюрьмой.

Что, вас радуют четыре
Из святых земных свобод?
Эй, дорогу шире, шире!
Расступайтесь, — шут идет!

Острым смехом он пронижет
И владыку здешних мест,
И того, кто руку лижет,
Что писала манифест.

2 ноября 1905

413

Великого смятения
Настал заветный час.
Заря освобождения
Зажглася и для нас.

Недаром наши мстители
Восходят чередой.
Оставьте же, правители,
Губители, душители
Страны моей родной,

Усилия напрасные
Спасти отживший строй.
Знамена веют красные
Над шумною толпой,

И речи наши вольные
Угрозою горят,
И звоны колокольные
Слились в набат!

11 ноября 1905

414

Воцарился злой и маленький,
Он душил, губил и жег, —
Но раскрылся цветик аленький,
Тихий, робкий огонек.

Никнул часто он, растоптанный, —
Но окрепли огоньки,
Затаился в них нашептанный
Яд печали и тоски.

Вырос, вырос бурнопламенный,
Красным стягом веет он, —
И чертог качнулся каменный,
Задрожал кровавый трон.

Как ни прячься, злой и маленький,
Для тебя спасенья нет,
Пред тобой не цветик аленький,
Пред тобою красный цвет.

11 ноября 1905

415. ВЕСЕЛАЯ ПЕСНЯ

Буржуа с румяной харей,
Прочь с дороги, уходи!
Я — свободный пролетарий
С сердцем в пламенной груди.

Я терпел нужду и голод,
А тебе был всюду ход, —
Но теперь твой гнет расколот,
Мой черед идти вперед.

Ты себя не беспокоил
Ни заботой, ни трудом,
Но подумай, кто построил
Для тебя просторный дом?

Из кого ты жилы тянешь?
Что несешь на биржу, а?

Так со мною ли ты станешь
Спорить, жирный буржуа!

Свет от нас давно ты застишь, —
Будет! Шкуру береги!
Отворяй нам двери настежь
И беги себе, беги.

Запирует на просторе
Раззолоченных палат,
Позабыв былое горе,
Вольный пролетариат.

16 ноября 1905

416

Тяжелыми одеждами
Закрыв мечту мою,
Хочу я жить надеждами,
О счастии пою.

Во дни святого счастия
Возникнет над землей
Великого безвластия
Согласный, вечный строй.

Не будет ни царящего
Надменного меча,
Ни мстящего, разящего
Безжалостно бича.

В пыли не зашевелится
Вопрос жестокий: чье?
И в сердце не прицелится
Безумное ружье.

Поверженными знаками
Потешится шутя
В полях, шумящих злаками,
Веселое дитя.

17 ноября 1905

417. ЗЕМЛЕ

В блаженном пламени восстанья
Моей тоски не утоля,
Спешу сказать мои желанья
Тебе, моя земля.

Производительница хлеба,
Разбей оковы древних меж
И нас, детей святого Феба,
Простором вольности утешь.

Дыханьем бури беспощадной,
Пожаром ярым уничтожь
Заклятья собственности жадной,
Заветов хитрых злую ложь.

Идущего за тяжким плугом
Спаси от долга и от клятв,
И озари его досугом
За торжествами братских жатв.

И засияют светлой волей
Труда и сил твои поля
Во всей безгранности раздолий
Твоих, моя земля.

20 ноября 1905

418

День безумный, день кровавый
Отгорел и отзвучал.
Не победой, только славой
Он героев увенчал.

Кто-то плачет, одинокий,
Над кровавой грудой тел.
Враг народа, враг жестокий
В битве снова одолел.

Издеваясь над любовью,
Хищный вскормленник могил,

Он святою братской кровью
Щедро землю напоил.

Но в ответ победным крикам
Восстает, могуч и яр,
В шуме пламенном и диком
Торжествующий пожар.

Грозно пламя заметалось,
Выметая, словно сор,
Всё, что дерзко возвышалось,
Что сулило нам позор.

В гневном пламени проклятья
Умирает старый мир.
Славьте, други, славьте, братья,
Разрушенья вольный пир!

22 ноября 1905

419. ПРОСТАЯ ПЕСЕНКА

Под остриями
Вражеских пик
Светик убитый,
Светик убитый поник.

Миленький мальчик,
Маленький мой,
Ты не вернешься,
Ты не вернешься домой.

Били, стреляли, —
Ты не бежал,
Ты на дороге,
Ты на дороге лежал.

Конь офицера
Вражеских сил
Прямо на сердце,
Прямо на сердце ступил.

Миленький мальчик,
Маленький мой,
Ты не вернешься,
Ты не вернешься домой.

22 ноября 1905

420. ИСКАЛИ ДОЧЬ

Печаль в груди была остра,
Безумна ночь, —
И мы блуждали до утра,
Искали дочь.

Нам запомнилась навеки
Жутких улиц тишина,
Хрупкий снег, немые реки,
Дым костров, штыки, луна.

Чернели тени на огне
Ночных костров.
Звучали в мертвой тишине
Шаги врагов.

Там, где били и рубили,
У застав и у палат,
Что-то чутко сторожили
Цепи хмурые солдат.

Всю ночь мерещилась нам дочь,
Еще жива,
И нам нашептывала ночь
Ее слова.

По участкам, по больницам
(Где пускали, где и нет)
Мы склоняли к многим лицам
Тусклых свеч неровный свет.

Бросали груды страшных тел
В подвал сырой.
Туда пустить нас не хотел
Городовой.

Скорби пламенной язык ли,
Деньги ль дверь открыли нам, —
Рано утром мы проникли
В тьму, к поверженным телам.

Ступени скользкие вели
В сырую мглу,
Под грудой тел мы дочь нашли
Там, на полу...

25 ноября 1905

421. СПУТНИК

По безмолвию ночному,
Побеждая страх и сон,
От собратьев шел я к дому,
А за мной следил шпион;

И четою неразлучной
Жуткий город обходя,
Мы внимали песне скучной
Неумолчного дождя.

В темноте мой путь я путал
На углах, на площадях,
И лицо я шарфом кутал,
И таился в воротах.

Спутник чутко-терпеливый,
Чуждый, близкий, странно злой,
Шел за мною под дождливой
Колыхающейся мглой.

Утомясь теряться в звуке
Повторяемых шагов,
Наконец тюремной скуке
Я предаться был готов.

За углом я стал. Я слышал
Каждый шорох, каждый шаг.
Затаился. Выждал. Вышел.
Задрожал от страха враг.

«Барин, ты меня не трогай, —
Он сказал, дрожа как лист, —
Я иду своей дорогой.
Я и сам социалист».

Сердце тяжко, больно билось,
А в руке дрожал кинжал.
Что случилось, как свершилось,
Я не помню. Враг лежал.

1 декабря 1905

422. ВЕСЕЛАЯ НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

(На четыре голоса)

Что вы, старцы, захудали,
Таковы невеселы,
Головы повесили?
«Отошшали!»

Что вы, старые старухи,
Таковы невеселы,
Головы повесили?
«С голодухи!»

Что вы, парни, тихи стали,
Не играете, не скачете,
Всё ревете, плачете?
«Тятьку угнали!»

Что вы, детки, приуныли,
Не играете, не скачете,
Всё ревете, плачете?
«Мамку убили!»

4 декабря 1905

423

Не трогай в темноте
Того, что незнакомо, —
Быть может, это — те,
Кому привольно дома.

Кто с ними был хоть раз,
Тот их не станет трогать.
Сверкнет зеленый глаз,
Царапнет быстрый коготь, —

Прокинется котом
Испуганная нежить.
А что она потом
Затеет? мучить? нежить?

Куда ты ни пойдешь,
Возникнут пусторосли.
Измаешься, заснешь.
Но что же будет после?

Прозрачною щекой
Прильнет к тебе сожитель.
Он серою тоской
Твою затмит обитель.

И будет жуткий страх —
Так близко, так знакомо —
Стоять во всех углах
Тоскующего дома.

11 декабря 1905

424

Я был один в моем раю,
И кто-то звал меня Адамом.
Цветы хвалили плоть мою
Первоначальным фимиамом.

И первозданное зверье,
Теснясь вокруг меня, на тело
Еще невинное мое
С любовью дикою глядело.

У ног моих журчал ручей,
Спеша лобзать стопы нагие,

И отражения очей
Мне улыбалися, благие.

Когда ступени горных плит
Роса вечерняя кропила,
Ко мне волшебница Лилит
Стезей лазурной приходила.

И вся она была легка,
Как тихий сон, — как сон, безгрешна,
И речь ее была сладка,
Как нежный смех, — как смех, утешна.

И не желать бы мне иной!
Но я под сенью злого древа
Заснул. . . проснулся, — предо мной
Стояла и смеялась Ева. . .

Когда померк лазурный день,
Когда заря к морям склонилась,
Моя Лилит прошла как тень,
Прошла, ушла, — навеки скрылась.

28 декабря 1905

425

Я подарю тебе рубин, —
В нем кровь горит в моем огне.
Когда останешься один,
Рубин напомнит обо мне.

В нем кристаллический огонь
И металлическая кровь, —
Он тихо ляжет на ладонь
И обо мне напомнит вновь.

Весь окровавленный кристалл
Горит неведомым огнем.
Я сам его зачаровал
Безмолвным, неподвижным сном.

Не говорит он о любви,
И не любовь в его огне, —
В его пылающей крови
Ты вспомнишь, вспомнишь обо мне.

3 февраля 1906

426

Зеленый изумруд в твоем бездонном взоре, —
Что зеленело на просторе,
Замкнулось в тесный круг.
Мерцает взор зеленый, изумрудный, —
Мне кажется, что феей чудной
Прокинешься ты вдруг.

Уже не дева ты — Зеленая царица,
И смех твой — звон ручья,
И взор зеленый твой — лукавая зарница,
Но ты — опять моя.

И как бы ты в траве ни затаилась,
И чем бы ты ни притворилась,
Сверкая и звеня, —
Везде найду тебя, везде тебя открою,
Зеленоглазая! ты всё со мною,
Ты вечно для меня.

3 февраля 1906

427

Злая ведьма чашу яда
Подает, — и шепчет мне:
«Есть великая отрада
В затаенном там огне.

Если ты боишься боли,
Чашу дивную разлей, —
Не боишься? так по воле
Пей ее или не пей.

Будут боли, вопли, корчи,
Но не бойся, не умрешь,
Не оставит даже порчи
Изнурительная дрожь.

Встанешь с пола худ и зелен
Под конец другого дня.
В путь пойдешь, который велен
Духом скрытого огня.

Кое-что умрет, конечно,
У тебя внутри, — так что ж?
Что имеешь, ты навечно
Всё равно не сбережешь.

Но зато, смертельным ядом
Весь пропитан, будешь ты
Поражать змеиным взглядом
Неразумные цветы.

Будешь мертвыми устами
Ты метать потоки стрел
И широкими путями
Умертвлять ничтожность дел».

Так, смеясь над чашей яда,
Злая ведьма шепчет мне,
Что бессмертная отрада
Есть в отравленном огне.

3 февраля 1906

428

Я дорогой невинной и смелою
Прохожу, ничего не тая.
Что хочу, то могу, то и делаю, —
Вот свобода моя.

Научитесь хотенью упорному,
Наберитесь ликующих сил,
Чтоб зовущий к пристанищу черному
Вас косой не скосил, —

И поверьте великим вещаниям,
Что свобода не ведает зла,
Что она только ясным желаниям
Силу жизни дала.

27 марта 1906

429

В светлый день похоронили
Мы склонившуюся тень.
Кто безгласен был в могиле,
Тот воскрес в великий день, —

И светло ликует с нами,
Кто прошел сквозь холод тьмы,
Кто измучен злыми снами
В темных областях зимы.

29 марта 1906

430

Что звенит?
Что манит?
Ширь и высь моя!
В час дремотный перезвон
Чьих-то близких мне имен
Слышу я.
В легких вздохах дальних лоз,
В стрекотании стрекоз,
В зраке пестром теплых трав
Реет имя ВЯЧЕСЛАВ.
Вящий? Вещий?
Прославляющий ли вещи?
Вече? иль венец?
Слава? слово? или слать?
Как мне знаки разгадать?
Цепь сковать
Из рассыпанных колец?
Там, в дали долин,
Вещий хор ведет один, —

Здесь, в полугоре,
Знак начертан на коре, —
Там, с вершины гор,
Острый смотрит взор.
Все взяла заря ключи, —
Травы сухи и в ночи.
В сочетаньи вещих слов,
В сочетаньи гулких слав,
В хрупкий шорох ломких трав,
В радость розовых кустов
Льется имя ВЯЧЕСЛАВ.

26 мая 1906

431

Струясь вдоль нивы, мертвая вода
Звала меня к последнему забытью,
Я пас тогда ослиные стада
И похвалялся их тяжелой прытью.

Порой я сам, вскочивши на осла,
Трусил рысцой, не обгоняя стада,
И робко ждал, чтоб ночь моя сошла
И на поля повеяла прохлада.

Сырой песок покорно был готов
Отпечатлеть ослиные копыта,
И мертвый ключ у плоских берегов
Журчал о том, что вечной мглой закрыто.

31 мая 1906

432. ВЯЧЕСЛАВУ ИВАНОВУ

В тебе не вижу иноверца.
Тебя зову с надеждой Я.
Дракон — Мое дневное сердце,
Змея — ночная грусть Моя.

Я полюбил отраду ночи, —
Но в праздник незакатный Дня

Ты не найдешь пути короче
Путей, ведущих от Меня.

Напрасно прославляешь Солнце,
Гоня меня с твоих высот, —
Смеясь на твой призыв, Альдонса
Руно косматое стрижет.

От пламенеющего Змея
Святые прелести тая,
Ко мне склонилась Дульцинея:
Она — Моя, всегда Моя.

Не о борьбе она мне скажет,
Она, чей голос слаще арф.
Она крестом на мне повяжет
Не на победу данный шарф.

Простосердечную Альдонсу
За дух козлиный не казня,
Я возвестил тебе и Солнцу
Один завет: Люби Меня.

15—16 июня 1906

433

Я спешил к моей невесте
В беспощадный день погрома.
Всю семью застал я вместе
Дома.

Все лежали в общей груде...
Крови темные потоки...
Гвозди вбиты были в груди,
В щеки.

Что любовью пламенело,
Грубо смято темной силой...
Пронизали гвозди тело
Милой...

22 июня 1906

434

Догорало восстанье, —
Мы врагов одолеть не могли, —
И меня на страданье,
На мучительный стыд повели.

Осудили, убили
Победители пленных бойцов,
А меня обнажили
Беспощадные руки врагов.

Я лежала нагая,
И нагайками били меня,
За восстанье отмщая,
За свободные речи казня.

Издевался, ругался
Кровожадный насильник и злой,
И смеясь забавлялся
Беззащитной моей наготой.

Но безмерность мученья
И позора мучительный гнет
Неизбежности мщенья
Не убьет и в крови не зальет.

Дни безумия злого
Сосчитал уж стремительный рок,
И восстанья иного
Пламенеющий день недалек.

27—28 июня 1906

435

Пришла заплаканная жалость
И у порога стонет вновь:
«Невинных тел святая алость!
Детей играющая кровь!

За гулким взрывом лютой злости
Рыданья жалкие и стон.
Страшны изломанные кости
И шепот детский: „Это — сон?“»

Нет, надо мной не властно жало
Твое, о жалость! Помню ночь,
Когда в застенке умирала
Моя замученная дочь.

Нагаек свист, и визг мучений,
Нагая дочь, и злой палач, —
Всё помню. Жалость, в дни отмщений
У моего окна не плачь!

14 августа 1906

436

Мы были праздничные дети,
Сестра и я.
Плела нам радужные сети
Коварная Змея.

Стояли мы, играть не смея,
На празднике весны.
У злого, радостного Змея
Отравленные сны.

Хоть бедных раковин случайно
Набрать бы у ручья, —
Нет, умираем, плача тайно,
Сестра и я.

30 августа 1906

437. ТИХАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Много бегал мальчик мой.
Ножки голые в пыли.
Ножки милые помой.
Мóя ножки, задремли.

Я спою тебе, спою:
Баю-баюшки-баю.

Тихо стукнул в двери сон.
Я шепнула: «Сон, войди».
Волоса его как лен,
Ручки дремлют на груди, —
И тихонько я пою:
Баю-баюшки-баю.

«Сон, ты где был?» — «За горой».
— «Что ты видел?» — «Лунный свет».
— «С кем ты был?» — «С моей сестрой».
— «А сестра пришла к нам?» — «Нет».
Я тихонечко пою:
Баю-баюшки-баю.

Дремлет бледная луна.
Тихо в поле и в саду.
Кто-то ходит у окна,
Кто-то шепчет: «Я приду».
Я тихохонько пою:
Баю-баюшки-баю.

Кто-то шепчет у окна,
Точно ветки шелестят:
«Тяжело мне. Я больна.
Помоги мне, милый брат».
Тихо-тихо я пою:
Баю-баюшки-баю.

«Я косила целый день.
Я устала. Я больна».
За окном шатнулась тень,
Притаилась у окна.
Я пою, пою, пою:
Баю-баюшки-баю.

19 октября 1906

438

Я должен быть старым,
И мудрым,
И ко всему равнодушным,
С каменеющим сердцем
И с презрительным взором,
Потому что Ананке,
Злая,
Открыла мне мой жребий:
Жить лишь только после смерти
Бестелесною тенью,
Легким звуком,
Пыльною радостью
Чудака книгочия...

А всё же нагое тело
Меня волнует,
Как в юные годы.
Я люблю руки,
И ноги,
И упругую кожу,
И всё, что можно
Целовать и ласкать.
И если ты, милая, —
Капризная, но вовсе не злая, —
Хочешь моего ясного взгляда,
Моей светлой улыбки,
Моего легкого прикосновения, —
А что же больше я могу
Дать или взять? —
Знай, знай, —
Мне ненавистно
Твое нарядное платье
Скрипучего шелка
С желтыми кружевами,
И ароматный дар старого Пино,
И даже твои сквозные
Рукавички
С глупым и смешным названьем.

6 ноября 1906

439

Трепещет сердце опять.
Бледная поднялась заря.
Бедная! пришла встречать
Злого, золотого царя.

Встал, и пламенем лучей
Опалил, умертвил ее.
Ропщет и плачет ручей, —
Усталое сердце мое.

17 февраля 1903, 2 декабря 1906

440

Разбудил меня рано твой голос, о Брама!
Я прошла по росистым лугам,
Поднялась по ступеням высокого храма
И целую священный Лингам.

Он возложен на ткани узорной,
Покрывающей древний алтарь.
Стережет его голый и черный,
Диадемой увенчанный царь.

На священном Лингаме ярка позолота,
Сам он черен, громаден и прям.
Я закрою Лингам закрасневшимся лотосом,
Напою ароматами храм.

Алтарю, покрывалу, Лингаму
Я открою, что сладко люблю.
Вместе Шиву, и Вишну, и Браму я
Ароматной мольбой умолю.

7 января 1907

Дышу дыханьем ранних рос,
Зарею ландышей невинных;
Вдыхаю влажный запах длинных
Русалочьих волос, —

Отчетливо и тонко
Я вижу каждый волосок;
Я слышу звонкий голосок
Погибшего ребенка.

Она стонала над водой,
Когда ее любовник бросил.
Ее любовник молодой
На шею камень ей повесил.

Заслышав шорох в камышах
Его ладьи и скрип от весел,
Она низверглась вся в слезах,
А он еще был буйно весел.

И вот она передо мной,
Всё та же, но совсем другая,
Над озаренной глубиной
Качается нагая.

Рукою ветку захватив,
Водою заревою плещет.
Забыла темные пути
В сияньи утреннем и блещет.

И я дышу дыханьем рос,
Благоуханием невинным,
И влажным запахом пустынным
Русалкиных волос.

31 января 1907

442

Я позабыл, как надо колдовать,
Я уронил волшебный перстень в реку, —
Я на земле, и стану вековать,
Во всем подобясь человеку.

Напрасно жалость жжет меня, —
Я сам во власти темной злости.
Низвергся я, мучительно стеня,
И у меня — изломанные кости.

В альковах есть чрезмерность ласк, —
Но кто ж стремит на ваши спины
Нагайки быстрой тусклый лязг
Или гудящий свист резины?

Подобен вам, дышу едва, —
Но если ты пройдешь, мой друг гонимый,
Я прошепчу тебе слова
О мести алчной и непримиримой.

18 февраля 1907

443

О, не спеши скликать народы
На светлый пир любви, —
Шумящих крыльями орлов свободы
Зови
В торжестве святого своеволья
Развернуть пылающие крылья
Над зеркальностью застойных вод,
Унестись из мутной мглы бессилья
В озаренные раздолья,
В светлый рай стремительных свобод!

18 февраля 1907

444. СОН ПОХОРОН

Злом и тоской истомленный,
 Видел я сон,
Кем, я не знаю, внушенный,
 Сон похорон.

Мертвый лежал я в пустыне,
 Мертвой, как я.
Небо томительно сине,
В небе горела Змея.
Тлело недвижное тело,
Тление — жгучая боль,
И подо мною хрустела,
В тело впиваяся, соль.
И над безмолвной пустыней
 Злая Змея
Смрадной, раздутой и синей
Падалью тлела, как я.
К позолоченной могиле
Ладанно-мертвой земли
В облаке пламенной пыли
Мглистые кони влекли
Огненный груз колесницы,
 И надо мной
С тела гниющей царицы
Падал расплавленный зной.

Злом и тоской истомленный,
 Видел я сон,
Дьяволом, богом внушенный?
 Сон похорон.

19 февраля 1907

445. НЮРЕНБЕРГСКИЙ ПАЛАЧ

Кто знает, сколько скуки
В искусстве палача!
Не брать бы вовсе в руки
Тяжелого меча.

И я учился в школе
В стенах монастыря,
От мудрости и боли
Томительно горя.

Но путь науки строгой
Я в юности отверг,
И вольною дорогой
Пришел я в Нюренберг.

На площади казнили:
У чьих-то смуглых плеч
В багряно-мглистой пыли
Сверкнул широкий меч.

Меня прельстила алость
Казнящего меча
И томная усталость
Седого палача.

Пришел к нему, учился
Владеть его мечом,
И в дочь его влюбился,
И стал я палачом.

Народною боязнью
Лишенный вольных встреч,
Один пред каждой казнью
Точу мой темный меч.

Один взойду на помост
Росистым утром я,
Пока спокоен дома
Строгий судия.

Свяжу веревкой руки
У жертвы палача.
О, сколько тусклой скуки
В сверкании меча!

Удар меча обрушу,
И хрустнут позвонки,

И кто-то бросит душу
В размах моей руки.

И хлынет ток багряный,
И, тяжкий труп влача,
Возникнет кто-то рдяный
И темный у меча.

Не опуская взора,
Пойду неспешно прочь
От скучного позора
В мою дневную ночь.

Сурово хмуря брови,
В окошко постучу,
И дома жажда крови
Приникнет к палачу.

Мой сын покорно ляжет
На узкую скамью,
Опять веревка свяжет
Тоску мою.

Стенания и слезы, —
Палач — везде палач.
О, скучный плеск березы!
О, скучный детский плач!

Кто знает, сколько скуки
В искусстве палача!
Не брать бы вовсе в руки
Тяжелого меча!

22 февраля 1907

446. ЛУННАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Я не знаю много песен, знаю песенку одну.
Я спою ее младенцу, отходящему ко сну.

Колыбельку я рукою осторожною качну.
Песенку спою младенцу, отходящему ко сну.

Тихий ангел встрепенется, улыбнется, погрозится шалуну,
И шалун ему ответит: «Ты не бойся, ты не дуйся,
я засну».

Ангел сядет к изголовью, улыбаясь шалуну,
Сказки тихие расскажет отходящему ко сну.

Он про звездочки расскажет, он расскажет про луну,
Про цветы в раю высоком, про небесную весну.

Промолчит про тех, кто плачет, кто томится в полону,
Кто закован, зачарован, кто влюбился в тишину.

Кто томится, не ложится, долго смотрит на луну,
Тихо сидя у окошка, долго смотрит в вышину, —

Тот поникнет, и не крикнет, и не пикнет, и поникнет
в глубину,
И на речке с легким плеском круг за кругом пробежит
волна в волну.

Я не знаю много песен, знаю песенку одну,
Я спою ее младенцу, отходящему ко сну.

Я на ротик роз раскрытых росы тихие стряхну,
Глазки-светики-цветочки песней тихою сомкну.

20 марта 1907

447

Всё было беспокойно и стройно, как всегда,
И чванилися горы, и плакала вода,
И булькал смех девичий в воздушный океан,
И басом объяснялся с мамашей грубиян.
Пищали сто песчинок под дамским башмаком,
И тысячи пылинок врывались в каждый дом.
Трава шептала сонно зеленые слова.
Лягушка уверяла, что надо квакать ква.
Кукушка повторяла, что где-то есть куку,
И этим нагоняла на барышень тоску,
И, пачкающий лапки играющих детей,
Побрызгал дождь на шапки гуляющих людей.

И красили уж небо в берлинскую лазурь,
Чтоб дети не боялись ни дождика, ни бурь,
И я, как прежде, думал, что я — большой поэт,
Что миру будет явлен мой незакатный свет.

24 марта 1907

448

Жизнь моя, змея моя!
От просторов бытия
К тесным граням жития
Перенес тебя и я,
Воды хладные лия,
Вина сладкие пия,
Нити тонкие вия,
Струны звонкие бия, —
Жизнь моя, моя змея!

24 марта 1907

449

Что было, будет вновь.
Что было, будет не однажды.
С водой смешаю кровь
Устам, томящимся от жажды.

Придет с высоких гор.
Я жду. Я знаю, — не обманет.
Глубок зовущий взор.
Стилет остер и сладко ранит.

Моих коснется плеч.
Приникнет в тайне бездыханной.
Потом затопит печь
И тихо сядет ждать за ванной.

Звенящие струи
Прольет, открыв неспешно краны,
И брызнет на мои
Легко означенные раны.

И дверь мою замкнет,
И тайной зачарует стены,
И томная войдет
В мои пустеющие вены.

С водой смешаю кровь
Устам, иссохнувшим от жажды.
Что было, будет вновь.
Что было, будет не однажды.

30 марта 1907

450. ХАЛДЕЙСКАЯ ПЕСНЯ

Халдейский царь
(соло)

У меня ли не житье!
Всё казенное — мое!
Государство — это я,
И над всеми власть моя.

Халдейские люди

А у нас-то вот житье!
Что встаем, то за вытье.
Мы несем во все места,
А мошна у нас пуста.

Халдейский царь

Не пойти ль мне на войну
В чужедальную страну,
Злата, серебра добыть,
Чтоб еще богаче быть?

Халдейские люди

Собирают нашу рать,
Знать, нам время умирать.
Нас погонят на войну
За халдейскую казну.

Халдейский царь

Что там? Вздумали роптать?
Стройся, верная мне рать!
Поострей точи мечи!
Бей! коли! руби! топчи!

Март 1907

451. ЧЕРТОВЫ КАЧЕЛИ

В тени косматой ели
Над шумною рекой
Качает черт качели
Мохнатою рукой.

Качает и смеется,
Вперед, назад,
Вперед, назад.
Доска скрипит и гнется,
О сук тяжелый трется
Натянутый канат.

Снует с протяжным скрипом
Шатучая доска,
И черт хохочет с хрипом,
Хватаясь за бока.

Держусь, томлюсь, качаюсь,
Вперед, назад,
Вперед, назад,
Хватаюсь и мотаюсь,
И отвести стараюсь
От черта томный взгляд.

Над верхом темной ели
Хохочет голубой:
«Попался на качели,
Качайся, черт с тобой».

В тени косматой ели
Визжат, кружась гурьбой:
«Попался на качели,
Качайся, черт с тобой».

Я знаю, черт не бросит
Стремительной доски,
Пока меня не скосит
Грозящий взмах руки,

Пока не перетрется,
Крутяся, конопля,
Пока не подвернется
Ко мне моя земля.

Взлечу я выше ели,
И лбом о землю трах.
Качай же, черт, качели,
Всё выше, выше... ах!

14 июня 1907

452

Улыбкой плачу отвечая,
Свершая дивный произвол,
Она была в гробу живая,
А я за гробом мертвый шел.

Тяжелые лежали камни,
Лиловая влеклася пыль.
Жизнь омертвелая была мне —
Как недосказанная быль.

И только в крае запредельном
Жизнь беззакатная цвела,
Вся в упоеньи дивно-хмельном,
И безмятежна, и светла.

30 июня 1907

453. К ОДЕ «МНОГОСТРАДАЛЬНАЯ РОССИЯ»

Взываю к русскому народу, —
Внимай, Россия, песнь мою,
Внимай — торжественную оду
Тебе я медленно пою.

Воспеть хочу твои страданья,
Твою тоску и нищету,
И вековое ожиданье,
И жертв бессильную тщету.

Визгливым воплям лютой боли
Подобен ропщущий напев
Взращенных в вековой неволе
Твоих суровых жен и дев.

Но кто же муки затевает,
И кто тиран, и кто палач?
Чья воля песню запевает,
В которой слышен только плач?

Что это — хохот иль рыданье,
Или звериный дикий вой,
Иль хохот леших, иль рыканье
Быков рогатых за стеной?

Издевка, бешенство и злоба,
Рыданья, стоны и тоска, —
Кого же извела из гроба
Неумолимая рука?

Что это — лица или хари,
Улыбки иль клыков оскал?
Удел какой же бедной твари
Господь в веках предначертал?

18 марта 1896 — 12 декабря 1907

454

Под сенью тилий и темал,
Склонясь на белые киферы,
Я улыбаясь задремал
В объятьях милой Мейтанеры,

И, затаивши два огня
В очах за синие зарницы,
Она смотрела на меня
Сквозь дымно-длинные ресницы.

В передзакатной тишине,
Смиряя пляской ярость Змея,
Она показывала мне,
Как пляшет зыбкая алмея.

И вся бела в тени темал,
Белей, чем нежный цвет кифера,
Отбросив скуку покрывал,
Плясала долго Мейтанера.

И утомилась, и легла,
Орошена росой усталой,
Склоняя жемчуги чела
К благоуханью азры алой.

17 января 1908

455

Пришла опять, желаньем поцелуя
И грешной наготы
В последний раз покойника волнуя,
И сыплешь мне цветы.

А мне в гробу приятно и удобно.
Я счастлив, — я любим!
Восходит надо мною так незлобно
Кадильный синий дым.

Басит молодожен, румяный дьякон,
Кадит со всех сторон.
Прекрасный лик возлюбленной заплакан,
И грустен, и влюблен.

Прильнет сейчас к рукам, скрещенным плоско,
Румяный поцелуй.
Целуй лицо. Оно желтее воска.
Любимая, целуй!

Склонясь, раскрой в дрожаньи белой груди
Два нежные холма.
Пускай вокруг смеются злые люди, —
Засмейся и сама.

27 апреля 1908

Блаженство в жизни только раз,
Безумный путь, —
Забыться в море милых глаз
И утонуть.

Едва надменный Савл вступил
На путь в Дамаск,
Уж он во власти нежных сил
И жгучих ласк.

Его глаза слепит огонь
Небесных нег,
И стройно-тонкая ладонь
Бела, как снег.

Над ним возник свирельный плач
В пыланьи дня:
«Жестокий Савл! о злой палач,
Люби меня!»

Нет, Павла Савлом не зови:
Святым огнем
Апостол сладостной любви
Восставлен в нем.

Блаженство в жизни только раз,
Отрадный путь!
Забыться в море милых глаз
И утонуть.

Забыв о том, как назван ты
В краю отцов,
Спешить к безмерностям мечты
На смелый зов.

О, знойный путь! о, путь в Дамаск!
Безумный путь!
Замкнуться в круге сладких ласк
И утонуть.

30 мая 1908

457

Вздымалося облако пыли,
Багровое, злое, как я,
Скрывая постылые были,
Такие ж, как сказка моя.

По улицам люди ходили,
Такие же злые, как я,
И злую тоску наводили,
Такую же злую, как я.

И шла мне навстречу царица,
Такая же злая, как я,
И с нею безумная жрица,
Такая же злая, как я.

И чары несли они обе,
Такие же злые, как я,
Смеяся в ликующей злобе,
Такой же, как злоба моя.

Пылали безумные лица
Такой же тоской, как моя,
И злая из чар небылица
Вставала, как правда моя.

Змеиной растоптанной злобе,
Такой же, как злоба моя,
Смеялись безумные обе,
Такие же злые, как я.

В багряности поднятой пыли,
Такой же безумной, как я,
Царица и жрица укрыли
Такую ж тоску, как моя.

По улицам люди ходили,
Такие же злые, как я,
Тая безнадежные были,
Такие ж, как сказка моя.

18 ноября 1908

458

Судьба была неумолима,
Но знаю я, вина — моя.
Пройдите с отвращеньем мимо, —
И это горе вызвал я.

Я знал святое превосходство
Первоначальной чистоты,
Но в жизни воплотил уродство
Моей отравленной мечты.

Когда окликнулись впервые
Друг другу птичьи голоса,
Когда на сказки заревые
Смеялась первая роса,

Когда от счастья задрожала
Еще невинная змея,
Вложил отравленное жало
В лобзанья уст змеиных я.

Я был один во всей природе,
Кто захотел тоски и зла,
Кто позавидовал свободе,
Обнявшей детские тела.

Один, жестокий и надменный,
На мир невзгоды я навлек.
Несовершенства всей вселенной
В веках лишь только мне упрек.

12 июня 1909

459

Все эти ваши слова
Мне уж давно надоели.
Только б небес синева,
Шумные волны да ели,

Только бы льнула к ногам
Пена волны одичалой,
Сладко шепча берегам
Сказки любви небывалой.

2 июля 1909

460

Отчего боятся дети
И чего?
Эти сети им на свете
Ничего.

Вот, усталые бояться,
Знаем мы,
Что уж близкие грозятся
Очи тьмы.

Мурава, и в ней цветочки,
Желт, синь, ал, —
То не черт ли огонечки
Зажигал?

Волны белой пеной плещут
На песок.
Рыбки зыбкие трепещут
Здесь у ног.

Кто-то манит, тянет в море.
Кто же он?
Там, где волны, на просторе
Чей же стон?

Вы, читающие много
Мудрых книг,
Испытайте точно, строго
Каждый миг.

Ах, узнайте, проследите
Всё, что есть,
И желанную несите
Сердцу весть!

Нет, и слыша вести эти,
Не поймешь,
Где же правда в нашем свете,
Где же ложь!

5 июля 1909

461

Ликуй, звени, блести, мой легкий, тонкий стих,
Ликуй, мой звонкий стих, о радостях моих.

Я кроткою мечтой тоску преодолел,
И сладко полюбил, и нежно пожалел.

И так люблю, губя, — и так, любя, гублю,
И, погубив, опять прильну — и оживлю.

13 июля 1909

462

Поняв механику миров
И механичность жизни дольной,
В чертогах пышных городов
Мы жили общиной довольной,

И не боялись мы Суда,
И только перед милым прахом
Вдруг зажигались иногда
Стыдом и острым страхом.

Возник один безумец там,
И, может быть, уже последний.
Он повторил с улыбкой нам
Минувших лет смешные бредни.

Не понимая, почему
В его устах цветут улыбки,

Мы не поверили ему.
К чему нам ветхие ошибки!

На берег моря он бежал,
Где волны бились и стонали,
И в гимны звучные слагал
Слова надежды и печали.

Так полюбил он мглу ночей
И тихо плещущие реки,
Что мест искал, где нет людей,
Где даже не было б аптеки.

И, умирая, он глядел
В небесный многозвездный купол,
Людей не звал, и не хотел,
Чтоб медик пульс его пощупал.

27 августа 1909
Шмецке

463

Люби меня, люби, холодная луна!
Пусть в небе обо мне твой рог жемчужный трубит,
Когда восходишь ты, ясна и холодна.
На этой злой земле никто меня не любит.

Да будет ночь твоя в мерцании светил!
Отверженец земли, тоскующий и кроткий,
О, сколько раз во тьме я за тобой следил,
Любуяся твоей стремительною лодкой!

Потом я шел опять в докучный рокот дня, —
И труд меня томил, и путь мой был бесцелен,
Твой свет в моей душе струился мглисто-зелен.
Холодная луна, люби, люби меня!

28 декабря 1909

464

Беспредельно утомленье,
Бесконечен темный труд.
Ночь зарей полночной светит.
Где же я найду терпенье,
Чтоб до капли выпить этот
Дьявольский сосуд?

Посмотрите, — поседела
У меня уж голова.
Я, как прежде, странник нищий,
Ах, кому ж какое дело
До того, что мудрый ищет
Вечные слова!

18 июня 1910, ночь
Удриас — Корф

465

Даль безмерна, небо сине,
Нет пути к моим лесам.
Заблудившийся в пустыне,
Я себе не верил сам,

И безумно забывал я,
Кто я был, кем стал теперь,
Вихри сухо завивал я,
И пустынно завывал я,
Словно ветер или зверь.

Так унижен, так умален, —
Чьей же волею? моей! —
Извивался я, ужален
Ядом ярости своей,
Безобразен, дик и зелен,
И безрадостно-бесцелен,
Непомерно мудрый Змей.

Вдруг предвестницей сиянья,
Лентой алою зари,

Обвилися в час молчанья
Гор далеких алтари.

Свод небес лазурно-пышен
В легкой ризе облаков.
Твой надменный зов мне слышен,
Победивший мглу веков.

Ты, кого с любовью создал
В час торжеств Адонаи,
Обещаешь мне не поздно
Ласки вещие твои.

Буйным холодом могилы
Умертвивши вой гиен,
Ты идешь расторгнуть силы,
Заковавшиеся в плен.

Тайный узел ты развяжешь,
И поймешь сама, кто я,
И в восторге ярком скажешь,
Кто творец твой, кто судья.

3 декабря 1910

466

Опять ночная тишина
Лежит в равнине омертвелой.
Обыкновенная луна
Глядит на снег, довольно белый.

Опять непраздничен и синь
Простор небесного молчанья,
И в глубине ночных пустынь
Всё те же звездные мерцанья.

И я, как прежде, жалкий раб,
Как из моих собратьев каждый,
Всё так же бледен, тих и слаб,
Всё тою же томлюсь я жаждой.

Мечтать о дивных чудесах
Хочу, как встарь, — и не мечтаю,
И в равнодушных небесах
Пророчеств новых не читаю.

И если по ночным снегам,
Звеня бубенчиками бойко,
Летит знакомая всем нам
По множеству романсов тройка,

То как не улыбнуться мне
Ее навязчивому бреду!
Не сяду в сани при луне
И никуда я не поеду.

27 декабря 1910
Мустамяки

467

Коля, Коля, ты за что ж
Разлюбил меня, желанный?
Отчего ты не придешь
Посидеть с твоею Анной?

На меня и не глядишь,
Словно скрыта я в тумане.
Знаю, милый, ты спешишь
На свидание к Татьяне.

Ах, напрасно я люблю,
Погибаю от злодеек.
Я эссенции куплю
Склянку на десять копеек.

Ядом кишки обожгу,
Буду громко выть от боли.
Жить уж больше не могу
Я без миленького Коли.

Но сначала наряжусь
И, с эссенцией в кармане,

На трамвае прокачусь
И явлюсь к портнихе Тане.

Злости я не утаю,
Уж потешусь я сегодня,
Вам всю правду отпою,
И разлучница, и сводня.

Но не бойтесь, — красоты
Ваших масок не нарушу,
Не плесну я кислоты
Ни на Таню, ни на Грушу.

«Бог с тобой, — скажу в слезах, —
Утешайся, грамотейка!
При цепочке, при часах,
А такая же ведь швейка!»

Говорят, что я проста,
На письме не ставлю точек.
Всё ж, мой милый, для креста
Принеси ты мне веночек.

Не кручинься и, обняв
Талью новой, умной милой,
С нею в кинематограф
Ты иди с моей могилы.

По дороге ей купи
В лавке плитку шоколада,
Мне же молви: «Нюта, спи!
Ничего тебе не надо.

Ты эссенции взяла
Склянку на десять копеек
И в мученьях умерла,
Погибая от злодеек».

⟨1911⟩

Там, где улицы так гулки,
Тихо барышня идет,
А ее уж в переулке
Близко, близко ангел ждет.

Крыльев ангелу не надо, —
Светлый дух!
От людей не отличаясь,
Он глядит.

Подал девушке он руку
И ведет ее туда,
На неведомую реку,
Где нездешняя вода.

У него в очах отрада, —
Светлый дух!
Тихо деве улыбаясь,
Он глядит.

Перед ними блеск чертога,
Восходящего до звезд.
Вместе всходят до порога
На сияющий подъезд.

Тихо спрашивает дева:
«Где же рай?»
Ей привратник отвечает:
«Наверху».

Перед ней открылись двери.
Сердце замерло в груди.
Светлый рай обещан вере.
Что же медлишь ты? Войди.

Звуки дивного напева.
Светлый рай
Перед девою ликует
Наверху.

Поднимается на лифте.
И не рай, квартира тут.
Ах, мечтанья, осчастливьте
Хоть на двадцать пять минут.

14 марта 1911

469

Плещут волны перебойно,
Небо сине, солнце знойно,
Алы маки под окном,
Жизнь моя течет спокойно,
И роптать мне непристойно
Ни на что и ни о чем.

Только грустно мне порою,
Отчего ты не со мною,
Полуночная Лилит,
Ты, чей лик над сонной мглою,
Скрытый маскою — луною,
Тихо всходит и скользит.

Из-под маски он, туманный,
Светит мне, печально-странный, —
Но ведь это — всё ж не ты!
Ты к стране обетованной,
Долго жданной и желанной,
Унесла мои мечты.

Что ж осталось мне? Работа,
Поцелуи, да забота
О страницах, о вещах.
За спиною — страшный кто-то,
И внизу зияет что-то,
Притаясь пока в цветах.

Шаг ступлю, ступлю я прямо.
Под цветами ахнет яма,
Глина сухо зашуршит.

То, что было богом храма,
Глухо рухнет в груду хлама, —
Но шепну опять упрямо:
«Где ты, тихая Лилит?»

27 июля 1911

470

Я часть загадки разгадал,
И подвиг Твой теперь мне ясен.
Коварный замысел прекрасен,
Ты не напрасно искушал.

Когда Ты в первый раз пришел
К дебелой, похотливой Еве,
Тебя из рая Произвол
Извел ползущего на чреве.

В веках Ты примирился с Ним.
Ты усыпил его боязни.
За первый грех Твой, Елогим,
Послали мудрого на казни.

Так, слава делу Твоему!
Твое ученье слаще яда,
И, кто вкусил его, тому
На свете ничего не надо.

27 июля 1911

471

Проснувшися не рано,
Я вышел на балкон.
Над озером Лугано
Дымился легкий сон.
От горных высей плыли
Туманы к облакам,
Как праздничные были,
Рассказанные снам.

Весь вид здесь был так дивен,
Был так красив весь край,
Что не был мне противен
Грохочущий трамвай.
Хулы, привычно строгой,
В душе заснувшей нет.
Спокоен я дорогой,
Всем странам шлю привет.
Прекрасные, чужие, —
От них в душе туман;
Но ты, моя Россия,
Прекраснее всех стран.

28 сентября 1911

472

Зелень тусклая олив,
Успокоенность желания.
Безнадежно молчалив
Скорбный сон твой, Гефсимания.

В утомленьи и в бреду,
В час, как ночь безумно стынула,
Как молился Он в саду,
Чтобы эта чаша минула!

Было тёмно, как в гробу.
Мать великая ответила
На смиренную мольбу
Только резким криком петела.

Ну так что ж! как хочет бог,
В жизни нашей так и сбудется,
А мечтательный чертог
Только изредка почудится.

Всякий буйственный порыв
Гасит холодом вселенная.
Я иду в тени олив,
И душа моя — смиренная.

Нет в душе надежд и сил,
Умирают все желания.
Я спокоен, — я вкусил
Прелесть скорбной Гефсимании.

26 октября 1911

473

Там, внизу, костры горели,
И веселые шли танцы
Вкруг разложенных огней, —
Но без смысла и без цели
Я раскладывал пасьянсы
В келье замкнутой моей,

И боролся я с тоскою,
Сердце, в духе древней Спарты,
Болью темной веселя,
И смеялись надо мною
Все разложенные карты
От туза до короля.

24 июня 1912

474

Светлый дом мой всё выше.
Мудрый зодчий его создает.
На его перламутровой крыше
Не заплачет тоскующий кот.

Тень земного предмета
Попадет ли на вышку мою,
Где, далекий от внешнего света,
Я мечту увенчаю мою?

Как бы низко ни падало солнце,
К горизонту багрово скользя,

Но в мое золотое оконце
Низкой тени подняться нельзя.

Цепенейте, долины, во мраке
И безумствуйте в мглистом бреду, —
К вам, свирепые ночью собаки,
Никогда уже я не сойду.

16 июля 1912
Удриас

475—479. *КОГДА Я БЫЛ СОБАКОЙ*

1

Господи, прости!
На моем земном пути
Было много злости.
Выл я по ночам,
И с такими ж, как я сам,
Грызся из-за кости.

Всё ж я верен был
И тебя любил,
Мой хозяин милый.
Над моей могилой
Напиши стишок:
«Здесь лежит Волчок,
Верный мой дружок».

16 июля 1911

2

Я — Фиделька, собачка нежная
На высоких и тонких ногах.
Жизнь моя течет безмятежная
У моей госпожи на руках.

Ничего не понюхаю гадкого,
Жесткого ничего не кусну.
Если даст госпожа мне сладкого,
Я ей белую руку лизну.

А подушка моя — пуховая,
И жизнь моя — земной рай.
Душа моя чистопсовая,
Наслаждайся, не скули, не умирай!

Июль 1911

3

Досталась мне странная доля,
Но я на нее не ропщу.
В просторе холодного поля
Чего-нибудь съесть поищу.

Из тинистой, вязкой канавы
Напьюсь тепловатой воды.
Понюхаю тонкие травы,
Где старые чахнут следы.

Заслышу ли топот лошадки
На гулком вечернем шоссе,
В испуге бегу без оглядки
И прячусь в пахучем овсе.

Но знаю я, будет мне праздник,
Душа моя в рай возлетит,
Когда подгулявший проказник
Мне камнем в висок угодит.

Взметнусь я, и взвою, и охну,
На камни свалюся, и там,
Помучившись мало, издохну
И богу я дух мой отдам.

Июль 1911

4

Милый бог, моя жизнь — твоя ошибка.
Ты меня создал не так.
Разве можно того, чья душа — улыбка,
Сделать товарищем буйных собак!

Я не хотел твоих планов охаять,
Думал: «Попытаюсь собакою быть».
Кое-как я научился лаять
И даже привык на луну выть.

Но всё же, милый бог, мне тяжко.
Быть собакой уж и сил нет.
Ну какая ж, подумай, я — дворняжка!
Я искусство люблю, я — поэт.

18 июля 1912
Удриас

5

Самоуверенный и надменный,
Но, на мой взгляд, глупый и жалкий,
Поэт в панаме драгоценной
Замахнулся на меня палкой.

Что же ты, глупый, так испугался?
Ведь я же на тебя не лаю.
В жизнь мою никогда не кусался,
Я только песни да поэмы слагаю.

Ты не поймешь, что живу не напрасно,
Что мой подвиг собачий чего-нибудь стоит.
Ведь в полночь никто так печально и страстно,
Как я, на луну не завоет.

Такою тоскою ты, умник жалкий,
Никогда своих стихов не напоишь.
Тебе бы лишь кричать да махать палкой,
Ты от тоски никогда не завоешь.

Проходи же, стихослагатель грубый,
В меня камней трусливо не швыряя.
В икры твои я не вонжу мои зубы,
Даже и ночью, жестоко страдая.

Проходи, проходи без шума и без ссоры.
Я презираю твой голос нахальный,

Твой смех презрительный, гордые взоры
И твой воротничок высокий, крахмальный.

Если меня с дороги ты погонишь,
Что ж, убегать от людей не впервые.
Но берегись, — размахавшись палкой, уронишь
На песок дороги глаза надставные.

19 июля 1912
Удриас

480

Когда меня ты грозно гонишь
От здешней милой жизни прочь
И душу трепетную клонишь
В твою таинственную ночь, —

Покорен я. Мои светила
По предначертанным путям
Текут, — и будет всё как было
И здесь, жестокая, и там.

Очей моих не отвращая
От бездны той, куда стремлюсь,
И злобу всю твою прощая,
Я, умирая, улыбнусь.

20 июля 1912

481

Беспощадная вовремя скосит,
Позабудется скоро могила.
Утонувший невесту не спросит:
«Отчего ты меня разлюбила?»

Не приснится невесте, не встретит
Он ее в неожиданном месте.
А в минуту тоски не ответит
Ничего загрустившей невесте.

Так скользят, убегая, мгновенья
Наслажденья и трепетной боли.
Да и как же иначе? Забвенье —
Это милость божественной воли.

23 июля 1912
Удриас

482

Выпил чарку, выпил две,
Зашумело в голове.

Неотвязные печали
Головами закачали.

Снова чарочку винца,
Три, четыре, — без конца.

По колено стало море,
Уползает к черту горе.

Томно, тошно без вина.
Что же думать? пей до дна.

Всё тащи в кабак живее,
Жизни, скарба не жалея,

К черту в пасть да на рога —
Жизнь нам, что ли, дорога!

6 ноября 1912

483

Смеется ложному учению,
Смыкает вновь кольцо времен
И, возвращаяся к творению,
Ликует Аполлон.

Не зная ничего о радии
И о загадках бытия,
Невинным пастушком в Аркадии
Когда-то был и я.

И песни я слагал веселые
На берегу лазурных вод,
И предо мной подруги голые
Смыкали хоровод.

Венки сплетали мне цветочные,
И в розах я, смолянокудр,
Ласкал тела их непорочные,
И радостен, и мудр.

И вот во мглу я брошен серую,
Тоскою тусклой обуян,
Но помню всё и слепо верую —
Воскреснет светлый Пан.

Посмейся ложному учению,
Сомкни опять кольцо времен
И научи нас вдохновению,
Воскресни, Аполлон!

23 ноября 1912

484

Лиловато-розовый закат
Нежно мглист и чист в окне вагона.
Что за радость нынче мне сулят
Стенки тонкие вагона?

Унесусь я, близко ль, далеко ль,
От того, что называю домом,
Но к душе опять всё та же боль
Приползет путем знакомым.

В день, когда мне ровно пятьдесят
Лет судьба с насмешкой отсчитала,
На пленительный смотрю закат,
И всё то же в сердце жало.

То, о чем сказать не смею сам,
Потому что слово слишком больно,
Пусть заря расскажет небесам.
Ей не трудно и не больно.

17 февраля 1913

485

Жизни, которой не надо,
Но которая так хороша,
Детски-доверчиво рада
Каждая в мире душа.

Чем же оправдана радость?
Что же нам мудрость дает?
Где непорочная сладость,
Достойная горних высот?

Смотрим в горящие бездны,
Что-то хотим разгадать,
Но усилья ума бесполезны —
Нам ничего не узнать.

Съевший в науках собаку
Нам говорит свысока,
Что философии всякой
Ценнее слепая кишка,

Что благоденствие наше
И ума плодотворный полет
Только одна простокваша
Нам несомненно дает.

Разве же можно поверить
В эту слепую кишку?
Разве же можно измерить
Кишкою всю нашу тоску?

20—21 июля 1913
Тойла

486

Мудрец мучительный Шакеспеар,
Ни одному не верил ты обману.
Макбету, Гамлету и Калибану
Во мне зажег ты яростный пожар,

И я живу, как встарь король Леар.
Лукавых дочерей моих, Регану
И Гонерилью, наделять я стану,
Корделии отвергнув верный дар.

В мое труду послушливое тело
Толпу твоих героев я вовлек,
И обманусь, доверчивый Отелло,
И побледнею, мстительный Шейлок,

И буду ждать последнего удара,
Склонясь над вымыслом Шакеспеара.

24 июля 1913
Тойла

487

Беден дом мой пасмурный
Нажитым добром,
Не блестит алмазами,
Не звенит сребром,
Но зато в нем сладостно
Плакать о былом.

За мое убожество
Милый дар мне дан
Облекать все горести
В радужный туман
И целить напевами
Боль душевных ран.

Жизнь влача печальную,
Вовсе не тужу.

У окошка вечером
Тихо посижу,
Проходящим девушкам
Сказку расскажу.

Под окном поставил я
Длинную скамью.
Там присядут странницы, —
Песню им спою,
Золото звенящее
В души их пролью.

Только чаще серая
Провлечется пыль,
И в окно раскрытое
На резной костыль
Тихо осыпается —
Изжитая быль.

4 сентября 1913
Тойла

488

Только забелели поутру окошки,
Мне метнулись в очи пакостные хари.
На конце тесемки профиль дикой кошки,
Тупоносой, хищной и щекатой твари.

Хвост, копытца, рожки мреют на комоде.
Смутен зыбкий очерк молодого черта.
Нарядился бедный по последней моде,
И цветок алеет в сюртуке у борта.

Выхожу из спальни, — три коробки спичек
Прямо в нос мне тычет генерал сердитый,
И за ним мордашки розовых певичек.
Скоком вверх помчался генерал со свитой.

В сад иду поспешно, — машет мне дубинкой
За колючей елкой старичок лохматый.
Карлик, строя рожи, пробежал тропинкой,
Рыжий, красноносый, весь пропахший мятой,

Всё, чего не надо, что с дремучей ночи
Мне метнулось в очи, я гоню аминем.
Завизжали твари хором, что есть мочи:
«Так и быть, до ночи мы тебя покинем!»

6 сентября 1913
Тойла

489

Ты живешь безумно и погано,
Улица, доступная для всех, —
Грохот пыльный, хохот хулигана,
Пьяной проститутки ржавый смех.

Копошатся мерзкие подруги —
Злоба, грязь, порочность, нищета.
Как возникнуть может в этом круге
Вдохновенно-светлая мечта?

Но возникнет! Вечно возникает!
Жизнь народа творчеством полна,
И над мутной пеной воздвигает
Красоту всемирную волна.

18 сентября 1913
Петербург

490. ЖУТКАЯ КОЛЫБЕЛЬНАЯ

Не болтай о том, что знаешь,
Темных тайн не выдавай.
Если в ссоре угрожаешь,
Я пошлю тебя бай-бай.
Милый мальчик, успокою
        Болтовню твою
И уста тебе закрою.
        Баюшки-баю.

Чем и как живет воровка,
Знает мальчик, — ну так что ж!

У воровки есть веревка,
У друзей воровки — нож.
Мы, воровки, не тиранки:
Крови не пролью,
В тряпки вымакаю ранки.
Баюшки-баю.

Между мальчиками ссора
Жуткой кончится игрой.
Покричи, дитя, и скоро
Глазки зоркие закрой.
Если хочешь быть нескромным,
Ангелам в раю
Расскажи о тайнах темных.
Баюшки-баю.

Освещу ковер я свечкой.
Посмотри, как он хорош.
В нем завернутый, за печкой,
Милый мальчик, ты уснешь.
Ты во сне сыграешь в прятки,
Я ж тебе спою,
Все твои собрав тетрадки:
— Баюшки-баю!

Нет игры без перепуга.
Чтоб мне ночью не дрожать,
Ляжет добрая подруга
Здесь у печки на кровать,
Невзначай ногою тронет
Колыбель твою, —
Милый мальчик не застонет.
Баюшки-баю.

Из окошка галерейки
Виден зев пещеры той,
Над которою еврейки
Скоро все поднимут вой.
Что нам, мальчик, до евреек!
Я тебе спою
Слаще певчих канареек:
— Баюшки-баю!

Убаюкан тихой песней,
Крепко, мальчик, ты заснешь.
Сказка старая воскреснет,
Вновь на правду встанет ложь,
И поверят люди сказке,
      Примут ложь мою.
Спи же, спи, закрывши глазки,
      Баюшки-баю.

12 октября 1913
Петербург — Москва

491

Хорошо, когда так снежно.
Всё идешь себе, идешь.
Напевает кто-то нежно,
Только слов не разберешь.

Даже это не напевы.
Что же? ветки ль шелестят?
Или призрачные девы
В хрупком воздухе летят?

Ко всему душа привычна,
Тихо радует зима.
А кругом всё так обычно,
И заборы, и дома.

Сонный город дышит ровно,
А природа вечно та ж.
Небеса глядят любовно
На подвал, на бельэтаж.

Кто высок, тому не надо
Различать, что в людях ложь.
На земле ему отрада
Уж и та, что вот, живешь.

10 декабря 1913
Чернигов

492—529. *ТРИОЛЕТЫ*

1

Земля докучная и злая,
Но всё же мне родная мать!
Люблю тебя, о мать немая,
Земля докучная и злая!
Как сладко землю обнимать,
К ней приникая в чарах мая!
Земля докучная и злая,
Но всё же мне родная мать!

5 марта 1913
Минск — Вильна

2

Один в полях моих иду.
Земля и я, и нет иного.
Всё первозданно ясно снова.
Один в полях моих иду
Я, зажигающий звезду
В просторе неба голубого.
Один в полях моих иду.
Земля и я, и нет иного.

5 марта 1913
Минск — Вильна

3

Лежу в траве на берегу
Ночной реки и слышу плески.
Пройдя поля и перелески,
Лежу в траве на берегу.
На отуманенном лугу
Зеленые мерцают блески.
Лежу в траве на берегу
Ночной реки и слышу плески.

5 марта 1913
Минск — Вильна

4

Пройду над влагами болот,
Дыша их пряным ароматом.
На скользком помосте дощатом
Пройду над влагами болот
И у затворенных ворот
С моим забытым встречусь братом.
Пройду над влагами болот,
Дыша их пряным ароматом.

6 марта 1913
Сновская — Низовка

5

Какое горькое питье!
Какая терпкая отрава!
Любовь обманчива, как слава.
Какое горькое питье!
Всё, всё томление мое
Ничтожно, тщетно и неправо.
Какое горькое питье!
Какая терпкая отрава!

6 марта 1913
Макошино. Вагон

6

День только к вечеру хорош,
Жизнь тем ясней, чем ближе к смерти.
Закону мудрому поверьте —
День только к вечеру хорош.
С утра уныние и ложь
И копошащиеся черти.
День только к вечеру хорош,
Жизнь тем ясней, чем ближе к смерти.

7 марта 1913
Харьков

7

Я верю, верю, верю, верю
В себя, в тебя, в мою звезду.
От жизни ничего не жду,
Но всё же верю, верю, верю,
Всё в жизни верою измерю
И смело в темный путь иду.
Я верю, верю, верю, верю
В себя, в тебя, в мою звезду.

7 марта 1913
Харьков

8

Увидишь мир многообразный
И многоцветный — и умри.
В огнях и в зареве зари
Приветствуй мир многообразный,
Пройди чрез все его соблазны,
На всех кострах его гори,
Отвергни мир многообразный
И многоцветный — и умри.

7 марта 1913
Харьков

9

Как ни грозит нам рок суровый,
Но снова вспаханы поля
И всходы вновь дает земля.
Как ни грозит нам рок суровый,
Но всюду знаки жизни новой
И взлет свободный, без руля.
Как ни грозит нам рок суровый,
Но снова вспаханы поля.

9 марта 1913
Нижнеднепровск — Екатеринослав

10

Надо жить с людьми чужими,
Только сам себе я свой,
И, доколе я живой,
Надо жить с людьми чужими,
Ах, не всё ль равно с какими!
Уж таков мой рок земной, —
Надо жить с людьми чужими,
Только сам себе я свой.

10 марта 1913
Пятихатки — Королевка

11

Какая радость — по дорогам
Стопами голыми идти
И сумку легкую нести!
Какая радость — по дорогам,
В смиреньи благостном и строгом,
Стихи певучие плести!
Какая радость — по дорогам
Стопами голыми идти!

10 марта 1913
Королевка — Александрия

12

По копейке четыре горшечка
Я купил и в отель их несу,
Чтобы хрупкую спрятать красу.
По копейке четыре горшечка,
Знак идиллий, в которых овечка
Вместе с травкою щиплет росу.
По копейке четыре горшечка
Я купил и в отель их несу.

21 марта 1913
Полтава. Улицы

13

Просыпаться утром рано,
Слушать пенье петуха,
Позабыть, что жизнь лиха.
Пробудившись утром рано,
В час холодного тумана,
День промедлить без греха
И опять проснуться рано
Под оранье петуха.

31 марта 1913
Екатеринодар. Улицы

14

Только будь всегда простою,
Как слова моих стихов.
Я тебя любить готов,
Только будь всегда простою,
Будь обрызгана росою,
Как сплетеньем жемчугов,
Будь же, будь всегда простою,
Как слова моих стихов!

11 апреля 1913
Евлах. Вагон

15

Провинциалочка восторженная,
Как ты, голубушка, мила!
Ты нежной розой расцвела
В немой глуши, душа восторженная,
И жизнь, такая замороженная,
Тебе несносно тяжела.
Провинциалочка восторженная,
Как ты, голубушка, мила!

11 апреля 1913
Тифлис — Акстафа. Вагон

16

Сердце дрогнуло от радости.
Снова север, снова дождь,
Снова нежен мох и тощ, —
И уныние до радости,
И томление до сладости,
И мечтанья тихих рощ,
И дрожит душа от радости, —
Милый север! Милый дождь!

13 апреля 1913
Тосно — Петербург

17

Вздыхает под ногами мох,
Дрожат березки нежно, томно,
Закрылся лес туманом скромно,
И только лес, и только мох,
И песня — стон, и слово — вздох.
Земля — мираж, и небо тёмно.
О, милый лес! О, нежный мох!
Березки, трепетные томно!

15 апреля 1913
Тосно — Петербург

18

Ты пришла ко мне с набором
Утомленно-сонных трав.
Сок их сладок и лукав.
Ты пришла ко мне с набором
Трав, с нашептом, с наговором,
С хитрой прелестью отрав.
Ты пришла ко мне с набором
Утомленно-сонных трав.

26 мая 1913
Тойла

19

Ты гори, моя свеча,
Вся сгорай ты без остатка, —
Я тебя гасить не стану.
Ты гори, моя свеча, —
Свет твой мил мне или нет,
Пусть кому-нибудь он светит.
Догорай, моя свеча,
Вся сгорай ты без остатка.

4 июня 1913
Тойла

20

В иных веках, в иной отчизне,
О, если б столько людям я
Дал чародейного питья!
В иных веках, в иной отчизне
Моей трудолюбивой жизни
Дивился б строгий судия.
В иных веках, в иной отчизне
Как нежно славим был бы я!

5 июня 1913
Тойла

21

Неживая, нежилая, полевая, лесовая, нежить горькая и злая,
Ты зачем ко мне пришла, и о чем твои слова?
Липнешь, стынешь, как смола, не жива и не мертва.
Нежилая, вся земная, низовая, луговая, что таишь ты, нежить злая,
Изнывая, не пылая, расточая чары мая, темной ночью жутко лая,
Рассыпаясь, как зола, в гнусных чарах волшебства?
Неживая, нежилая, путевая, пылевая, нежить темная и злая,
Ты зачем ко мне пришла, и о чем твои слова?

10 июня 1913
Тойла

22

Что может быть лучше дороги лесной
В полуденной, нежно спасающей мгле!
Свой дух притаился здесь в каждом стволе.
Что может быть лучше дороги лесной,
Особенно в полдень румяной весной,
Когда еще холод таится в земле!
Что может быть лучше дороги лесной
В спасающей, милой, полуденной мгле!

18 июня 1913
Тойла — Иеве. Дорога

23

Я возвращаюсь к человеку,
К его надеждам и делам.
Душа не рвется пополам, —
И весь вернусь я к человеку.
Как тот, кто бросил тело в реку
И душу отдает волнам,
Так возвращаюсь к человеку,
К его надеждам и делам.

11 июля 1913
Иеве — Тойла. Дорога

24

Но не затем к тебе вернуся,
Чтобы хвалить твой тусклый быт.
Я не над щелями корыт
К тебе, согодник мой, вернуся,
И не туда, где клювом гуся
Давно весь сор твой перерыт.
Я лишь затем к тебе вернуся,
Чтобы сжигать твой темный быт.

11 июля 1913
Иеве — Тойла. Дорога

25

Рудо-желтый и багряный,
Под моим окошком клен
Знойным летом утомлен.
Рудо-желтый и багряный,
Он ликует, солнцем пьяный,
Буйным вихрем охмелен.
Рудо-желтый и багряный,
Осень празднует мой клен.

6 сентября 1913
Тойла

26

Будетлянка другу расписала щеку,
Два луча лиловых и карминный лист,
И сияет счастьем кубо-футурист.
Будетлянка другу расписала щеку
И, морковь на шляпу положивши сбоку,
Повела на улицу послушать свист.
И глядят, дивясь, прохожие на щеку —
Два луча лиловых и карминный лист.

7 октября 1913
Жлобин — Гомель. Вагон

27

Пусть будет всё не так, как было,
Пусть будет всё, как я хочу.
Я дам по красному лучу
Всему, что прежде белым было.
Всё яркоцветное мне мило,
Себе я веки золочу,
Чтоб было всё не так, как было,
Чтоб было всё, как я хочу.

7 октября 1913
Жлобин — Гомель. Вагон

28

Либава, Либава, товарная душа!
Воздвигла ты стены пленительных вилл,
Но дух твой, Либава, товар задавил.
Либава, Либава, товарная душа!
Живешь ты тревожно, разбогатеть спеша,
Но кислый дух скуки гнездо в тебе свил.
Либава, Либава, товарная душа!
Зачем тебе стены пленительных вилл?

10 октября 1913
Кременчуг

29

Каждый год я болен в декабре,
Не умею я без солнца жить.
Я устал бессонно ворожить
И склоняюсь к смерти в декабре, —
Зрелый колос, в демонской игре
Дерзко брошенный среди межи.
Тьма меня погубит в декабре.
В декабре я перестану жить.

4 ноября 1913

30

Моя далекая, но сердцу близкая,
Разлуку краткую прими легко, легко.
Всё то, что тягостно, мелькает коротко,
Поверь мне, милая, столь сердцу близкая.
Научен опытом, по свету рыская,
Я знаю — горькое от сердца далеко.
Моя далекая, но сердцу близкая,
Разлуку краткую прими легко, легко.

2 декабря 1913
Фастов — Кожанка. Вагон

31

Ржавый дым мешает видеть
Поле, белое от снега,
Черный лес и серость неба.
Ржавый дым мешает видеть,
Что там — радость или гибель,
Пламя счастья или гнева.
Ржавый дым мешает видеть
Небо, лес и свежесть снега.

2 декабря 1913
Казатин — Глуховцы

32

Снег на увядшей траве
Ярко сверкающей тканью
Пел похвалы мирозданью,
Белый на рыжей траве.
Стих за стихом в голове,
Не покоряясь сознанью,
Встали — на мертвой траве
Ярко живущею тканью.

2 декабря 1913
Попельня — Бровки. Вагон

33

Пройдут все эти дни, вся жизнь совьется наша,
Как мимолетный сон, как цепь мгновенных снов.
Останется едва немного вещих слов,
И только ими жизнь оправдана вся наша,
Отравами земли наполненная чаша,
Кой-как слеплённая из радужных кусков.
Истлеют наши дни, как жизнь совьется наша,
Как ладан из кадил, как дым недолгих снов.

7 декабря 1913
Елисаветград. Улицы

34

Каменные домики, в три окошка каждый,
Вы спокойно-радостны, что вам пожелать!
Ваших тихих пленников некуда послать.
В этих милых домиках, в три окошка каждый,
Разве есть томление с неизбывной жаждой?
Всё, что было пламенем, в вас теперь зола.
Тихи, тихи домики, в три окошка каждый,
Вам, спокойно-радостным, нечего желать.

7 декабря 1913
Елисаветград. Улицы

35

Стихия Александра Блока —
Метель, взвивающая снег.
Как жуток зыбкий санный бег
В стихии Александра Блока.
Несемся — близко иль далёко? —
Во власти цепенящих нег.
Стихия Александра Блока —
Метель, взвивающая снег.

28 декабря 1913
Петербург

36

Мерцает запах розы Жакмино,
Который любит Михаил Кузмин.
Огнем углей приветен мой камин.
Благоухает роза Жакмино.
В углах уютных тихо и темно.
На россыпь роз ковра пролит кармин.
Как томен запах розы Жакмино,
Который любит Михаил Кузмин!

28 декабря 1913
Петербург

37

Розы Вячеслава Иванова —
Солнцем лобызаемые уста.
Алая радость святого куста —
Розы Вячеслава Иванова!
В них яркая кровь полдня рдяного,
Как смола благовонная, густа.
Розы Вячеслава Иванова —
Таинственно отверстые уста.

29 декабря 1913
Петербург

38

Зальдивши тайный зной страстей, Валерий,
Ты назвал сам любимый свой цветок.
Он ал и страстен, нежен и жесток.
Во всем тебе подобен он, Валерий.
И каждый день одну из криптомерий
Небрежно ты роняешь на песок.
Сковавши тайный зной страстей, Валерий,
Ты назвал сам любимый свой цветок.

29 декабря 1913
Петербург

530—531. *ПАРИЖСКИЕ ПЕСНИ*

1

Раб французский иль германский
Всё несет такой же гнет,
Как в былые дни спартанский,
Плетью движимый, илот,

И опять его подруга,
Как раба иных времен,
Бьется в петлях, сжатых туго,
Для утех рантьерских жен,

Чтоб в театр национальный
Приезжали, в Opéra,
Воры бандою нахальной,
Коротая вечера,

Чтоб огни иллюминаций
Звали в каждый ресторан
Сволочь пьяную всех наций
И грабителей всех стран, —

Ты во дни святых восстаний
Торжество победы знал
И у стен надменных зданий,
Умирая, ликовал.

Годы шли, — теперь взгляни же
И пойми хотя на миг,
Кто в Берлине и в Париже
Торжество свое воздвиг.

2

Здесь и там вскипают речи,
Смех вскипает здесь и там.
Матовы нагие плечи
Упоенных жизнью дам.
Сколько света, блеска, аромата!
Но кому же этот фимиам?
Это — храм похмелья и разврата,
Храм бесстыдных и продажных дам.

Вот летит за парой пара,
В жестах отметая стыд,
И румынская гитара
Утомительно бренчит.
Скалят зубы пакостные франты,
Тешит их поганая мечта, —
Но придут иные музыканты,
И пойдет уж музыка не та,

И возникнет в дни отмщенья,
В окровавленные дни,
Злая радость разрушенья,
Облеченная в огни.
Все свои тогда свершит угрозы
Тот, который ныне мал и слаб,
И кровавые рассыплет розы
Здесь, на эти камни, буйный раб.

10 мая 1914
Париж

532. БРЕННОЕ

Упрекай меня в чем хочешь —
Слез моих ты не источишь,
И в последний, грозный час
Я пойду тебе навстречу
И на смертный зов отвечу:
«Зло от бога, не от нас!»

Он смесил с водою землю,
И смиренно я приемлю,
Как целительный нектар,
Это божье плюновенье,
Удивительное бренье,
Дар любви и дар презренья,
Малой твари горний дар.

Этой вязкой, теплой тины,
Этой липкой паутины
Я умел презреть полон.
Прожил жизнь я улыбаясь,
Созерцаньям предаваясь,
Всё в мечты мои влюблен.

Мой земной состав изношен,
И куда ж он будет брошен?
Где надежды? Где любовь?
Отвратительно и гнило
Будет всё, что было мило,

Что страдало, что любило,
В чем живая билась кровь.

Что же, смейся надо мною,
Я слезы твоей не стою,
Хрупкий делатель мечты,
Только знаю, царь небесный,
Что голгофской мукой крестной
Человек страдал, не ты

28 мая 1914
Арль

533. ПЬЯНЫЙ ПОЭТ

Мне так и надо жить, безумно и вульгарно,
Дни коротать в труде и ночи в кабаке,
Встречать немой рассвет тоскливо и угарно,
И сочинять стихи о смерти, о тоске.

Мне так и надо жить. Мучительную долю
Гореть в страстном огне и выть на колесе
Я выбрал сам. Убил я царственную волю,
В отравах утопил я все отрады, все.

7 июля 1914
Тойла

534

Цветы для наглых, вино для сильных,
Рабы послушны тому, кто смел.
На свете много даров обильных
Тому, кто сердцем окаменел.

Что людям мило, что людям любо,
В чем вдохновенье и в чем полет,
Все блага жизни тому, кто грубо
И беспощадно вперед идет.

О правде мира что б ни сказали,
Всё это — сказки, всё это — ложь.

Мечтатель бледный, умри в подвале,
Где стены плесень покрыла сплошь.

Подвальный воздух для чахлой груди,
И обещанье загробных крыл.
И вы хотите, о люди, люди,
Чтоб жизнь земную я полюбил.

9 июля 1914
Тойла

535

Под сводами Утрехтского собора
Темно и гулко.
Под сводами Утрехтского собора
Поет орган.
С Маргрет из Башенного переулка
Венчается сапожник Яков Дан
Под пение торжественного хора.

Под сводами Утрехтского собора
В слезах невеста.
Под пение торжественного хора
Угрюм жених.
«Вы все из одинакового теста», —
Он думает, нахмурен, зол и тих,
Под сводами Утрехтского собора.

Под пение торжественного хора
Венчай их, боже!
Под сводами Утрехтского собора
Чуть брезжит свет.
В каморке плетка есть из новой кожи,
И знает это бледная Маргрет
Под сводами Утрехтского собора.

16 июля 1914
Иеве — Тойла

536. МАРГРЕТА И ЛЕБЕРЕХТ

Шутливая песенка

С милой, ясной
Девой красной,
С этой бойкою Маргретой,
Знойным летом разогретой,
Песни пел в лесочке кнехт,
Разудалый Леберехт.
Звонко пели,
Как свирели.
Леберехт твердил Маргрете:
«Краше девки нету в свете!
Но, Маргрета, вот что знай:
Ты с другими не гуляй!»
Ах, Маргрета
В это ж лето,
Не нарочно, так, случайно,
С подмастерьем Куртом тайно
Обменяла поцелуй
На брегу веселых струй.
Но от кнехта
Леберехта
Не укрылася Маргрета, —
Леберехт всё видел это.
Только лишь слились уста,
Леберехт из-за куста.
Курт умчался,
Кнехт остался.
Слов не тратил на угрозы.
Кнехту смех, а Грете слезы.
Но уж с той поры она
Кнехту так была верна!
Скоро с кнехтом
Леберехтом
Под венец пошла Маргрета,
Точно барышня одета,
И уехал Леберехт
Вместе с Гретою в Утрехт.

19 июля 1914

537. СТАНСЫ ПОЛЬШЕ

Ты никогда не умирала, —
Всегда пленительно жива,
Ты и в неволе сохраняла
Твои державные права.

Тебя напрасно хоронили, —
Себя сама ты сберегла,
Противоставив грозной силе
Надежды, песни и дела.

Твоих поэтов, мать родная,
Всегда умела ты беречь,
Восторгом сердца отвечая
На их пророческую речь.

Не заслужили укоризны
Твои сыны перед тобой, —
Их каждый труд был для отчизны,
Над Вислой, как и над Невой.

И ныне, в год великой битвы,
Не шлю проклятия войне.
С твоими и мои молитвы
Соединить отрадно мне.

Не дли ее страданий дольше, —
Молю небесного отца, —
Перемени великой Польше
На лавры терния венца.

12 августа 1914
Петербург

538. ГАДАНИЕ

Какой ты будешь, Новый год?
Что нам несешь ты? радость? горе?
Идешь, и тьма в суровом взоре,
Но что за тьмою? пламень? лед?

Кто разгадает предвещанья,
Что так невнятно шепчешь ты
У темной роковой черты
В ответ на робкие гаданья?

Но как в грядущем ни темно
И как ни мглисты все дороги,
Мне на таинственном пороге
Одно предвестие дано:

Лишь только сердце бьется верно,
А все земные бури — дым;
Всё будет так, как мы хотим,
Лишь стоит захотеть безмерно.

30 декабря 1914

539. РОССИЯ

Еще играешь ты, еще невеста ты.
Ты, вся в предчувствии высокого удела,
Идешь стремительно от роковой черты,
И жажда подвига в душе твоей зардела.

Когда поля твои весна травой одела,
Ты в даль туманную стремишь свои мечты,
Спешишь, волнуешься, и мнешь, и мнешь цветы,
Таинственной рукой из горнего предела

Рассыпанные здесь, как дар благой тебе.
Вчера покорная медлительной судьбе,
Возмущена ты вдруг, как мощная стихия,

И чувствуешь, что вот пришла твоя пора,
И ты уже не та, какой была вчера,
Моя внезапная, нежданная Россия.

12 марта 1915

540

Тебя господь накажет
За то, что ты — смешной;
Тебя навеки свяжет
Он с мукою земной.

Смеяться горько будешь
Над тусклой жизнью ты
И сам себя осудишь
За яркие мечты.

В немую бездну канут
Огни святых минут,
А люди не устанут
Кричать: «Эй, старый шут!»

Насмешками измучат, —
Ведь ты — смешной дурак!
И на лоб нахлобучат
Изношенный колпак,

И на арену кинут.
«Пляши, когда велят!»
Ну что ж! колпак надвинут,
Бубенчики звенят,

Смешные слезы мочат
Морщины блеклых щек,
И все кругом хохочут
На каждый твой прыжок.

5 мая 1915

541

Обыдиотилась совсем,
Такая стала несравненная,
Почти что ничего не ем
И улыбаюсь, как блаженная,

И, если дурой назовут,
Приподниму я брови черные.
Мои мечты в раю цветут,
А здесь все дни мои покорные.

Быть может, так и проживу
Никем не узнанной царицею,
Дразня стоустую молву
Всегда безумной небылицею.

7 июня 1915
Волга

542

Не презирай хозяйственных забот,
Люби труды серпа в просторе нивы,
И пыль под колесом, и скрип ворот,
И благостные кооперативы.

Не говори: «Копейки и рубли!
Завязнуть в них душой — такая скука!»
Во мгле морей прекрасны корабли,
Но создает их строгая наука.

Молитвы и мечты живой сосуд,
Господень храм, чертог высокий отчий,
Его внимательно расчислил зодчий,
Его сложил объединенный труд.

А что за песни спят еще в народе!
Какие силы нищета гнетет!
Не презирай хозяйственных забот, —
Они ведут к восторгу и к свободе.

11 июля 1915

543

Быть может, нисхожу я вниз,
К долине темного заката,
Зато я никогда не грыз
И не преследовал собрата.

Не опалялся на того,
Кто больше взыскан громкой славой,
Не ополчался на него
Хулою зависти лукавой.

А если был порой суров
И отвращался от ничтожных,
И не творил себе богов
Из мелких идолов и ложных, —

Прости меня, всезрящий бог,
За верный труд всей долгой жизни,
За утомленье злых дорог
И за любовь мою к отчизне.

14 августа 1915
На Волге

544. НА ВОЛГЕ

Плыву вдоль волжских берегов,
Гляжу в мечтаньях простодушных
На бронзу яркую лесов,
Осенней прихоти послушных.

И тихо шепчет мне мечта:
«Кончая век, уже недолгий,
Приди в родимые места
И догорай над милой Волгой».

И улыбаюсь я, поэт,
Мечтам сложивший много песен,
Поэт, которому весь свет
Для песнопения стал тесен.

Скиталец вечный, ныне здесь,
А завтра там, опять бездомный,
Найду ли кров себе и весь,
Где положу мой посох скромный?

21 сентября 1915
Волга. Кострома — Нагорево

545. ОБЪЯВЛЕНИЯ

Нужны врачи и фельдшера, —
Так объявляют все газеты, —
Нужны портные-мастера.
А вот кому нужны поэты?

Где объявление найдешь:
«Поэта приглашаем на дом
Затем, что стало невтерпеж
Обычным объясняться складом.

И мы хотим красивых слов,
И души в плен отдать готовы!»
Купить имение готов.
Нужны молочные коровы.

23 февраля 1916
Орел — Поныри. Вагон

546

На свете много благоуханной и озаренной красоты.
Забава девам, отрада женам — весенне-белые цветы.
Цветов весенних милее жены, желанней девы, — о них мечты.
Но кто изведал уклоны жизни до вечно темной, ночной черты,
Кто видел руку над колыбелью у надмогильной немой плиты,
Тому понятно, что в бедном сердце печаль и радость навек слиты.
Ликуй и смейся над вещей бездной, всходи беспечно на все мосты,
А эти стоны: «Дышать мне нечем, я умираю!» — поймешь ли ты?

4 мая 1916
Таганрог — Ялта

«Хнык, хнык, хнык!» —
Хныкать маленький привык.

Прошлый раз тебя я видел, —
Ты был горд,
Кто ж теперь тебя обидел,
Бог иль черт?

«Хнык, хнык, хнык! —
Хныкать маленький привык. —

Ах, куда, куда ни скочишь,
Всюду ложь.
Поневоле, хоть не хочешь,
Заревешь.

Хнык, хнык, хнык!» —
Хныкать маленький привык.

Что тебе чужие бредни,
Милый мой?
Ведь и сам ты не последний,
Крепко стой!

«Хнык, хнык, хнык! —
Хныкать маленький привык. —

Знаю, надо бы крепиться,
Да устал.
И придется покориться,
Кончен бал.

Хнык, хнык, хнык!» —
Хныкать маленький привык.

Ну так что же! Вот и нянька
Для потех.
Ты на рот старухи глянь-ка, —
Что за смех!

«Хнык, хнык, хнык! —
Хныкать маленький привык. —

Этой старой я не знаю,
Не хочу,
Но её не отгоняю
И молчу.

Хнык, хнык, хнык!» —
Хныкать маленький привык.

5 сентября 1916
Княжнино

548

Какая покорность в их плаче!
Какая тоска!
И как же иначе?
Бежит невозвратно река.

Уносятся грузные барки
С понурой толпой,
И слушают Парки
Давно им наскучивший вой.

К равнине уныло
Осенние никнут дожди.
Уж раз проводила,
Так сына обратно не жди.

Уж слезы разлучные льются,
Кропя его путь.
Ему не вернуться
Припасть на вскормившую грудь.

Там, где-то в чужбине,
Далёко от знаемых мест,
В чужой домовине
Он ляжет под дружеский крест.

1 октября 1916
Ардаши — Ряхино. Вагон

549

Пробегают грустные, но милые картины,
Сотни раз увиденный аксаковский пейзаж.
    Ах, на свете всё из той же самой глины,
    И природа здесь всегда одна и та ж!

Может быть, скучает сердце в смене повторений,
Только что же наша скука? Пусть печалит, пусть!
    Каждый день кидает солнце сети теней,
    И на розовом закате тишь и грусть.

Вместе с жизнью всю ее докучность я приемлю,
Эти речки и проселки я навек избрал,
    И ликует сердце, оттого что в землю
    Солнце вновь вонзилось миллионом жал.

5 октября 1916
Люблинская — Омск. Вагон

550

Только мы вдвоем не спали,
Я и бледная луна.
Я был темен от печали,
А луна была ясна.

И луна, таясь, играя
Сказкой в зыблемой пыли,
Долго медлила у края
Тьмою дышащей земли.

Но, восторгом опьяненный,
Я взметнул мою луну
От земли, в нее влюбленной,
Высоко на крутизну.

Что порочно, что безгрешно,
Вместе всё луна сплела, —
Стала ночь моя утешна,
И печаль моя — светла.

7 октября 1916
Омск — Новониколаевск. Вагон

551

Душа моя, благослови
И упоительную нежность,
И раскаленную мятежность,
И дерзновения любви.

К чему тебя влечет наш гений,
Твори и в самый темный день,
Пронзая жуть, и темь, и тень
Сияньем светлых вдохновений.

Времен иных не ожидай, —
Иных времен и я не стою, —
И легкокрылою мечтою
Уродства жизни побеждай.

30 ноября 1916

552

Как остро наточил я стрелы!
Как отравил я острия!
Какие дальние пределы
Для стрел моих наметил я!

Но отчего же враг не воет,
Предсмертную почуяв боль?
Да что, — и говорить не стоит, —
Ах, на колчане бандероль!

И вот ликующую братью
Не нижет острая стрела,
И за казенною печатью
Колчан мой лента обвила.

25 января 1917

553

Как ярко возникает день
В полях оснеженных, бегущих мимо!
Какая зыбкая мелькает тень
От беглых белых клочьев дыма!

Томившая в ночном бреду,
Забыта тягость утомлений,
И память вновь приводит череду
Давно не мной придуманных сравнений,

И сколько б на земле ни жить,
Но радостно над каждым утром
Всё тем же неизбежным перламутром
И тою ж бирюзою ворожить.

Людей встречать таких же надо снова,
Каких когда-то знал Сократ,
А к вечеру от счастия земного
Упасть в тоске у тех же врат,

И так же заломивши руки
И грудью жадною вдыхая пыль,
Опять перековать в ночные муки
Земную сладостную быль.

4 февраля 1917
Бахмач — Гомель

554

Тяжелый и разящий молот
На ветхий опустился дом.
Надменный свод его расколот,
И разрушенье словно гром.

Все норы самовластных таин
Раскрыл ликующий поток,
И если есть меж нами Каин,
Бессилен он и одинок.

И если есть средь нас Иуда,
Бродящий в шорохе осин,
То и над ним всевластно чудо,
И он мучительно один.

Восторгом светлым расторгая
Змеиный ненавистный плен,
Соединенья весть благая
Создаст ограды новых стен.

В соединении — строенье,
Великий подвиг бытия.
К работе бодрой станьте, звенья
Союзов дружеских куя.

Назад зовущим дети Лота
Напомнят горькой соли столп.
Нас ждет великая работа
И праздник озаренных толп.

И наше новое витийство,
Свободы гордость и оплот,
Не на коварное убийство —
На подвиг творческий зовет.

Свободе ль трепетать измены?
Дракону злому время пасть.
Растают брызги мутной пены,
И только правде будет власть!

15 марта 1917

555

Народ торжественно хоронит
Ему отдавших жизнь и кровь.
    И снова сердце стонет,
    И слезы льются вновь.

Но эти слезы сердцу милы,
Как мед гиметских чистых сот.
    Над тишиной могилы
    Свобода расцветет.

22 марта 1917

556. АННЕ АХМАТОВОЙ

Прекрасно всё под нашим небом,
И камни гор, и нив цветы,
И, вечным справедливым Фебом
Опять обласканная, ты,

И это нежное волненье,
Как в пламени синайский куст,
Когда звучит стихотворенье,
Пчела над зыбким медом уст,

И кажется, что сердце вынет
Благочестивая жена
И милостиво нам подвинет,
Как чашу пьяного вина.

22 марта 1917

557. РАСТОЧИТЕЛЬ

Измотал я безумное тело,
Расточитель дарованных благ,
И стою у ночного предела,
Изнурен, беззащитен и наг.

И прошу я у милого бога,
Как никто никогда не просил:
«Подари мне еще хоть немного
Для земли утомительной сил.

Огорченья земные несносны,
Непосильны земные труды,
Но зато как пленительны весны,
Как прохладны объятья воды!

Как пылают багряные зори,
Как мечтает жасминовый куст!
Сколько ласки в лазоревом взоре
И в лобзании радостных уст!

И еще вожделенней лобзанья,
Ароматней жасминных кустов

Благодатная сила мечтанья
И певучая сладость стихов.

У тебя, милосердного бога,
Много славы, и света, и сил.
Дай мне жизни земной хоть немного,
Чтоб я новые песни сложил!»

13 июня 1917
Княжнино, под Костромой

558. ДЕВОЧКА ЛУНА

Ты хочешь, девочка луна,
Скользящая в просторах неба,
Отведать горнего вина
И нашего земного хлеба.

Одежды золотая сеть
Пожаром розовым одела
Так непривыкшее гореть
Твое медлительное тело.

Вкусив таинственную смесь
Того, что в непонятном споре
Разделено навеки здесь,
Поешь ты в благодатном хоре.

Твой голос внятен только мне,
И, опустив глаза, я внемлю,
Как ты ласкаешь в тишине
Мечтательною песней землю.

12 августа 1917
Поля под Костромой

559

Насладился я жизнью, как мог,
Испытал несказанные пытки,
И лежу, изнемогши, у ног
Той, кто дарит страданье в избытке.

И она на меня не глядит,
Но уста ее нежно-лукавы,
И последнюю, знаю, таит
И сладчайшую чашу отравы

Для меня. Не забудет меня
И меня до конца не оставит,
Все дороги последнего дня
Нежной лаской своей излукавит.

3 июня 1918
Петроград — Кострома. Вагон

560

И это небо голубое,
И эта выспренняя тишь!
И кажется, дитя ночное,
К земле стремительно летишь,

И радостные взоры клонишь
На безнадежную юдоль,
Где так мучительно застонешь,
Паденья ощутивши боль.

А всё-таки стремиться надо
И в нетерпении дрожать.
Не могут струи водопада
Свой бег над бездной задержать.

Не может солнце стать незрячим,
Не расточать своих лучей,
Чтобы, рожденное горячим,
Всё становиться горячей.

Порыв, стремленье, лихорадка —
Закон рожденных солнцем сил.
Пролей же в землю без остатка
Всё, что от неба получил.

6—7 июня 1918
Княжнино

561. АСТЕРОИД

В путях надмарсовых стремлюсь вкруг солнца я,
Земле неведомый и темный астероид.
Расплавленный металл — живая кровь моя,
И плоть моя — трепещущий коллоид.

Приникнуть не могу к тебе, земной двойник,
Отвеян в пустоту дыханием Дракона.
Лишь издали гляжу на солнцев светлый лик,
И недоступно мне земное лоно.

Завидую тебе: ты волен, слабый друг,
Менять свои пути, хотя и в малом круге,
А мой удел — чертить всё тот же вечный круг
Всё в той же бесконечно-скучной вьюге.

7 июня 1918
Княжнино — Кострома. Дорога

562

Милая мать, ты — Мадонна,
А твой сын — младенец Христос.
Учи его умирать без стона,
Учи его страдать без слез.

Больше ничего от тебя не надо.
Его судьбы ты никогда не поймешь.
Завидишь сени Гефсиманского сада —
Сама вонзи себе в сердце нож.

8 августа 1918
Княжнино

563

Дорога от дождя размокла.
Я подвернул мои штаны.
Босые ноги, точно свекла,
Совсем от холода красны.

Иду с трудом по липкой грязи.
Из-за пролившихся дождей
Не стану порывать я связи
С землею милою моей.

Пусть грязь, тесняся через пальцы,
Марает ноги, — ну так что ж!
Бредут к святым местам скитальцы,
И ты до дома добредешь.

26 сентября 1918

564

Алый мак на желтом стебле,
Папиросный огонек,
Синей змейкою колеблясь,
Поднимается дымок.

Холодея, серый пепел
Осыпается легко.
Мой приют мгновенно-тепел,
И ничто не глубоко.

Жизнь, свивайся легким дымом!
Ничего уже не жаль.
Даль в тумане еле зрима, —
Что надежды! Что печаль!

Всё приходит, всё отходит,
Развевается, как дым;
И в мечтаньях о свободе,
Улыбаясь, отгорим.

20 марта 1919

565

Благодарю тебя, перуанское зелие!
Что из того, что прошло ты фабричное ущелие!

Всё же мне дарит твое курение
Легкое томное головокружение.

Слежу за голубками дыма и думаю:
Если б я был царем Монтезумою,

Сгорая, воображал бы я себя сигарою,
Благоуханною, крепкою, старою.

Огненной пыткой вконец истомленному,
Улыбнулась бы эта мечта полусожженному.

Но я не царь, безумно сожженный жестокими
Твои пытки мне стали такими далекими.

Жизнь мне готовит иное сожжение,
А пока утешай меня, легкое тлсние,

Отгоняй от меня, дыхание папиросное,
Наваждение здешнее, сердцу несносное,

Подари мне мгновенное, зыбкое веселие.
Благословляю тебя, перуанское зелие!

25 марта 1919

566

Я испытал превратности судеб
И видел много на земном просторе.
    Трудом я добывал свой хлеб,
    И весел был, и мыкал горе.

На милой, мной изведанной земле
Уже ничто теперь меня не держит,
    И пусть таящийся во мгле
    Меня стремительно повержет.

Но есть одно, чему всегда я рад
И с чем всегда бываю светло-молод, —
    Мой труд. Иных земных наград
    Не жду за здешний дикий холод.

Когда меня у входа в Парадиз
Суровый Петр, гремя ключами, спросит:
«Что сделал ты?» — меня он вниз
Железным посохом не сбросит.

Скажу: «Слагал романы и стихи,
И утешал, но и вводил в соблазны,
И вообще мои грехи,
Апостол Петр, многообразны.

Но я — поэт». И улыбнется он,
И разорвет грехов рукописанье,
И смело в рай войду, прощен,
Внимать святое ликованье.

Не затеряется и голос мой
В хваленьях ангельских, горящих ясно.
Земля была моей тюрьмой,
Но здесь я прожил не напрасно.

Горячий дух земных моих отрав,
Неведомых чистейшим серафимам,
В благоуханье райских трав
Вольется благовонным дымом.

8 апреля 1919

567

Для тебя, ликующего Феба,
Ясны начертанья звездных рун,
Светлый бог! ты знаешь тайны неба,
Движешь солнцы солнц и луны лун.

Что тебе вся жизнь и всё томленье
На одной из зыблемых земель!
Но и мне ты даришь вдохновенье,
Завиваешь Вакхов буйный хмель.

И мечтой нетленной озлатило
Пыльный прах на медленных путях

Я испыталъ превратности ~~судьбы~~ судебъ,
И видѣлъ много на земномъ просторѣ.
Трудомъ я добывалъ свой хлѣбъ,
И веселъ былъ, и мыкалъ горе.

На милой, милой изведанной землѣ
Уже ничто теперь меня не держитъ;
И пусть таящійся во мглѣ
Меня стремительно повергнетъ.

Но есть одно, чему всегда я радъ
И съ чѣмъ всегда бывало свѣтло-молодъ, —
Мой трудъ. Иныхъ земныхъ наградъ
Не жду за здѣшній дикій голодъ.

Когда меня у входа въ Парадизъ
Суровый Петръ, гремя ключами, спроситъ:
— Что сдѣлалъ ты? — меня онъ внизъ
Желѣзнымъ посохомъ не сброситъ.

Скажу: — Слагалъ романы и стихи,

Солнце, лучезарное светило,
Искра ясная в твоих кудрях.

От тебя, стремительного бога,
Убегают, тая, силы зла,
И твоя горит во мне тревога.
Я — твоя пернатая стрела.

Мне ты, Феб, какую цель наметил,
Как мне знать и как мне разгадать!
Но тобою быстрый лет мой светел,
И не мне от страха трепетать.

Пронесусь над косными путями,
Прозвучу, как горняя свирель,
Просияю зоркими лучами
И вонжусь в намеченную цель.

11 мая 1919

568

Мне паутину не плести,
Хочу идти всё к той же цели.
Свивайтесь, косные пути!
Качайтесь, томные качели!

И утешенье, и печаль,
И озарения, и тени
В неведомую манят даль,
Под неизведанные сени.

Так, я судьбу мою постиг,
И пусть судьба мне вяжет сети,
Иду вперед, и каждый миг
Тенета разрываю эти.

17 мая 1919

569

Ты дал мне душу зыбкую,
Как папиросный дым,
Ты наделил меня улыбкою,
С которою следим
Мы, вещие, кружение
Медлительных веков
И легкое сожжение
Заморских табаков.

Прими мое курение
Как сладкий фимиам.
С ним шлю тебе моление,
И душу с ним отдам
В тот час, когда курносая
С улыбкой ледяной
Примчится, длиннокосая,
За мной.

17 августа 1919

570

Бесконечно длинный,
ровный, тонкий, звонкий,
весь из светлой стали,
Льется под колеса
скучный путь рекою
в дальние края,
И, качаясь томно
от надежды беглой
до святой печали,
Уношусь безвольно,
странник самовольный,
и мечтаю я.
Поле зеленеет,
ландыш дышит нежно,
солнце светит ясно...
По лесным тропинкам
в тишину и в тени
хорошо б идти...

Тяжкие колеса
громыхают мерно,
но душа бесстрастна, —
Мудрости покорной
на земле жестокой
все равны пути.

22 мая 1920
Химки — Москва. Вагон

571

Поэт, ты должен быть бесстрастным,
Как вечно справедливый бог,
Чтобы не стать рабом напрасным
Ожесточающих тревог.

Воспой какую хочешь долю,
Но будь ко всем равно суров.
Одну любовь тебе позволю,
Любовь к сплетенью верных слов.

Одною этой страстью занят,
Работай, зная наперед,
Что жала слов больнее ранят,
Чем жала пчел, дающих мед.

И муки и услады слова, —
В них вся безмерность бытия.
Не надо счастия иного.
Вот круг, и в нем вся жизнь твоя.

Что стоны плачущих безмерно
Осиротелых матерей?
Чтоб слово прозвучало верно,
И гнев и скорбь в себе убей.

Любить, надеяться и верить?
Сквозь дым страстей смотреть на свет?
Иными мерами измерить
Всё в жизни должен ты, поэт.

Заставь заплакать, засмеяться,
Но сам не смейся и не плачь.
Суда бессмертного бояться
Должны и жертва и палач.

Всё ясно только в мире слова,
Вся в слове истина дана.
Всё остальное — бред земного
Бесследно тающего сна.

22—23 мая 1920
Москва

572

В стихийном буйстве жизни дикой
Бесцельно, суетно спеша,
Томясь усталостью великой,
Хладеет бедная душа.

Замкнись же в тесные пределы,
В труде упорном отдохни,
И думы заостри, как стрелы,
И разожги свои огни.

23 мая 1920
Москва

573

Не свергнуть нам земного бремени.
Изнемогаем на земле,
Томясь в сетях пространств и времени,
Во лжи, уродстве и во зле.

Весь мир для нас — тюрьма железная,
Мы — пленники, но выход есть.
О родине мечта мятежная
Отрадную приносит весть.

Поднимешь ли глаза усталые
От подневольного труда —

Вдруг покачнутся зори алые,
Прольется время, как вода.

Качается, легко свивается
Пространств тяжелых пелена,
И, ласковая, улыбается
Душе безгрешная весна.

24 мая 1920
Москва

574

Снова покачнулись томные качели.
Мне легко и сладко, я люблю опять.
Птичьи переклички всюду зазвенели.
Мать Земля не хочет долго тосковать.

Нежно успокоит в безмятежном лоне
Всякое страданье Мать сыра Земля,
И меня утешит на последнем склоне,
Простодушным зельем уберет поля.

Раскачайтесь выше, зыбкие качели!
Рейте, вейте мимо, радость и печаль!
Зацветайте, маки, завивайтесь, хмели!
Ничего не страшно, ничего не жаль.

24 мая 1920
Москва

575

Поднимается дева по лесенке
И поет, соловьем заливается.
Простодушный напев милой песенки
С ароматом весенним свивается.
Ах, веселые, нежные песенки
Сладко петь и на узенькой лесенке.

Поднимается к тесной светелочке,
Веселей голубка сизокрылого.

Там любимые книги на полочке,
На столе фотография милого.
Ах, уютно в непышной светелочке, —
Память милого, книги на полочке.

Вот вошла, открывает окошечко
И поет, соловьем заливается.
На плечо к ней вскарабкалась кошечка
И к веселой хозяйке ласкается.
Ах, весна улыбнулась в окошечко,
Забавляет, мурлыкает кошечка.

29—30 мая 1920
Москва

576

В норе темно и мглисто,
Навис тяжелый свод,
А под норою чисто
Стремленье горных вод.

Нору мою оставлю,
Построю крепкий дом,
И не простор прославлю,
Не светлый водоем,

Прославлю я ограды
И крепость новых стен,
И мирные отрады,
И милый сердцу плен.

Тебя, оград строитель,
Прославить надо мне.
Ликующий хранитель,
Живи в моем огне.

Все ночи коротая
В сырой моей норе
И утром насекая
Заметки на коре,

Скитаяся в пустыне,
В пыли дневных дорог,
В безрадостной гордыне
Я сердцем изнемог.

Устал я. Сердцу больно.
Построить дом пора.
Скитаний мне довольно.
Прощай, моя нора!

Хочу я новоселья,
Хочу свободных слов,
Цветов, огней, веселья,
Вина, любви, стихов!

3 июля 1920

577

Птичка низко над рекою
Пронеслась, крылом задела
Всколыхнувшуюся воду
И лазурною стезею
Снова быстро полетела
На простор и на свободу.

Ветер вольный, быстролетный
На дороге взвеял пылью,
Всколыхнул кусты и воду
И помчался, беззаботный,
Над земною скучной былью
На простор и на свободу.

Людям песенку сложил я,
Словно лодочку столкнул я
С отмели песочной в воду,
И о песне позабыл я,
И опять мечте шепнул я:
«На простор и на свободу!»

4 июля 1920
Княжнино

578

Ветер наш разгульный,
Ветер наш земной,
Песни богохульной
Надо мной не пой.

Кто подобен ветру,
Тот потупит взгляд.
Стих покорен метру,
Сердце бьется в лад.

Правит нашим миром
Светлый Аполлон.
Сердцу, песням, лирам
Жизнь дарует он.

Все земные доли
Он из солнца льет.
Он и ветру в поле
Указал полет.

Ветер, ветер вольный,
Вождь летучих туч,
Ты не силой дольной
Волен и могуч.

4 июля 1920
Княжнино

579

Широк простор, и долог путь,
И высоко простерлось небо.
Безгранен мир, и отдохнуть
Не хочет ветреная Геба.

Звезду к звезде примкнул эфир,
Вихреобразный, крепче стали.
Всё так же буен вечный пир,
И кони Феба не устали.

Всё чаша дивная полна,
Всемирные нетленны узы.
Не истощатся времена,
Пространств не расточатся грузы.

Но этот мир весь — только след
Иного мира. Он неведом,
И речь о нем — безумный бред,
Ей навсегда остаться бредом.

И в мире том живу я, цел
От первых вздохов до могилы.
Юдольный проходя удел,
По мигам растворяю силы.

Я поглощаю в каждый миг
И предаю земле земное,
И лишь в гаданиях постиг
Предначертанье роковое.

О том, чем жизнь моя жива,
Сказать мечта напрасно хочет.
Мертвы и холодны слова,
Альдонса грубая хохочет.

Еще всесильная теперь,
Она с мечтой бессмертной спорит.
Альдонса, бедная, поверь, —
Нам Дульцинея дверь отворит.

И, в несказанном бытии
Земные свергнувши вериги,
Опять соединим свои,
Здесь расточаемые, миги.

4 июля 1920
Княжнино

580

Людская душа — могила,
Где сотворивший мирно спит.
Жизнь живую земля покрыла,
Травами, цветами она говорит.

Приходи помечтать над могилой,
Если сам не умер давно.
Проснется с несказанною силой
Всё, что казалось темно,

И травы приклонятся к травам,
Цветы улыбнутся цветам,
И ветер зашепчет дубравам,
Нивам, полям и кустам.

7 июля 1920
Княжнино

581

Твоя любовь — тот круг магический,
Который нас от жизни отделил.
Живу не прежней механической
Привычкой жить, избытком юных сил.

Осталось мне безмерно малое,
Но каждый атом здесь объят огнем.
Неистощимо неусталое
Пыланье дивное — мы вместе в нем.

Пойми предел, и устремление,
И мощь вихреобразного огня,
И ты поймешь, как утомление
Безмерно сильным делает меня.

11 июля 1920

582. БАЛЛАДА О ВЫСОКОМ ДОМЕ

Дух строителя немеет,
Обессиленный в подвале.
Выше ветер чище веет,
Выше лучше видны дали,
Выше ближе к небесам.
Воплощенье верной чести,
Возводи строенье выше

На высоком, гордом месте,
От фундамента до крыши
Всё открытое ветрам.
Пыль подвалов любят мыши,
Высота нужна орлам.

Лист, ногою смятый, тлеет
На песке, томясь в печали.
Крот на свет взглянуть не смеет,
Звезды не ему мерцали.
Ты всходи по ступеня́м,
Слушай радостные вести,
Притаившись в каждой нише,
И к ликующей невесте
Приникай всё ближе, тише,
Равнодушный к голосам
Петуха, коня и мыши.
Высота нужна орлам.

Сердце к солнцу тяготеет,
Шумы жизни замолчали
Там, где небо пламенеет,
Туч расторгнувши вуали.
Посмотри в долину, — там
Флюгер маленький из жести,
К стенкам клеятся афиши,
Злость припуталася к лести,
Люди серые, как мыши,
Что-то тащат по дворам...
Восходи же выше, выше,
Высота нужна орлам.

ПОСЛАНИЕ

Поднимай, строитель, крыши
Выше, выше к облакам.
Пусть снуют во мраке мыши,
Высота нужна орлам.

14 июля 1920
Княжнино

583

Пал на небо серый полог,
Серый полог на земле.
Путь во мгле безмерно долог,
Долог путь в туманной мгле.
Веет ветер, влажный, нежный,
Влажно-нежный, мне в лицо.
Ах, взошел бы, безмятежный,
На заветное крыльцо!

Постоял бы у порога,
У порога в светлый дом,
Помечтал бы хоть немного,
Хоть немного под окном,
И вошел бы, осторожный,
Осторожно в тот приют,
Где с улыбкой бестревожной
Девы мудрые живут!

20 июля 1920

584

Песок, текучий как струя,
Весь чистый, белый и сухой;
Здесь прохожу неспешно я
С дорожной сумкою, босой.

Легко и тихо всё вокруг,
Ни хохота, ни мук, ни слез,
И лишь звенит поволжский луг
От стрекотания стрекоз.

21 июля 1920
Княжнино

585

Сквозь туман едва заметный
Тихо блещет Кострома,
Словно Китеж, град заветный, —
Храмы, башни, терема.

Кострома — воспоминанья,
Исторические сны,
Легендарные сказанья,
Голос русской старины,

Уголок седого быта,
Новых фабрик и купцов,
Где так много было скрыто
Чистых сил и вещих снов.

В золотых венцах соборов,
Кострома, светла, бела,
В дни согласий и раздоров
Былью русскою жила.

Но от этой были славной
Сохранила что она?
Как в Путивле Ярославна,
Ждет ли верная жена?

5—22 июля 1920
Княжнино

586

Туман и дождь. Тяжелый караван
Лохматых туч влачится в небе мглистом.
Лесною гарью воздух горько пьян,
И сладость есть в дыхании смолистом,
И радость есть в уюте прочных стен,
И есть мечта, цветущая стихами.
Печальный час, и ты благословен
Любовью, сладкой памятью и снами.

24 июля 1920
Княжнино

587

Узнаёшь в тумане зыбком
Всё, чем сердце жило прежде,
Возвращаешься к улыбкам
И к мечтательной надежде.

Кто-то в мочки пару серег,
Улыбаясь, продевает
И на милый, светлый берег
Тихой песней призывает

Посидеть на куче бревен,
Где тихонько плещут волны,
Где песочный берег ровен,
Поглядеть рыбачьи челны,

Рассказать, чем сердце жило,
Чем болело и горело,
И кого оно любило,
И чего оно хотело.

Так мечтаешь, хоть недолго,
О далекой, об отцветшей.
Имя сладостное Волга
Сходно с именем ушедшей.

В тихий день воспоминанья
Так утешны эти дали,
Эти бледные мерцанья,
Эти мглистые вуали.

24 июля 1920
Княжнино

588

Когда я стану умирать,
Не запоет ли рядом птичка,
И не проснется ли привычка
В бессильи силы собирать?

Мой вздох последний замедляя,
Не встанет ли передо мной
Иная жизнь, иной весной
Меня от смерти откликая?

Не в первый раз рожденный, я
Смерть отклоню упрямой волей
И отойду от смертных болей
Еще послушать соловья.

30 июля 1920
Княжнино

589

Знойно туманится день,
Гарью от леса несет,
Тучи лиловая тень
Тихо над Волгой ползет.

Знойное буйство, продлись!
Длися, верховный пожар!
Чаша земная, курись
Неистощимостью чар!

Огненным зноем живу,
Пламенной песней горю,
Музыкой слова зову
Я бирюзу к янтарю.

Тлей и алей, синева,
В буйном кружении вьюг!
Я собираю слова,
Как изумруд и жемчуг.

1 августа 1920
Княжнино

590

Туманы над Волгою милой
Не спорят с моею мечтой,
И всё, что, блистая, томило,
За мглистою никнет чертой.

Туманы над милою Волгой
В забвении тусклых болот
Пророчат мне счастья недолгий,
Но сладостно-ясный полет.

3 августа 1920
Княжнино

591

Сквозь вещий сумрак настроений
Ко мне всегда приходишь ты,
И неизбежность повторений
Слагает те же всё черты.

Одно и то же любим вечно,
Одна и та же всё мечта,
Одним стремленьем бесконечно
Душа живая занята,

И радость светлых вдохновений,
С земной сплетаяся мечтой,
Вливает яды настроений
Всё в тот же кубок золотой.

3 августа 1920
Княжнино

592

Приди ты поздно или рано,
Всё усложни или упрость
Словами правды иль обмана, —
Ты мне всегда желанный гость.

Люблю твой взор, твою походку
И пожиманье тонких плеч,
Когда в мечтательную лодку
Тебя стремлюся я увлечь,

Чтобы, качаяся на влаге
Несуществующей волны,
Развивши паруса и флаги,
На остров плыть, где реют сны,

Бессмертно ясные навеки
Где радость розовых кустов
Глубокие питают реки
Среди высоких берегов,

Где весело смеются дети,
Тела невинно обнажа,
Цветами украшая эти
Твои чертоги, госпожа.

2 сентября 1920
Бологое — Вишера. Вагон

593. ДОН-КИХОТ

Бессмертною любовью любит
И не разлюбит только тот,
Кто страстью радости не губит,
Кто к звездам сердце вознесет,
Кто до могилы пламенеет, —
Здесь на земле любить умеет
Один безумец Дон-Кихот.

Он видит грубую Альдонсу,
Но что ему звериный пот,
Который к благостному солнцу
Труды земные вознесет!
Пылая пламенем безмерным,
Один он любит сердцем верным,
Безумец бедный, Дон-Кихот.

Преображает в Дульцинею
Он деву будничных работ
И, преклоняясь перед нею,
Ей гимны сладкие поет.
Что юный жар любви мгновенной
Перед твоею неизменной
Любовью, старый Дон-Кихот!

26 октября 1920

594

Всё выше поднимаюсь я,
И горний воздух чище, реже,
Но та же всё судьба моя,
И настроения всё те же.

В земном томительном бреду
Ни сожаленья, ни пощады,
Но и за гробом не найду
Ни утешенья, ни награды.

Мне горький хлеб для жизни дан,
Я мукой огненной испытан.
Одна из многих обезьян,
И я моим Творцом не считан.

Я брошен в бешенство стихий
Песчинкою в горсти песчинок,
И дразнит, вызывает Змий
На безнадежный поединок,

Чтоб демон, сжав сухой рукой
Меня с другими в ком шипящий,
Швырнул с улыбкой ледяной
В котел блестящий и кипящий,

Да переплавлюсь я в огне
Жестоких и безумных пыток,
Да будет сладостен не мне,
Не нам готовимый напиток.

22 декабря 1920

595

Яро длился милый день
И склонился под плетень.
Тот, кто любит жить со мглой,
Проводил его хулой.

Страстным пьяная вином,
Ночь маячит за окном,
Шепчет ветру: «Помолчи!
Потеряла я ключи».

Всходит томная луна,
Как невольница бледна,
Шепчет ветру: «Будет срок,
Раскует мой брат замок».

Что же делать ночью мне?
Посидеть ли на окне,
Помечтать ли о былом,
Погадать ли об ином?

Добрый день погас давно.
Затворить пора окно
И тому, кто может спать,
Доброй ночи пожелать.

5 февраля 1921
Москва

596

Снова саваны надели
Рощи, нивы и луга.
Надоели, надоели
Эти белые снега,

Эта мертвая пустыня,
Эта дремлющая тишь!
Отчего ж, душа-рабыня,
Ты на волю не летишь,

К буйным волнам океана,
К шумным стогнам городов,
На размах аэроплана,
В громыханье поездов,

Или, жажду жизни здешней
Горьким ядом утоля,
В край невинный, вечно вешний,
В Элизийские поля?

18 февраля 1921

597

Овеществленная дремота —
Адмиралтейская игла,
Вверху кораблик. Позолота
На них мечтательно светла.

На это легкое мечтанье,
Летящее в святую весь,
Так непохожа строгость зданья,
Которое воздвиглось здесь.

В определенных, ясных то́нах
И красных крыш пологий склон,
И барельефы на фронтонах,
И охра стен, и мел колонн.

А там, за каменным порогом,
В стальной замкнувшися затвор,
Чертог вознесся за чертогом,
С большими окнами в простор.

Там собирались адмиралы.
Пройдя багровый дым боев,
Они вступали в эти залы
Для управительных трудов.

Пестрели ленты, и сверкали
Медали, звезды, ордена,
Брильянты, золото, эмали,
Всё, чем кокетлива война.

Засматривался часто чертик,
Тщеславья или власти бес,
На золоченый тонкий кортик
И на эмалевый эфес.

Кораблик плыл, гоним ветрами,
Как все кораблики плывут,
И проносились перед нами
Цусима, Чесма и Гангут.

Так переменчивые годы
Текли, текут и будут течь
В веках неволи и свободы,
Пока не перекован меч.

18—20 апреля 1921

598

Порой томится Дульцинея,
От темной ревности бледна,
Но кто ей скажет: «Дульцинея,
Ты Дон-Кихоту не верна!»

Изменит грубая Альдонса,
Любой приманкою взята,
Но кто же скажет ей: «Альдонса,
Для Дон-Кихота ты свята!»

Душою прилепляясь к многим,
Одну прославил Дон-Кихот.
Даруя милости убогим,
Не изменяет Дон-Кихот.

28 апреля 1921

599

Стремит таинственная сила
Миры к мирам, к сердцам сердца,
И ты напрасно бы спросила,
Кто разомкнет обвод кольца.

Любовь и Смерть невинны обе,
И не откроет нам Творец,
Кто прав, кто нет в любви и в злобе,
Кому хула, кому венец.

Но всё правдиво в нашем мире,
В нем тайна есть, но нет в нем лжи.
Мы — гости званые на пире
Великодушной госпожи.

Душа, восторгом бесконечным
Живи, верна одной любви,
И, силам предаваясь вечным,
Закон судьбы благослови.

29 апреля 1921

600

Заря на закате
Опоясалась тучей.
На воздух пускайте
Ваш кораблик летучий,

Беспечные дети!
На безмерную шалость
Дерзайте, развейте
Безнадежность, усталость.

Покровы тумана,
Дымы былей сгоревших —
Для нас только тайна,
Не для вас, возлетевших.

Вам голос поэта
В потемнении неба
Звучит, словно флейта
Уходящего Феба.

1 мая 1921

601

Кругом насмешливые лица, —
Сражен безумный Дон-Кихот.
Но знайте все, что есть светлица,
Где Дон-Кихота дама ждет.

Рассечен шлем, копье сломалось,
И отнят щит, и порван бант,
Забыв про голод и усталость,
Лежит убитый Росинант.

В изнеможении, в истоме
Пешком плетется Дон-Кихот.
Он знает, что в хрустальном доме
Царица Дон-Кихота ждет.

2 мая 1921

602

Любви неодолима сила.
Она не ведает преград,
И даже то, что смерть скосила,
Любовный воскрешает взгляд.

Светло ликует Евридика,
И ад ее не полонит,
Когда багряная гвоздика
Ей близость друга возвестит,

И не замедлит на дороге,
И не оглянется Орфей,
Когда в стремительной тревоге
С земли нисходит он за ней.

Не верь тому, что возвестили
Преданья темной старины,
Что есть предел любовной силе,
Что ей ущербы суждены.

Хотя лукавая Психея
Запрету бога не вняла
И жаркой струйкою елея
Плечо Амуру обожгла,

Не улетает от Психеи
Крылатый бог во тьме ночей.
С невинной белизной лилеи
Навеки сочетался змей.

Любви неодолима сила.
Она не ведает преград.
Ее и смерть не победила,
Земной не устрашает ад.

Альдонса грубая сгорает,
Преображенная в любви,
И снова Дон-Кихот вещает:
«Живи, прекрасная, живи!»

И возникает Дульцинея,
Горя, как юная заря,
Невинной страстью пламенея,
Святой завет любви творя.

Не верь тому, что возвестили
Преданья, чуждые любви.
Слагай хвалы державной силе
И мощь любви благослови.

3 мая 1921

603

О чем щебечут птицы
Так звонко по весне?
Какие небылицы
Рассказывают мне?

Забавно, словно в сказке,
О чем звенят ручьи?

Чьи шепоты и ласки
Перепевают, чьи?

Ответа мне не надо.
Ответ я знаю сам.
Душа беспечно рада
Веселым голосам.

Под всякою личиной
Я узнавать привык
Любви, всегда единой,
Непостижимый лик.

3 мая 1921

604

В моем безумии люби меня.
Один нам путь, и жизнь одна и та же.
Мое безумство манны райской слаже.
Наш рдяный путь в метании огня,
Архангелом зажженного на страже.
В моем горении люби меня.
    Только будь всегда простою,
    Как слова моих стихов.
    Будь мне алою зарею,
    Вся обрызгана росою,
    Как сплетеньем жемчугов.
В моем пылании люби меня,
Люби в безумстве, и в бессильи даже.
Всегда любовь нам верный путь укажет,
Пыланьем вечным рай наш осеня.
Отвергнут я, но ты люби меня.
Нам путь один, нам жизнь одна и та же.
    Отворю я все дворцы,
    И к твоим ногам я брошу
    Все державы и венцы —
    Утомительную ношу, —
    Всё, что могут дать творцы.

4 мая 1921

605

Бога милого, крылатого
Осторожнее зови.
Бойся пламени заклятого
Сожигающей любви.

А сойдет путем негаданным,
В разгораньи ль ясных зорь
Или в томном дыме ладанном, —
Покоряйся и не спорь.

Прячет лик он под личинами,
Надевает шелк на бронь,
И крылами лебедиными
Кроет острых крыл огонь.

Не дивися, не выведывай,
Из каких пришел он стран,
И не всматривайся в бредовый,
Обольстительный туман.

Горе Эльзам, чутко внемлющим
Про таинственный Грааль, —
В лодке с лебедем недремлющим
Лоэнгрин умчится вдаль.

Темной тайны не разгадывай,
Не срывай его личин.
Силой боговой иль адовой,
Всё равно, он — властелин.

Пронесет тебя над бездною,
Проведет сквозь топь болот,
Цепь стальную, дверь железную
Алой розой рассечет.

Упадет с ноги сандалия,
Скажет змею: «Не ужаль!»
Из цианистого калия
Сладкий сделает миндаль.

Если скажет: «Всё я сделаю», —
Не проси лишь об одном:
Зевс, представши пред Семелою,
Опалил ее огнем.

Беспокровною Дианою
Любовался Актеон,
Но, оленем став, нежданною
Гибелью был поражен.

Пред законами суровыми
Никуда не убежим.
Бог приходит под покровами,
Лик его непостижим.

6 мая 1921

606—612. *Свирель*

1

«Бойся, дочка, стрел Амура.
Эти стрелы жал больней.
Он увидит, — ходит дура,
Метит прямо в сердце ей.

Умных девушек не тронет,
Далеко их обойдет,
Только глупых в сети гонит
И к погибели влечет».

Лиза к матери прижалась,
Слезы в три ручья лия,
И, краснея, ей призналась:
«Мама, мама, дура я!

Утром в роще повстречала
Я крылатого стрелка
И в испуге побежала
От него, как лань легка.

Поздно он меня заметил,
И уж как он ни летел,
В сердце мне он не уметил
Ни одной из острых стрел,

И когда к моей ограде
Прибежала я, стеня,
Он махнул крылом в досаде
И умчался от меня».

20 апреля 1921

2

Небо рдеет.
Тихо веет
Теплый ветерок.
Близ опушки
Без пастушки
Милый пастушок.

Где ж подружка?
Ах, пастушка
Близко, за леском,
Вдоль канавки
В мягкой травке
Бродит босиком,

И овечки
Возле речки
Дремлют на лужку.
Знаю, Лиза
Из каприза
Не идет к дружку.

Вот решился
И спустился
К быстрой речке он.
Ищет тени,
По колени
В струи погружен.

Еле дышит
Лиза, — слышит
Звучный лепет струй.
Друг подкрался,
И раздался
Нежный поцелуй.

Славить радость,
Ласки сладость,
Где найду слова?
До заката
Вся измята
Мягкая трава.

20 апреля 1921

3

Ах, лягушки по дорожке
Скачут, вытянувши ножки.
Как пастушке с ними быть?
Как бежать под влажной мглою,
Чтобы голою ногою
На лягушку не ступить?

Хоть лягушки ей не жалко —
Ведь лягушка не фиалка, —
Но, услышав скользкий хруст
И упав неосторожно,
Расцарапать руки можно
О песок или о куст.

Сердце милую торопит,
И в мечтах боязни топит,
И вперед ее влечет.
Пусть лягушки по дорожке
Скачут, вытянувши ножки, —
Милый друг у речки ждет.

25 апреля 1921

4

Соловей
Средь ветвей
Для подружки трели мечет,
И ручей
Меж камней
Ворожит, журчит, лепечет.

Не до сна!
Ах! весна
И любовь так сладко ранят.
Тишина
И луна
Лизу в рощу к другу манят.

Мама спит, —
И спешит
Лиза выскочить в окошко,
И бежит,
И шуршит,
И шуршит песком дорожка.

У ручья
Соловья
Слушай, милому внимая.
«Жизнь моя!»
— «Я — твоя!»
О, любовь в начале мая!

26 апреля 1921

5

Не знают дети,
Зачем весна,
Какие сети
Плетет она.

И я не знала,
Зачем весна,
И я срывала
Цветы одна.

Но наступила
Моя весна,
И разбудила
Меня от сна.

О чем, какою, —
Скажи, весна, —
Душа тоскою
Упоена?

О чем мечтаю?
Скажи, весна.
В кого, не знаю,
Я влюблена.

Ручей струится, —
Тобой, весна,
Он веселится,
Согрет до дна.

Иду я в воды
К тебе, весна,
И речь природы
Мне вдруг ясна.

Люблю Филена, —
Узнай, весна!
Мои колена
Ласкай, волна!

27 апреля 1921

6

Погляди на незабудки,
Милый друг, и не забудь
Нежной песни, звучной дудки,
Вздохов, нам теснивших грудь.

Не забудь, как безмятежно
Улыбался нам Апрель,
Как зарей запела нежно
Первый раз твоя свирель.

Не забудь о сказках новых,
Что нашептывал нам Май,
И от уст моих вишневых
Алых уст не отнимай.

И когда на дно оврага
Убежишь от зноя ты,
Где накопленная влага
Поит травы и цветы,

Там зашепчут незабудки:
«Не забудь ее любви!»
Ты тростник для новой дудки,
Подзывать меня, сорви.

27 апреля 1921

7

Тирсис под сенью ив
Мечтает о Нанетте
И, голову склонив,
Выводит на мюзетте:
«Любовью я, — тра, та, там, та, — томлюсь,
К могиле я, — тра, та, там, та, — клонюсь».

И эхо меж кустов,
Внимая воплям горя,
Не изменяет слов,
Напевам томным вторя:
«Любовью я, — тра, та, там, та, — томлюсь,
К могиле я, — тра, та, там, та, — клонюсь».

И верный пес у ног
Чувствителен к напасти,
И вторит, сколько мог
Усвоить грубой пасти:
«Любовью я, — тра, та, там, та, — томлюсь,
К могиле я, — тра, та, там, та, — клонюсь».

Овечки собрались —
Ах, нежные сердечки! —

И вторить принялись,
Как могут петь овечки:
«Любовью я, — тра, та, там, та, — томлюсь,
К могиле я, — тра, та, там, та, — клонюсь».

Едва от грусти жив
Тирсис. Где ты, Нанетта?
Внимайте, кущи ив!
Играй, взывай, мюзетта:
«Любовью я, — тра, та, там, та, — томлюсь,
К могиле я, — тра, та, там, та, — клонюсь».

10 июня 1921

613

Унесла мою душу
На дно речное.
Волю твою нарушу —
Пойду за тобою.

Любила меня безмерно,
Всё отдала не считая.
Любви беспредельной верный
В жертвенном пламени тает.

Не спасешь меня смертью своею,
Не уйдешь от меня и за гробом.
Ты мне — камень на шею,
И канем мы оба.

28 ноября 1921

614

Чадом жизни истомленный,
Тихо-тихо я пою,
Убаюкать песней сонной
Зыбку шаткую мою.
Спи, грозою опаленный,
Спи, от счастия спасенный,
Баю-баюшки-баю.

Вспомни верное кормило
Невозвратной госпожи,
Пожалей о том, что было,
Горько плача, потужи,
Всё, что звало и манило,
Всё, что было в жизни мило,
Туже в узел завяжи.

Вот полуночная вьюга
Запевает: «Вью, вью, вью», —
Вея зыбко и упруго
Зыбку легкую мою.
Вышла светлая подруга
Из пылающего круга.
Баю-баюшки-баю.

Кто устал, тому довольно
Щедрых пытками годов.
Кануть вольно иль невольно
В запредельность он готов.
Руки сжавши богомольно
На груди, где сердцу больно,
Слушай вещий, тихий зов.

«Истлевающие сети
Смертным хмелем перевью,
Покачаю в тайном свете
Зыбку жуткую твою.
Улыбаясь вечной Лете,
Спи, как спят невинно дети.
Баю-баюшки-баю».

8 декабря 1921

615

Не глядится никто в зеркала.
Опустели хоромы, хозяйка ушла.

Запылилася желтая шаль.
Госпожа не взяла ее в темную даль.

Опечалился нежный фарфор.
Не любуется им зачарованный взор.

На пастушку глядит пастушок.
Путь любимой далек, старый муж одинок.

Пред гадалкой стоит кавалер.
Страшен страннице путь через область химер.

Сиротеет на пальце кольцо.
Уходя, закрывала рукою лицо.

Всё на месте, как было при ней,
Только ночи темнее да дни холодней.

Всё на месте, но где же душа?
Лишь ее унесла чародейка, спеша.

10 декабря 1921

616

Я дышу, с Тобою споря,
Ты задул мою свечу.
Умереть в экстазе горя
Не хочу я, не хочу.

Не в метаньях скорби знойной
Брошусь в гибельный поток, —
Я умру, когда спокойный
Для меня настанет срок.

Умерщвлю я все тревоги,
И житейский сорный хлам
На таинственном пороге
Я сожжению предам.

Обозревши путь мой зорче,
Сяду в смертную ладью.
Пусть мучительные корчи
Изломают жизнь мою.

13 декабря 1921
Петроград. Улицы

617

Не иссякли творческие силы,
И любовь моя сильней страданья.
Златокрылые, как прежде милы
Птички легкие, мои мечтанья.

Щебетаньем звучным, вещим бредом
Ворожит мне Мойра-Афродита.
Слезных рос на розах сон мне ведом.
Пламенеет верная защита,

И она верней и слаще яда.
Запылай, кружися, лихорадка!
Пламенами полыхай, ограда,
Где любовь моя почиет сладко!

Драгоценную несу ей ношу.
Всесожженье тучное готово.
Я в костер любви безмерной брошу
Налитое соком жизни Слово.

21 декабря 1921

618

Нет словам переговора,
Нет словам недоговора.
Крепки, лепки навсегда,
Приговоры-заклинанья
Крепче крепкого страданья,
Лепче страха и стыда.

Ты измерь, и будет мерно,
Ты поверь, и будет верно,
И окрепнешь, и пойдешь
В путь истомный, в путь бесследный,
В путь от века заповедный.
Всё, что ищешь, там найдешь.

Слово крепко, слово свято,
Только знай, что нет возврата
С заповедного пути.
Коль пошел, не возвращайся,
С тем, что любо, распрощайся, —
До конца тебе идти.

Заклинаньем обреченный,
Вещей деве обрученный,
Вдался слову ты в полон.
Не жалей о том, что было
В прежней жизни сердцу мило,
Что истаяло, как сон.

Ты просил себе сокровищ
У безжалостных чудовищ,
Заклинающих слова,
И в минуту роковую
Взяли плату дорогую,
Взяли всё, чем жизнь жива.

Не жалей о ласках милой.
Ты владеешь высшей силой,
Высшей властью облечен.
Что живым сердцам отрада,
Сердцу мертвому не надо.
Плачь не плачь, ты обречен.

19 января 1922

619

День и ночь измучены бедою,
Горе оковало бытие.
Тихо плача, стала над водою.
Засмотрелся месяц на нее.

Опустился с неба, странно красен,
Говорит ей: «Милая моя!
Путь ночной без спутницы опасен.
Хочешь или нет, но ты — моя».

Ворожа над темною водою,
Он унес ее за облака.
День и ночь измучены бедою.
По свету шатается тоска.

30 января 1922

620

Я вышел из потайной двери,
И нет возврата в милый рай.
Изнемогай, но в ясной вере,
Душа, томительно сгорай.

В кипенье темного потока,
Бегущего с горы крутой,
Рукою беспощадной Рока
Заброшен ключ мой золотой.

У первозданных стен Эдема
В пустыне безнадежных дней
Что мне осталось? Диадема
Из опаляющих огней

И мантия пророка, — тяжко
На плечи давит мне она, —
И скрытая в одежде фляжка
С вином, где дремлет тишина,

И что еще? воспоминанья
О днях любви, когда и я
Испытывал очарованья
И осиянность бытия.

И вот один у тайной двери,
Как пригвозженный раб, стою,
Безумству моему и вере
Смятенный дух мой предаю.

19 февраля 1922

621

Безумное светило бытия
Измучило, измаяло.
Растаяла Снегурочка моя,
Растаяла, растаяла.

Властительно она меня вела
Тропою заповедною.
Бесследною дорогою ушла,
Бесследною, бесследною.

Я за Снегурочкой хочу идти,
Да ноги крепко связаны.
Заказаны отрадные пути,
Заказаны, заказаны.

Я жизни не хочу, — уйди, уйди
Ты, бабища проклятая.
Крылатая, меня освободи,
Крылатая, крылатая.

У запертых, закованных ворот
Душа томится пленная.
Блаженная в Эдем меня зовет,
Блаженная, блаженная.

Снегурочка, любимая моя,
Подруга, богом данная,
Желанная в просторах бытия,
Желанная, желанная.

5 марта 1922

622

Как я с тобой ни спорил, боже,
Как на тебя ни восставал,
Ты в небе на змеиной коже
Моих грехов не начертал.

Что я тебе? Твой раб ничтожный,
Или твой сын, иль просто вещь, —
Но тот, кто жил во мне, тревожный,
Всегда горел, всегда был вещ.

И много ль я посеял зерен,
И много ль зарослей я сжег,
Но я и в бунте был покорен
Твоим веленьям, вечный бог.

Ты посетил меня, и горем
Всю душу мне ты сжег дотла, —
С тобой мы больше не заспорим,
Всё решено, вся жизнь прошла.

В оцепенении жестоком,
Как бурею разбитый челн,
Я уношусь большим потоком
По прихоти безмерных волн.

11 марта 1922

623

Творца излюбленное чадо,
Храня безмерные мечты,
Под сводами земного ада
В отчаяньи металась ты.

Сожгла тебя трехмерных дымов
Мгновенно-зыбкая игра,
О шестикрылых серафимов
Лазурно-чистая сестра!

Ушла ты в области блаженных, —
К тебе, в безмерность бытия,
В чертог среди восьми вселенных
Приду и я, любовь моя.

23 марта 1922

624

Как ни бейся, жизнь обманет.
Даже радость ядом станет.
Безмятежные мечты,
Как недолгие цветы,
Лепестки свои уронят
И надежды похоронят.
Холодна; тиха, ясна,
Не обманет смерть одна.

Эта жизнь — мельканье теней
В тесной сфере сновидений.
Как ни слушай, ни смотри,
Впереди и позади
Ничего. Влачи вериги
Сквозь раздробленные миги
Мимо темной тайны тел, —
Только в смерти станешь цел.

На стремительном откосе
Все земные нити-оси
В ось широкую соткет.
Несказанный поворот
Совершив, оставишь тело,
Чтобы плотское истлело,
И, в зарю облачена,
Встретит там тебя жена.

Все земные жены наши —
Лишь невесты. Дивной чаши
Недоступны им края.
Чародейного питья
Только там в восторге вящем
Сладость вечную обрящем
И таинственно слиты
Будем вместе, Я и Ты.

11 апреля 1922

625

Полуисточенное смертью тело, —
И это — ты, любимая моя.
Душа от ужаса оледенела,
Но всё же, смерть, победа не твоя.

Да, наша плоть земная — жертва тленья,
Обезображенный и смрадный прах,
И вот, смотри, мы бьемся в исступленьи,
И тонет скорбь в пустынных небесах.

Всё так, — земного не отдаст могила,
И самые тончайшие мечты,
Как сладкий дым из зыбкого кадила,
Растают, с воздухом земным слиты.

Но если здесь стремительною волей
Душа свершила пламенный полет,
Поникни, смерть! — среди иных раздолий
Она венец бессмертия найдет.

3 мая 1922

626

Как мне ни горек мой напиток,
Его покорно я допью,
И беспощадной жизни свиток
Весь до предела разовью.

Все наши чаши не глубоки,
И не высоки их края.
Ты медлишь в страстной Камалоке
Близ нашей сферы бытия

И встретишь в пламенном чертоге
Меня, как здесь встречала Ты
Среди земной моей дороги,
Блаженным заревом мечты,

С такою ж радостною лаской
Неумирающей весны,
С такою ж радостною сказкой
О мудрых женах старины.

16 июня 1922

627

Себя встречая в зеркалах,
Стекло клянем докучное.
Как прочно скреплена в углах
Темница наша скучная!

Напрасно радостны враги,
Друзья напрасно маются.
Какой дорогой ни беги,
Пути пересекаются.

Замыкан суетней дорог,
Безумною и лживою,
Вот наконец в могиле лег
Под жгучею крапивою:

Земное всё отдать земле
Спешишь в истоме тления.
Откройся, светлая Ойле,
Страна соединения!

20 июня 1922
Волга — Рыбинск. Вагон

628

Много камней на дороге.
Что же мне до них!
Кто споткнулся на пороге,
Тот навеки стих.

В горьком запахе полыни,
В плеске ручейка,
И в песках, и в липкой глине
Та же всё тоска.

Я несу ее, как ношу,
    По моим путям.
Будет время, в яму брошу
    Весь ненужный хлам.

29 июня 1922
Набатово

629

Чем бледней лучи дневные,
Чем туманнее окрестность,
Тем пленительней ночные
Неизбежность, неизвестность.

Пролетит ночная птица,
В мглистом сумраке утонет.
Промелькнет вдали зарница,
Кто-то жалобно застонет.

Рокот прожурчит ручейный,
Сказ о тайнах вещей ночи.
Шелестит вуаль кисейный,
Темноте открывши очи.

Смотришь в дали равнодушно.
Где раздумье, где мятежность?
Я за ней иду послушно
В неизвестность, в неизбежность.

29 июня 1922

630

В багряные ткани заката,
В туманно-лиловый вуаль
Опять обряжает утрата
Поющую слезно печаль.

В молчаньи, обвеянном снами,
В просторе пустынных полей
Свирелью поет за холмами
Тоска простодушных жалей,

И крылья тяжелые ветра
Шумят в лиловеющей мгле,
И снова поникла Деметра,
И, плача, приникла к земле.

Внимая летейскому стону,
В краю запредельном живу,
С Деметрой зову Персефону,
Мою Алетею зову.

29 июня 1922

631

Войди в меня, побудь во мне,
Побудь со мною хоть недолго.
Мы помечтаем в тишине,
Смотри, как голубеет Волга.

Смотри, как узкий серп луны
Серебряные тучки режет,
Как прихоть блещущей волны
Пески желтеющие нежит.

Спокоен я, когда Ты здесь.
Уйдешь — и я в тоске, в тревоге,
Влекусь без сил, разметан весь,
Как взвеянная пыль дороги.

И если есть в душе мечты,
Порой цветущие стихами,
Мне их нашептываешь Ты
Своими легкими устами.

1 июля 1922

632

Когда войдем мы ликовать
    В иную весь,
Тебя я буду ревновать
    Не так, как здесь.

Не отпущу тебя одну, —
Даю обет, —
Ни в полевую тишину,
Ни в шумный свет.

Я обведу тебя чертой
Моей любви,
Моею волей и мечтой
Цвети, живи.

Всё, что любила ты, найдешь
Еще милей,
И от меня не отведешь
Своих очей.

2 июля 1922
Набатово

633

Я сам закон игры уставил
И проиграл, но не хочу
Разбить оковы строгих правил.
Мой проигрыш я заплачу.
Но, может быть, платить нам нечем.
Всё увеличивая счет,
Несчастливо мы карты мечем.
Придет последний банкомет.
И, приневоленный к азарту,
Всё, что осталось, подсчитай,
Поставь последний куш на карту,
О выигрыше помечтай,
И знай, что шулер беспощаден,
И что громаден будет счет,
И что огонь из черных впадин
Его глазниц смертельно жжет.

5 июля 1922

634

Не люблю я встреч
На моем пути.
Только с ветром речь
Хорошо вести.

Путевой простор
Без людей хорош.
Каждый встречный взор —
Острый в сердце нож.

7 июля 1922
На пути в Кострому

635

Слушай горькие укоры
Милых пламенных подруг
И внимательные взоры
Обведи с тоской вокруг.

Всё такое ж, как и прежде,
Только ты уже не тот.
В сердце места нет надежде,
Побежденный Дон-Кихот.

Перед гробом Дульцинеи
Ты в безмолвии стоишь.
Что же все твои затеи,
И кого ты победишь?

Пораженье не смутило
Дон-Кихотовой души,
Но, хотя б вернулась сила,
В битву снова не спеши.

С бою взятые трофеи
Ты положишь перед кем?
Над молчаньем Дульцинеи
Ты и сам угрюмо нем.

Украшать ее гробницу?
Имя Дамы прославлять?
Снова славную страницу
В книгу бытия вписать?

Для того ли Дульцинея
К Дон-Кихоту низошла
И, любовью пламенея,
Одиноко умерла?

7 июля 1922
На пути в Кострому

636

Она придет ко мне, — я жду, —
И станет пред моей постелью.
Легко мне будет, как в бреду,
Как под внезапною метелью.

Она к устам моим прильнет,
И шепот я услышу нежный:
«Пойдем». И тихо поведет
К стране желанной, безмятежной.

За Нею я пойду, и мне
Вдруг весело и страшно станет,
Как в предзакатной тишине,
Когда мечта глаза туманит.

Неведомые здесь огни,
Цветы, неведомые людям, —
И мы томительные дни
В стране бессмертия забудем.

9 июля 1922

637

Прошедшие оставили следы,
Но где же верный след и где случайный?
Мир, отраженный в зеркале воды,
Непостижимый Китеж, город тайный,

К тебе откроется внезапный путь,
Когда душа в отчаяньи, во мраке,
И уж ее не могут обмануть
Развенчанных надежд немые знаки.

И для меня настанет милый день,
И я, в отчаяньи последнем,
Переступив последнюю ступень,
Оставлю мир его случайным бредням.

9 июля 1922

638

Я не хочу захоженных дорог —
Там стережет зевающая скука,
И без того труд жизни слишком строг,
И всё вокруг несносная докука.

Я не хочу нехоженых дорог —
Там стережет негаданное горе.
И без того безжалостен к нам Рок.
Изнемогаем в непосильном споре.

И вот я медлю на закате дня
Перед напрасно отпертой калиткой,
И жду, когда Ты поведешь меня,
Измученная пламенною пыткой.

Мой верный вождь, мой друг и госпожа,
Ты различать пути во тьме умела.
Хотя б со страхом, женственно дрожа,
Ты подвиг жизни совершала смело.

Припоминать ли мне, как в темный час
Ты погибала страшно и жестоко,
И я в неведеньи Тебя не спас,
Я, одаренный веденьем пророка?

Об этом думать можно лишь в бреду,
Чтоб умереть, не пережив мгновенья.
Не думаю, не вспоминаю, — жду
Последнего, отрадного явленья.

10 июля 1922

639

Дон-Кихот путей не выбирает,
Росинант дорогу сам найдет.
Доблестного враг везде встречает,
С ним везде сразится Дон-Кихот.

Славный круг насмешек, заблуждений,
Злых обманов, скорбных неудач,
Превращений, битв и поражений
Пробежит славнейшая из кляч.

Сквозь скрежещущий и ржавый грохот
Колесницы пламенного дня,
Сквозь проклятья, свист, глумленья, хохот,
Меч утратив, щит, копье, коня,

Добредет к ограде Дульцинеи
Дон-Кихот. Открыты ворота,
Розами усеяны аллеи,
Срезанными с каждого куста.

Подавив непрошеные слезы,
Спросит Дон-Кихот пажа: «Скажи,
Для чего загублены все розы?»
— «Весть пришла в чертоги госпожи,

Что стрелой отравленной злодея
Насмерть ранен верный Дон-Кихот.
Госпожа сказала: «Дульцинея
Дон-Кихота не переживет»,

И, оплаканная горько нами,
Госпожа вкусила вечный сон,
И сейчас над этими цветами
Будет гроб ее перенесен».

И пойдет за гробом бывший рыцарь.
Что ему глумленья и хула!
Дульцинея, светлая царица
Радостного рая, умерла!

11 июля 1922

640

Меняя разные личины,
Все принимая имена,
Всходя на горные вершины
И опускаяся в долины,
И проходя все времена,

На утомительных дорогах
И на покое у ручья,
В шатрах, в лачугах и в чертогах,
В лохмотьях нищенских и тогах
Я остаюсь всё тот же Я.

В неутомимости стремлений
И в озарениях мечты,
Среди забот и наслаждений,
И радостей, и утомлений,
Всегда передо мною Ты!

В грозовом пламенном сверканьи,
И в разгорании огней,
И в ярком солнечном пыланьи,
И в звездном благостном мерцаньи
Я вижу свет Твоих очей.

Шумят ли волны в бурном споре,
Поет ли соловей ночной,
Звучит ли песня на просторе, —
Мне в звуках радости и горя
Повсюду внятен голос Твой.

Любимых уст Твоих дыханье
Всегда животворит меня,
И что мне горькое страданье,
И безнадежное скитанье,
И зной безрадостного дня!

Пройду я все пути дневные,
Храня заветное кольцо,

И там, где силы неземные
Соединили нас впервые,
Увижу милое лицо.

18 июля 1922

641

Всё дано мне в преизбытке —
Утомление труда,
Ожиданий злые пытки,
Голод, холод и беда,

Деготь ярых поношений,
Строгой славы горький мед,
Яд безумных искушений,
И отчаяния лед,

И — венец воспоминанья,
Кубок, выпитый до дна, —
Незабвенных уст лобзанья, —
Всё, лишь радость не дана.

19 июля 1922
Дорога из Костромы

642

Сквозь туман этой жизни смятенной
Уже виден мне светоч священный,
Только где он, еще не пойму,
И, как прежде, бессильно тоскуя,
То ищу, то томительно жду я
Победившего вечную тьму.

Но когда же себя приневолю
Приподнять эту тяжкую долю
И расторгнуть обманы времен?
Приподнять бы ее хоть немного, —
Вот, близка предо мною дорога,
Только миг — и расторгнется сон.

5 февраля 1923

643

Душа, отторгнувшись от тела,
Как будешь ты в веках жива?
Как ты припомнишь вне предела
Все наши формы и слова?

Но ты жива, я знаю это,
И ты пройдешь сквозь дым веков
Во исполнение завета,
Еще живее без оков.

Здесь каждый шаг в цепях причины,
И к светлой цели нет пути,
Не остановишь миг единый,
И воля бьется взаперти.

Здесь, в этом нашем бренном теле,
Законом мировой игры
Скрестились и отяготели
Все беспредельные миры.

Но даже этих подчинений
Всемирно неизбежный гнет
Во мне надежду восхождений
К безмерной жизни создает.

14 февраля 1923

644

На опрокинутый кувшин
Глядел вернувшийся из рая.
В пустыне только миг один,
А там века текли, сгорая.

Ушедшие от нас живут,
Расторгнувши оковы тлена, —
Мы беглою стезей минут
Скользим, не покидая плена.

Очарования времен
Расторгнуть всё еще не можем.

Наш дух в темницу заключен,
И медленно мы силы множим.

Давно ли темная Казань
Была приютом вдохновений
И колебал Эвклида грань
Наш Лобачевский, светлый гений!

Завеса вновь приподнята
Орлиным замыслом Эйнштейна,
Но всё еще крепка плита
Четырехмерного бассейна.

Необратимы времена
Еще коснеющему телу,
И нам свобода не дана
К иному их стремить пределу.

Наш темный глаз печально слеп,
И только плоскость нам знакома.
Наш мир широкий — только склеп
В подвале творческого дома.

Но мы предчувствием живем.
Не лгут позывы и усилья.
Настанет срок, — и обретем
Несущие к свободе крылья.

19 февраля 1923

645

Окруженный облаками,
Как Зевес,
Только молний не хватает
И небес.

Что же делать! С табаками
Молний нет.
Жизнь, как дым табачный, тает,
Меркнет свет.

Вот и руки задрожали, —
Иль опять
Вспомнил ты, что невозможно
Вспоминать?

Сердце чьи-то пальцы сжали, —
Острый лед.
Осторожно, осторожно!
Горький мед.

14 апреля 1923

646

Что вся громада эта может,
Такая плотная? Ничто.
Кто эту косность потревожит,
Какою силою? Никто.

Но вот смотри, — кружатся нитки
Со скоростью дневных лучей
И перепиливают слитки,
Которые свинца плотней.

Не надо силы непомерной,
Не надо груды вещества, —
Одной стремительностью верной
Всегда вселенная жива.

Всё, чем чарует достиженье,
Движенью только суждено,
И чем стремительней движенье,
Тем победительней оно.

Что Голиафова громада?
Давид пращу свою кружит,
И вслед за камнем в бездну ада
Душа испуганно бежит.

Коснеют мышцы Геркулеса,
Но если б отрок взять успел

У задремавшего Зевеса
Одну из олимпийских стрел,

Он пролетел бы к антиподам
Чрез лоно матери земли
И под бразильским небосводом
Восстал бы в эллинской пыли.

Остановись — окаменеешь,
Но если душу манит высь,
Не забывай, что пламенеешь,
И вдаль безудержно стремись.

И не иди на зов Далилы,
И не внимай ее речам.
Не надо тяжести и силы
Твоим окры́ленным плечам.

Забудь, что есть изнеможенье,
На небо падай, как на дно, —
Чем устремительней движенье,
Тем победительней оно.

28 апреля 1923

647

Ты посмотрела мне в глаза
С каким-то вещим ожиданьем,
И синеокая гроза
В меня вонзилася лобзаньем.

В какой безмолвной тишине,
Какой таинственною силой
Рожден опять представший мне
Нездешний вестник огнекрылый?

Но упоен я, как вином,
Твоей улыбкою надмирной,
И вечно мне пылать огнем
Твоих очей, мой вождь эфирный.

И как бы охладеть я мог,
Так нескончаемо сжигаем,
Так грозно брошен на порог
Пред этим раскаленным раем.

6 мая 1923

648

Не слышу слов, но мне понятна
Твоя пророческая речь.
Свершившееся — невозвратно,
Здесь ничего не уберечь.

Но кто достигнет до предела,
Здесь ничего не сохранив,
Увидит, что заря зардела,
Что день минувший вечно жив.

Душа, как птица, мчится мимо
Ночей и дней, вперед всегда,
Но пребывает невредимо
Времен нетленная чреда.

Напрасно бледная Угроза
Вооружилася косой, —
Там расцветает та же роза
Под тою ж свежею росой.

9 мая 1923

649

Безумствует жестокий рок,
Ничья вина не искупима.
Изнемогающий пророк!
Судьба к тебе неумолима.

На склоне утомленных дней
Последнюю познал ты сладость —

Тебя сжигающих огней
Мучительную, злую радость.

Как плачет нежная весна,
В края суровые влекома!
Вся безнадежность так ясна!
Так вся безвыходность знакома!
Домашние и гости сна,
Вы обжились, и здесь вы дома,

И в шелестиных голосах
Всё то же бормотанье рока,
И в этих бледных небесах
Мерцанье горького упрека.

9 мая 1923

650

Вьются над кадилом огоньки,
И в кадиле тлеют угольки.

Запах ладана вдыхай опять.
В эту ночь тебе не надо спать.

Ты сними личину наконец
И терновый твой надень венец.

Я возьму тебя и подыму,
Закачаю в ладанном дыму,

Отгоню толпу земных досад
И спою тебе про божий сад.

31 мая 1923

651

Ладан стелется туманный
Над дремотною рекой.
Веет он благоуханной,
Бездыханною тоской,

Под наивной вешней липкой,
Под березкой молодой
Ладан вкрадчивый и липкий,
Синеглазый и седой,

И кадит неутомимо
В дымной ризе иерей,
Проходя неспешно мимо
Занавешенных дверей.

Уголь в пепле ладан плавит
В светлом таинстве ночей.
Кто-то, тихо плача, славит
Боль пронзающих мечей.

31 мая 1923

652

Прежнее истлело,
Новое живет.
Там, где плыло тело,
Лодка поплывет.

Кто-то слезы ронит.
Пусть тоскует, пусть!
Никого не тронет
Старческая грусть.

Снесена ограда,
И разрушен дом, —
Никому не надо
Вспоминать о том.

Плохо ль новоселье
Мертвому в гробу?
Хочется веселья
Каждому рабу.

Цепкую кручину
Прогони в кабак,

Надевай личину,
Надевай колпак.

Бубенцами звякай.
Бубном грохочи,
Шут, перед зевакой
Громче хохочи.

31 мая 1923

653

Как ювелиры, собираем
Смарагд, карбункул и сапфир,
Цветными камнями играем
И строим каменный эфир.

Все камни более знакомы,
Чем птицы, травы и цветы.
О, если б пóзыв насекомых
Вливался в наши все мечты!

О, если бы, жужжа пчелою,
Перелетая с лип на рожь,
Почуять острою иглою
Пронзающую сердце дрожь!

О, если б многосложным глазом,
Который не дан еще нам,
Безмерный мир окинуть разом,
Ко всем приникнуть временам,

И сочетать причину с целью,
И это множество могил
Закрыть всемирной колыбелью
Из вечности текущих сил!

7 июня 1923

654

Ах, этот вечный изумруд
Всегда в стихах зеленых трав!
Зеркальный, вечно тихий пруд
В кольце лирических оправ!

И небо словно бирюза,
И вечное дыханье роз,
И эта вечная гроза
С докучной рифмою угроз!

Но если сердце пополам
Разрежет острый божий меч,
Вдруг оживает этот хлам,
Слагаясь в творческую речь,

И улыбаются уста
Шептанью вешнему берез,
И снова чаша не пуста,
Приемля ключ горючих слез.

Душа поет и говорит,
И жить и умереть готов,
И сказка вешняя горит
Над вечной мукой старых слов.

7 июня 1923

655

Как было сладостно вино
Любви под мрачной сенью свода!
Разбив последнее звено,
Поймешь, как тяжела свобода.

Пустыня дней обнажена,
Мечта не заслоняет дали,
За Летой милая страна,
Где мы надеялись и ждали.

Бесстрастных сжатий ровный ряд,
Свершаясь мерно в сердце мертвом,
Как электрический заряд,
Кровь разгоняет по аортам.

Глаза, как точный аппарат,
Всё замечают так далёко,
Но радужных Эдемских врат
Смущенное не видит око.

11 июня 1923

656

Подумай, — на праздник я выду,
Веселый я выду из дому,
Вдруг больно ударит Обида,
Ударит по сердцу больному.

Пойду ли по улицам людным,
Но не был ли путь этот крестным
Путем, безнадежным и трудным,
В обещанном свете воскресном?

Забыть ли и в божьем чертоге
Томленья тоски и разлуки,
И лепет последний о боге,
И эти бессильные руки?

Жестокость нигде не забудем
Тоскующей девы Обиды.
Зачем же на праздники к людям
Из темного дома я выду?

И только б нагими стопами
Пройти по твоей багрянице,
Пьянея бессмертными снами,
К последней, заветной границе.

16 июня 1923

657

Для безнадежности все дни равны.
Они черней ночей и горше дыма,
И тягостно сознание вины,
И месть холодная неотвратима.

Беги за дальним отблеском надежд
Или неистово в оковах рвися, —
Разорван шелк блистательных одежд,
И в грязь потоптан многоценный бисер.

Но будь упрям. Железной просфорой
Питайся, в башмаках иди железных,
Восстанови вселенский ясный строй,
Восстанови чертог в пустыне звездной,

И не забудь губительной вины,
Сожги ее в надмирных кольцах дыма,
Да будут дни Эдемские ясны,
Да будет светел голос серафима.

18 июня 1923

658. НОЧНЫЕ СТИХИ

Что томленье ночное?
Под золой уголек.
Дотлевает земное,
Вечный день недалек,
Но в томленье ночное
Кто-то душу увлек.

В эти мрачные воды
Загляделась луна...
Ни любви, ни свободы,
Ни блаженного сна...
В эти мрачные воды
Погрузилась она.

Золотая трепещет
Сеть лучей на волне
И томительно блещет,
Улыбаясь луне.
Тихо сердце трепещет,
Замирая в огне.

Лунный свет заплетая
В золотистую сеть,
На́до, медленно тая,
Над пучиной висеть,
Словно эта слитая
Из сияния сеть.

25—26 июня 1923

659

Я созидал пленительные были
В моей мечте,
Не те, что преданы тисненью были,
Совсем не те.

О тех я людям не промолвил слова,
Себе храня,
И двойника они узнали злого,
А не меня.

Быть может, людям здешним и не надо
Сны эти знать,
А мне какая горькая отрада —
Всегда молчать!

И знает бог, как тягостно молчанье,
Как больно мне
Томиться без конца в моем изгнаньи
В чужой стране.

11 июля 1923

660

Алкогольная зыбкая вьюга
Зашатает порой в тишине.
Поздно ночью прохожий пьянчуга
Подошел на Введенской ко мне.

«Вишь, до Гатчинской надо добраться, —
Он сказал мне с дрожанием век, —
Так не можете ль вы постараться
Мне помочь, молодой человек?»

Подивившись негаданной кличке,
Показал я ему, как пройти,
А потом, по давнишней привычке,
Попытался разгадку найти.

Впрочем, нечему здесь удивляться:
По ночам я люблю босиком
Час-другой кое-где прошататься,
Чтобы крепче спалося потом.

Плешь прикрыта поношенной кепкой,
Гладко выбрит, иду я босой,
И решил разуменьем некрепкий,
Что я, значит, парнишка простой.

Я ночною прогулкой доволен:
Видно, всё еще я не ломлюсь.
Хорошо, что я в детстве не холен,
Что хоть пьяному юным кажусь.

11 октября 1923

661

Ночью лунною и ясной
Приходи ко мне опять,
Чтоб со мною, друг прекрасный,
В дурачки сыграть.

Обыграешь, знаю,
Да какой же в этом страх?
Я и сам давно смекаю,
Что остался в дураках.

Тихо жизнь проходит мимо.
Разве мне она нужна?
Ты одна непобедима
И всегда ясна.

Мне побед не надо,
Да и как мне побеждать?
Мне теперь одна отрада —
В дурачки с тобой сыграть.

24—25 ноября 1923

662

Мы поем, как зыряне поют:
«Бежит мой олень», —
Мы поем, как зыряне поют,
О том, что покажет нам день.

Расскажи мне, песня моя,
О том, чего нет.
Расскажи мне, песня моя,
Про божий таинственный свет.

В этой песне найду я приют
От тусклого дня.
В этой песне найду я приют
От бредов, что мучат меня,

И, мечту в душе затая,
Найду тайный след,
И, мечту в душе затая,
Забуду томительный бред.

19 августа 1925

663

Пой по-своему, пичужка,
И не бойся никого.
Жизнь — веселая игрушка
И не стоит ничего.

Что бояться? Зачарует
Змей, таящийся в лесу, —
Или запах твой взволнует
Кровожадную лису, —

С высоты ли ястреб комом
На тебя вдруг упадет, —
Из ружьишка ль с дряблым громом
Человечишка убьет, —

Что ж такое! Миг мученья
Тонет в бездне роковой,
Но не гаснет вдохновенье.
Пой же, маленькая, пой!

28 августа 1925

664

Е. Данько

Я не люблю строптивости твоей.
Оставь ее для тех, кто смотрит долу.
Суровую прошел я в жизни школу
И отошел далёко от людей.

Противоборствуя земному гнету,
Легенду создал я и опочил.
Я одного хотел, Одну любил,
Одну таил в душе моей заботу.

Солгу ли я, но всё же ты поверь,
Что крепче всякой здешней правды это
Мое самовластительство поэта,
Эдемскую увидевшего дверь.

Сомкну мои уста, простивши веку
Всю правду тусклую земных личин.

Я жизни не хочу, и я один,
Иное возвестил я человеку.

Страницы книг моих, как ряд амфор,
Простых для невнимательного взгляда,
Наполнены нектаром, слаще яда.
Нектар мой пьян, и мой стилет остер.

4 декабря 1925

665

Е. Данько

Камни плясали под песни Орфея,
Но для чего же такой хоровод!
Каменной вьюги любить не умея,
Сердце иных плясунов призовет.

Близко приникнул к холодной и белой
Плоскости остро внимательный взор,
И расцветает под кистью умелой
Вьюгою красочных плясок фарфор.

В красках и формах содеяны чары
Этой упорной работой очей,
И улыбаются мудрые лары
Тайне заклятий и силе огней.

А чародейка заплакать готова:
Тайну заклятий скрывает узор,
И сотворившей отгадного слова
Выдать не хочет коварный фарфор.

23 декабря 1925

666

Слышу песни плясовой
Разудалый свист и вой.

Пьяный пляшет трепака
И поет у кабака:

«Темен был тяжелый путь,
Негде было отдохнуть.

Злоба черта стерегла
Из-за каждого угла.

Только всё ж я хохотал,
В гулкий бубен грохотал,

Не боялся никого,
Не стыдился ничего.

Если очень труден путь,
Можешь в яме отдохнуть.

Можешь, только пожелай,
И в аду воздвигнуть рай».

«Чьи, старик, поешь слова?»
— «Эх, с мозгами голова!

Был когда-то я поэт,
А теперь поэта нет.

Пьяный, рваный, весь я тут,
Скоро в яму сволокут

И зароют кое-как.
Дай полтинник на кабак!»

11 января 1926

667

Сатана вошел во фраке,
В лакированных туфлях,
С золотым сияньем в лаке
От широких пряжек-блях.

Руку полную целуя
У хозяйки, в шелест лент
Кинул он, ее волнуя,
Очень тонкий комплимент.

Он смягчал свои сарказмы,
Укрощал он блеск очей,
Чтоб не сделалися спазмы
У мамаш и дочерей,

Чтобы соль игры мятежной
Не совсем была остра,
Чтоб в груди у дамы нежной
Не открылася дыра,

Чтоб не пахло адской серой,
Ни один не встал бы рог,
Чтоб сегодня светской сферой
Ограничиться он мог.

Ведь недавно адский пламень
Из очей его сверкал
И насквозь массивный камень
Он слезою прожигал.

Нет, огня теперь не надо,
Не уронит и слезы
Светский выходец из ада
Для болтливой егозы.

Вот сидит пред ним Тамара, —
Как глупа и как смешна!
«Мне совсем она не пара!» —
Размышляет Сатана.

25 января 1926

668

Привыкли говорить мы «до́ма»,
Но вспомним разные дома,
Где жили мы. Как нам знакома
Вся эта злая кутерьма!

И го́рода всегда мы ищем,
Переменяя города,

Подобны мы скитальцам нищим,
Везде блуждающим всегда.

Мы требуем от жизни ме́ста,
И получаем мы места
Скромней куриного насеста,
Всегда удел наш — нищета.

20 марта 1926

669

Всё новое на старый лад:
У современного поэта
В метафорический наряд
Речь стихотворная одета.

Но мне другие не пример,
И мой устав — простой и строгий.
Мой стих — мальчишка-пионер,
Легко одетый, голоногий.

19 июля 1926
Детское Село

670

На пламенных крыльях стремлений
Опять ты ко мне прилетел,
Полночный таинственный гений,
Земной озаривший удел.

Не знаю, какому Началу
Ты служишь, Добру или Злу,
Слагаешь ли гимны Ваалу
Иль кроткой Марии хвалу.

Со мной ты вовек не лукавил,
И речь твоя вечно проста,
И ты предо мною поставил
Непонятый образ Христа.

Всегда ты правдив, мой вожатый,
Но, тайну святую тая,
Не скажешь ты мне, кто Распятый,
Не скажешь ты мне, кто же Я!

23 июля 1926
Детское Село

671

Что дальше, всё чудесней
Цветет наш мир земной
В лесу — лесною песней
И в поле — полевой.

Земля не оскудела,
Кропя росою прах,
И творческое дело
Свершается в веках,

И песня льется снова
На весь земной простор,
До неба голубого
Восходит звучный хор.

23 июля 1926
Детское Село

672

Эллиптической орбитой
Мчится вёрткая земля
Всё дорогой неизбитой
Вечно в новые поля.

Солнце в фокусе сияет,
Но другой же фокус есть.
Чем он землю соблазняет?
Что он здесь заставил цвесть?

Сокровенное светило,
Ты незримо для очей,
И в просторах ты укрыло
Блеск неведомых лучей.

К солнцу голову подъемлет
От земли гелиотроп
И тревожным слухом внемлет
Ко́ней Феба тяжкий топ.

Но мечты к Иному правит
Вестник тайны, асфодель.
Сердцу верному он ставит
Средь миров иную цель.

28 августа 1926

673

Слепит глаза Дракон жестокий,
Лиловая клубится тьма.
Весь этот мир, такой широкий, —
Одна обширная тюрьма.

Бесстрастный свод бытописаний,
Мечтаний радужный приют
И строй научных созерцаний
Всегда оковы нам куют.

Безвыходна тюрьма строений,
В ней всем начертаны пути,
И в области своих стремлений
Не удается нам уйти.

Под пыльною тюрьмой одежды
Хиреет тело, стынет кровь,
И увядают все надежды, —
К покорству душу приготовь.

Под бренною тюрьмою тела
Томится пленная душа.

Она в бессильи охладела,
Освободиться не спеша.

Но будет свергнут Змий жестокий,
Сожжется новым Солнцем тьма,
И будет этот мир широкий
Свободный дом, а не тюрьма.

8 сентября 1926

674. В АЛЬБОМ ЗОРГЕНФРЕЯ

Любовь сочетает навеки.
В пыланьи безмерной любви
Проплывши чрез смертные реки,
В раю безмятежном живи.

В лирическом светлом покое
Простивши земные грехи,
Душа прозревает иное,
Слова сочетая в стихи.

Какая бы нас ни томила
Земная и злая печаль,
Но песен чудесная сила
Уносит в звенящую даль,

Где ждет госпожа Дульцинея
И дивную пряжу прядет,
Где, вечно пред ней пламенея,
Бессмертная роза цветет.

8 октября 1926

675

Земли поколебав основы,
Восстал закованный Атлант.
Его деяния суровы,
Но прав разгневанный гигант.

Поработители! как ложен
Безумно-яростный ваш крик!
Атлант и в бунте осторожен,
Великодушен и велик.

Благое совершая дело,
Он защищает, а не мстит,
И землю он колеблет смело,
Но труд внимательно хранит.

9 октября 1926

676

Огни далекие багровы.
Под сизой тучею суровы,
Тоскою веют небеса,
И лишь у западного края
Встает, янтарно догорая,
Зари осенней полоса.

Спиной горбатой в окна лезет
Ночная мгла, и мутно грезит
Об отдыхе и тишине,
И отблески зари усталой,
Пред ней попятившися, вялой
Походкой подошли к стене.

Ну что ж! непрошеную гостью
С ее тоскующею злостью
Не лучше ль попросту прогнать?
Задвинув завесы, не кстати ль
Вдруг повернуть мне выключатель
И день искусственный начать?

27 октября 1926

677

Легкокрылою мечтою
Унесен ты от земли.
Посмотри, — перед тобою
Страны новые легли.

Вот бежит на сонный берег
Ветер, волны шевеля.
Дальше Африк и Америк
Эта новая земля.

Но не радужную грезу
Видят дремные глаза,
И не призрачную розу
Поит росная слеза.

Видишь, — там твоей невесте
Принесли уже фату.
Мир иной, но с нашим вместе
Заключен в одну черту.

Но, конечно, в путь наш Млечный
Не вместится этот мир.
Близок нам он бесконечно,
Дальше он, чем Альтаир.

Мы туда путей не знаем,
Не умеем их найти,
Мы в пространствах различаем
Только три всего пути.

Вот длина лежит пред нами,
Ширина и вышина.
Только этими путями
Нам вселенная дана.

Все пути иные стерты,
Мы запиханы в футляр,
Не умеем мы четвертый
Строить перпендикуляр.

9 ноября 1926

678

Угол падения
Равен углу отражения...
В Сириус яркий вглядись:

Чьи-то мечтания
В томной тоске ожидания
К этой звезде вознеслись.

Где-то в Америке
Иль на бушующем Тереке, —
Как бы я мог рассчитать? —
Ночью бессонною
Эту мечту отраженную
Кто-то посмеет принять.

Далью великою
Или недолею дикою
Разлучены навсегда...
Угол падения
Равен углу отражения...
Та же обоим звезда.

19 ноября 1926

679

Сатанята в моей комнате живут.
Я тихонько призову их, — прибегут.

Хорошо, что у меня работ не просят,
А живут со мной всегда, меня не бросят.

Вкруг меня обсядут, ждут, чтоб рассказал,
Чтó я в жизни видел, что переживал.

Говорю им были дней, давно минувших,
Повесть долгую мечтаний обманувших;

А потом они начнут и свой рассказ,
Не стесняются ничуть своих проказ.

В людях столько зла, что часто сатаненок
Вдруг заплачет, как обиженный ребенок.

Не милы им люди так же, как и мне.
Им со мной побыть приятно в тишине.

Уж привыкли, знают — я их не обижу,
Улыбнусь, когда их рожицы увижу.

Почитаю им порой мои стихи
И услышу ахи, охи и хи-хи.

Скажут мне: «Таких стихов не надо людям,
А вот мы тебя охотно слушать будем».

Да и проза им занятна и мила:
Как на свете Лиза-барышня жила,

Как у нас очаровательны печали,
Как невесты мудрые Христа встречали,

Как пути нашли в Эммаус и в Дамаск,
Расточая море слез и море ласк.

21 ноября 1926

680

В унылую мою обитель,
Вокруг которой бродит злость,
Вошел Эдемский светлый житель,
Мальчишка милый, дивный гость.

Босыми шлепая ногами
О мой натертый гладко пол,
Он торопливыми шагами
Ко мне с улыбкой подошел,

И в кресло тихо сел он, рядом
С моим столом, и посмотрел
В глаза мне прямо долгим взглядом,
Как бы струившим токи стрел.

«О бедный друг мой, как исхожен
Перед душой твоей порог!
Ты всё еще неосторожен
И оградить себя не мог.

Впустил ты злость, тоску, тревогу,
И раздражение, и ложь.
С собою в дальнюю дорогу
Грехов ты много понесешь».

«Мой милый мальчик, мой вожатый,
Я вижу глаз твоих лучи,
Но тьма во мне, и, тьмой объятый,
Тебя прошу я: научи.

Скрывать я ничего не смею,
Тебя не смею обмануть.
Скажи мне вновь про Алетею
И укажи мне верный путь.

Веди меня, вожатый милый,
А здесь всегда меня храни,
Из кельи темной и унылой
Гостей незваных изгони».

30 ноября 1926

681

Покуковала, улетела,
И уж не слышится куку,
А вновь примись она за дело,
Так наводила бы тоску.

Но что же! слышу однозвучный,
Всегда один и тот же тук.
Ах, как приятен был бы скучный,
Но всё же милый сердцу звук!

Теперь живешь и не гадаешь:
Ну, сколько жить еще мне лет?
Ведь всё равно так верно знаешь,
Что настоящей жизни нет.

11 декабря 1926

682

Ты жизни захотел, безумный!
Отвергнув сон небытия,
Ты ринулся к юдоли шумной.
Ну что ж! теперь вся жизнь — твоя.

Так не дивися переходам
От счастья к горю: вся она,
И день и ночь, и год за годом,
Разнообразна и полна.

Ты захотел ее, и даром
Ты получил ее, — владей
Ее стремительным пожаром
И яростью ее огней.

Обжегся ты. Не всё здесь мило,
Не вечно пить сладчайший сок, —
Так улетай же, легкокрылый
И легковесный мотылек.

21 декабря 1926

683

Подыши еще немного
Тяжким воздухом земным,
Бедный, слабый воин бога,
Странно зыблемый, как дым.

Что Творцу твои страданья?
Кратче мига — сотни лет.
Вот — одно воспоминанье,
Вот — и памяти уж нет.

Страсти те же, что и ныне...
Кто-то любит пламя зорь...
Приближаяся к кончине,
Ты с Творцом твоим не спорь.

Бедный, слабый воин бога,
Весь истаявший, как дым,
Подыши еще немного
Тяжким воздухом земным.

30 июля 1927

ПЕРЕВОДЫ

Проперций

684

Зачем вплелись цветы в поток твоих кудрей
И сдавлен белый лоб повязкою жемчужной?
Зачем роскошный стан и млечный цвет грудей
Закрыты тогою, богатой, но ненужной?
В природе просто всё, на что ни бросишь взор:
Молчит пустынный грот, плющом приосененный,
А из него ручей стремится на простор
И, прядая с горы, звенит, неугомонный.
Лежат кремни в песке на берегу ручья,
Видны в траве цветы, кусты зазеленели,
И с песней звонкого ночного соловья
Сравнится ли напев искуснейшей свирели?

27 июня 1894

Виктор Гюго

685

О, верьте, верьте! К жизни новой
Всё устремилось, всё спешит,
И берег древний и суровый,
Как сон промчавшийся, забыт.

От тьмы ночной к лучам денницы
И к звонкой зыбке от гробницы,
От зла к опасностям бегут.
Безумцы — мудры и полезны:
Они пытают эти бездны,
Что возмущением зовут!

Пророки горних откровений,
Все, новых и былых времен,
Поэты вещих вдохновений,
Исайя так же, как Байрон,
Вы указуете народу
Цель высочайшую — свободу.
Ее не стареют года.
С летучим ветром мчится снова,
Всё в блеске дивном, ваше слово
К нему, идущему всегда.

Звучит ваш голос грустно, строго,
То замирает, то растет.

Вы слова просите от бога,
И сфинкс от вас разгадки ждет.
Пугливый жрец, не зная века,
Весь путь тяжелый человека,
Что миновал Сион и Рим,
Клянет, как скользкий путь паденья,
Но ваше пламенное пенье
Звучит глашатаем ночным.

И ваши гимны, кочевыми
Роями мчась, толпе звонят
То похоронный плач над злыми,
То возмущения набат.
Летят пророческие звуки,
И с ними долгий путь и муки
Народу легче претерпеть.
Мечтанья, песни, мысли ваши —
Как опрокинутые чаши,
Откуда звонко льется медь.

Уж скоро, колесницей бурной
Разрезав низменную тьму,
На небе вспыхнет день лазурный.
Стремится быстро всё к нему —
Кто сам идет, кто отступает.
Маяк свой странный воздвигает
Грядущее перед зарей,
Весь мрачный, но и весь звездчатый, —
И бьется песен рой крылатый
В тот черный колокол большой.

4—5 июля 1894, ⟨24 мая 1905⟩

686

Порой, когда всё спит, я с радостной душою
Сижу под сенью звезд, горящих надо мною,
Прислушаться хочу к небесным голосам;
Мне времени полет невнятен быстротечный,

И я, взволнованный, гляжу на праздник вечный,
Что небо для земли свершает по ночам.

Я верую тогда, что сонмом звезд горящим
Одна моя душа согрета в мире спящем,
Что мне лишь одному понять их суждено,
Что здесь я не пришлец угрюмый, молчаливый,
А царь таинственный всей ночи горделивой,
Что только для меня и небо зажжено.

3 декабря 1897

687

Как в озере лесном, объятом сном до дна,
Так не в одной душе нам двойственность видна:
Сияет небосвод, все отражая тучи
И все свои лучи в воде, едва зыбучей,
И мрачный, страшный ил угрюмо спит на дне,
Где гады ползают, чернея в глубине.

26 апреля 1923

688

Гробницы Индии и храмы в звездной мгле!
Испуганным глазам вы, крояся в земле,
Круженье явите то лестницы, то рампы,
Тюрьму иль коридор, холодный в блеске лампы,
То балки, где паук бросает нити в пыль,
То глыбы каменной уродливый горбыль,
Ажур гранитных крыш, прозрачных, как вуали,
Откуда звездные сквозят глубоко дали,
Сплетенье дикое площадок, комнат, стен,
Где бездна лестниц вдруг ниспровергает в плен!
О склепы мрачные и страх религиозный,
И беспредельный свод, таинственный и грозный!
Вертепы, где наш дух бессильем обуян!
Пред вашей глубиной глаза мне крыл туман,
Как бы над пропастью в расплавленном железе,
Столпотворения, чем грезил Пиранезе!
Коль смеешь, так войди!
                              На плитах ложе сна,
Теней от арок сеть скрещенная ясна,

Плита, погнутая от сорных куч огромных,
Открылась пропустить ряды ступеней темных,
Что роют глубину базальтовым винтом
И к потолку бегут сверлить его потом.
Куда они ведут? бог весть! В пустынных сводах
Дрожит багровый свет на падающих водах.
С зеленых стен вода колодцу каплет в пасть,
Громада тяжких скал, готовая упасть,
Задержана в кустах колючего растенья,
Таинственная ветвь из грузного строенья
Висит, — проходишь, в ней опорой ты снабжен;
Над книгою склонясь, весь в чтенье погружен,
В пещере дед отцов, далекий внешней злобе
И смертью самою в своем забытый гробе;
То сфинкс, то медный бык на ветхие столбы
Уселись увенчать их каменные лбы;
Из-под ресниц порой бросая пламя серы,
Плоскоголовый гад ползет в щели пещеры.
Под кровлей ржавою всё никнет, всё дрожит,
Стена сырая вся, и видно, как кишит,
Под рыжую листву из камней выползая,
С корнями схожая, чудовищ злобных стая.
На стены храма взор куда ни упадет,
Там что-то страшное, неясное ползет,
И, в лабиринте том идущий безобразном,
Ты чувствуешь, что взят полипом неотвязным,
Что дом шевелится, и гнусный, и живой,
Под смелою ногой, над робкой головой.
В часы, когда наш дух везде свой взор обводит
И ночь причиною всебытия находит,
Я в страшных тех местах как будто жизнь терял
И, созерцая их так часто, повторял:
«Гранитные мечты! дворцы-визионеры!
Громами полные могилы и пещеры!
Не так туманны вы, неведомы, черны,
Не так глубоки вы, надежды лишены,
Как этот склеп, судьба, где страх наш обитает,
Где, сеть дорог узрев, душа, томясь, внимает
Сквозь смутный гул глубин, сквозь реянье теней
В неведомый провал паденья наших дней».

25—26 мая 1923

Шарль Леконт де Лиль

689. СОНЕТ

Угрюм, как дикий зверь, обвита цепью выя,
Измучен, весь в пыли, стеная в летний зной,
Кто хочет, пусть идет с растерзанной душой,
О чернь жестокая, к тебе на мостовые.

За милость грубую, за смех безумный твой,
За пламя, что порой живит глаза тупые,
Кто хочет, пусть сорвет одежды световые
С таинственных услад невинности святой.

Надменный, я молчу, хотя б в моей могиле
Потемки вечные меня в забвеньи скрыли,
Ни радостью, ни злом не стану торговать,
Души моей не дам на жертву злобных шуток,
И в пошлый балаган не побегу плясать
В толпе твоих шутов и пьяных проституток.

17 июля 1894

Ги де Мопассан

690

Я очень не люблю поэта с влажным взором,
Что, глядя на луну, бормочет ряд имен
И перед кем весь мир лежит немым простором,
Пока не внес он в мир Лизетту иль Нинон.

Забавно наблюдать их жалкие старанья
Природу украшать. У них уловок тьма —
То дамской юбочки среди кустов мельканье,
То шляпка белая на зелени холма.

Конечно, не понять им, вечная природа,
Ни музыки твоей, ни дивных голосов.
Им скучен путь в тени таинственного свода,
И только женщину напомнит шум лесов.

17 октября 1909

Поль Верлен

ИЗ КНИГИ «ПОЭМЫ САТУРНАЛИЙ»

691. НИКОГДА ВОВЕКИ

Зачем ты вновь меня томишь, воспоминанье?
Осенний день хранил печальное молчанье,
И ворон несся вдаль, и бледное сиянье
Ложилось на леса в их желтом одеяньи.

Мы с нею шли вдвоем. Пленяли нас мечты.
И были волоса у милой развиты, —
И звонким голосом небесной чистоты
Она спросила вдруг: «Когда был счастлив ты?»

На голос сладостный, на взор ее тревожный
Я молча отвечал улыбкой осторожной
И руку белую смиренно целовал.

— О первые цветы, как вы благоухали!
О голос ангельский, как нежно ты звучал,
Когда уста ее признанье лепетали!

9 ноября 1895

692. ЖЕНЩИНЕ

Тебе мои стихи о ласке утешительной
Очей, где слезы радости, где сладкая мечта,
О сердце кротком, девственном. Сложилась песня та
Во тьме тоски моей, безумно-разрушительной.

Повадился ко мне, увы! кошмар губительный.
Растет, как стая жадная волков из-за куста.
Нет от него спасения, жизнь кровью облита,
Он давит сердце мне с жестокостью мучительной.

Томлюсь, томлюсь безрадостно, и первая тоска
Адама в первый день внезапного изгнания,
Как нежная идиллия, перед моей сладка.

Твои ж заботы все отрадней щебетания —
О милая, — тех ласточек, что в небе голубом
Летают ранней осенью, прохладным светлым днем.

25 июля 1893

693. ТОСКА

Меня не веселит ничто в тебе, Природа:
Ни хлебные поля, ни отзвук золотой
Пастушеских рогов, ни утренней порой
Заря, ни красота печального захода.

Смешно искусство мне, и Человек, и ода,
И песенка, и храм, и башни вековой
Стремленье гордое в небесный свод пустой, —
Что мне добро и зло, и рабство, и свобода!

Не верю в бога я, не обольщаюсь вновь
Наукою, а древняя ирония, любовь, —
Давно бегу ее в презреньи молчаливом.

Устал я жить, и смерть меня страшит. Как челн
Забытый, зыблемый приливом и отливом,
Моя душа скользит по воле бурных волн.

26 июля 1893, 1922

694. ОСЕННЯЯ ПЕСНЯ

О, струнный звон,
Осенний стон,
Томный, скучный.
В душе больной
Напев ночной
Однозвучный.

Туманный сон
Былых времен
Ночь хоронит.
Томлюсь в слезах,
О ясных днях
Память стонет.

Душой с тобой,
О ветер злой,
Я, усталый.
Мои мечты
Уносишь ты,
Лист увялый.

20 февраля 1922

695. СЕРЕНАДА

То не голос трупа из могилы темной, —
Я перед тобой.
Слушай, как восходит в твой приют укромный
Голос резкий мой.

Слушай, мандолине душу открывая,
Как звучит струна:
Про тебя та песня, льстивая и злая,
Мною сложена.

Я спою про очи: блеск их переливный —
Золото, оникс.
Я спою про Лету груди и про дивный
Темных кудрей Стикс.

То не голос трупа из могилы темной, —
Я перед тобой.
Слушай, как восходит в твой приют укромный
Голос резкий мой.

Тело молодое, как и подобает,
Много восхвалю:
Вспомнив, как роскошно плоть благоухает,
По ночам не сплю.

Завершая песню, воспою лобзанья
Этих алых губ
И твою улыбку на мои страданья,
Ангел! душегуб!

Слушай, мандолине душу открывая,
Как звенит струна:
Про тебя та песня, льстивая и злая,
Мною сложена.

9 апреля 1893

696. В ЛЕСАХ

Одни, наивные иль с вялым организмом,
Услады томные найдут в лесной тени,
Прохладу, аромат, — и счастливы они.
Мечтания других там дружны с мистицизмом, —

И счастливы они. А я... меня страшат
И неотступные и злые угрызенья, —
Дрожу в лесу, как трус, который привиденья
Боится или ждет неведомых засад.

Молчанье черное и черный мрак роняя,
Все ветви зыблются, подобные волне,
Угрюмые, в своей зловещей тишине
Глубоким ужасом мне сердце наполняя.

А летним вечером зари румяной лик,
В туманы серые закутавшися, пышет
Пожаром, кровью в них, — и жалобою дышит
К вечерне дальний звон, как чей-то робкий крик.

Горячий воздух так тяжел; сильней и чаще
Колышутся листы развесистых дубов,
И трепет зыблет их таинственный покров
И разбегается в лесной суровой чаще.

Приходит ночь. Сова летит. Вот час, когда
Припоминается старинное преданье.
В лесу, внизу, звучит чуть слышное журчанье
Ручья, как тихий шум злодейского гнезда.

23 июля — 4 августа 1894

697. ЛУННЫЙ СВЕТ

Твоя душа — та избранная даль,
Где маски мило пляшут бергамаску.
Причудлив их наряд, а всё ж печаль,
Звуча в напеве струн, ведет их пляску.

Амура мощь, безоблачные дни
Они поют, в минорный лад впадая,
И в счастие не веруют они,
В лучи луны романсы облекая.

И льются в тихий, грустный свет луны
Мечтанья птиц среди ветвей и взлеты
К луне светло рыдающей волны,
Меж мраморов большие водометы.

8 июня 1894, 22 февраля 1922

698. ПИСЬМО

Далек от ваших глаз, сударыня, живу
В тревоге я (богов в свидетели зову);
Томиться, умирать — мое обыкновенье
В подобных случаях, и, полный огорченья,
Иду путем труда, со мною ваша тень,
В мечтах моих всю ночь, в уме моем весь день.
И день и ночь во мне восторг пред ней не стынет.
Настанет срок, душа навеки плоть покинет,
Я призраком себя увижу в свой черед,
И вот тогда среди мучительных забот
Стремиться буду вновь к любви, к соединенью,
И тень моя навек сольется с вашей тенью!

Теперь меня, мой друг, твоим слугой считай.
А всё твое — твой пес, твой кот, твой попугай, —
Приятно ли тебе? Забавят разговоры
Всегда ль тебя, и та Сильвания, которой
Мне б черный глаз стал люб, когда б не синь был
твой,

С которой слала ты мне весточки порой,
Всё служит ли тебе наперсницею милой?

Но, ах, сударыня, хочу владеть я силой
Завоевать весь мир, чтобы у ваших ног
Сложить богатства все несметные в залог
Любви, пыланиям сердец великих равной,
Достойной той любви, во тьме столетий славной.
И Клеопатру встарь — словам моим внемли! —
Антоний с Цезарем любить так не могли.
Не сомневайтеся, сумею я сражаться,
Как Цезарь, только бы улыбки мне дождаться,
И, как Антоний, рад к лобзанью убежать.

Ну, милая, прощай. Довольно мне болтать.
Пожалуй, длинного ты не прочтешь посланья,
Что ж время и труды мне тратить на писанья.

19 июля 1894, 9 августа 1894

ИЗ КНИГИ «ДОБРАЯ ПЕСНЯ»

699

Все прелести и все извивы
Ее шестнадцатой весны
По-детски простодушно живы
И нежностью упоены.

Очами райского мерцанья
Она умеет, хоть о том
Не думает, зажечь мечтанья
О поцелуе неземном,

И этой маленькой рукою,
Где и колибри негде лечь,
Умеет сердце взять без бою
И в безнадежный плен увлечь.

Душе высокой в помощь разум
Приходит, чтобы нас пленить
Умом и чистотою разом:
Что скажет, так тому и быть!

И если жалости не будит
Безумство в ней, а веселит,
То музой благосклонной будет
Она, и дружбой наградит,

И даже, может быть — кто знает!
Любовью смелого певца,
Что под окном ее блуждает
И ждет достойного венца

Для песни, милой иль нескромной,
Где ни один неверный звук
Не затемняет страсти томной
И сладостных любовных мук.

11—17 июля 1894, 2 марта 1922

700

Пока еще ты не ушла,
Звезда, бледна в тумане,
— Перепела
Поют, поют в тимьяне. —

Брось на поэта, в чьих очах
Огни любви зардели,
— В дневных лучах
Вот жаворонка трели. —

Твой взор, который поглотит
Заря лазурью неба.
— Восторг царит
Над зрелой нивой хлеба. —

Зажги мечту мою потом
Над дальним, дальним долом,
— Роса кругом
В сверкании веселом. —

Над спящей милою моей
В пленительном покое.
— Скорей, скорей:
Вот солнце золотое!

19 июля 1893, 6 марта 1922

701

Ночной луною
Бледны леса,
И под листвою
Все голоса
Несутся, тая...

О, дорогая.

Пруда отсветы —
Стекла разлив.
Там силуэты
От черных ив
И ветра слезы...

Вот час для грезы.

В дыханьях нежных
Идет покой
С высот безбрежных
Горы ночной,
Где звезд мерцанья...

Час обаянья.

13 июня 1893, 16 марта 1922

702

Песня, улетай скорее,
Встреть ее и молви ей,
Что, горя всё веселее
В сердце верном, рой лучей

Топит в райском озареньи
Всякую ночную тень:
Недоверье, страх, сомненье, —
И восходит ясный день!

Долго робкая, немая,
Слышишь? в небе радость вновь,
Словно птичка полевая,
Распевает про любовь.

Ты скажи в краю далеком,
Песнь наивная моя, —
Встречу лаской, не упреком,
Возвратившуюся я.

9 июня 1894, 16 марта 1922

703

Очаг, и тесное под лампою мерцанье;
С ладонью на виске отрадное мечтанье;
Блужданье страстных глаз в лазури милых глаз;
И чай дымящийся, и книг закрытых час;
И сладость чувствовать конец беседы нежной,
И томность легкая, и к вам порыв мятежный,
О, тени брачные и сладостная ночь, —
Для этого мечта стремилась превозмочь
Отсрочки тщетные, и к вожделенной цели
Тянулись месяцы и мчалися недели.

11 июля 1893, 7 марта 1922

704

Так, солнце, общник радости моей,
Поможет, знаю, летним полднем ясным
Стать вашей милой красоте, в атласном
Иль шелковом плену, еще милей;

Лазурь сольется в пышность трепетанья,
Шатер высокий в складках без границ,
И всю отгонит кровь от наших лиц
Волненье счастия и ожиданья;

А вечером спокойным звездный строй
Супругам благосклонно улыбнется,
И вашею вуалью обовьется,
Играя нежно, ветерок ночной.

18 июня 1894, 16 марта 1922

ИЗ КНИГИ «РОМАНСЫ БЕЗ СЛОВ»

705

Le vent dans la plaine
Suspend son haleine.

Favart [1]

Это — нега восхищенья,
Это — страстные томленья,
Это — трепеты лесов,
Свежим веяньем объятых,
Это — в ветках сероватых
Хор чуть слышных голосов.

О, прохладный, слабый ропот!
И чириканье, и шепот, —
Ветер веет над травой,
Вопли нежные срывая...
Ты сказала б: то глухая
Качка камней под водой.

---

[1] Ветер на равнине задерживает свое дыханье. Фавар. (франц.). — *Ред.*

В этой жалобе ленивой
Слышен плач души тоскливой, —
Ах, не нашей ли души?
Не моя ль с твоей, скажи мне,
Тихо млеют в кротком гимне
Влажным вечером в тиши?

19—20 марта 1893

706

Я угадываю сквозь шептанья
Тонкий очерк голосов летийских
И в сияньи светов мусикийских
Бледную любовь, зарю мечтанья!

Сердце и душа томятся жаждой, —
В них дано не зренье ль мне двойное,
Где дрожат сквозь марево дневное
Песенки, увы! от лиры каждой?

Умереть бы так, как отлетели
Те часы изгнания и рая,
Что Амур качал, мне угрожая!
Умереть бы в этой колыбели!

6—7 августа 1893, 10 марта 1922

707

В слезах моя душа,
Дождем заплакан город.
О чем, тоской дыша,
Грустит моя душа?

О, струи дождевые
По кровлям, по земле!
В минуты, сердцу злые,
О, песни дождевые!

Причины никакой,
Но сердцу всё противно.

К чему же траур мой?
Измены никакой.

Нет горше этой муки, —
Не знаешь почему,
Без счастья, без разлуки,
Так много в сердце муки!

31 января, 7 августа 1893,
12 июня 1896, 17 марта 1922

708

В полях кругом
В тоске безбрежной
Снег ненадежный
Блестит песком.

Как пыль металла,
Лазурь тускла.
Луна блуждала
И умерла.

Дрожат, как спьяна,
В дубраве той
Дубы толпой
Среди тумана.

Как пыль металла,
Лазурь тускла.
Луна блуждала
И умерла.

О ворон жадный
И тощий волк,
Что ждет ваш полк
Зимой нещадной?

В полях кругом
В тоске безбрежной
Снег ненадежный
Блестит песком.

26 марта 1893

709

Деревьев тень в реке упала в мрак туманный,
Словно в саван, дымом тканный,
И плачет в воздухе там, с веток настоящих,
Песня горлинок не спящих.

Так метко отражен в картине этой бледной
Ты, сам бледный, странник бедный,
И высоко в листве заплакали, так жалки,
Всех твоих надежд русалки.

2 июля 1894, 18 июня 1896, 22 февраля 1922

710. МУРАВА

Вот ветки с листьями, с цветами и с плодами,
И сердце, — только вам его я посвятил.
Его ли растерзать вам белыми руками!
Да будет скромный дар глазам, столь ясным, мил.

Я прихожу, еще обветренный с дороги
И весь обрызганный холодною росой.
Усталости моей позвольте ваши ноги
Обвить мечтаньями, дарящими покой.

На грудь к вам головой склониться не мешайте.
Лобзанья звучного я не успел забыть.
Мне успокоиться от милой бури дайте
И в вашей тишине недолгий сон вкусить.

25 июля 1893, 24 февраля 1922

711. СПЛИН

Алеют слишком эти розы,
И эти хмели так черны.

О дорогая, мне угрозы
В твоих движениях видны.

Прозрачность волн, и воздух сладкий,
И слишком нежная лазурь.

Мне страшно ждать за лаской краткой
Разлуки и жестоких бурь.

И остролист, как лоск эмали,
И букса слишком яркий куст,

И нивы беспредельной дали —
Всё скучно, кроме ваших уст.

16 июня 1894, 26 февраля 1922

712

Станцуем джигу!

Любил я блеск ее очей.
Они небесных звезд светлей,
И много ярких в них огней.

Станцуем джигу!

С влюбленными она была,
Неотразимая, так зла,
И в самой злости так мила!

Станцуем джигу!

Но розы уст милей цветут,
Когда уйдем из хитрых пут,
Когда мечты о ней умрут.

Станцуем джигу!

И вспоминать мне много лет
Часы любви, часы бесед, —
Ах, лучшей радости мне нет!

Станцуем джигу!

25 июля 1893, 26 февраля 1922

713. РЕБЕНОК-ЖЕНЩИНА

Не понимали вы, как я был прост и прав,
О бедное дитя!
Бежали от меня, досаде волю дав,
Судьбой своей шутя.

Лишь кротость отражать, казалось бы, очей
Лазурным зеркалам,
Но столько желчи в них, сестра души моей,
Что больно видеть нам.

Руками нежными так замахали вы,
Как взбешенный герой,
Бросая резкий крик, чахоточный, увы!
Вы, в ком напевный строй!

Насмешливых и злых боитесь вы, и гром
Заставит вас дрожать,
Овечка грустная, — вам плакать бы тайком,
Обнявши нежно мать.

Любви не знали вы, — несет и свет, и честь
Бестрепетно она,
Спокойна в добрый час, но крест умеет несть,
И в смертный час сильна.

12 марта 1922

ИЗ КНИГИ «МУДРОСТЬ»

714

Я в черные дни
Не жду пробужденья.
Надежда, усни,
Усните, стремленья!

Спускается мгла
На взор и на совесть.
Ни блага, ни зла, —
О, грустная повесть!

Под чьей-то рукой
Я — зыбки качанье
В пещере пустой...
Молчанье, молчанье!

20—21 февраля 1896

715

Над кровлей небо лишь одно, —
Лазурь яснеет.
Над кровлей дерево одно
Вершиной веет.

И с неба льются мне в окно
От церкви звоны,
И с дерева летят в окно
Мне птичьи стоны.

О, боже, боже мой, всё там
Так просто, стройно,
И этот мирный город там
Живет спокойно.

— К чему теперь, подумай сам,
Твой плач унылый,
И что же сделал, вспомни сам,
Ты с юной силой?

24 сентября 1892, 28 февраля 1922

ИЗ КНИГИ «КОГДА-ТО И НЕДАВНО»

716. ПЬЕРРО

Уж не такой, как встарь, мечтавший под луной,
Смешивший прадедов с высокого балкона,
К нам с мертвою свечой, со смехом горше стона
Приходит призраком он, бледный и худой,

И ветром взвеянный среди грозы ночной
В протяжном ужасе цвет блеклый балахона

Подобен савану; уста, как рот дракона,
Который корчится от муки гробовой.

Он белым рукавом, шумящим мягко в мраке,
Как крылья птиц ночных, дает такие знаки,
Что кто б ответить мог мельканьям странным рук?

В пещерах глаз больших таится фосфор, тлея.
Лицо и острый нос для нас еще страшнее,
Мукой осыпаны, как пылью смертных мук.

5 марта 1922

717

О, что в душе моей поет,
Когда с рассудком я в разлуке?
Какие сладостные звуки!
То кровь поет и вдаль зовет.

То кровь и плачет, и рыдает,
Когда душа умчится вдруг,
Неведомый услыша звук,
Который тотчас умолкает.

О кровь из виноградных лоз!
О ты, вино из вены черной!
Играйте, пойте! Чары грез

Несите нам! Четой проворной
Гоните душу, память прочь,
И на сознанье киньте ночь!

9 июля 1894

ИЗ КНИГИ «ПЕСНЯ ДЛЯ НЕЕ»

718

Не надо ни добра, ни злости,
Мне дорог цвет слоновой кости
На коже ало-золотой.
Иди себе путем разврата,

Но как лелеют ароматы
От этой плоти, боже мой!

Безумство плоти без предела,
Меня лелеет это тело,
Священнейшая плоть твоя!
Зажженный страстностью твоею,
От этой плоти пламенею,
И, черт возьми, она — моя!

До наших душ нам что за дело!
Над ними мы смеемся смело, —
Моя душа, твоя душа!
На что нам райская награда!
Здесь, на земле, любить нам надо,
И здесь нам радость хороша.

Но здесь нам надо торопиться
Недолгим счастьем насладиться,
Самозабвение вкусить.
Люби же, злая баловница, —
Как льются воды, свищет птица,
Вот так и мы должны любить.

4 марта 1922

719

Я не люблю тебя одетой, —
Лицо прикрывши вуалетой,
Затмишь ты небеса очей.
Как ненавистны мне турнюры,
Пародии, карикатуры
Столь пышной красоты твоей!

Глядеть на платье мне досадно, —
Оно скрывает беспощадно
Всё, что уводит сердце в плен:
И дивной шеи обаянье,
И милых плеч очарованье,
И волхвование колен.

А, ну их, дам, одетых модно!
Спеши прекрасную свободно,
Сорочка милая, обнять,
Покров алтарный мессы нежной
И знамя битвы, где, прилежный,
Не уставал я побеждать!

14 марта 1922

Артюр Рембо

720. ПЕСНЯ С САМОЙ ВЫСОКОЙ БАШНИ

Юность беспечная,
Волю сломившая,
Нежность сердечная,
Жизнь погубившая, —
Срок приближается,
Сердце пленяется!

Брось все старания,
Будь в отдалении,
Без обещания,
Без утешения,
Что задержало бы
Гордые жалобы.

К вдовьим стенаниям
В душу низводится
Облик с сиянием
Твой, богородица:
Гимны ль такие
Деве Марии?

Эти томления
Разве забылися?
Страхи, мучения
На небо скрылися,
Жаждой истомною
Кровь стала темною.

Так забывается
Поросль кустарников,
Там, где сливается
Запах нектарников
С диким гудением
Мушек над тлением.

Юность беспечная,
Волю сломившая,
Нежность сердечная,
Жизнь погубившая, —
Срок приближается,
Сердце пленяется!

1921

721

О, времена, о, города,
Какая же душа тверда?
О, времена, о, города!

Меня волшебство научает счастью,
Что ничьему не властно безучастью.

Петух наш галльский воздает
Ему хвалу, когда поет.

Теперь мое желанье дремлет, —
Ведь счастье жизнь мою подъемлет,

Очарованье телу и уму,
И все усилья ни к чему.

А песнь моя понятно ль пела?
Она бежала и летела.
О, времена, о, города!

1921

Что нам, душа моя, кровавый ток,
И тысячи убийств, и злобный стон,
И зной, и ад, взметнувший на порог
Весь строй; и на обломках Аквилон.

Вся месть? Ничто! .. Но нет, ее мы вновь,
Князья, сенаты, биржи, всю хотим.
Всё сгинь! Преданья, власть и суд — на дым!
Так надо. Золото огня и кровь.

В огне всё, в мести, в ужасе гори!
Мой дух! Не слушай совести. За тьмой
Сокройтесь вы, республики, цари,
Полки, рабы, народы, все долой!

Встревожим вихрь разгневанных огней,
И мы, и наши названные братья!
Нам, романтическим, милы проклятья.
Не рабский труд неси, а пламеней!

Весь шар земной мы местью обовьем,
Деревни, города. Пускай вулкан
Взрывается! Пусть в битве мы падем!
Всё поглотит суровый Океан.

Друзья! О сердце, верь, они мне — братья,
Безвестно-темные. Идем, идем!
Всё больше к вам! Несчастия заклятья!
Под тающей землей трепещет гром.

Всё ничего: я здесь; я здесь всегда.

1921

Генрих Клейст

723. РАЗБИТЫЙ КУВШИН

(Отрывок)

Адам

О чем вы, Марта Рулль, просить пришли?

Марта

Прошу, вы знаете, насчет кувшина.
Но прежде чем скажу, что с ним случилось,
Прошу я позволенья рассказать,
Какой он раньше был.

Адам

За вами слово.

Марта

Почтеннейшие судьи, посмотрите, —
Вы видите кувшин?

Адам

Ну да, мы видим.

Марта

Да нечего смотреть, одни обломки.
Такой кувшин, и вдребезги разбили!
Как раз на этом месте, где дыра,

Там штаты нидерландские совместно
Испанскому Филиппу присягали.
Вот здесь стоял Карл Пятый в облаченьи:
Смотрите, — от него одна нога осталась.
Вот здесь корону принимал Филипп:
Теперь лежит в горшке почти он весь,
До задней части, да и та побита.
Французская с венгерской королевы,
Его двоюродные сестры, тоже
В горшок упали; только можно видеть,
Одна из них платочек поднимает,
Как будто плачет над своей бедою.
Здесь, в свите, опирается на меч
Граф Филиберт, которого спасает
Сам Кесарь, — и ему пришлось свалиться
С Максимильяном вместе. Ах, бездельник!
Мечи внизу лежат, совсем разбиты.
Посередине, в освященной митре,
Стоял архиепископ из Арраса, —
Так начисто ведь черт его унес,
И только тень на мостовой осталась.
Здесь в глубине стояли лейб-драбанты,
Вплотную копья, алебарды сдвинув;
Вот здесь дома, что в Брюсселе на рынке,
Вот здесь торчит в окошке любопытный:
На что он смотрит там, уж я не знаю.

Адам

Избавьте, Марта, нас от этих скучных
Подробностей, столь не идущих к делу.
Дыра нам интересна, а не штаты,
Которые Филиппу присягали.

Марта

Какой кувшин, уж это прямо к делу.
Котельный мастер Хильдерик кувшином
Тем завладел в те годы, как испанцы,
Как проливень, застигли нас внезапно.
Кувшин вином был полон, и испанец
Его поднес к губам, а Хильдерик
Испанца повалил, кувшин схватил,
Вино всё выпил и ушел с кувшином.

Адам

Так вот кто проливень!

Марта

Потом кувшин
К могильщику в наследство перешел.
Три раза только пил он из кувшина,
Да и притом вино мешал с водою.
На молодой женившись в шестьдесят,
Он выпил первый раз; через три года,
Когда отцом счастливым стал, второй раз;
Когда ж она пятнадцать родила
И умерла, он выпил третий раз.

Адам

Неплохо, что ж!

Марта

Потом кувшин достался
Закхею, тирлемондскому портному,
И от него-то мой покойный муж
Услышал то, что я вам расскажу.
Когда французы грабили, он бросил
В окно кувшин со всем домашним скарбом,
Сам прыгнул и сломал, несчастный, шею,
А этот мой кувшин, кувшин из глины,
Упал на донце и остался цел.

Адам

Прошу о деле, Марта Руллы! О деле!

Марта

Когда пожар был в шестьдесят шестом,
Владел им муж, пошли ему господь...

Адам

Ко всем чертям! Вы кончите иль нет?

Марта

Ну, если, господин судья, мне надо
Молчать, то для чего ж я здесь? Уйду
И поищу суда, где можно говорить.

Вальтер

Вы можете здесь говорить, но только
О том, что относилося бы к делу.
Из ваших слов о качествах кувшина
Мы знаем много, — для суда довольно.

Марта

Чего довольно вам, чтобы судить,
Не знаю я, да и никто не знает;
А вот чтоб жаловаться, я уж знаю,
Что надо сметь мне говорить, о чем.

Вальтер

Ну, пусть. Так что же? Что с кувшином было?
Ну, что ж с кувшином на пожаре было
В год шестьдесят шестой? Услышим это?
С кувшином что случилось?

Марта

Что случилось
С кувшином в шестьдесят шестом году?
Простите, господа, — да ничего!
Остался цел, из пламени цел вышел,
И на другое утро я из пепла
Его достала; он блестел, лоснился,
Как будто вышел из гончарной печи.

Вальтер

Ну, так. Кувшин мы знаем. Что случилось,
Чего с ним не случалось, всё мы знаем.
Что ж дальше?

Марта

Вот кувшин, вы посмотрите,
Кувшин ведь вдребезги разбит, кувшин,
Который барышниных уст достоин,
И даже уст штатгалтерши самой, —
Вы, судьи чтимые, взгляните оба,
Какой-то негодяй разбил кувшин!

Курт Гейнике

724. НАРОД

Мой род,
Цвети, народ!

Поток, разлитый от полночи на полночь,
Велик, глубок меж двух морей,
Рождает глубь твоя стремнины;
Извечно вскормлен ими
Народ.

Мой род,
Цвети, народ.
Грядущее в груди твоей,
И худший день не омрачит нам взоры.
И в небесах поднимутся душй народной горы,
И нас поднимут,
Нас,
Народ.
Ты — лес, я — дерево, народ.
Моя листва впивает солнце,
И сном могущества мои все корни спят
В тебе,
Народ!

Мой род,
Склониться все перед тобой
Придут,
Когда душа твоя восстанет
До сердца твоего, превыше труб и стен.
Ты расцветешь,
Народ.

Народ
В тебе.

20 декабря 1923

Иван Голл

725. ЛЕС

1

В чертополох был путь к тебе,
Замкнулся ты в пылающий Космос,
Как патриарх посреди богов.

Блистательным явился ты запыленному
страннику,
Озарен и успокоен,
Земли батрак блаженный;
И чужеземец чувствует всё больше себя чужим.

Светы золотые из сладкого вечера каплют,
По ступеням последних солнечных лучей
Кружатся заботливо ангелы, алы,
И русалок, твоих дочурок,
Веют тела серебристые в твоей сорочке.

2

К моим ногам
Фиалка вдруг звездой упала синей:
Я в вечер золотой ее отнес.
Мы оба нашими очами
Путь озаряли и пылали мощно:
Мы оба кричали и целовались так легко!
Но как же наша речь была слаба!
И как любовь несказанно печальна!
Увяли мы, и умерли мы вместе.

3

Но в глуби тварями твоими,
Из влажных глаз темнея равным духом,
Равно велик мне был ты, лес!

Твоим созданьем быть,
Земли одним лишь вздохом,

Иль в бабочке быть пестрой каплей солнца,
Лисою ловкой
С могучей кровью за кустами рыскать:
Быть жертвой и всемирным братским миром!

Так, тварями твоими стал ты мне священным,
Я предался тебе,
Стремлюсь, дышу, и стал велик.

16—17 декабря 1923

726. КАНАРЕЙКИ

Нет печальнее в воскресный вечер этих канареек.
В клетке прутики качают
На голубом линялом лесу обоев.
О, даже вдовушка, их давняя сестрица,
Забыла их: летнюю шляпу несет
Свою осторожно на улицу лип
Со всею тоскою застенчивого сердца!
На портрете блистает по-прежнему кавалерист,
Вокруг лампы струятся водопады солнца,
А желтые голосочки улетели б, улетели б,
Вдаль, вдаль, в море пылающих тучек.
Качаются со звоном железные прутья клетки.
Нет печальнее в воскресный день одиноких птичек.

22 декабря 1923

Паулъ Цех

727. ДОМА ГЛАЗА РАСКРЫЛИ

Под вечер всяк предмет уже не слеп,
Не стенно-тверд в гонимом полосканье
Часов; приносит ветер с мельниц в зданья
И влагу рос, и призрачность небес.

Дома глаза раскрыли в тишине,
Мосты ныряют вниз в речное ложе,
И на звезду земля опять похожа,
Плывут ладья с ладьею в глубине.

Кусты растут страшилищем большим,
Дрожат вершины, как ленивый дым,
И давний горный груз хотят долины сдвинуть.

А людям надо лица запрокинуть,
Смотреть на серебристый звездный свод,
И каждый пасть готов, как зрелый, сладкий плод.

19—20 декабря 1923

728. МАЙСКАЯ НОЧЬ

Не смолкли водоливы. Окна, светло-алы,
Вступают, как фламинго, в лампный океан.
На берегах песчаных к крану жмется кран,
И стены прорастают с трех сторон в каналы.

Убогость шлаков перед трубным лесом прямо
Забыла здесь свирепствовавший взрыв...
Из комнат зазвучал призыв,
В кабак луна глядится, краска срама.

И вдруг однообразно-плоских улиц лик
Громадной надписью горит,
Что апокалиптически гласит:

«Простор на скатах, верфях и валах,
Простор на травах, грядках и кремнях
Для Мая, чей из наших глоток рвется крик!»

21 декабря 1923

Оскар Уайльд

729. ДОМ БЛУДНИЦЫ

Шум пляски слушая ночной,
Стоим под ясною луной, —
Блудницы перед нами дом.

«Das treue liebe Herz» [1] гремит.
Оркестр игрою заглушит
Порою грохот и содом.

Гротески странные скользят,
Как дивных арабесок ряд, —
Вдоль штор бежит за тенью тень.

Мелькают пары плясунов
Под звуки скрипки и рогов,
Как листьев рой в ненастный день.

И пляшет каждый силуэт,
Как автомат или скелет,
Кадриль медлительную там.

И гордо сарабанду вдруг
Начнут, сцепясь руками в круг,
И резкий смех их слышен нам.

[1] «Преданное милое сердце» (нем.). — *Ред.*

Запеть хотят они порой.
Порою фантом заводной
Обнимет нежно плясуна.

Марионетка из дверей
Бежит, покурит поскорей,
Вся как живая, но страшна.

И я возлюбленной сказал:
«Пришли покойники на бал,
И пыль там вихри завила».

Но звуки скрипки были ей
Понятнее моих речей;
Любовь в дом похоти вошла.

Тогда фальшивым стал мотив,
Стих вальс, танцоров утомив,
Исчезла цепь теней ночных.

Как дева робкая, заря,
Росой сандалии сребря,
Вдоль улиц крадется пустых.

⟨1912⟩

С УКРАИНСКОГО

Тарас Шевченко

730. ЗАВЕЩАНИЕ

Как умру я, схороните
Вы меня в могиле
Посреди широкой степи
На Украйне милой,
Чтобы нивы без предела,
Синий Днепр и кручи
Было видно, — было б слышно,
Как ревет ревучий!

Как помчит из Украины
В синее он море
Вражескую кровь, тогда я
И поля и горы,
Всё покину, и помчуся
Я в чертоги бога
Помолиться. До того же
Я не знаю бога!

Схороните и восстаньте,
Кандалы порвите,
Вражескою злою кровью
Волю окропите!

И меня в семье великой,
В семье вольной, новой,
Не забудьте, вспомяните
Добрым, тихим словом!

30 мая 1924

731

Проходят дни, проходят ночи,
Проходит лето, шелестит
В засохших листьях; гаснут очи,
Заснули думы, сердце спит;
И всё заснуло, и не знаю,
Живу ли я иль доживаю,
Иль так по свету я влекусь,
И уж не плачу, не смеюсь...

Доля, где ты? Доля, где ты?
Ничего ль не стою?
Если доброй жаль, о боже,
Надели хоть злою!

Но не дай спать ходячему,
Сердцем замирая
И гнилою колодою
По свету валяясь,
А дай жить мне, жить мне сердцем,
Чтоб людей любил я,
Если ж нет, то проклинал бы,
Весь бы свет спалил я!
Тяжело носить оковы,
Умирать в неволе,
Но всё спать да спать — тяжéле,
Спать вот так, на воле,
И бесследно и навеки
Умереть! На белом
Свете жив ли ты иль сгинул, —
Людям что за дело!..

Доля, где ты? Доля, где ты?
Ничего ль не стою?
Если доброй жаль, о боже,
Надели хоть злою!

23 июня 1924

732

Свет мой ясный, свет мой тихий,
Свет мой вольный, всем открытый!
Ты за что же, свет, мой братик,
В твоей доброй, теплой хате
Так окован, замурован
(Не премудрый ли оплеван?),
Багряницами закрытый
И распятием добитый?..
Не добитый! Встрепенися
И открыто нам явися!
Просвети нас!.. Будем, брат мой,
Багряницы в клочья драть мы,
Трубки из кадил закурим,
Печь топить «святыми» будем,
А кропилом станем, брат мой,
В новой хате подметать мы.

23 июня 1924

733. Л.

Поставлю маленькую хату,
Садок-раечек насажу,
И посижу, и похожу
В моей укромной благодати.
Когда с собой наедине,
Так хорошо в садочке спится.
Тогда приснятся дети мне,
И мать веселая приснится;
Давно минувший день вернешь
Во сне, — день ясный... и себя!

Нет, пусть ничто не будет сниться, —
Приснишься ведь и ты! Войдешь
В мой малый рай так тихо-тихо,
И снова натворишь там лиха,
И одинокий рай сожжешь.

23 июня 1924

734

Хотя лежачего не бьют,
Да полежать-то не дают
Ленивому... Тебя же, сука,
И сами мы, и наши внуки,
Всем миром люди проклянут...
Не проклянут, а только плюнут
На тех откормленных щенят,
Что ты щенила. Мука, мука!
О скорбь моя, моя печаль!
Пройдешь ли ты когда? Иль псами
Цари с министрами-рабами
Тебя затравят и убьют?
Нет, не затравят! Люди тихо,
Без всякого лихого лиха,
Царя на плаху поведут!

23 июня 1924

735

Живу в неволе одиноко,
И не с кем думы разделить,
В себя я погружен глубоко,
И не с кем мне поговорить.
Ищу я бога, а встречаю
Чему не надо бы и быть!
Чтó годы сделали со мною
И беды! Да еще они,
Моей весны святые дни,
Прошли под темной, хмурой тучей,
И есть ли хоть единый случай,
Чтоб было мило вспоминать?

А душу надо утешать, —
Она так жаждет и так просит
Хоть слова тихого!.. Где тут!
И словно в поле снег заносит
Не охладевший еще труп.

23 июня 1924

736

И здесь и всюду всё погано!
Душа, бедняга, встала рано,
Напряла мало и легла
Сном позабыться в неудаче.
А воля душу стерегла,
Твердит: «Проснись, бедняга, с плачем!
Не будет солнца. Тьму и ночь
Не в силах правда превозмочь!»
Дурная воля подшутила
Над бедной: солнце всё ж идет
И за собою день ведет.
И уж в своей неправой силе
Везде встревожены цари...
И будет правда для земли!..

24 июня 1924

737

О люди бедные земные!
Зачем же нужны вам цари?
Зачем же нужны вам псари?
Ведь люди вы, а не борзые!

То снег, то брызги дождевые,
Скользишь, дрожишь. В ночи Нева
Куда-то тихо пронесла
Под мостом тоненькую льдинку.
Иду в такую-то вот ночь,
Не в силах кашля превозмочь.

Смотрю: в лохмотьях все, девицы
Идут, как будто бы ягницы,
А дед, несчастный инвалид,
Плетется сзади, ковыляет,
Как в загородку загоняет
Чужих овец... Да где же стыд?
И где же правда? Горе! горе!
И ненакормленных, и голых
Девчонок, как овечье стадо,
Гонят *(«последний долг отдать»)*.
Не к матерям ли их гонят!
Что ж, будет суд? Суда ль не надо
Царям, правителям земли?
Иль будет правда меж людьми?..
Должна прийти! Ведь солнце встанет,
Сожжет всю скверну и тиранов.

24 июня 1924

738

Что же мне так тяжко? Что же мне так нудно?
Что так сердце плачет, стонет и кричит,
Как больной ребенок? Что ж тебе так трудно,
Сердце, что ты хочешь? Что в тебе болит?
Пить ли, есть ли просишь, или спать ты хочешь?
Спи же, мое сердце, навеки засни, —
Ты людьми разбито. Пусть себе они,
Люди, так безумны! Закрой, сердце, очи!

24 июня 1924

739

Нет, бога я не упрекаю
И никого не порицаю:
Себя лишь, глупый, обману,
Слагая песни. Новину
Мою пашу, простую ниву,
И сею слово: много жнива

Когда-то будет... Обману
Лишь самого себя, и только,
А больше никого, нисколько.

Распашися, моя нива,
С гор да в ширь раздолий,
Черная, засейся, нива,
Ясной, красной волей!
Распашися, развернися,
Полем расстелися,
Да засейся добрым житом,
Долей облекися!
Во все стороны раскройся,
Нива-десятина!
Ты засейся не словами,
А раздумьем, нива!
Выйдут люди, жито жать бы, —
Радостные жнива!..
Развернись же, расстелись же,
Убогая нива!

Не обману ль себя я снова
Своим химерным добрым словом?
Что ж! Лучше голову кружить
Себе, мечты в стихи слагая,
Чем правдою с врагами жить,
Напрасно бога упрекая!

24 июня 1924

740. N. N.

Как ты, лилеею такою ж
Когда-то дева расцвела
На Иордане и несла
Святое слово над землею.
Когда б и ты, днестровский цветик...
Нет, нет! помилуй бог! распнут,
В Сибирь в оковах поведут,
И ты, мой беззащитный светик, —

Не вымолвить...
Веселый рай
Пошли ей, господи, подай!
Пошли ей счастье в этом свете,
Иного ей ты не давай!
Да не бери ее весною
В небесный рай, но в нашей мгле
Ей дай твоею красотою
Налюбоваться на земле!

25 июня 1924

741

Ой, тесемочки да строчки
Я плету, плету три ночки,
И плету, и вышиваю, —
В воскресенье погуляю!

Ой, плахотка червончата, —
Полюбуйтеся, дивчата!
Полюбуйтесь, пареньки,
Запорожски козаки!

Ой, любуйтесь, увивайтесь,
Но с другими повенчайтесь, —
Отданы уж рушники...
Вот как вышло, козаки!

26 июня 1924

С АРМЯНСКОГО

Наапет Кучак

742—748. *ПЕСНИ ЛЮБВИ*

1

По тебе, мой друг, тоскую, да и как не тосковать!
Кто тебя ко мне проводит, душу спросит — рад отдать.
Много муки, много горя мне пришлося испытать.
Что мне в долгой жизни, если без тебя мне вековать!

2

Пожалей меня, голубка, — верный раб твой одинок.
Горьким плачем изойду ль? неужель таков мой рок?
У тебя в саду есть розы, — мне, рабу, пришли венок,
Поцелую и надену, чтобы слез прервался ток.

3

Как красиво расцветали все кусты в бахче моей!
Но цветы похитил кто-то — льются слезы из очей.
Я мечусь, как перепелка, потерявшая детей.
Сеть свою скорей раскинь, чтоб запутался я в ней.

4

Сердце здесь пред жарким сердцем, как осенний лист, дрожит.
Слезы льются, словно щеки мне весенний дождь кропит.
Только нежность белой груди исцеленье мне сулит!
С грудью грудь сомкнем, — но кто, кто, скажи, к тебе спешит?

5

Ты сказала: «Я — твоя!» Неужели это — ложь?
Ты закаялась любить? Иль иного ты найдешь?
Мне такое будет горе, что к иному ты прильнешь
И к следам моих лобзаний ты уста его прижмешь!

6

«Высоко ты ходишь, — милой передай привет, луна!»
— «Передам привет я милой, но не знаю, где она».
— «Видишь дерево в саду, где высокая стена?
Пьет из чаши голубой там под деревом она
И армянской речью славит сладость ласки и вина».

7

Спорят с морем под Месрой эти очи глубиной,
Эти кудри разметались ветром зыблемой волной.
Возросла ты, точно ива, ты как яблок наливной,
Ты напоишь ароматом белой розы мир земной!

1915

Ваан Терьян

749. ИЗ «НАИРСКИХ ПЕСЕН»

Ты не горда, страна моя.
Ты с мудростью печаль сплетаешь.
Заветы древние тая,
Ты огненной тоской пылаешь.

И разве не за скорбь твою
Тебе любовь моя и радость?
Как ты, и я покорно пью
И горечь всю твою и сладость.

Люблю не славу светлых дней,
Не наши древние сказанья,
Люблю я мир души твоей
И песен тихие рыданья.

Люблю я бедный твой наряд,
Тоской молитвенною болен,
Огни неяркие из хат
И звоны с грустных колоколен.

1915

ДРУГИЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

Автограф ПД **5**

2 Бросишь ли мне свой клубок?

11 Гаснет мой светоч, и страшно

13 Жертв здесь погубленных тени

16, 17 Гневно их очи горят.
Голос во тьме раздается

19 Крови, неволи и мрака

23, 24 О помоги мне скорее
Выход из мрака открыть.

6

Автограф ПД
После строфы 3

Словно кто собрата
С ним везет в изгнанье,
Без надежд возврата,
На тоску-страданье.

В его громких звуках
Речь слышна живая
И о наших муках,
И о муках края.

Словно кто хоронит
Молодые силы
И печально стонет
На краю могилы.

17

Автограф первой редакции ПД

В весенний день мальчишка злой
[Проколет] Надрежет стройный ствол березы,
И по коре виясь струей,
[Польются сладостные слезы]
Текут медлительные [недопитые] слезы.

Я страстью сердце с ранних дней
Пронзил в безумии жестоком,
И силы юности моей
Лились неудержимым током.

Автограф черновой ПД Строфа 2

И кровь течет из тайных ран,
Слабеет воля, вянут силы,
На разум падает туман,
Объемлет душу страх могилы,

18

Автограф ПД 2—5

Станет и волен и счастлив наш мир.
Царские троны рассыплются в прах,
Дрогнет на них притаившийся страх,
Имя тирана покроет позор

10

Лучше за наш идеал умереть.

34

Автограф ПД После строфы 1

Счастье — это светлый, золотой чертог,
Мраморные стены, в сводах потолок.
Но туда не пустят, даже и к воротам,
Нас, одетых бедно и пропахших потом.

36

Автограф ПД

Для иного мой тяжкий удел
Был бы вечным источником слез,
Но я с ним примириться сумел,
Хоть я беден, оборван и бос.

Пусть я немощен телом и слаб,
Я душой непреклонною тверд,
И хотя я тружуся, как раб,
Но, как царь, я свободен и горд.

И всегда наяву и во сне
Я царем на природу смотрю,
И она покоряется мне,
Как покорный сановник царю.

Для меня в тайне вешних ночей,
Заливаясь, поют соловьи.
Как невольник, целует ручей
Запыленные ноги мои.

51

Автограф ПД
1 Помнишь, милая, ту осень

После строфы 2

[Небо куталося в тучи,
Резкий ветер холод нес
И трепал, сердито воя,
Ветки голые берез.]

После строфы 3

[Шла ты, кротко улыбалась,
В рваном платье, босиком...
Ты, воспитанная в холе,
Надрывалась над трудом.]

Строфа 12

И добились мы победы.
Это ты, моя краса,
Силой воли и терпеньем
Сотворила чудеса.

55

Ст. 1 с авторской правкой ПД

Душа летит, благоухая
Весенней жаждой бытия,
К дверям мечтательного рая,
В недостижимые края.

В струях легчайшего эфира,
В краях надзвездной красоты,
Душа чужда томлений мира,
Его бесцельной суеты.

Когда ж, на землю возвращаясь,
Непостижимое тая,
Душа проснется, погружаясь
В тяжелый воздух бытия, —

Ее обнимет страх разящий
И ткань ее воспламенит,
И путь загадочно блестящий
Она на небе начертит.

56

ИМ
1, 2

Сердцем завладевшая злоба застарелая
Шепчет речи знойные, дивно справедливые,

После строфы 1

Мстительной отравою гневно распаленная,
Дышит грудь прерывисто, тяжело вздымается,
И душа усталая, бурей пробужденная,
На борьбу неравную снова порывается.

Голова охвачена, как венцом пылающим,
Мысли негодующей пламенем стремительным.
И в глаза опасностям, бурным, угрожающим,
Смотришь взором воина, гневным и решительным.

Строфа 3 Чую: гость непрошеный с холодом презрения
Глянет неожиданно в душу многодумную,
Оборвет у замыслов крылья исполнения
И погасит холодом веру неразумную.

59

ЖО
13—15 Только тебе одному без меня будет скучно, —
Радость отвергнув, стремишься ты к мукам,
Вот почему я с твоею душой неразлучно

61

ИМ
1—4 Я слагал эти звонкие звуки,
Чтобы голод души заглушить,
Чтобы муки, несносные муки
В мелодичных струях утопить.

8 Улыбнулися песне уста.

72

Автограф ПД
Перед 1 Вечернего рисунка
Несложно очертанье,
Серебряная лунка
Мерцает, как мечтанье,

73

ПЖ Та волна, что вчера пробегала во мне,
Та волна, что вчера называл я собою,
Может быть, то — она в голубой вышине
Расплескалася тучкой сквозною.

Тот горячий порыв, что призывной тоской
Приневолил вчера мое сердце забиться,
Может быть, это он перед близкой грозой
Над шумящею нивою мчится.

Золотая мечта, что в безрадостной мгле
Даровала вчера мне минуту забвенья,
Может быть, на иной и далекой земле
Снова ищет себе воплощенья.

Автограф ПД
После 12

Чем я жил — наслажденья мои
И страданья, восторги, забота, —
Уж опять вековые ручьи
Омывают сегодня кого-то.

74

Автограф ПД
После строфы 1

[Не мне притворствовать, лукавить,
С холодным сердцем тризны править
По успокоенным во мгле,
И забывать, что ты витаешь
Везде и всё везде сбираешь
На небесах и на земле.]

75

Автограф ПД

Мне, утомленному, отрадна
Одна немая тишина, —
Ее струи ловлю я жадно,
Как ток багряного вина.

Она беседует со мною,
И краски жизни огневой
Мертвит пленительною тьмою,
Как полог тучи пред грозой.

Возврат лукавого сознанья
Так ненавистен, так тяжел!
Так нестерпимы ожиданья,
Так зол судьбины произвол.

О тишина, о мир без звука!
Парю высоко над землей, —
Зачем же ты, земная мука,
Мне сердце обвила змеей?

Зачем вдали зарница блещет
И кажет мне презренный путь?
Зачем опять в тоске трепещет
Моя измученная грудь?

76

Автограф ПД
Строфа 2

И я, томясь в немой кручине
И видя горе близких мне,
Живу как брошенный в пустыне
Или в могильной глубине.

О, если б мстительным проклятьям
Дана действительность была, —
Из сердца к вам, друзьям и братьям,
Рекой бы злоба потекла.

80

Автограф ПД
Перед 1

Всю жизнь прожить в нужде гнетущей,
Под старость нищей умереть, —
Удел, от бога ли идущий?
Без воскресения истлеть —
Награда многих лет страданий.
О жизнь, о жизнь, ты жестока,
Полна печалей и страданий
Твоя суровая рука!..
Какие скромные желанья
Хранила ты, печаль тая,
В годину злую испытанья,
О мама бедная моя!
Изнемогая от лишений
Под гнетом тяжкой нищеты,
Лишь облегчения мучений
Порой ждала смиренно ты, —
И то для нас... Нас поджидая,
Ты часто мерзла на окне
И, сквозняка не замечая,
Тряслась в потертом шушуне.
Мои вины перед тобою,
Ах, поздно так увидел я, —
А ты жила лишь только мною,
Старушка бедная моя.

83

Автограф ПД
После строфы 13

Снова жизни черствой, бледной
Те же грустные картины,
Те ж лохмотья доли бедной,
Те ж стыдливые кручины.

84

Автограф ПД
После строфы 2

[И я кляну
Ярмо труда, гнетущего жестоко выю,
И скорбь одну
Дающего взамен за грезы золотые.]

87

Автограф ПД
После строфы 1

[Мы знакомы с трудом разрушенья,
В нас живет он давно, с колыбели,
Утомили нас жизни боренья
И наскучили тленные цели.]

92

Автограф ПД
11—13

Чаровница моя, кто же ты, где же ты?
И когда же я встречу тебя, о царица моя?
О любви очень громко поет на подмостках поблекший певец.

16—20

Одинокая, спешная ночь надрывающим кашлем полна.
Сколько странных видений и странных недужных тревог!
Не осмыслить мне жизни, изверился я.
О царица моя, недоступен ли мне твой чертог?
Где же ты? кто же ты, чаровница моя?

97

Ст. 1 с авторской правкой ПД
Перед 1

Я далек от тебя, чаровница моя.
Улыбнется ль свидания час?
Над рекою в кустах под напев соловья
Улыбнется ли небо для нас?

98

ПЖ
После строфы 3

Покровы стелет Майя,
Земная красота, —
За ней не прелесть рая,
А мрак и пустота.

Для тех, чей гордый гений —
Обманов зыбких враг,
Из всех земных видений
Зияет вечный мрак.

101

Автограф ПД
1—3

Я устал до того, что мне больно дышать,
Отчего вы забыли меня погребсти?
Невозможно разъять, невозможно понять,

8

И суровая песня дика.

103

Автограф ПД

Есть тайна несказанная,
Но где, пойму ли я?
Теснит меня туманная
Завеса бытия.

В пустыне, где не идено
От века никогда,
Где солнцем не увидено
Звериного следа,

Где зорькою нашептана
Нездешняя печаль,
Где полночью оброптана
Неведомая даль,
Где бурею растоптано
Всё то, чего мне жаль,

Есть тайна несказанная, —
Найду ли к ней пути?
Крепчай, о песня странная,
С тобою мне идти.

104

Автограф ПД
Строфа 2

[Словами тайна брошена,
Слезами горе выдано,
Пленительное скошено,
Наивное раскидано.]

105

Автограф ПД
Перед 1

У тебя, ненаглядная,
Для счастливых друзей
И улыбка прохладная,
И зарницы очей, —
Но отрава презрения
Для моей нищеты, —
Беспощадное мщение! —
Сострадательна ты.

Не скупым подаянием
Ты меня подари,
Равнодушным сиянием
Темный путь озари.
Улыбнись мне, желанная, —
Я тоски не хочу.
Эта жизнь бесталанная
Бедняку по плечу.

После 20

За калиткою низкою
(Мне по росту она),
За дорожкою слизкою
Еле дверца видна.

После 28

Улыбнись мне мечтательно,
Равнодушно взгляни
И очей сострадательно
На меня не клони.
Улыбнись, несравненная,
Темный путь озари,
Как улыбка блаженная
Недоступной зари.

Автограф ПД
14 сентября 1893

У тебя, несравненная,
Для счастливых друзей
Есть улыбка блаженная,
Есть и ласка очей.

Для меня ж, одинокого,
Для моей нищеты
Состраданья глубокого
Преисполнена ты.

Над судьбою тяжелою,
Надо мной не тоскуй,
Той улыбкой веселою
Ты меня очаруй.

[Мы, судьбой обойденные,
Состраданья бежим
И в бою побежденные,
Не бессильно лежим.]

Сожаленья досадные,
Слезы мне тяжелы,
Как объятия жадные
Наступающей мглы.

На меня хоть ошибкою
Взор приветный склоня,
Той веселой улыбкою
Очаруй ты меня.

106

Автограф ПД

Некогда мне наслаждаться,
Некогда, да и нельзя, —
Надо с нуждою сражаться,
Надо в пыли пресмыкаться,
Тесной тропою скользя.

Слишком ли крепко я скован,
Дряблой ли волею слаб,
Или тоской очарован, —
Всё я бедой ошельмован,
Всё я трепещущий раб.

109

Автограф первой редакции ПД

Так долго, долго стоя
Перед сквозною
Чугунною решеткой
Над сонной мглою.

Ты взором утомленным
Чего искала
В зеленовато-желтой
Воде канала?

111

ПЖ

Серебристый туман, что встает над рекой
В одинокую ночь, при печальной луне,
Отравляет меня непонятной тоской, —
Ненавистен он мне, и желанен он мне.

Я угрюмо забыл про дневную красу,
В серебристую мглу я тихонько вхожу,
И печали мои одиноко несу,
И чего-то всё жду, и пугливо дрожу.

116

СВ

5—7 Он смотрит напряженным оком
Перед собою в полутьму,
Чтобы вино багряным током

11 В нем злой огонь воспоминаний

117

Автограф ПД

[Нет, не одно только горе —
Есть же на пасмурном свете
Алые розы и зори,
Есть же веселые дети...

Пусть эти зори недолго
В небе играют,
Пусть эти розы уборы
Скоро роняют,

Новые розы и зори и дети
Снова распустятся в свете.]

118

Автограф ПД
Строфа 3

Но молиться не знаю кому,
И не знаю, о чем бы молиться, —
И докучно уму моему
Всё искать, отвергать и стремиться.

135

Автограф ПД
После 16

[В моих руках был светоч ясный,
Но он печально догорел,
Я ждал, я звал в тоске напрасной, —
И звать устал, и онемел.]

138

Автограф ПД
После 4

[Он печальный и бледный, как я.
Он приходит ко мне по ночам.
Может быть, только греза моя,
А быть может, я сам.]

141

КН
Строфа 1

На песке прихотливых дорожек
От зари догорающей свет
Озарил, расцветил чьих-то ножек
Тонкий след.

Строфа 6

И об ней ничего я не знаю, —
Для меня обаяния нет:
Я на мелком песке различаю
Только след.

146

Автограф ПД
Строфа 4

[И я узнаю в нем героя,
Пред кем в огне лежала Троя
И с кем боролся Океан.]

147

Автограф ПД
Перед 1

Мама тихо запела,
И заря заалела.

159

Автограф ПД Но мне близка их тишина,
Строфа 4 Насквозь понятна мне природа,
И вижу я, что мне она —
Моя безбрежная свобода.

162

Автограф ПД Спать мне надоело,
1—4 Встать я не хочу.
Зорька не зардела,
Иль зажечь свечу?

7 Пусть поет мне мама:

10 И пережита;

15 Очи закрывая:

165

Автограф ПД Над могилой качается зыбка, —
Похоронена мать,
И скрипит одинокая липка,
Из могилы опять
Не встанешь качать
Ты, мертвая мать.

169

Автограф ПД [Покачнувшись в легком взмахе,
21—24 Замерло веретено, —
И цветок на дивной пряхе,
Ветром брошенный в окно.]

170

ПЖ Ничего мне от жизни не надо,
11, 12 Ни единой надежды не жаль.

189

РО
3 Ты печально молчишь, ты глядишь не любя

Автограф ПД [Ты неслышно сидишь у меня на корме, —
Строфа 3 И во мгле и в сиянии даль, —
Не ладья, не весло у меня на уме,
Я всё жду, что ты молвишь: «Причаль!»]

213

Автограф ПД 7, 8

Коль сила прежняя убита,
Так что от бед ему защита?

221

ПЖ

1

О, не верь лукавой лжи,

5—9

Что сулит, то, верно, ложь, —
Не прельщайся.
Не обманно бытие, —
Что теперь, то всё твое, —
Наслаждайся.

230

Автограф ПД Строфа 2

Едва в пустыню
Сойдешь на миг,
И я святыню
Твою постиг.

11, 12

В тоске да в страхе
Ночей и дней,

14, 15

Иду босой,
Больной, бессильный,

231

Автограф ПД

Друг мой дальный,
Посмотри, —
Я печальный
Свет зари.

Ожидаю
Божества, —
Я не знаю
Торжества.

Скоро встанет
Ясный день,
В бездну канет
Злая тень,

И печальный
Поутру,
Друг мой дальный,
Я умру.

242

Автограф ПД

О жизнь без хлеба
И без тревог!
Смеется небо,
Ликует бог.
В широком поле,
В уныньи рощ,
Иду по воле,
Хоть я и тощ.
Благоухают
Цветы в полях,
И тучки тают
На небесах.
Ничто не мило,
Всё веселит.
Близка могила,
Но не страшит.

246

С
11—16

Твоя таинственная весь —
От здешних темных мест далече.

И нежный голос твой
И тихое дыханье —
В моей обители земной
Одно блаженное мечтанье.

250

Автограф ПД
Строфа 3

И ночь придет с ее печалью,
С ее безумною тоской,
С немою нераскрытой далью
И безнадежностью пустой.

257

Автограф ПД

Слабеют силы,
Трудней пути,
К дверям могилы
Спеши прийти.

Длиннее ночи,
Темнее дни.
Закрой же очи,
Навек усни.

Грозится злоба,
Спасенья нет, —
За гранью гроба
Отрадный свет.

263

Гриф
После строфы 4

А он далек и ясен,
Глаза его унылы.
Блестят в лазурном море
Серебряные крылы.

269

Автограф ПД
11, 12

И утомленного, больного
Хоть перед смертью обмани.

275

Автограф ПД
12 сентября
1897

Я один на перекрестке.
Ночь безмолвна и грустна.
Подо мною — камни жестки,
Надо мной — луна бледна.

Я стою в тоске покорный
И явлений страшных жду.
Жду, что крикнет ворон черный,
Прорицающий беду.

Автограф ПД
4—5 октября
1897

На месте диком
Стою и жду,
И ворон криком
Зовет беду,
А надо мною
Грустит луна,
И ночь со мною,
И тишина.

Мерцанье в росах,
И мгла вокруг,
И чертит посох
Волшебный круг.
И нет печали
В душе моей, —
Больной печали
Безумных дней.

Подходит. Друг ли
Он мне иль враг?

Глаза как угли,
И зыбок шаг.
Я за чертою
Недостижим,
И за чертою
Он весь, как дым.

И он не хочет
Признать меня,
И не пророчит
Благого дня.
С недобрым словом
Отходит он, —
Но вражьим словом
Я не смущен.

Мне горе мыкать
Не привыкать.
Я буду кликать
Его опять,
Чтоб за чертою
Поворожить, —
Мне за чертою
Отрадно жить.

А день докучен
Душе моей.
Боюсь излучин
Его путей.
И мне не надо
Даров его, —
Давно не надо
Мне ничего.

282

Автограф ПД
Строфа 3

[Но закрой свои очи
И с собой не хитри, не лукавь,
И в безмолвии ночи
К единению думы направь.

Строфа 5

Я хочу созерцанья,
Разделенья и многих путей,
И земные скитанья —
Исполнение воли моей.]

283

ПЖ
После строфы 3

Если есть иные,
Не мои края,
О, к чему мне злые
Грани бытия!

298

Автограф ПД *3, 4*	Я твоей наготою утешен В тихом блеске ночного огня.
14—16	И прельщает лохмотьями стыд, То, чего бы ты дню не открыла, Сквозь прорехи лукаво сквозит.

309

Автограф ПД *Вместо строфы 2*	[И мнится мне, что я отпет и похоронен, Могильным сумраком и влажностью объят, И тлею медленно, недвижен и зловонен, И древние следы в мозгу моем горят.]

320

ССоч. XIII *7, 8*	И смотрит потускневший взор На злые страшные плоды.

399

Автограф ПД *Строфа 5*	Смолою облит я, на муки Влекуся, буду я сожжен. Но подожди, — найдутся руки Счастливее моих, Нерон!

402

Автограф ПД *Строфа 2*	Да так, что даже слишком, В щеках кровинки нет. Раскинь своим умишком, Годится ли, мой свет?
Строфа 4	В глазах угроза блещет, Идет ко мне боса, И острая трепещет В ее руке коса.

403

«Понедельник газеты „Слово"» *Строфа 5*	Кому служил я верно, То был один король. Он тоже пахнул скверно, Но был началом воль.

413

Автограф ПД
Вместо 5—11

Недаром наши мстители
Возникли из толпы.
Оставьте же, правители,
Воители, попы,

Усилия напрасные
Спасти проклятый строй.

420

Автограф ПД
Строфа 4

[Там на площади, где били
Наших женщин и детей,
Что-то чутко сторожили
Звери в облике людей.]

421

Род.
После 16

Как докучливая совесть,
Злая спутница души,
Повторяющая повесть
Дел, таящихся в тиши.

439

Автограф ПД

Сердце трепещет опять.
Бледная встала заря, —
Бедная, встала встречать
Злого златого царя.

Стрелы горящих лучей
Вдруг умертвили ее.
Ропщет и плачет ручей, —
Бедное сердце мое. . .

440

Автограф ПД
Строфа 1

Пробужденная голосом бога,
Я прошла по росистым лугам,
Поднялась по ступеням чертога
И целую священный Лингам.

Строфа 3

Пламенеет его позолота,
Сам он черен, громаден и прям.
Возложу закрасневшийся лотос,
Ароматом наполню весь храм.

444

Автограф ПД
Первая ред.

Злом и тоской утомленный,
Видел я сон,
Может быть, богом внушенный,
Темен был он.

Мертвый лежал я в пустыне,
Было всё мертво кругом.
Небо бездушно и сине,
Жгучее солнце на нем.
Почва — песок раскаленный,
Воздух и душен и тих,
Видны грядой отдаленной
Склоны утесов нагих.

Солнце зашло торопливо,
Ночь от востока пришла,
Тени свила молчаливо,
Звезды на небе зажгла.
Ясные, словно как очи,
Тихо мерцали оне.
Звуки таинственной ночи
Скоро послышались мне.

530—531

2

Автограф ПД
5—8

Сколько света, блеска и веселья!
Ты, пожалуй, скажешь, это — храм!
Это — храм похмелья и безделья,
Храм разврата, храм продажных дам.

637

Машинопись ПД
Строфа 3

Так, странник, верь, — настанет милый день,
Когда и ты, на лестнице печали
Переступив последнюю ступень,
Над бездной мост найдешь в иные дали.

683

Иванов-Разумник

4 Весь истаявший, как дым.

6 Капля жизни в море лет!

Строфа 3

Но как прежде — ярки зори,
И как прежде — ясен свет,
«Плещет море на просторе»,
Лишь тебя на свете нет.

Строфа 4

Подыши ж еще немного
Сладким воздухом земным,
Бедный слабый воин бога,
И — уйди, как легкий дым.

693

Верлен 1908 Строфы 2—4

Смешно Искусство мне, и Человек, — и ода,
И песенка, — и храм, и башни вековой
Стремленье гордое в небесный свод пустой,
И равнодушен я давно к судьбе народа.

Не верю в бога я, приманки громких слов
Отверг, а древняя ирония, — Любовь, —
О, пусть не говорят о ней мне ни полслова!

Я жизнью утомлен, и смерть меня страшит.
Как челн покинутый, игрушка ветра злого,
Навстречу бурь душа с боязнию бежит.

697

Верлен 1908

Твоя душа, как тот заветный сад,
Где сходятся изысканные маски, —
Разряжены они, но грустен взгляд,
Печаль в напеве лютни, в шуме пляски.

Эрота мощь, безоблачные дни
Они поют, в минорный лад впадая,
И в счастие не веруют они,
И, песню их с лучом своим свивая,

Луна лесам и сны, и грезы шлет,
Луна печальная семье пернатой,
И рвется к ней влюбленный водомет,
Нагими мраморами тесно сжатый.

699

Верлен 1908

Она прелестна в свете нежном
Весны шестнадцатой своей
Чистосердечьем безмятежным
Еще невинных детских дней.

Очами райского мерцанья
Она умеет, — хоть о том
Не думает, — зажечь мечтанья
О поцелуе неземном.

И ей не трудно ручкой нежной,
В которой птичке негде сесть,
Внезапно сердце в безнадежный,
Неразрушимый плен увесть.

Идет на помощь светлый разум
Душе возвышенной; она
Умна и непорочна разом,
Значенья речь ее полна.

И если жалости не будит
Безумство в ней, а веселит,
Зато она любезной будет,
И даже дружбой подарит,

И даже, может быть, — кто знает! —
Любовью смелого певца,
Что под окном ее блуждает
И ждет достойного венца

Для песни, — милой иль противной!
В которой непритворно он
Изобразил недуг наивный
Того, кто пламенно влюблен.

Автограф ПД Строфа 7

За песню добрую иль злую, —
В той песне он без лживых нот
Запечатлел тоску больную,
Любви тревожной поздний гнет.

700

Верлен 1908

Пока блестит твой бледный диск,
Звезда, на небосклоне,
— И птичий писк,
И волны благовоний! —

Брось на поэта, в чьих очах
Огни любви зардели,
— В дневных лучах
Вот жаворонка трели. —

Твой взор, который будет скрыт
Зарей в лазури неба.
— Восторг царит
Над зрелой нивой хлеба. —

Зажги мечту мою потом
Над дальним, дальним долом,
— Роса кругом
В сверкании веселом. —

Над спящей милою моей,
В ночном ее покое...
— Скорей, скорей!
Вот солнце золотое! —

701

Верлен 1908

Белая луна
Сеет свет над лесом.
Звонкая слышна
Под его навесом
Песня соловья...

Милая моя!

Ветер тихо плачет
В ветках над рекой,
А внизу маячит,
Отражен водой,
Темный ствол березы...

Вспомним наши грезы.

Сходит к нам покой
Нежный, бесконечный
С тверди голубой,
Где сияет вечный,
Тихий звездный строй...

В этот час ночной.

702

НЖИЛ

Лети ты, песенка, скорей
Навстречу ей с моим приветом.
Скажи, что в сердце, верном ей,
Светился луч веселым светом,

Всё расточая в глубинах,
Что нежную любовь смущает —
Сомненье, недоверье, страх, —
И вот уж ясный день сияет.

Ты слышишь? Радость говорит,
Так долго робкая, немая,
И к ясным небесам летит,
Как жаворонок распевая.

Лети же, песенка моя, —
Разлуки с нею время минет,
Она далекие края
Без сожаления покинет.

704

ПЖ То будет жарким летом, в полдень ясный:
Сдружится солнце с радостью моей,
И новый блеск придаст красе твоей
В волнах одежд шелковой и атласной.

Как на шатре, на небе голубом
Роскошно всюду складки затрепещут,
Надеждою глаза у нас заблещут,
И счастие промчится над челом.

И нежный ветер к вечеру проснется,
Твою вуаль колыша и струя,
И мирных звезд далекая семья
Супругам благосклонно улыбнется.

706

ПЖ Мне кротко грезится под шепотом ветвей
Былых бесед живое очертанье;
Предчувствую, сквозь звучное мерцанье,
О бледная любовь, зарю грядущих дней.

Моя душа и сердце бредом жарким
Слиты, как глаз двойной, — увы, трепещет в нем
Неведомая песнь, и непогодным днем
Со всех сторон звучит призывом ярким.

О, если бы теперь пришла ты, смерть моя,
Пока любовь колеблется с тоскою
Меж старых снов и жизнью молодою!
О, как бы в зыбке той неслышно умер я!

707

Il pleut doucement sur la ville.
Artur Rimbaud

Верлен 1908 Слезы в сердце моем,
Плачет дождь за окном.
О, какая усталость
В бедном сердце моем!

Шуму проливня внемлю,
Бьет он кровлю и землю,
Много в сердце тоски, —
Пенью проливня внемлю.

Этих слез не пойму, —
Не влечет ни к чему

Уж давно мое сердце.
Что жалеть, не пойму.

Тяжелей нет мученья, —
Без любви, без презренья,
Не понять, отчего
В сердце столько мученья.

709

Верлен
1908

Тени ив погасли за туманною рекою,
Как за дымной пеленою,
Между тем ты слышишь, там, вверху, на этих ивах,
Пенье горлинок тоскливых.

Как тебе он близок, этот вид природы, бледной,
Как и ты, о странник бедный!
Не твои ль надежды плачут там, в листве высокой,
Над тобою, одинокий?

710

ПЖ

Покорно приношу с цветами и плодами
Я сердце вам мое, что бьется лишь для вас.
О, не разбейте сердце белыми руками,
Да будет мил мой дар для ваших нежных глаз.

Я к вам пришел, покрыт предутренней росою,
С челом, обвеянным дыханием ветров.
Склонясь у ваших ног, предамся я покою,
С мечтой о прелестях пленительных часов.

Позвольте к вам на грудь мне головой склониться.
Последний поцелуй звучит еще на ней.
У сердца вашего позвольте мне забыться,
Забыться вашим сном, от непогодных дней.

711

ПЖ

Розы были слишком красны,
Были так плющи темны!

Дорогая, как опасны
Эти прелести весны!

Небо сине, небо нежно,
В море блещет радость дня.

Я страдаю безнадежно, —
Вдруг покинешь ты меня!

Эти нивы без предела,
Эти яркие цветы, —

Всё мне страшно надоело,
Не наскучила лишь ты.

712

Верлен 1908

Ну-т-ка, спляшем джигу.

Любил я глазки голубые;
Они, как звездочки живые,
Горели, глазки эти злые.

Ну-т-ка, спляшем джигу.

Искусство было ей известно —
Озлить любовника чудесно,
И это было так прелестно!

Ну-т-ка, спляшем джигу.

Когда же страсть навек промчалась,
Еще прекрасней мне казалась
Ее цветущих губок алость.

Ну-т-ка, спляшем джигу.

О ней, о ней воспоминанья...
Те поцелуи, те свиданья —
Души благое достоянье.

Ну-т-ка, спляшем джигу.

715

СВ

Синева небес над кровлей
Ясная такая!
Тополь высится над кровлей,
Ветки наклоняя.

Из лазури этой в окна
Тихий звон несется.

Грустно с веток этих в окна
Песня птички льется.

Боже мой! я звуки слышу
Жизни мирной, скромной.
Город шепчет мне, — я слышу
Этот ропот томный:

«Что ты сделал, что ты сделал?
Исходя слезами,
О, подумай, что ты сделал
С юными годами!»

718

Верлен 1908

Непорочна ты иль нет,
Мне-то что за дело!
Вижу нежно-алый цвет
Молодого тела, —
Этой тихою зарей,
В милый час вечерний,
На вершине снеговой
Кущи роз без терний.
Сколько страсти и огня,
Сколько наслажденья
Принесла ты для меня
В ночь соединенья!
Души? Вечность? Вздор какой!
Нам-то что за дело!
Над нелепостью такой
Мы смеемся смело.
На земле себе найдем
Вечное жилище, —
Мы не на небо пойдем,
Только на кладбище.
Надо ж пользоваться здесь
Жизнью быстролетной
И до дна напиток весь
Выпить искрометный.
В дни желаний и страстей
Надо нам влюбляться,
Как рокочет соловей,
Как ручьи струятся.

ПРИМЕЧАНИЯ

Федор Сологуб оставил огромное по объему поэтическое наследие. Им было издано 15 сборников оригинальных стихотворений.[1] В 1909—1912 гг. в издательстве «Шиповник» (СПб.) вышло 12-томное собрание сочинений Сологуба, в котором тома I, V и IX были отведены стихам, многие из них ранее не входили в его сборники. Все тома этого собрания были переизданы в 1913 г. издательством «Сирин». Одновременно в том же издательстве было начато в лучшем оформлении расширенное 20-томное собрание сочинений Сологуба, в котором тома I—XII должны были повторять предшествующее собрание, а тома XIII—XX были новыми. Стихи в этом издании занимают тома V, IX, XIII, XVII (т. I, также отведенный стихам, не вышел). В отличие от издания «Шиповника» тома стихов в обоих вариантах издания «Сирина» имеют названия: I — «Лазурные горы», V — «Восхождения», IX — «Змеиные очи», XIII — «Жемчужные светила», XVII — «Очарования земли».

После смерти Сологуба осталось несколько неопубликованных рукописных и машинописных стихотворных сборников: «Стихи о милой жизни» (1920), «Туманы над Волгой» (1920), «Лиза и Колен» (1920), «Анастасия» (1921),[2] «Кануны» (1921),[3] а также сотни неопубликованных по тем или иным причинам стихотворений. В одном из своих интервью Сологуб заметил: «Стихов пишу больше, чем это нужно для людей, и в этом несчастье мое. . .»[4]

Сологуб много переводил. Им были выпущены два сборника переводов Верлена (1908 и 1923), а также подготовлена книга переводов из «Кобзаря» Т. Г. Шевченко, вышедшая в свет посмертно

---

[1] См.: «История русской литературы конца XIX — начала XX века. Библиографический указатель. Под ред. К. Д. Муратовой», М.—Л., 1963, с. 387—388 (здесь не учтен сб. «Небо голубое», 1921).

[2] Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР.

[3] Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина.

[4] «В литературном мире». — «Биржевые ведомости», 1913, 28 ноября.

в 1934 г. Ряд переводов печатался в повременных изданиях и антологиях. Большое количество поэтических переводов осталось неопубликованными.

Подавляющее большинство рукописных и машинописных текстов стихотворений Сологуба сохранилось в его архиве, переданном в Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) АН СССР; отдельные автографы попали в Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и Центральный государственный архив литературы и искусства.

В настоящее издание избранных стихотворений и переводов Сологуба включены лучшие произведения, представляющие бесспорную художественную ценность, а также произведения, наиболее характерные для его поэтического облика, либо для того или иного периода его творческого пути.

В отличие от своих младших современников Брюсова или Блока, издавая свои стихи, Сологуб не придерживался единожды установленного порядка их расположения и циклизации. Так, в связи с подготовкой в московском издательстве «Скорпион» собрания его стихов он писал Брюсову 31 августа 1903 г.: «Ничего не имею против расстановки стихотворений в том порядке, который Вы найдете лучшим. . .» По его собственному признанию, стихи для сборников «Фимиамы», «Соборный благовест» и «Небо голубое» отбирала его жена Ан. Н. Чеботаревская, она же скомпоновала их. При переизданиях стихотворений Сологуб нередко разрушал старые циклы, образуя новые или вообще отказываясь от циклизации, а в Собрании сочинений издательства «Шиповник» он расположил стихи произвольно, сочетая столь разнородные принципы, как хронология и «общность настроения». Все это делает невозможным выяснение «последней авторской воли» (если только такая была) по поводу расположения стихотворений, и они печатаются в строго хронологическом порядке. Исключение сделано для стихотворений, входящих в циклы «Звезда Маир», «Соборный благовест», «Гимны родине», «Когда я был собакой» и «Парижские песни», которые Сологуб сохранял в переизданиях, а также сгруппированы вместе, как это было у Сологуба, триолеты и пасторали.

Переводы располагаются по языкам, внутри одного языка соблюдается историческая последовательность переводимых поэтов, а для стихотворений одного автора (кроме Верлена) — хронология переводов Сологуба.

Стихотворения, публиковавшиеся Сологубом, печатаются по тексту последней печатной редакции. В немногих случаях, когда были обнаружены созданные после печатных публикаций новые рукописные или машинописные редакции, они служили источником текста. Неопубликованные стихотворения печатаются по сохранившимся автографам и по машинописным копиям из составленного Сологубом полного собрания своих стихотворений, расположенных в алфавитном порядке.

Стихотворения в основном датируются по автографам (где даты указаны более точно, чем в печатных источниках) с проверкой их по хронологической картотеке Сологуба. Ошибочные датировки в печатных источниках не оговариваются в примечаниях.

В примечаниях указываются: первая публикация текста; те прижизненные издания, в которых текст подвергался изменениям; источник печатаемого текста; наличие автографа. В тех случаях, когда стихотворения печатаются по первой публикации, источник текста особо не оговаривается.

При переиздании стихов Сологуб обычно их не перерабатывал. «Всякий автор, когда пишет, напрягает себя до последней степени, — говорил он, — дает максимум художественности и ясности... Как же он может сказать еще что-то лучшее и большее, когда напряжение его прошло, когда он и во времени отошел от своего создания?.. Этим, в частности, объясняется моя личная черта, что я ничего существенного уже не могу ни прибавить, ни изменить в законченной вещи, потому что этому предшествует длинный период обработки, поправок, перечитываний, переписываний».[1]

Первоначальные редакции и наиболее значимые варианты оригинальных стихотворений и переводов Верлена включены в раздел «Другие редакции и варианты», что отмечается звездочкой при номере стихотворения в примечаниях.

Составитель выражает благодарность сотрудникам Рукописного отдела ИРЛИ АН СССР, а также Н. А. Колобовой, А. В. Малютиной и М. И. Губановой за помощь, оказанную ими при подготовке издания.

Сокращения, принятые в примечаниях

А — журнал «Аполлон» (СПб.).

АМ — Федор Сологуб, Алый мак. Книга стихов, М., «Московское книгоиздательство», 1917.

Б — журнал «Беседа» (СПб.).

БВ — газета «Биржевые ведомости» (СПб.).

БН — «Белые ночи. Петербургский альманах», СПб., «Вольная типография», 1907.

Брюсов — В. Брюсов, Далекие и близкие, М., 1912.

БС — журнал «Бодрое слово» (СПб.).

В — журнал «Весы» (М.).

ВБ — Федор Сологуб, Великий благовест, М.—Л., ГИЗ, 1923 («Библиотека современных русских писателей»).

Верлен 1908 — Поль Верлен, Стихи, избранные и переведенные Федором Сологубом (Стихи, книга седьмая), СПб., «Факелы», 1908.

Верлен 1923 — Поль Верлен, Стихи, выбранные и переведенные Федором Сологубом. Издание второе, исправленное и дополненное, Пг.—М., книгоиздательство «Петроград», 1923.

ВЖ — журнал «Вопросы жизни» (СПб.).

ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина (М.).

Гриф — «Альманах книгоиздательства „Гриф“», М., 1905.

ЖО — журнал «Живописное обозрение» (СПб.).

[1] Аякс (А. А. Измайлов), У Ф. К. Сологуба. — «Биржевые ведомости», 1912, 20 сентября, веч. вып.

З — журнал «Заветы» (СПб.).
Зм. — Федор Сологуб, Змий. Стихи, книга шестая, СПб., Г. Шахт и К°, 1907.
ЗР — журнал «Золотое руно» (М.).
ИМ — журнал «Иллюстрированный мир» (СПб.).
К — «Корабли. Сборник стихов и прозы», М., тип. И. Н. Холчев и комп., 1907.
КД — Федор Сологуб, Костер дорожный, М.—Пг., издательство «Творчество», 1922.
КН — журнал «Книжки Недели» (СПб.).
ЛН — «Литературное наследство», т. 27—28, М., 1937.
МБ — журнал «Мир божий» (СПб.).
МГ — «Молодая Германия», Антология современной немецкой поэзии, Харьков, 1926.
МИ — журнал «Мир искусства» (СПб.).
Н — журнал «Наблюдатель» (СПб.).
НГ — Федор Сологуб, Небо голубое. Стихи, Ревель, издательство «Библиофил», 1921.
НД — газета «Новости дня» (М.).
НЖ — газета «Наша жизнь» (СПб.).
НЖИЛ — «Новый журнал иностранной литературы, искусства и науки» (с 1905 г.: «Новый журнал литературы, искусства и науки» — СПб.).
НП — журнал «Новый путь» (СПб.).
Обр. — журнал «Образование» (СПб.).
Ог. — журнал «Огонек» (СПб.).
ОЛ — Федор Сологуб, Одна любовь. Стихи, Пг., 1921.
П — журнал «Перевал» (М.).
ПА — «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней в переводе русских поэтов. . .» под редакцией, со вступительным очерком и примечаниями Валерия Брюсова, М., издание Московского армянского комитета, 1916.
ПБА — «Петербургский альманах», кн. 1, Пб. — Берлин, 1922.
ПГ — «Петроградская газета».
ПД — Рукописный отдел Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР.
Перцов — П. Перцов, Литературные воспоминания. 1890—1902 гг., М.—Л.. «Academia», 1933.
ПЖ — журнал «Петербургская жизнь».
ПК 1908 — Федор Сологуб, Пламенный круг. Стихи, книга восьмая, М., издание журнала «Золотое руно», 1908.
ПК 1922 — Федор Сологуб, Пламенный круг. Стихи, Берлин — Пб. — М., издательство З. И. Гржебина, 1922.
РВ — журнал «Русский вестник» (СПб.).
РМ — журнал «Русская мысль» (М.).
РО — журнал «Русское обозрение» (М.).
Род. — Федор Сологуб, Родине. Стихи, книга пятая, СПб., 1906.
РС — газета «Русское слово» (М.).
С — журнал «Север» (СПб.).
СБ — Федор Сологуб, Соборный благовест, Пб., «Эпоха», 1922.
СВ — журнал «Северный вестник» (СПб.).
Сл. — газета «Слово» (СПб.).

ССоч. I, V, VI, IX, XIII, XVII, XVIII — Федор Сологуб, Собрание сочинений; т. I, Лазурные горы. Стихи; т. V, Восхождения. Стихи; т. VI, Мелкий бес; т. IX, Змеиные очи. Стихи; т. XIII, Жемчужные светила. Стихи; т. XVII, Очарования земли. Стихи 1913 года; т. XVIII, Творимая легенда, СПб., изд. «Сирин», 1913—1914.
ССт. — Федор Сологуб, Собрание стихов. Книга III и IV. 1898—1903 г., М., книгоиздательство «Скорпион», 1904.
ССШ I, V, IX — Федор Сологуб, Собрание сочинений, тт. I, V, IX. Стихи, СПб., изд. «Шиповник», 1909—1911.
ст. — стих.
Ст. I — Федор Сологуб, Стихи, книга первая, СПб., 1906.
СЦ I — «Северные цветы на 1901 год, собранные книгоиздательством „Скорпион"», М., 1901.
СЦ II — «Северные цветы на 1902 год, собранные книгоиздательством „Скорпион"», М., 1902.
СЦ III — «Северные цветы. Третий альманах книгоиздательства „Скорпион"», М., 1903.
СЦА — «Северные цветы ассирийские. Альманах книгоиздательства „Скорпион"», М., 1905.
Т — Федор Сологуб, Тени. Рассказы и стихи, СПб., 1896.
Ф — «Факелы». Книга первая, СПб., изд. Г. И. Чулкова, 1906.
Фим. — Федор Сологуб, Фимиамы, Пб., «Странствующий энтузиаст», 1921.
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы и искусства (М.).
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический архив (Л.).
Чуковский III, VI — Корней Чуковский, Собрание сочинений в шести томах, т. III. Живой как жизнь. Высокое искусство. Из англо-американских тетрадей; т. VI. Статьи 1906—1968 годов, М., издательство «Художественная литература», 1966, 1969.
ЧЧ — Федор Сологуб, Чародейная чаша. Стихи, Пб., «Эпоха», 1922.
Ш 12, 15 — «Литературно-художественные альманахи издательства „Шиповник"», кн. 12, СПб., 1910; кн. 15, 1911.
Шевченко — Т. Г. Шевченко, Кобзарь. Избранные стихотворения в переводе Ф. Сологуба, Л., ОГИЗ—ГИХЛ, 1934.
Шопенгауэр I, II — Полное собрание сочинений Артура Шопенгауэра. В переводе и под редакцией Ю. И. Айхенвальда, тт. I, II, М., издание Д. П. Ефимова, 1901, 1903.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1. Печ. впервые по машинописи ПД. Ср. автобиографический рассказ «Мечты на камнях» (1911).

2. Печ. впервые по машинописи ПД. *Гайдамаки* — участники казацко-крестьянских восстаний на Правобережной Украине (XVIII в.), направленных против польской колонизации и связанного с нею крепостного и национально-религиозного гнета.

3, 4. Печ. впервые по машинописи ПД.

* **5.** ПГ, 1918, 14 апреля, под загл. «В Лабиринте». Печ. по КД, с. 35 (разд. «Путь»). Автограф — ПД, с вариантами отдельных

строф, строфа 2 помещена перед 6. *Ариадна* (греч. миф.) — дочь критского царя Миноса, во владениях которого находился *Лабиринт*, где обитало *чудовище* Минотавр. Полюбив афинского героя Тезея, которого Минос обрек в жертву Минотавру, Ариадна тайно дала ему меч и клубок нитей; с их помощью он, убив чудовище, выбрался из Лабиринта.

* **6.** КД, с. 25 (разд. «Путь»). Автограф — ПД, без загл., после строфы 3 — еще три строфы. Строфа 1 написана позже, датирована 9 июня 1892 г.

7. Печ. впервые по машинописи ПД. С 1882 по 1885 г. Сологуб учительствовал в г. Крестцы Новгородской губ. В его автобиографических заметках (ПД) имеется запись: «Крестцы... 1882. В Новг⟨ороде⟩ с мамой у директ⟨ора⟩. Земн⟨ой⟩ покл⟨он⟩. Просьбы, чтобы секли. Письмо дир⟨ектора⟩ Бальз⟨аминову⟩: ходить босиком, за проступки сечь... Пришла бумага от дир⟨ектора⟩ — разрешено мне на уроках быть босым: Бальз⟨аминов⟩ распоряжается — завтра без сапог. В первые дни было очень стыдно».

8. Печ. впервые по машинописи ПД.

9, 10. Печ. впервые по автографам ПД. См. примеч. 7.

11. Печ. впервые по машинописи ПД. *Гамлет, Ромео, Отелло, Лир, Шейлок* — герои трагедий Шекспира (см. примеч. 486).

12. Печ. впервые по автографу ПД. В дальнейшем Сологуб возвращался к теме стихотворения. В письме А. А. Измайлову (1910?) в числе тем, которые его занимают, он назвал «Предательство. Драма об Иуде и Христе. Роман о современном предателе» (ПД).

13. Печ. впервые по автографу ПД, с надписью: «Из дневника». Сохранилась запись Сологуба: «Стихи. Свой дневник» (картотека «Темы стихов» — ПД).

14. Ст. I, с. 32.

15. Печ. впервые по машинописи ПД. Автограф — ПД, др. ред., во втором лице: «Больные дни твои унылы...» и т. д.; зачеркнуты строфа 4 и первоначальный вариант строф 1, 2.

16. Печ. впервые по машинописи ПД.

* **17.** БВ, 1897, 15 июня. Печ. по ПК 1908, с. 151. Автографы — ПД.

* **18.** Печ. впервые по машинописи с авторской правкой ПД. Автограф — ПД, с вариантами ст. 2—5, 10.

19. НГ, с. 10 (разд. «Утомительные дали»).

20. Печ. впервые по автографу ПД.

21. Печ. впервые по автографу ПД. 17 июня 1890 г. Сологуб писал В. А. Латышеву о желании переехать в Петербург. «Настоящее, конечно, так хорошо, — продолжал он, имея в виду свое служебное положение, — что я могу довольствоваться им до конца жизни, — если бы только не глупые попытки писать стихи, хоть и не о чем писать: если поэты и похожи на медведей, сосущих зимой свою лапу, то это скоро истощается» (ПД).

22. Печ. впервые по машинописи ПД. Автограф — ПД, с разночтениями.

23. ПЖ, 1898, № 306, с. 2543 (цикл «Соответствия»). Печ. по ССоч. IX, с. 10, дата: 6 июля 1884 г. На автографе (ПД) выписка: «Вероника аптечная. Стебель и листья с нежными волосками. Метелка четырехраздельная чашечка. Голубой ⟨нрзб.⟩». Подобные выписки имеются о жасмине, барвинке и др. цветах (ПД). Ср. стихи 1889 г.: «Жасмин», «На могилу милой...», «Росою весь обрызган двор...», «Канна». Сохранилась запись Сологуба: «Стихи из наук о природе. Из описания растений. То же с примесью рассказа о себе. То же с примесью рассказа о других... Из учебников ботаники...» (картотека «Темы стихов» — ПД).

24. Печ. впервые по машинописи ПД. Автограф — ПД, под загл. «Дорога жизни», с вариантом ст. 7.

25. Печ. впервые по автографу ПД, ст. 1—12 датированы 9 мая 1889 г., ст. 13—16 — 13 мая 1889 г.

26. Н, 1898, № 3, с. 152, под загл. «Видение». Печ. по ССоч. XIII, с. 10. Автограф — ПД. *Мара* (слав. миф.) — существо, подобное ведьме, по ночам душит детей, наваливается на спящих и сосет у них кровь.

27. ПЖ, 1898, № 313, с. 2601 (цикл «Параллели»), без деления на строфы. Печ. по ССоч. XIII, с. 12.

28. БВ, 1915, 20 декабря, утр. вып. Автограф — ПД.

29. Печ. впервые по машинописи ПД. Автограф с разночтениями — ПД.

30. Род., с. 29, под загл. «Гром». ССШ I, с. 76, без загл. Печ. по СБ, с. 6. Автограф — ПД, с вариантами.

31. Т, с. 155. Автографы — ПД. На одном из автографов дата — 21 января 1893 г.

32. «Домашняя библиотека», 1897, № 10, с. 220. Автограф — ПД.

33. Ст. I, с. 22, под загл. «Судьба». Печ. по АМ, с. 54 (разд. «Недоля»). Автограф — ПД.

* **34.** ЖО, 1897, № 37, с. 654. Печ. по ССоч. XIII, с. 17. Автограф — ПД, после строфы 1 — зачеркнутая строфа.

35. Печ. впервые по автографу ПД. *Вытегра* — уездный город Олонецкой губ. (ныне районный центр Вологодской обл.), где Сологуб жил с 1889 по 1892 г.

* **36.** ЖО, 1895, № 46, с. 375. Печ. по Ст. I, с. 29. Автограф первой ред. — ПД.

37. БС, 1908, № 3, с. 1. Печ. по ССоч. XIII, с. 23. Автограф — ПД, с вариантами, без последней строфы, с датой: 23 мая — 28 июня 1890 г.; последняя строфа датирована 13 февраля 1891 г. К этому же сюжету Сологуб обратился в стих. «В угрюмой далекой пещере...» (1892 — ЧЧ, с. 40).

38. ПЖ, 1895, № 155, с. 1336, без деления на строфы. Печ. по Ст. I, с. 42.

39. Ст. I, с. 74.

40. СВ, 1894, № 8, с. 84. Печ. по Ст. I, с. 11. Автограф — ПД.

41. КН, 1895, № 9, с. 82. Автограф — ПД. Ст. 1 и 6 — перифразы соответствующих строк стих. Лермонтова «Отчего»: «Мне грустно, потому что я тебя люблю»; «Мне грустно... потому что весело тебе».

42. АМ, с. 124 (разд. «Четверостишия»). Автограф — ПД.

43. ССШ IX, с. 111, под загл. «Комар-палач». Печ. по ССоч. IX, с. 25.

44. Печ. впервые по машинописи ПД. Автограф — ПД. В 1891 г. в России свирепствовал голод, охвативший 30 губерний. Голод вызвал рост оппозиционных настроений в обществе. Откликом Сологуба наряду с публикуемым стихотворением явились стихотворения: «Знаешь, голод! Люди мрут...» (27 сентября 1891) и «Полынь отчаянья на нивах вновь растет...» (12 ноября 1891 — АМ, с. 60).

45. СВ, 1893, № 6, с. 148, под загл. «На закате»; Ст. I. Печ. по ССШ IX, с. 72.

46. Печ. впервые по автографу ПД. В период реакции 80-х годов царское правительство предприняло ряд реформ в образовании, ставивших целью ограничить народное просвещение — так, был увеличен срок обучения в классических гимназиях с 7 до 8 лет; большое количество часов в этих гимназиях отводилось изучению латинского и греческого языков.

47. Т, с. 134, под загл. «Муки Тантала». Печ. по ССШ I, с. 88. *Тантал* (греч. миф.) — царь Сипила и Аргоса, сын Зевса. За оскорбление богов был жестоко наказан: низвергнутый в Тартар (ад), он был обречен вечно испытывать нестерпимые муки жажды и голода, хотя стоял по горло в воде и над ним нависали ветви с роскошными плодами (см.: Гомер, «Одиссея», XI, 582—592). Муки Тантала — крылатое выражение, которое обозначает страдания, вызванные сознанием невозможности достигнуть желанной цели, несмотря на ее близость. В. Я. Брюсов в своем экземпляре ССШ I написал около этого стих.: «Обманчивая простота и обманчивое однообразие» (ЛН, с. 672).

48. ИМ, 1894, № 27, с. 3, под загл. «На улице», без деления на строфы, с разночтениями, подп.: Тетерников. Печ. по ССШ IX, с. 57. Автографы — ПД.

49. Печ. впервые по автографу ПД. *Я также сын больного века.* Ср.: «Какую подать с жизни взял Ты, сын больной больного века» (Некрасов, «Поэт и гражданин»). Юношей Сологуб увлекался «стихами Некрасова, которого он знал почти всего наизусть и считал гораздо выше Лермонтова и Пушкина» (Воспоминания О. Н. Черносвитовой — ПД). Свою поэму «Одиночество» (1882) он сопроводил стихотворным «Посвящением Некрасову», которое начинается так:

Печальник общего страданья,
Апостол правды и любви,
Мои благие начинанья,
Мой первый труд благослови!

Тебе, учитель, в подражанье
В бессоннице моих ночей
Я начал песню увяданья
Надежд строптивых и страстей... (ПД)

В интервью 1913 г. Сологуб говорил: «Некрасова, которого русская критика считала «прозаическим», «рассудочным», мы первые оценили, полюбили и заставили полюбить. Мы принимаем Некрасова всего, с его формой, с его бесстрашием перед темой. Девиз Некрасова: «все темы прекрасны» ⟨«Подражание Шиллеру»⟩ — наш девиз» («Южный край», Харьков, 1913, 9 марта).

50. ЖО, 1895, № 35, с. 162. Автограф — ПД.

* 51. ССоч. XIII, с. 41. Автограф — ПД, с вариантами в строфах 1, 12, после строф 2 и 3 по одной зачеркнутой строфе. Сюжет стих. использован в рассказе «Помнишь, не забудешь» (1910).

52. Печ. впервые по автографу ПД.

53. Ст. I, с. 28, без строф 1, 2. Печ. по ССШ I, с. 23. В. Я. Брюсов в своем экземпляре ССШ I у строфы 1 сделал пометку: «Изысканность» (ЛН, с. 671).

54. «Невский альманах жертвам войны», Пг., 1915, с. 70. Автограф — ПД, с разночтениями, под загл. «Липочка» (очевидно, название местности), строфы 1—5 датированы 20 октября 1892 г.

* **55.** СВ, 1893, № 4, с. 52. Печ. по Ст. I, с. 18. Ранняя ред. восстановлена Сологубом на тексте Ст. I (ПД). В рецензии на Ст. I А. Волынский писал об этом стих.: «Первая строфа безупречна во всех отношениях: стих прозрачен, эпитеты точны и решительны. Вторая строфа при отдельных удачных выражениях страдает некоторой деланностью» («Борьба за идеализм», СПб., 1900, с. 382). В. Я. Брюсов в своем экземпляре ССШ I отчеркнул ст. 7—8. *И ясный холод вдохновенья*... Ср.: «И быстрый холод вдохновенья Власы подъемлет на челе» (Пушкин, «Жуковскому»).

* **56.** ИМ, 1894, № 31, с. 3, др. ред., подп.: Тетерников. Печ. по ССоч. XIII, с. 46. Автограф первой ред. — ПД, строфы 1—2 датируются 30 января 1893 г.

57. Альманах «Гриф. 1903—1913», М., 1914, с. 152. Автограф — ПД.

58. ПЖ, 1899, № 327, с. 2711 (цикл «Советы»). Автограф — ПД, строфа 3 зачеркнута.

* **59.** ЖО, 1895, № 32, с. 102, с вариантами ст. 13—15. Печ. по Ст. I, с. 16.

60. ИМ, 1893, № 52, с. 3, без загл. и деления на строфы, ст. 2—3: «Сладкие звуки! Страсть их внушила, слагала весна». Подп.: Тетерников. Печ. по Ст. I, с. 19. Положено на музыку А. Шапошниковым (1924).

* **61.** ИМ, 1894, № 27, с. 3 (цикл «На улице»), без деления на строфы, с вариантами ст. 1—4, 8; подп.: Тетерников. Печ. по ССоч. XIII, с. 50. Автограф — ПД.

62. ПЖ, 1898, № 313, с. 2601 (цикл «Параллели»), без деления на строфы, ст. 1 и 2 в обратном порядке. Печ. по ССоч. XIII, с. 51. Автограф — ПД.

63. ПЖ, 1897, № 256, с. 2144 (цикл «Ночи»), без строфы 1; Род., под загл. «За решеткой». Печ. по ССШ I, с. 98. Автограф — ПД. Ср. со стих. К. Фофанова «В неприглядных стенах заключен я давно...» (1882).

64. «Домашняя библиотека», 1897, № 12, с. 70, под загл. «За решеткой», с вариантами ст. 2—3, 11—12. Печ. по ССт., с. 146. Автограф — ПД.

65—67. Печ. впервые по автографам ПД.

68. ССоч. XIII, с. 60. Автограф — ПД.

69. Ст. I, с. 44, без строфы 3. Печ. по ССШ IX, с. 85. Автограф — ПД.

70. Ст. I, с. 30. Печ. по ССоч. IX, с. 39.

71. Т, с. 168, без строфы 2. Печ. по ССШ I, с. 160. В экземпляре ССШ I Брюсова его помета: «Такие стихотв. сливают отрывки какой-то цельностью» (ЛН, с. 672).

* **72.** ПЖ, 1896, № 186, с. 1588, без деления на строфы. Печ. по ССШ I, с. 26. Автограф — ПД, с еще одной строфой в начале стих.

* **73.** ПЖ, 1895, № 159, с. 1369, др. ред. Печ. по Ст. I, с. 9. Автограф — ПД, после строфы 3 еще одна строфа.

* **74.** ССШ IX, с. 25. Автограф — ПД, под загл. «Смерти», после строфы 1 — зачеркнутая строфа.

* **75.** ПБА, с. 150. Автограф и машинопись первой ред. с авторской правкой — ПД.

* **76.** ПЖ, 1896, № 167, с. 1434, под загл. «Костер», с др. ред. строфы 2; ССт., без загл. Печ. по ССоч. XIII, с. 81. Автограф — ПД, в строфе 2 первой ред. — полемика с отрывком из поэмы А. К. Толстого «Иоанн Дамаскин», популярным благодаря романсу П. И. Чайковского «Благословляю вас, леса. . .»; ср. у Толстого:

О, если б мог в мои объятья
Я вас, враги, друзья и братья,
И всю природу заключить!

77. Ст. I, с. 8.

78. Печ. впервые по автографу ПД. *Терцины* — староитальянская строфическая форма трехстиший, в которых средняя строка рифмуется с крайними строками следующей строфы. Стихи, написанные терцинами, заканчиваются отдельной заключительной строкой, рифмующейся со средней строкой предыдущего трехстишия. *Стансы* — стихотворение, состоящее обычно из замкнутых четырехстрочных строф четырехстопного ямба преимущественно с перекрестной рифмовкой, заключающих в себе законченную мысль. *Октава* — восьмистрочная строфа с расположением рифм а б а б а б в в, обычно написанная пяти- или шестистопным ямбом. *Белый стих* — метрические стихи без рифм.

79. Ст. I, с. 17, под загл. «Жажда». Печ. по ССоч. XIII, с. 82. Стих. варьирует положение Шопенгауэра: «Таким образом, в той самой степени, в какой усиливается отчетливость познания и возвышается сознание, — возрастает и мука, и, следовательно, своей высшей степени достигает она в человеке» (Шопенгауэр I, с. 320). Ср. стих. Тютчева «Итальянская villa».

*** 80.** Печ. впервые по автографу ПД. В автографе этому стихотворению предшествует другое стихотворение с той же датой, возможно первая часть, впоследствии отброшенная. Об отношении Сологуба к своей матери Татьяне Семеновне Тетерниковой (ум. 1894) пишет О. Н. Черносвитова: «Ф. К. ее очень любил и жалел за тяжелую унизительную жизнь в людях, за постоянную нужду. Когда летом 1894 года Татьяна Семеновна заболела воспалением легких... Федор Кузьмич с сестрой... ухаживали за больной, не отходили от ее постели, не спали ночей. На руках у них она скончалась» (ПД). В заметках к автобиографической поэме «Одиночество» Сологуб писал о матери: «Упреки и жалобы, обращенные к сыну»; «Когда он стал ее понимать, она умерла. Апофеоз матери».

81. ПЖ, 1897, № 234, с. 1966 (цикл «На севере»), без деления на строфы. Печ. по ПК 1908, с. 80 (разд. «Дымный ладан»). Автограф — ПД, под загл. «Мечтатель».

82. Печ. впервые по автографу ПД.

*** 83.** Т, с. 174, без строф 3, 4. Печ. по ССоч. XIII, с. 73. Автографы — ПД. В автографе первой ред. под загл. «Заэфирные мечты» героем стих. является не «дева», а «отрок». В автографах обеих редакций после строфы 13 еще одна, последняя строфа. Стих. развивает тему, намеченную ранее; ср.: «В небе звезды ярко блещут...» (19 января 1890), «Он беден был и молод...» (20 января 1894).

*** 84.** ПЖ, 1905, № 829, с. 7482. Автограф — ПД, с зачеркнутой строфой после строфы 2. Положено на музыку А. Шапошниковым (1924).

85. ПБА, с. 153. Машинопись с правкой — ПД.

86. ЗР, 1908, № 11—12, с. 32. Автографы — ПД. Черновой автограф датирован 21 июня 1890 г. — 24 июля 1891 г. Беловой автограф датирован раздельно по строфам: 1, 2 — 24 июля, 3 — 1 августа, 4—7 — 4 августа, 8—22 — 6 августа, 23—29 — 9 августа, 30—33 — 24 августа, 34—43 — 28 августа 1894 г. «Кремлев» написан в популярном в 1880—1890-х годах жанре стихотворной повести, рассказа (ср. подобные произведения К. М. Фофанова, Я. П. Полонского, К. К. Случевского, Д. С. Мережковского и др.). Сологуб продолжает идущую от «Домика в Коломне» Пушкина традицию повести, написанной октавами, с декларативным изображением жизни простых людей, их быта. В послесловии к книге «Уединенный домик на Васильевском. Рассказ А. С. Пушкина по записи Титова» (СПб., 1913) Сологуб писал о глубоком волнении, с которым он слушал в чтении П. Е. Щеголева «этот, сочетавший полуулыбчиво написанную чертовщину с очаровательно ясным изображением быта, вариант „Домика в Коломне“». Не случайно, что «Кремлев» и «наивная повесть в стихах» «Ксения» (1888) были опубликованы в 1908—1909 гг., в пору кризиса символистской поэзии и зарождения акмеизма (кларизма), утверждавшего внимание к материальной стороне жизни, быту. Образ Кремлева напоминает героя романа Сологуба «Тяжелые сны», который писался в 90-е годы.

* **87.** Ст. I, с. 72. Автограф — ПД, под загл. «Усталые», после строфы 1 — зачеркнутая строфа.

88. Печ. впервые по машинописи с авторской правкой ПД. Автограф — ПД, с разночтениями.

89. Ст. I, с. 10. Автограф — ПД.

90. Печ. впервые по автографу ПД. Имеется запись Сологуба: «Стихи. Переложение прямо виденного» (картотека «Темы стихов» — ПД).

91. Ст. I, с. 38. Автограф — ПД. *Стрибог* (слав. миф.) — предположительно, бог ветров. Положено на музыку Ц. А. Кюи (вокальный квартет, 1901).

* **92.** Ст. I, с. 49, др. ред. Печ. по ССШ IX, с. 77. Автограф — ПД, с вариантами ст. 11—13, 16, 18—20.

93. Ст. I, с. 20. Автограф — ПД, с разночтениями.

94. Печ. впервые по автографу ПД.

95. Т, с. 178. Автограф — ПД.

96. БН, с. 206. Автограф — ПД, строфа 1 датирована 15 ноября 1894 г., строфа 2 — 13 декабря 1894 г.

* **97.** Т, с. 153. На странице из Ст. I Сологуб восстановил первую редакцию, где строфе 1 предшествует выпущенная строфа, и изменил ст. 3: «Как мне больно идти, как мне трудно дышать» (ПД). Ср.: «Что же мне так больно и так трудно» (Лермонтов, «Выхожу один я на дорогу. . .»).

* **98.** ПЖ, 1899, № 327, с. 2711 (цикл «Советы»), др. ред., ст. 1: «О, смертный, верь обманам». Печ. по ССт., с. 21. Автограф — ПД.

99. Ст. I, с. 12, под загл. «Сокрытая красота». Печ. по ССШ I, с. 192. Автограф — ПД, ст. 4: «Зачарованные грезами». Положено на музыку Ц. А. Кюи. *Гиппиус* Зинаида Николаевна (1869—1945) — поэтесса, беллетристка, литературный критик (псевд. «Антон Крайний»), вместе со своим мужем Д. С. Мережковским принадлежала к так называемому старшему поколению символистов; после Октябрьской революции — эмигрантка, как и Д. С. Мережковский, заняла активную антисоветскую позицию. З. Гиппиус, Д. Мережковский и Сологуб были в начале 90-х годов ближайшими сотрудниками журнала «Северный вестник», но в 1897 г. прекратили свои отношения с журналом из-за разногласий и столкновений с его фактическим редактором — А. Л. Волынским. З. Гиппиус в 90-е годы с большим сочувствием относилась к поэзии Сологуба и писала ему 28 декабря 1895 г. о первой книге его стихов: «Она мне доставила истинное удовольствие, там есть стихотворения, которые достойны быть названы прекрасными. Правда, их немного (Слабые цветы, Качели, Жажда,

Гости, Тайна жизни), но мы не мерим поэзию на вес, а упомянутые стихи, по мнению моему, *почти* совершенны» (ЦГАЛИ).

100. Печ. впервые по автографу ПД.

* **101.** В, 1908, № 9, с. 11 (цикл «Моя змея»). Черновой автограф — ПД, с зачеркнутыми вариантами ст. 1—3, 8. Беловой автограф — ПД, ст. 1: «Ты устал, — ты едва только можешь дышать».

102. Ст. I, с. 45. Автограф — ПД.

* **103.** Ст. I, с. 50, под загл. «Дорогой потаенной». Печ. по ССШ I, с. 145. Автограф первой редакции — ПД.

* **104.** Печ. впервые по автографу ПД, где зачеркнут вариант строфы 2.

* **105.** КН, 1897, № 9, с. 157. Печ. по ССШ I, с. 140. Автографы разных редакций — ПД.

* **106.** В, 1908, № 9, с. 10 (цикл «Моя змея»). Автограф — ПД, с разночтениями. Образ змеи первоначально в стих. «Некогда мне наслаждаться...» (13 июня 1894).

107. «Голос Сибири», 1911, 1 января.

108. ПЖ, 1905, № 820, с. 7333. Автограф — ПД. Ср. в стих. З. Н. Гиппиус «Песня»: «Мне нужно то, чего нет на свете...» См. примеч. 99.

* **109.** Сл., 1908, 27 июля, без деления на строфы. Печ. по ССоч. XIII, с. 101. Автографы — ПД.

110. Ст. I, с. 24. Автограф — ПД.

* **111.** ПЖ, 1896, № 210, с. 1775, др. ред. Печ. по ПК 1908, с. 84 (разд. «Дымный ладан»). Автографы — ПД.

112. ПЖ, 1897, № 254, с. 2132, под загл. «Зверобой», ст. 1: «На серых кучах сора»; ССт., без загл., с вариантом ст. 6. Печ. по ССШ IX, с. 21. Автографы — ПД.

113. «Нива», 1917, № 22, с. 331, без деления на строфы. Печ. по ВБ, с. 7. Автограф — ПД.

114. КН, 1897, № 12, с. 127, без деления на строфы; Т. Печ. по ССШ I, с. 16. На автографе (ПД) выписка: «Ряска малевы плавает в стоячих водах, иногда загнивает». Строфы 2 и 3 датируются 11 июля 1895 г. Положено на музыку А. Шапошниковым (1924).

115. Печ. впервые по автографу ПД. *Как бессвязный рассказ идиота, Надоедлива жизнь и темна.* Ср. слова Макбета в одноимен-

ной трагедии Шекспира (д. V, сц. 5): «Жизнь... это сказка, рассказанная идиотом, много в ней треска, много неистовства, но смысла ровно никакого» (Полн. собр. соч. В. Шекспира в прозе и стихах. Пер. П. А. Каншин, т. 2, СПб., 1894, с. 310).

* **116.** СВ, 1893, № 7, с. 142, под загл. «Амфора», с вариантами ст. 5—7, 11, 14, 16; Ст. I. Печ. по ССШ I, с. 68. Автограф — ПД (начальные слова строк, с датой: 12 сентября 1895 г.).

* **117.** С, 1897, № 12, с. 364. Печ. по ССШ IX, с. 203. Автограф — ПД, с зачеркнутой первоначальной ред.

* **118.** ССШ IX, с. 70. Автограф — ПД, с вариантом строфы 3, датированным 4 октября 1895 г.

119. ЧЧ, с. 37.

120. БС, 1908, № 4, с. 17. Автограф — ПД.

121. АМ, с. 80 (разд. «Недоля»). Автограф — ПД.

122. Печ. впервые по автографу ПД.

123. ССШ I, с. 130. Автограф — ПД, с разночтениями. В своей статье о Сологубе Брюсов привел это стих. как наиболее характерное для раннего творчества поэта (см.: Брюсов, с. 109).

124. ПЖ, 1897, № 252, с. 2113 (цикл «Сны»), без деления на строфы, ст. 21: «И сердцем одинокий». Печ. по ССт., с. 13. Автограф — ПД, строфа 4 зачеркнута.

125. Печ. впервые по машинописи ПД, где автором дописаны ст. 13—18. Автограф ст. 1—12 — ПД. В основу стих. положен распространенный фольклорный сюжет (см.: «Великорусские народные песни, изд. проф. А. И. Соболевским», т. 1, СПб., 1895, с. 26—38), который в дальнейшем разработан Сологубом в драме «Ванька Ключник и паж Жеан» (1908).

126. «Былое-грядущее», 1908, № 3 (7), с. 1, под загл. «В городе», с разночтениями. Печ. по ССШ IX, с. 56. Автограф — ПД.

127. «Всемирная иллюстрация», 1896, № 1442, с. 273, без деления на строфы. Печ. по ССШ IX, с. 204.

128. Т, с. 119. Автограф — ПД.

129. КН, 1897, № 3, с. 180, под загл. «Судьба», с разночтениями. Печ. по Т, с. 110. Автограф — ПД, ст. 1: «Дорогою ненужною».

130. ПЖ, 1898, № 313, с. 2601 (цикл «Параллели»), без деления на строфы. Печ. по ССШ IX, с. 89. Автограф — ПД.

131. Т, с. 105. Автограф — ПД.

132. ПЖ, 1898, № 288, с. 2399 (цикл «Во сне»), без деления на строфы. Печ. по ПК 1908, с. 87 (разд. «Дымный ладан»). Автограф — ПД. Положено на музыку Р. М. Глиэром (1913).

133. Т, с. 184. Автограф — ПД, строфы 1, 2 датируются 21 марта 1896 г., строфа 3 — 30 марта 1896 г.

134. Печ. впервые по автографу ПД. Первоначальный вариант написан от первого лица, ст. 8: «И чего мне искать у людей», ст. 11—12: «И в одном только гордость моя — Умереть, как я жил одинок».

* **135.** СВ, 1896, № 7, с. 198. Автограф — ПД, после ст. 16 зачеркнуты четыре ст. первой редакции, датированной 17 марта 1896 г., ст. 21—24 датированы 27 апреля 1896 г. В. Брюсов в статье о Сологубе писал: «Сологуб, рассказывая нам о Тезее, о Ариадне... ищет лишь примеров, ярких образов, выражающих его субъективные воззрения на мир и на жизнь» (Брюсов, с. 113). *Ариадна, Тезей, Минотавр* — см. примеч. 5.

136. Печ. впервые по автографу ПД. В машинописи ПД ст. 3, 9 нет.

137. Т, с. 112. Автограф — ПД.

* **138.** Т, с. 113. Автограф — ПД, с зачеркнутыми ст. Сохранилась запись Сологуба: «Поразительная способность воспроизведения болезненных состояний души, истерических ощущений, умение передавать сны, кошмары, химеры и т. д. Колоссальные и удивительные результаты. Моя область — между грезой и действительностью. Я — настоящий поэт бреда» (папка «Материалы» — ПД).

139. Печ. впервые по машинописи с авторской правкой ПД.

140. ПЖ, 1897, № 262, с. 2191 (цикл «Жизнь»), без загл., с разночтением; ССт. Печ. по ССШ V, с. 86. В автографе (ПД) ст. 1—8 датированы 7—8 июня 1896 г., ст. 9—12 — 12 июня 1896 г., ст. 13—16 — 2 июня 1897 г. Ср. стих. Н. Минского «Как сон пройдут дела и помыслы людей...».

* **141.** КН, 1897, № 6, с. 116, под загл. «След», с вариантами ст. 1, 3, 20, 21, 23. Печ. по ССт., с. 35. Автограф — ПД.

142. Ст. I, с. 146, без деления на строфы. Печ. по ССШ V, с. 168. Автограф — ПД.

143. Т, с. 116. Автограф — ПД. *Зой* (обл.) — крик, шум, гул; озорной мальчишка (зуй); у Сологуба — мифическое существо, олицетворяющее эхо (ср. стих. «В лесу живет проказник неуемный...» — ССШ V, с. 35).

144. СВ, 1897, № 1, с. 230. Печ. по ПК 1908, с. 55 (разд. «Земное заточение»). Автограф — ПД.

145. Т, с. 162, под загл. «Лисица». Печ. по ССШ I, с. 79. В автографе (ПД) строфа 1 датирована 6—7 июля, строфа 2 — 7—8 июля 1896 г. В основу строфы 1 положен рассказ греческого писателя Плутарха (46—127 н. э.), приведенный в «Жизнеописании Ликурга» в качестве примера стойкости и выносливости спартанцев, о мальчике, который украл лисицу и, скрывая ее под одеждой, не выпустил ее и не подал виду, когда она прогрызла ему живот и добралась до внутренностей.

* **146.** ПЖ, 1897, № 262, с. 2191 (цикл «Жизнь»). В автографе (ПД) зачеркнут вариант ст. 12—14.

* **147.** БН, с. 208, без деления на строфы. Печ. по ССоч. XIII, с. 118. Автографы — ПД. В одном из них перед строфой 1 еще одна строфа.

148. НП, 1903, № 2, с. 66 (цикл «Подземные песни»). Автограф — ПД, где строфа 3 датируется 22 апреля 1900 г.

149. ВЖ, 1905, № 4-5, с. 44. Автограф — ПД, с пометой: «Вен⟨иамин⟩». Имеется запись Сологуба: «Стихи Вениамина. Я — природа. Соединение с природой. Я — душа природы. Я — бог. Но и молитва. Я — тайна моя. Природа — мое косное тело. Только моя воля. Одиночество. Атрибуты природы — мои чувства. Я — движение в природе. Я — в том или в другом в природе. Видимость — игра моей природы. Нераздельность всех людей и даже прежде живших» (картотека «Темы стихов» — ПД). Стих. перекликается с суждением Шопенгауэра в трактате «Мир как воля и представление» о том, что человек, который «настолько погрузился в созерцание природы, настолько забылся в нем, что остается только чистым познающим субъектом», «воспринимает в себя природу, так что чувствует ее лишь как акциденцию своего существа» (Шопенгауэр I, с. 187).

150. Печ. по ССоч. XIII, с. 119. Автограф — ПД, без загл., с пометами: «Днем, вагон»; «Вен⟨иамин⟩» (см. примеч. 149). Ср. стих. «Знаю я, — во всей вселенной. . .» (АМ, с. 150), которое, возможно, — первая ред.

151. ПЖ, 1898, № 316, с. 2623 (цикл «Молитва»). Печ. по ССт., с. 102. Автограф — ПД.

152. ПЖ, 1898, № 288, с. 2399 (цикл «Во сне»). Печ. по ПК 1908, с. 33 (цикл «Личины переживаний»). Автограф — ПД, с пометой: «Вагон».

153. СВ, 1897, № 4, с. 52, без деления на строфы. Печ. по ССт., с. 99. Автограф — ПД.

154. Т, с. 166, без строф 1, 2. Печ. по ССШ I, с. 108.

155. «Жизнь», 1898, т. XVII, № 14, с. 164. Печ. по ССШ I, с. 33. Автограф — ПД, ст. 2 первоначально: «Где свиньи хрюкали и дети

лепетали». В. Я. Брюсов в своем экземпляре ССШ I отчеркнул ст. 3—4 и написал: «Плохо» (ЛН, с. 671).

156. Б, 1903, № 10, с. 587, под загл. «Успокоенье». Печ. по ССт., с. 71. Автограф — ПД, с пометой: «Вагон».

157. ССт., с. 161. Автограф — ПД.

158. «Сб. товарищества „Прогресс"», т. 1, М., 1911, с. 158. Автограф — ПД.

* **159.** Сл., 1905, 16 марта. Автограф первой редакции — ПД, с вариантом строфы 4.

160. Фим., с. 13. Список с правкой Сологуба — ПД.

161. СЦ II, с. 112. Автограф — ПД, под загл. «4 заповеди», с делением на двустишия, пронумерованные: 1—4.

* **162.** «Словцо», 1899—1900, № 9, с. 1, под загл. «Колыбельная песня. Себе самому», без деления на строфы. Печ. по ССт., с. 15. Автографы — ПД. В автографе первой редакции варианты ст. 1—4, 7, 10, 15. Строфы 1—3 датированы 1 декабря 1896 г.

163. СЦ I, с. 93. Печ. по ССШ V, с. 186. Автограф — ПД.

164. Печ. впервые по машинописи ПД. Автограф — ПД, с разночтением, помета: «Вениамин» (см. примеч. 149).

* **165.** ПЖ, 1897, № 234, с. 1966 (цикл «На севере»). Автографы — ПД. Автограф первой редакции с датой: 23 декабря 1894 г.

166. В, 1908, № 9, с. 7 (цикл «Моя змея»). Автограф — ПД.

167. КН, 1896, № 4, с. 142, под загл. «Шут». Печ. по ССт., с. 7. Автографы — ПД. В автографе ст. 1—18 датируются 17 декабря 1895 г. Сологуб писал В. Я. Брюсову 25 мая 1897 г.: «Благодарю Вас за добрые слова о моем Шуте. Ваш отзыв доставил мне большое удовольствие и утешение, он был бы приятен для меня и при всяких обстоятельствах, как отзыв любимого мною мастера поэзии, — и особенно приятен теперь, при моих литературных скитальчествах и неудачах» (ГБЛ).

168. ПЖ, 1897, № 262, с. 2191. Автограф — ПД.

* **169.** С, 1897, № 40, с. 1251. Автограф — ПД, с зачеркнутым первоначальным вариантом ст. 21—24. Имеется запись Сологуба: «Стихи. Отдельные образы из народных сказок — сказок других народов. . .» (картотека «Темы стихов» — ПД).

* **170.** ПЖ, 1897, № 250, с. 2095 (цикл «Пустыня»), без деления на строфы, с вариантами ст. 11, 12. Печ. по ПК 1908, с. 95. Автограф — ПД.

171. СЦ I, с. 91. Печ. по ССт., с. 43. Автограф — ПД, вместе со стих. «Порою туманной. . .» составляет цикл «Далекая».

172. СВ, 1897, № 5, с. 248. Автограф — ПД. См. примеч. 171. Положено на музыку А. Т. Гречаниновым (1925).

173. ПЖ, 1897, № 242, с. 2034 (цикл «Звезды»). Автограф — ПД.

174. ПЖ, 1897, № 242, с. 2034 (цикл «Звезды»). Печ. по ПК 1908, с. 60 (разд. «Земное заточение»). Автограф — ПД, после даты помета: «Литейный» (проспект в Петербурге).

175. ССт., с. 164. Автограф — ПД, с разночтениями, ст. 1—12 датированы 8 апреля 1897 г., ст. 13—16 — 20 октября 1899 г. Сюжет стих. использован Сологубом в романе «Творимая легенда» (дети в усадьбе Триродова). Имеется его запись: «Создать детское царство» (ПД). *Зой* — см. примеч. 143.

176. ПЖ, 1897, № 256, с. 2144 (цикл «Ночи»), без деления на строфы. Печ. по ССт., с. 41. Автограф — ПД. Ср. в романе Сологуба «Тяжелые сны» (СПб., 1896): «Издали доносились болтливые звуки реки у мельничной запруды, словно там звучно лепетала, и смеялась, и плакала беспокойная русалка, с белым телом и зелеными волосами»; «Припомнился ему смех русалки на мельничной запруде, тот смех, который слышался ему в одну из его тяжелых ночей» (с. 122, 231).

177. РМ, 1907, № 4, с. 25. Автограф — ПД.

178. РМ, 1907, № 10, с. 39. Автограф — ПД. Поэтическая идея стихотворения перекликается с положением Шопенгауэра о жизни как постоянном умирании (см.: Шопенгауэр I, с. 321) и различии между детьми и взрослыми (глава «О гении» — Шопенгауэр II, с. 386—410). Стихотворение как бы пересказывается в романе Сологуба «Творимая легенда» (1907): «Живут, на самом деле живут только дети. Живы дети, только дети. Зрелость — это уже начало смерти» (ССоч. XVIII, с. 169). Те же мысли развиваются в статье Сологуба «Мудрость Метерлинка» (1915): «Детство, не знающее любви, не знает и смерти, не понимает ее, не клонится к ней... Дети и живут не так, как мы; живут радостно, светло, играя, воспринимая все от жизни, что только она может дать, жадно поглощая в себя все впечатления бытия, накопляя силы... Нет больше грани, как от детства к возмужалости. Покойники от живых отличаются не меньше, чем мы, взрослые, от детей» (ПД).

179. «Нива. Ежемесячные лит. приложения», 1897, № 7, с. 491, под загл. «Помоги!». Печ. по ССт., с. 5. Автограф — ПД. К. И. Чуковский писал, что впервые прочел это стих. «еще мальчиком»: «Меня поразила аскетическая простота этих строк. Ни одного эпитета, ни одной метафоры, никакого щегольства перезвонами, никакого красноречия, никаких патетических жестов, нищенски бедный словарь — но в этом отсутствии эффектов и заключался сильнейший эффект: чем безыскусственнее была форма этих внешне убогих сти-

хов, тем вернее они доходили до сердца. Тем-то и поразили меня эти стихи: я понял, что для такой безыскусственности требуется большое искусство, что в этой предельной простоте — красота» (Чуковский, VI, с. 332—333).

180. В, 1908, № 9, с. 11 (цикл «Моя змея»). Печ. по ССШ IX, с. 28. Автограф — ПД.

181. РВ, 1903, № 1, с. 130. Автограф — ПД.

182. КД, с. 38 (разд. «Путь»). Автограф — ПД, без загл., позже зачеркнуты строфы 3—5.

183. ПЖ, 1897, № 256, с. 2144 (цикл «Ночи»); ССт. Печ. по ССШ I, с. 95. Автограф — ПД.

184. ПЖ, 1897, № 256, с. 2144 (цикл «Ночи»). Печ. по ССШ I, с. 183. Автограф — ПД.

185. НП, 1903, № 2, с. 67. Автограф — ПД, строфы 1, 2 датированы 18 августа, строфа 3 — 20 августа 1897 г.

186. Н, 1900, № 8, с. 64, под загл. «Мечта», с разночтениями. Печ. по ССт., с. 31. Автограф — ПД. Положено на музыку Р. М. Глиэром (1911).

187. ПЖ, 1904, № 763, с. 5519, без деления на строфы. Печ. по ПК 1908, с. 88 (разд. «Дымный ладан»). Автограф — ПД.

188. ЧЧ, с. 18. Автограф — ПД, под загл. «Заклятие». Строфы 1, 2 датированы 27 августа 1897 г., строфа 3 дописана позднее. *Прокуда* (обл.) — вредный, злорадный человек, пакостник.

* **189.** РО, 1898, № 3, с. 192, под загл. «Мечта», с вариантом ст. 3. Печ. по ССт., с. 46. Автограф — ПД, без загл., зачеркнут первоначальный вариант строфы 3.

190. Печ. впервые по автографу ПД.

191. Б, 1903, № 11, с. 691. Автограф — ПД.

192. С, 1898, № 20, с. 620, под загл. «Истома», с разночтениями; ССт. Печ. по ССШ I, с. 102. Автограф — ПД.

193. Б, 1903, № 12, с. 832, с другим строфическим делением. Печ. по ССт., с. 169. Автограф — ПД. Сохранилась запись Сологуба: «Гадания. 1. Приметы. 2. Обряды. 3. Жребий. 4. Загадки. 5. Пари. 6. Угадывания. 7. Карты. 8. На книгах. 9. Гуща. 10. Олово. 11. Жечь бумагу» (папка «Материалы» — ПД).

194. Печ. впервые по автографу ПД.

195. ССт., с. 153. Автограф — ПД.

196. Ежемесячное лит. приложение к ЖО, 1898, № 11, с. 128, под загл. «Мечта», ст. 6: «Каблучками по камням звеня». Печ. по ПК 1908, с. 158. Автограф — ПД. Положено на музыку Р. И. Мервольфом (1912).

197. НП, 1904, № 11, с. 39. Автограф — ПД.

198. ВЖ, 1905, № 4-5, с. 42, без деления на строфы. Печ. по ССоч. XIII, с. 133. Автограф — ПД.

199. ВЖ, 1905, № 4-5, с. 47, без деления на строфы. Печ. по ПК 1908, с. 90 (разд. «Дымный ладан»). Автограф — ПД. Строфы 1, 2 датированы 20 декабря, строфы 3, 4 — 21 декабря 1897 г.

200. ЖО, 1898, № 47, с. 939, под загл. «Докука-ворог», с разночтением и без деления на строфы. Печ. по ССт., с. 12. Автограф — ПД.

201. ПК 1908, с. 43 (разд. «Земное заточение»). Автограф — ПД.

202. Н, 1901, № 7, с. 157, под загл. «На помощь». Печ. по ССт., с. 6. Автограф — ПД.

203. Б, 1903, № 8, с. 394, под загл. «Духовной жизни торжество», без деления на строфы. Печ. по ПК 1908, с. 113 (разд. «Преображения»). Автограф — ПД.

204. РВ, 1902, № 12, с. 504. Автограф — ПД.

205. НП, 1903, № 2, с. 63. Автограф — ПД, строфа 1 датирована 20 августа 1897 г., строфы 2, 3 — 20 марта 1898 г.

206. МИ, 1901, № 5, с. 200, без деления на строфы, в ст. 11: «радость». Печ. по ССт., с. 3. Автограф — ПД, строфа 1 датирована 11 ноября 1894 г., строфы 2, 3 — 4 апреля 1898 г.

207. БС, 1909, № 19, с. 17. Автограф — ПД, строфы 1—4 датированы 23 декабря 1897 г., строфа 5 — 10 июня 1898 г.

208. «Отмена визитов», 1910, 18 апреля, с. 11. Автограф — ПД, с вариантами ст. 6—9, 11, 12. В архиве Сологуба сохранились прозаические наброски картин весны с пометой «Миракс», например: «Тащится лошадь по пашне Блестит железо сохи. Мужик идет светлый, улыбается, покряхтывает. Ему надо взрезать землю. Ничего этого я не видел до этого утра. Все новое каждый день! Как неистощимо рождается невиданное» (ПД).

209. ПЖ, 1899, № 327, с. 2711, без деления на строфы (цикл «Советы»). Печ. по ССт., с. 37. Автограф — ПД, ст. 1 первоначально: «Иди к врагу». Сологуб писал сестре 10 октября 1891 г.: «...в сношениях с людьми осторожность никогда не бывает излишней; лучше слишком много осторожности и недоверия, чем слишком много доверчивости и беспечности» (ПД).

210. ПЖ, 1898, № 306, с. 2543 (цикл «Соответствия»). Печ. по ПК 1908, с. 154 (разд. «Тихая долина»).

211. МИ, 1901, № 5, с. 197, без деления на строфы. Печ. по ПК 1908, с. 86 (разд. «Дымный ладан»). Автограф — ПД.

212. «Нива. Ежемесячные лит. приложения», 1908, т. II, № 5, с. 113, без загл., с разночтениями, разбито на рифмующиеся полустишия: «Весь дом в покое, И лишь одно Окно ночное Озарено» и т. д. РМ, 1908, № 12, окончательная ред., без загл. Печ. по ССоч. V, с. 9. Автограф — ПД, с пометой: «Ночь на 3 авг⟨уста⟩ 1898. Улицы СПб.»

* **213.** БС, 1908, № 1, с. 1, без деления на строфы. Печ. по ССШ IX, с. 46. Автограф — ПД, с вариантами ст. 7, 8. В связи с публикацией стихотворения Главное управление по делам печати возбудило судебное преследование против издателя журнала И. М. Бикермана (ценз. дело — ЦГИАЛ).

214. ПЖ, 1898, № 315, с. 2615 (цикл «На склоне»), с вариантом строфы 2. Печ. по ССШ V, с. 82. Автограф — ПД.

215. ССШ IX, с. 147. Автограф — ПД, строфы 1, 2 датированы 10 июня, строфы 3—6 — 13 августа, строфы 7, 8 — 14 августа 1898 г.

216. ССт., с. 173. Автограф — ПД.

217. З, 1913, № 7, с. 12. Автограф — ПД.

218. ПЖ, 1898, № 315, с. 2615 (цикл «На склоне»), без деления на строфы. Печ. по ССт., с. 45. Автограф — ПД.

219. ПБА, с. 155. Автограф — ПД.

220. З, 1913, № 7, с. 11, без деления на строфы. Печ. по АМ, с. 14 (разд. «Мечта»). Автограф — ПД.

* **221.** ПЖ, 1899, № 327, с. 2711 (цикл «Советы»), с вариантами ст. 1, 5, 7, 8. Печ. по ССШ V, с. 166. Автограф — ПД.

222. Печ. впервые по автографу ПД.

223. ЖО, 1902, № 15, с. 226. Автограф — ПД.

224. ЖО, 1905, № 7, с. 154. Автограф — ПД, строфы 1—3 датируются 27 августа 1898 г., строфа 4 — 10 февраля 1900 г.

225. ПЖ, 1898, № 315, с. 2615 (цикл «На склоне»), без деления на строфы, ст. 11: «Одинокий, безрадостный». Печ. по ПК 1908, с. 129 (разд. «Волхвования»). Автограф — ПД.

226. ССШ IX, с. 68. Автограф — ПД, ст. 3: «Со мной неотступное лихо».

227. ПЖ, 1905, № 822, с. 7364, без загл. Печ. по ССоч. XIII, с. 140. Автограф без загл. — ПД.

228. ВЖ, 1905, № 4-5, с. 43. Автограф — ПД. Положено на музыку Р. И. Мервольфом (1912).

229. «Цветник Ор», кошница 1, СПб., 1907, с. 27 (цикл «Пустыня»). Автограф — ПД.

* **230.** КД, с. 26 (разд. «Путь»). Автограф — ПД, без загл., с вариантами строфы 2, ст. 12, 14, 15.

* **231.** ССт., с. 20. Автограф — ПД, первоначальная ред. Окончательная ред. образована путем дополнения нечетных строк.

232. «Слово», лит.-худ. сб., кн. 1, М., 1908, с. 154. Автограф—ПД.

233. ПЖ, 1898, № 316, с. 2623 (цикл «Молитва»), без деления на строфы. Печ. по ССШ V, с. 149. Автограф — ПД. П. П. Перцов вспоминал: «Нуждаясь в средствах, Сологуб должен был отдавать много времени и сил неприятной ему службе — особенно неприятной потому, что она заставляла его вставать рано и ограничивать ночную работу, которую он очень любил» (Перцов, с. 233).

234. «Денница. Альманах 1900 г.», с. 71, ст. 12: «За утратою — снова утрата!» Печ. по ПК 1908, с. 57 (разд. «Земное заточение»). Автограф — ПД.

235—240. ССт., с. 57—60. Стих. 3 печ. по ССШ I, с. 178. Автографы — ПД. А. А. Блок особенно ценил этот цикл; на экземпляре «Стихов о Прекрасной Даме» (1904), подаренном Сологубу, он написал: «Федору Кузьмичу Сологубу — автору Звезды Маир — Утешения — Сказок в знак глубокого уважения и благодарности» (ПД). *Звезда Маир.* Название образовано по аналогии с Альтаир (см. примеч. 677). *Земля Ойле* — названа, возможно, по имени Оле-Лукойе («Оле — закрой глазки», датск.), которое носят братья, герои одноименной сказки Андерсена, олицетворяющие сон и смерть. *Река Лигой.* Возможно, название происходит от Лиго (латышск. миф.), богини любви и счастья.

241. ССШ IX, с. 160. Машинопись с правкой — ПД.

* **242.** ПЖ, 1904, № 765, с. 5552, с разбивкой на четверостишия. Печ. по ССШ I, с. 214. Автограф — ПД, без ст. 17—20, написан двухстопным ямбом.

243. Печ. впервые по автографу ПД.

244. ССт., с. 131. Автограф — ПД.

245. ССт., с. 80. Автограф — ПД, с разночтениями. Положено на музыку М. Ф. Гнесиным.

* **246.** С, 1899, № 8, с. 227, с вариантами ст. 11, 13—16. Печ. по ПК 1908, с. 194 (разд. «Последнее утешение»). Автограф — ПД. В. Я. Брюсов в своем экземпляре ССШ I написал у строфы 1: «Простота».

247. С, 1898, № 51, с. 1603. Автограф — ПД.

248. С, 1898, № 48, с. 1507. Автограф — ПД.

249. НП, 1904, № 1, с. 141 (цикл «Гимны страдающего Диониса»). Автограф — ПД.

* **250.** «Невский альманах жертвам войны», Пг., 1915, с. 71. Автограф — ПД, с вариантом строфы 3. *Меледа* — бесконечное, бесплодное, однообразное дело.

251. Гриф, с. 57. Печ. по ПК 1908, с. 134 (разд. «Волхвования»). Автограф — ПД.

252. СЦ I, с. 92. Автограф — ПД. *Если трудно мне жить, если больно дышать.* См. примеч. 97.

253. В, 1908, № 9, с. 8 (цикл «Моя змея»). Автограф — ПД. Имеется запись Сологуба: «Стихи о запахах: цветов, разных вещей. . .» (картотека «Темы стихов» — ПД).

254. ССт., с. 165. Автограф — ПД. Брюсов в статье 1910 г. о сочинениях Сологуба писал: «Все его выражения, все его слова обдуманы и осторожно выбраны. Такая простота в сущности является высшей изысканностью, потому что это — изысканность скрытая, доступная лишь для зоркого, острого взгляда». В качестве примера Брюсов приводил строфу 2 этого стихотворения и указывал «на всю изощренность ее рифм, в которых согласована не только consonne d'appui ⟨опорная согласная⟩, но и предыдущая гласная» (Брюсов, с. 108).

255. ЖО, 1902, № 24, с. 370. Автограф — ПД.

256. Печ. впервые по автографу ПД. Сологуб писал 8 ноября 1898 г. П. И. Вейнбергу, приглашавшему его выступить в публичном чтении: «. . .Появление мое на эстраде не может представить для публики ни малейшего интереса, потому что я не пользуюсь в ней никаким успехом. И проза, и стихи мои или вовсе не печатаются в журналах, или печатаются неохотно, изданные мною самим книги не находят покупателей, самое имя мое известно разве только небольшому числу людей, чрезвычайно внимательно следящих за всем, что появляется в печати» (ПД).

* **257.** Печ. впервые по машинописи ПД. Автограф ранней ред. — ПД.

258. «Жизнь для всех», 1905, № 6, с. 331, без деления на строфы. Печ. по ПК 1908, с. 58 (разд. «Земное заточение»). Автограф — ПД. Положено на музыку П. Полуяновым («Песенка», 1915).

259. КН, 1900, № 6, с. 155. Автограф — ПД.

260. ЖО, 1904, № 52, с. 954. Печ. по ССШ IX, с. 87. Автограф и машинопись с авторской правкой — ПД.

261. ПЖ, 1903, № 739, с. 5173. Печ. по ПК 1908, с. 121 (разд. «Волхвования»). Автограф — ПД, с пометой: «50 мин. п⟨о⟩ п⟨олу⟩н⟨очи⟩.»

262. ПЖ, 1905, № 824, с. 7405, с вариантами ст. Печ. по ССШ V, с. 154. Автограф — ПД.

* **263.** Гриф, с. 61, после строфы 4 еще строфа. Печ. по ССШ I, с. 117. Автограф — ПД. Положено на музыку Р. И. Мервольфом (1913).

264. ССШ V, с. 45. Автограф — ПД. Положено на музыку Ю. Л. Вейсбергом.

265. ПЖ, 1904, № 768, с. 5601. Автограф — ПД.

266. ПЖ, 1905, № 808, с. 7150, ст. 2: «В моей воде, в моей земле»; ст. 5: «И окружился злой стеной». Печ. по ПК 1908, с. 48 (разд. «Земное заточение»). Автограф — ПД.

267. «Северное сияние», 1908, № 1, с. 46. Автограф строф 1, 2 — ПД, с датой: 20 марта 1899 г. и пометой: «У Случевского». Ср. стих. Случевского «Невеста». Сологуб с большим уважением относился к творчеству К. К. Случевского (1837—1904). С 1898 г. он посещал литературные «пятницы» у Случевского, а после его смерти — кружок «Вечера Случевского» вплоть до закрытия в 1910 г. Говоря о Фофанове, которого считал талантливым, Сологуб, однако, заметил: «Случевский талантливее его, так как он — больше поэт, чем Фофанов» (Ф. Фидлер, Черты из жизни Фофанова. — БВ, 1916, № 15565, с. 6). Сологубу были близки философская направленность поэзии Случевского, его неприятие окружающей действительности, глубокий пессимизм. Не мог не импонировать Сологубу личностный характер философской лирики Случевского, ее стилистическое своеобразие — прозаические обороты, обыденная бытовая лексика.

268. ССт., с. 132. Автограф — ПД. *Недотыкомка* (диал.) — то, до кого или чего нельзя дотронуться. Образ Недотыкомки проходит через роман Сологуба «Мелкий бес» (1892—1902), в гл. 25 имеются дословные совпадения со стихотворением: «И вот живет она, ему на страх и на погибель, волшебная, многовидная, — следит за ним, обманывает, смеется... и везде ползет и бежит за Передоновым, — измаяла, истомила его зыбкою своею пляскою. Хоть бы кто-нибудь избавил, словом каким или ударом наотмашь. Да нет здесь друзей, никто не придет спасать, надо самому исхитриться, пока не погубила его ехидная» (ССоч. VI, с. 328). Ср. описание чудовищного насекомого в романе Достоевского «Идиот» (ч. III, гл. 5 — исповедь Ипполита «Мое необходимое объяснение»). А. А. Блок писал: «Это — и существо и нет, если можно так выразиться — «ни два, ни полтора», если угодно — это ужас житейской пошлости и обы-

денщины; если угодно — угрожающий знак страха, уныния, отчаяния, бессилия. Этот ужас Сологуб окрестил „Недотыкомкой"» (А. Блок, Собр. соч. в восьми томах, т. 5, М.—Л., 1962, с. 162; ср.: там же, с. 380). «С⟨ологуб⟩ воплотил в пыль... «Недотыкомку», которая у него душа «нежитей» и «немыток» (слова С⟨ологуба⟩) — продуктов распада жизни», — замечал А. Белый (А. Белый, Мастерство Гоголя, М., 1934, с. 292). У Сологуба за стеклом шкафа висел рисунок М. В. Добужинского «Недотыкомка» (см.: «Литературный мир у Федора Сологуба». — «Газета Шебуева», 1906, № 2). Положено на музыку М. Ф. Гнесиным (1909).

* **269.** РВ, 1902, № 11, с. 38. Автограф — ПД, с первоначальным вариантом ст. 11, 12.

270. ПЖ, 1905, № 826, с. 7436. Автограф — ПД.

271. ССт., с. 79. Автограф — ПД, с пометой: «Вен⟨иамин⟩» (см. примеч. 149).

272. Б, 1903, № 1, с. 785, с разночтениями, без деления на строфы; ССоч. V. Печ. по ПК, 1922, с. 172 (разд. «Единая воля»). Автограф — ПД, с пометой: «Вен⟨иамин⟩» (см. примеч. 149).

273. ССт., с. 97. Автограф — ПД, с пометой: «Вен⟨иамин⟩» (см. примеч. 149).

274. ССШ IX, с. 183. Автограф — ПД.

* **275.** ССт., с. 81. Печ. по ССШ IX, с. 51. Автографы — ПД. Автографы первоначальных редакций датируются: первый — 12 сентября 1897 г., второй — 4—5 октября 1897 г.

276. ССШ IX, с. 98. Автограф — ПД, ст. 14: «То сестра ли с банкой целою».

277. Печ. впервые по автографу ПД.

278. НЖ, 1905, 22 мая, под загл. «Межи», без деления на строфы. Печ. по Род., с. 14. Автограф — ПД, строфы 1 и 2 датируются 29 ноября 1892 г., строфа 3 — 27 января 1900 г. Этой же теме посвящена сказка Сологуба «Две межи» (1905).

279. РМ, 1907, № 12, с. 22, ст. 3: «Давно умерший день туманный». Печ. по ССШ I, с. 60. Автограф — ПД, строфы 1—3 датируются 5 октября 1898 г., строфа 4 — 10 февраля 1900 г. См. примеч. 253.

280. ССШ V, с. 203. Автограф — ПД, ст. 11 первоначально: «Изведать ясность бытия», исправление датировано — 25 февраля 1901 г.

281. ПЖ, 1904, № 766, с. 5566. Печ. по ССШ V, с. 65. Автограф — ПД.

* **282.** МИ, 1901, № 5, с. 199; ССШ V. Печ. по ПК 1922, с. 157 (разд. «Тихая долина»). Автограф — ПД, с зачеркнутым первоначальным вариантом строфы 3 и строфы 5.

* **283.** ПЖ, 1903, № 720, с. 4870, с дополнительной строфой. Печ. по ССШ V, с. 173. Автограф — ПД, с пометой: «Вениам⟨ин⟩» (см. примеч. 149).

284. Печ. впервые по автографу ПД.

285. Печ. впервые по автографу ПД с пометой: «Вениамин» (см. примеч. 149).

286. ВЖ, 1905, № 4-5, с. 40. Автограф — ПД, с пометой: «Вениамин» (см. примеч. 149). Положено на музыку Л. Штрейхер.

287. ССШ IX, с. 190. Автограф — ПД.

288. ССоч. XIII, с. 127. Автограф — ПД, строфа 1 датирована 23 марта 1897 г., строфа 2 — 20 июля 1900 г.

289. ПЖ, 1904, № 796, с. 6048. Печ. по ССШ IX, с. 131. Автограф — ПД, ст. 20 первоначально «Ты от молвы заслонил». В 1908 г. В. Я. Брюсов написал также трехстопным дактилем одноименное стихотворение, на автографе которого имеется зачеркнутое посвящение «Ф. Сологубу» (ГБЛ). В 1900-х годах Брюсов с большим вниманием и интересом относился к поэзии Сологуба. Правда, при первом знакомстве стихи Сологуба ему не понравились. Однако неприятие сменилось вскоре полным признанием. «Со времени Вашей первой книги Вы сделали значительный шаг на пути к оригинальности, Ваши стихи несомненно произвели на меня впечатление, и мне суждено еще много раз перечитывать их», — писал он Сологубу 9 марта 1896 г. (ПД). По инициативе Брюсова в издательстве «Скорпион» вышло ССт., и в дальнейшем он постоянно привлекал Сологуба к сотрудничеству в журналах и издательствах, с которыми был связан. В письмах (ПД) Брюсов неоднократно заверяет Сологуба: «Я издавна и твердо люблю Вашу поэзию» (5 июля 1907 г.); «Верьте моей давней любви к Вам как к художнику и соратнику» (18 марта 1909 г.). «Давний поклонник и усердный читатель» — называет он себя в письме Сологубу от 17 августа 1910 г. О том же свидетельствуют и надписи на книгах Брюсова, подаренных Сологубу (ПД): «Об искусстве» (1899) — «Федору Сологубу, стихи которого я так люблю перечитывать»; «Tertia vigilia» (1900) — «Федору Сологубу, поэту, которого жадно люблю, жадно читаю» и др. На книгах Сологуба в библиотеке Брюсова много пометок и подчеркиваний. Брюсову принадлежит статья «Федор Сологуб как поэт» (1910) и рецензии на сборники его стихов и сказок. Со своей стороны, Сологуб также с большим уважением и симпатией относился к Брюсову и воспринимал его поэзию 1890—1900-х годов как близкую себе: «Я всегда любил Ваши первые книги». «Вашу книгу стихов ⟨«Tertia vigilia»⟩ прочел с наслаждением и радостью» (письмо от 11 декабря 1900 г. — ГБЛ). «Ваше доброе мнение о моих стихах меня особенно

радует, потому что я бесконечно люблю Вас как поэта», — писал он Брюсову в 1902 г. (ГБЛ), а в письме от 31 августа подчеркивал общность поэтических тем: «Очень рад Вашему желанию связать одно из Ваших стихотворений с моим именем... Мне понятно и знакомо то состояние, когда при чтении чужих стихов слагаются свои, не подражания, не обращения; остаешься по-прежнему обособленным и уединенным, но ощущаешь место общего исхода и веруешь в общую родину; утешительное и странное нарушение обычного пустынного жительства» (ГБЛ). На экземпляре ССт., подаренном Брюсову 12 июля 1904 г., Сологуб надписал: «Дорогому Валерию Яковлевичу Брюсову, созвучному мне поэту, стихи которого я очень люблю, на память» (ГБЛ).

290. ССт., с. 40. Автограф — ПД. В. Н. Орлов отметил близкое сходство этого стих. со стих. Блока «Я вышел в ночь — узнать, понять...» (1902) «по теме, образам, словарю, композиции» (А. Блок, Собр. соч. в восьми томах, т. 1, М.—Л., 1960, с. 610). Сопоставление двух стихотворений см.: П. Громов, А. Блок, его предшественники и современники, Л., 1960, с. 56—58.

291. НП, 1903, № 2, с. 70 (цикл «Подземные песни»). Автограф — ПД.

292. ССт., с. 117. Автограф — ПД.

293. НД, 1907, 8 октября. Автограф — ПД.

294. ССт., с. 64. Печ. по ССШ V, с. 130. Автограф — ПД.

295. П, 1907, № 11, с. 6. Печ. по ССШ V, с. 117. Автограф — ПД.

296. СЦ II, с. 113. Автограф — ПД.

297. Печ. впервые по автографу ПД.

* **298.** РМ, 1907, № 12, с. 21. Автографы — ПД. В автографе первой ред. варианты ст. 3, 4, 14—16.

299. «Новое дело», 1902, № 11, с. 68. Автограф — ПД. *Евмениды* (греч. миф.) — богини мщения.

300. БН, с. 204. Автограф строф 1, 2 — ПД.

301. ПЖ, 1905, № 819, с. 7315. Печ. по Б, 1905, № 9, с. 119. Автограф — ПД.

302. ССт., с. 82. Печ. по ССШ V, с. 105. Автограф — ПД. *Кудеса* (обл.) — чары, волхвование.

303. СЦА, с. 59, без загл. Печ. по ПК 1922, с. 131. Автограф — ПД. Сологуб писал поэту А. Коринфскому 22 октября 1898 г.: «Под влиянием газетного языка и под тяжелым грузом усердно вносимых

в язык чуждых примесей, наша речь становится какою-то тусклою, чахлою; мало у кого развертывается во всей ее силе и красоте. А между тем в русском языке в областных говорах, в старых книгах есть удивительные по красоте словечки, сочные, благозвучные, меткие, такие, которые должны были бы войти в книжную прозу и в разговорный язык, весьма у нас не точный» (ГБЛ). *Ересное* — здесь: колдовское. *Пошава* (диал.) — наносная, повальная болезнь. *Навий* (диал.) — покойницкий, мертвецкий. *Омег* — хмельной, ядовитый напиток.

304. ВЖ, 1905, № 4-5, с. 49. Автограф — ПД. *Если въявь как и во сне.* Ср. в трактате «Мир как воля и представление» Шопенгауэра: «Есть ли верное мерило для различения между сном и действительностью... Жизнь и сновидения — это страницы одной и той же книги» (Шопенгауэр I, с. 16—18).

305. «Невский альманах жертвам войны», Пг., 1915, с. 72. Автограф — ПД.

306. ССШ V, с. 215. Автограф — ПД.

307. РМ, 1907, № 4, с. 25. Автограф — ПД.

308. СЦ II, с. 112. Автограф — ПД. *Закон моей игры.* Представление об эстетическом творчестве как свободной игре, в отличие от познания, подчиняющегося установленным законам, принадлежит И. Канту («Критика способности суждения», СПб., 1898), оно получило широкое распространение в идеалистической эстетике, ср. у Шиллера: «Творческая сила достигает идеала только тем, что отрывается от действительности, и воображение должно освободиться от чужого закона в своей воспроизводящей деятельности, прежде чем начать творческую деятельность по собственным законам». «Воображение... делает скачок к эстетической игре» («Письма об эстетическом воспитании человека». Письмо 27. — И.-Ф.-Х. Шиллер, Собр. соч. в восьми томах, т. 6, М.—Л., 1950, с. 381—383). Кант усиленно популяризировался А. Волынским, стоявшим во главе журнала «Северный вестник», где в 90-е годы сотрудничал Сологуб. В статье «„Творимое" творчество» Ан. Чеботаревская отмечала, что Сологуб во многом разделял воззрения кантианцев (см. «Золотое руно», 1908, № 11-12).

* **309.** Печ. впервые по автографу ПД. Первоначальная редакция датирована 31 января 1895 г. Новая строфа 2 датирована 25 ноября 1901 г.

310. Гриф, с. 59. Автограф — ПД.

311. Б, 1905, № 2, с. 104. Автограф — ПД.

312. Б, 1903, № 9, с. 552. Автограф — ПД. *Воля к жизни.* Сологуб использует термин Шопенгауэра (ср.: «Мир как воля и представление», гл. XXVIII. Характеристика воли к жизни. — Шопенгауэр II, с. 358—370).

313. БВ, 1905, 13 февраля, утр. вып. Автограф — ПД.

314. БВ, 1905, 15 мая, утр. вып. Автограф — ПД.

315. НП, 1903, № 1, с. 114. Автограф — ПД.

316. «Новости», 1903, 19 октября. Печ. по ПК 1908, с. 81 (разд. «Дымный ладан»). Автограф — ПД.

317. СЦА, с. 56. Печ. по Зм., с. 10. Автограф — ПД. *Вий* (от укр. «вiй» — веко) — в укр. демонологии грозный старик с бровями и веками до земли, повелитель нечистой силы (ср. одноименную повесть Гоголя).

318. ПЖ, 1904, № 781, с. 5816. Автограф — ПД.

319. Печ. впервые по автографу ПД. Ср. разд. «Песни» в кн. «Urbi et Orbi» В. Брюсова, впервые — цикл «Мой песенник» (СЦ II).

* **320.** НП, 1904, № 11, с. 43; ПК 1908 (разд. «Дымный ладан»); ССоч. XIII, с вариантом ст. 7, 8. Печ. по ПК 1922, с. 83. Автограф — ПД.

321. Ф, с. 19. Автограф — ПД.

322. МБ, 1902, № 11, с. 42. Автограф — ПД.

323. «Новости», 1902, 1 декабря (цикл «В лесу»). Автограф — ПД. Положено на музыку А. Т. Гречаниновым.

324. НП, 1904, № 3, с. 90. Автограф — ПД.

325. СЦА, с. 57. Автограф — ПД. *Меня бы спросили, Хочу ли от вас я венца!* Ср.: Ф. Достоевский, Братья Карамазовы, кн. 5, Pro и contra, гл. IV. Бунт.

326. «Былое-грядущее», 1907, № 1, с. 4. Печ. по ССШ IX, с. 124. Автограф — ПД.

327. ССт., с. 179. Автограф — ПД.

328. Гриф, с. 62. Автограф — ПД. Стих. связано с циклом «Звезда Маир»; см. примеч. 235—240.

329. ЗР, 1906, № 11-12, с. 47. Автограф — ПД.

330. СЦА, с. 58. Печ. по ССШ IX, с. 101. Автограф — ПД.

331. НП, 1904, № 1, с. 137 (цикл «Гимны страдающего Диониса»). Автограф — ПД. В стих. отразилась концепция «дионисийства» Ф. Ницше (Дионис — греческий бог вина, символ умирающей и возрождающейся природы), впервые изложенная им в работе «Происхождение трагедии из духа музыки» (русск. пер., СПб., 1899). Эта концепция получила широкое распространение в среде русских символистов в 1900-е годы. Дионисийство воплощает стихийное, вне-

разумное и вненравственное «оргиастическое» начало. «Сущность *Дионисиевского,* — писал Ницше, — ...мы можем представить себе яснее при помощи ее аналогии — *опьянения*» (с. 11). О «страдающем Дионисе» и «дионисиевском страдании» см. там же, с. 82—83. В том же номере НП, где было опубликовано стих. Сологуба, начали печататься лекции Вяч. Иванова о Дионисе «Эллинская религия страдающего бога», а в статье «Ницше и Дионис» (1904) Вяч. Иванов привел это стих. в подтверждение мысли, что «дионисийское начало, антиномичное по своей природе... раскрывается только в переживании...» (Вяч. Иванов, По звездам, СПб., 1909, с. 7—8).

332. ЗР, 1906, № 6, с. 26; ССоч. XIII. Печ. по ПК 1922, с. 50. Автограф — ПД. Змий, как символ создателя жизни, возможно, заимствован из учения гностиков (религиозно-философское течение в раннем христианстве) о внешнем материальном мире и его злом творце. Существовала гностическая секта офитов (от греч. ὄφις — змий), считавшая, что змий — корень всего сущего. В то же время змий как символ зла связан и с русской фольклорной традицией — Змей-Горыныч.

333. НП, 1904, № 11, с. 45. Печ. по ССШ V, с. 174. Автограф — ПД.

334. ПЖ, 1904, № 781, с. 5818. Автограф — ПД.

335. Гриф, с. 57. Автограф — ПД.

336. ПЖ, 1903, № 720, с. 4870, без деления на строфы. Печ. по ССШ V, с. 34. Автограф — ПД. Первая строка поставлена эпиграфом к роману Сологуба «Мелкий бес» (1902).

337. «Новости», 1902, 1 декабря (цикл «В лесу»). Автограф — ПД.

338. ПЖ, 1902, № 665, с. 4261, под загл. «Елисавете», без строфы 3; ПК 1908, без загл. (разд. «Последнее утешение»); ССоч. V, под загл. «Елисавета». Печ. по ПК 1922, с. 187. Автограф — ПД. Ср. статью Сологуба «Елисавета» (В, 1905, № 11), где говорится о впечатлении, которое произвел на него портрет имп. Елисаветы Алексеевны (жены Александра I) работы Ж.-Л. Монье. И. Ф. Анненский в статье «О современном лиризме», приведя ст. 1, писал: «Целая поэма из этого звукосочетания, и какая поэма! Она захлебывается от слез, может быть, сусальных, но не все ли равно? — когда, читая ее, вам тоже хочется плакать» (А, 1909, № 1, с. 40).

339. Гриф, с. 62. Автограф — ПД. Ср. стих. 207. Положено на музыку Ю. Л. Вейсбергом.

340. ССШ IX, с. 59. Автограф — ПД. Ср. стих. 94.

341. ССШ IX, с. 86. Автограф — ПД, ст. 3. «Преступления выше гор».

342. НП, 1904, № 11, с. 46. Автограф — ПД.

343. НП, 1903, № 2, с. 62 (цикл «Подземные песни») с опечаткой. Печ. по ССШ, с. 128. Автограф — ПД.

344. ПК, 1908, с. 119 (разд. «Волхвования»). Автограф — ПД. *В стране безвыходной бессмысленных томлений Влачился долго я без грез, без божества.* Ср.: «В пустыне мрачной я влачился...» (Пушкин, «Пророк»).

345. ЗР, 1906, № 3, с. 42. Автограф — ПД.

346. В, 1908, № 9, с. 9 (цикл «Моя змея»). Печ. по ССШ IX, с. 53. Автограф — ПД.

347. ПЖ, 1904, № 776, с. 5728. Автограф — ПД.

348. НП, 1903, № 1, с. 115. Печ. по ССоч. XIII, с. 174. Автограф — ПД.

349. НП, 1904, № 11, с. 40. Автограф — ПД.

350. СЦ III, с. 160. Автограф — ПД, с разночтениями. Имеется запись Сологуба: «Ритуал по иному: диаволу, себе, неведомому» (картотека «Темы стихов» — ПД).

351. ССШ V, с. 85. Автограф — ПД.

352. НП, 1904, № 1, с. 139 (цикл «Гимны страдающего Диониса») с вариантами ст. 3—4. Печ. по ПК 1908, с. 196 (разд. «Последнее утешение»). Автограф — ПД. Сюжет стих. построен на мифе о смерти и возрождении Диониса, с которым Ф. Ницше связывал учение о «вечном возвращении», оказавшее большое влияние на Сологуба. См. также примеч. 331. *Я влюблен в мою игру.* См. примеч. 308.

353. ССШ V, с. 175. Автограф — ПД.

354. Б, 1905, № 1, с. 13. Автограф — ПД. *Подруга-смерть... мою свободу Для созидания отдай.* Ср. у Шопенгауэра: «При жизни воля человека лишена свободы; все его поступки, влекомые цепью мотивов, неизбежно совершаются на основе его неизменного характера... И смерть разрывает эти узы, воля опять становится свободной, ибо не в Esse, а в Operari лежит свобода» (Шопенгауэр II, с. 525).

355. ЗР, 1906, № 6, с. 26. Печ. по ССШ V, с. 36. Автограф — ПД.

356—358. НП, 1904, № 3, с. 87, с загл. каждого стих.: «Гимн первый», «Гимн второй», «Гимн третий». 1, 2 печ. по Род., с. 5; 3 — ССоч. V, с. 196. Автографы — ПД. *Тоскует о скудных селеньях.* Ср.: «Эти бедные селенья, Эта скудная природа...» (Ф. Тютчев).

359. Ф, с. 17. Автограф — ПД.

360. ССШ V, с. 137. Автограф — ПД.

361. ССт., с. 181. Автограф — ПД.

362. Ог., 1916, № 34, с. 4. Автограф — ПД. Сохранился набросок без даты:

Звуки и шумы от музыки и голосов
так грубы, так телесны.
Цветы глаза режут.
Люблю только тьму и тишь.
В них реют бестелесные образы, тихие звуки.
Легкий ветер и тихий дождь имеют
слабые и милые голоса.
Другие звуки в жизни пугают.
Только во сне всё становится
нежным и тихим. (ПД)

363. АМ, с. 136 (разд. «Четверостишия»). Автограф — ПД.

364. СЦА, с. 56. Автограф — ПД.

365. НП, 1903, № 11, с. 84. Печ. по ССШ V, с. 147. Автограф — ПД.

366. Гриф, с. 54; Зм., разбито на четверостишия. Печ. по ССШ V, с. 127. Автограф — ПД.

367. Печ. впервые по автографу ПД. Строфа 1 датирована 12 сентября 1897 г.

368. ССШ V, с. 183. Автограф — ПД. Сюжет стих. перекликается с предисловием Ф. Ницше в его кн. «Так говорил Заратустра», где описывается нисхождение Заратустры с гор в долину для проповеди о сверхчеловеке. *Тебя, надежда рая, Я дерзко погасил.* Ср., «Оставайтесь верны земле и не верьте тем, кто говорит вам о надземных надеждах» (Ф. Ницше, Так говорил Заратустра, СПб., 1900, с. 12). *Гремят безумным смехом Долина и гора.* Ср.: «Святой посмеялся над Заратустрой»; «И весь народ смеялся над Заратустрой»; «И все они смотрят на меня и смеются: и, смеясь, они еще ненавидят» и т. п. (там же, с. 9, 15, 24).

369. Гриф, с. 59. Автограф — ПД. Приведя последнюю строфу, И. Ф. Анненский писал в статье «О современном лиризме: «Только не разбирайте здесь слов. Я боюсь даже, что вы найдете их сочетания банальными. А вот лучше сосчитайте-ка, сколько здесь *а* и *полу-а*, посмотрите, как человек воздуху набирает оттого, что *увидел*, как у ведьмы упала белая рубаха? Кто разберет, где тут соблазн? где бессилие? где ужас?» (А, 1909, № 1, с. 39).

370. «Цветник Ор», кошница 1, СПб., 1907, с. 29. Автограф—ПД.

371. Зм., с. 19. Автограф — ПД.

372. Род., с. 10. Машинопись с авторской правкой — ПД. Автограф первоначальной ред. — ПД, строфы 3—5 и 8—13 отсутствуют;

строфы 1, 2, 6 датированы 8 ноября 1898 г., строфа 7 — 10 ноября 1899 г. Сологуб послал стих. В. Я. Брюсову, который ответил: «За посвящение спасибо очень. И, конечно, Вы правы — баллада мне близка» (ПД).

373. РС, 1907, 10 октября, под загл. «Кусочки счастья». Печ. по ПК 1908, с. 189 (разд. «Последнее утешение»). Автограф — ПД.

374. К, с. 22, с делением на четверостишия. Печ. по ПК 1922, с. 101 (разд. «Преображения»). Автограф — ПД.

375. НП, 1904, № 9, с. 155. Автограф — ПД, строфы 1—5 датированы 8—13 июня, строфа 6 — 20 июня 1904 г.

376. ЗР, 1907, № 7—9, с. 66. Автограф — ПД.

377. ВЖ, 1905, № 1, с. 89, без деления на строфы. Печ. по ПК 1908, с. 89 (разд. «Дымный ладан»). И. Ф. Анненский писал об этом стихотворении: «Разве передашь на каком-нибудь языке хотя бы прелесть этих ритмических вздыманий и падений сологубовски-безрадостного утреннего сна» (А, 1909, № 1, с. 40).

378. К, с. 22, без деления на строфы, ССоч. XIII. Печ. по ПК 1922, с. 171 (разд. «Единая воля»).

379. Б, 1907, № 8, с. 68, под загл. «Не смейся», без деления на строфы. Печ. по ССоч. XIII, с. 178. Автограф — ПД.

380. ЗР, 1907, № 2, с. 26, без деления на строфы. Печ. по ССШ V, с. 185. Автограф — ПД.

381. ВЖ, 1905, № 7, с. 121. Автограф — ПД, написано в подбор, а затем разбито на строки.

382. П, 1907, № 11, с. 6. Автограф — ПД. *И неустанные труды.* В. Я. Брюсов, цитируя стих., отмечал, что у Сологуба «этот «неустанный труд» проникает всю его поэзию, дает ей ее силу и ее своеобразное величие» (Брюсов, с. 109). Сологубу он писал 17 июля 1907 г. о работе: «Верю я, что для Вас, как и для меня, она и самый сильный магнит и лучшая радость» (ПД).

383. СЦА, с. 59. Автограф — ПД.

384. НП, 1904, № 11, с. 41. Автограф — ПД. *Бездна ждет, и страшен рев ее глухой... Не забыть ее, извечной, роковой.* Ср: «Все — безразличны, как стихия, Сольются с бездной роковой» (Ф. Тютчев, «Смотри, как на речном просторе...»); «Она равно приветствует своей Всепоглощающей и миротворной бездной» (Ф. Тютчев, «От жизни той, что бушевала здесь...»).

385. ВЖ, 1905, № 1, с. 92. Печ. по ПК 1908, с. 17. Автограф — ПД. *Фрина* (IV в. до н. э.) — красавица гетера из Афин, натурщица скульптора Праксителя и художника Апеллеса. Последний изобразил

ее в виде богини любви Афродиты, выходящей из моря (ср.: *И тело в волны погрузил*). По преданию, оратор Евфий, которого Фрина обидела, обвинил ее из мести в безбожии, и она предстала перед судебным трибуналом — *ареопагом*. Речь ее защитника не имела успеха. Тогда он раздел Фрину и показал судьям, и они, пораженные красотой, оправдали ее.

386. СЦА, с. 58, с разбивкой на двустишия. Печ. по ССШ V, с. 222. Автограф — ПД. Положено на музыку Р. М. Глиэром (1914).

387. Б, 1906, № 5, с. 64, под загл. «Невинный цвет». Печ. по ПК 1908, с. 197 (разд. «Последнее утешение»). Автограф — ПД.

388. «Былое-грядущее», 1907, № 2, с. 1. Автограф — ПД.

389. ВЖ, 1905, № 1, с. 88. Автограф — ПД. *Виссон* — дорогая белая или пурпурная материя, употреблявшаяся в Древней Греции и Риме.

390—393. НЖ, 1904, 29 ноября. Печ. по Род., с. 23. Неудачи царизма в войне с Японией 1904 г. усилили политический кризис в стране. Осень 1904 г ознаменовалась ростом оппозиционного движения. В ноябре в Петербурге состоялся земский съезд, провозгласивший необходимость «народного представительства» — конституционного правления. С требованием созыва учредительного собрания выступил III Всероссийский студенческий съезд. В Петербурге возникали демонстрации и беспорядки, в частности, стихийные демонстрации состоялись 28 и 29 ноября. Стих. Сологуба явились непосредственным откликом на эти события.

394. ВЖ, 1905, № 1, с. 91, без загл. Печ. по Род., с. 20. Автограф — ПД. Стихотворение связано с неудачной русско-японской войной, начавшейся 27 января 1904 г. Несмотря на героизм, проявленный русскими моряками и пехотинцами, русская армия терпела поражения и несла огромные потери. «Не русский народ, а самодержавие пришло к позорному поражению», — писал В. И. Ленин (Полн. собр. соч., т. 9, с. 158).

395. ВЖ, 1905, № 10-11, с. 318, под загл. «Восход солнца». Печ. по ССоч. XIII, с. 181.

396. Род., с. 22. Автограф без загл. — ПД. См. примеч. 394.

397. ВЖ, 1905, № 1, с. 90. Печ. по ПК 1908, с. 114 (разд. «Преображения»). Ср. новеллу Сологуба «Претворившая воду в вино» (В, 1908, № 10). *Припомни брак еврейский в Кане.* Согласно евангельской легенде, Христос на брачном пире в Кане Галилейской претворил воду в вино.

398. Печ. впервые по автографу ПД. Стилизовано под «Бородино» Лермонтова. Русско-японская война была крайне непопулярна в народных массах. В конце 1904 г. в Петербурге, Москве и др. городах состоялись антивоенные демонстрации. Запасные, призываемые в армию, отказывались ехать на фронт, происходили открытые

выступления новобранцев против войны. *Шахо* (Шахе) — река и *Ляоян* — город в Маньчжурии — места военных действий во время русско-японской войны. *Мы корабли туда послали* и т. д. В конце 1897 г. русская эскадра заняла Порт-Артур — гавань в южной оконечности Ляодунского п-ова (южн. Маньчжурия), а в марте 1898 г. царское правительство получило у Китая в аренду п-ов и превратило Порт-Артур в военный порт. *Переговоры шли затяжно.* Имеются в виду русско-японские дипломатические переговоры во второй половине 1903 и начале 1904 г. относительно Маньчжурии и Кореи. *Внезапно, невзирая на ночь* и т. д. В ночь на 27 января (9 февраля) 1904 г. японская эскадра вероломно, без объявления войны, напала на русский флот, стоявший в Порт-Артуре. *Ниппон* — европейское название наибольшего из островов Японии. *Мукден* — город в южной Маньчжурии, место сосредоточения русских войск во второй половине 1904 г. *Разбитым кораблям замена Ползет издалека.* После того как японцам удалось в начале войны вывести из строя русский дальневосточный флот, туда была направлена из Балтийского моря через Индийский океан эскадра под командованием адмирала Рожественского, которая впоследствии была разгромлена в Цусимском проливе (27—28 мая 1905 г.).

* **399.** ПК 1908, с. 19 (разд. «Личины переживаний»). Автограф — ПД, первоначальная ред. строфы 5 изменена в печати по цензурным соображениям. *Нерон* — римский император (54—68 н. э.), его тираническое и жестокое правление явилось причиной нескольких заговоров против него, однако некоторое время ему удавалось предотвращать их осуществление.

400. Зм., с. 22. Автограф — ПД. Сологуб создаст поэтический миф на основе положения Шопенгауэра: «Солнце является одновременно источником *света*, условия для самого совершенного рода познания, и оттого источником самой отрадной из вещей, — и источником *тепла*, первого условия жизни, т. е. всякого проявления воли на ее высших ступенях» (Шопенгауэр I, с. 209). *Гелиос* (греч. миф.) — бог солнца.

401. РМ, 1908, № 1, с. 71.

* **402.** ЧЧ, с. 24. Автограф — ПД, с зачеркнутыми первоначальными вариантами строф 2 и 4.

* **403.** «Понедельник газеты „Слово“», 1906, 17 апреля, № 10, с вариантами строфы 5 и отдельных строк. Печ. по ПК 1922, с. 23 (разд. «Личины переживаний»).

404. Ф, 1906, № 1, с. 15 (цикл «Из плена»); ССоч. V, под загл. «Плененные звери». Печ. по ПК 1922, с. 45 (разд. «Земное заточение»). Положено на музыку С. В. Панченко (1907).

405. ВЖ, 1905, № 4-5, с. 45. Автограф — ПД. Ср. рассказ Сологуба «Белая собака» (1908).

406. ЗР, 1906, № 3, с. 42, с пометой: «Пасха 1905 г.» Автограф — ПД. Ср. со стих. З. Гиппиус «Земля» (1902). *Эммануил* (евр.) — букв. «с нами бог», пророчественное название мессии в Библии; здесь — Христос.

407. ПК 1908, с. 195 (разд. «Последнее утешение»). Автограф — ПД, с разночтениями. *Поет о воле.* Ср. у Шопенгауэра в трактате «Мир как воля и представление»: «Смерть — это миг освобождения от односторонности индивидуальной формы, которая не составляет сокровенного ядра нашего существа, а скорее является своего рода извращением его: истинная изначальная свобода опять наступает в этот миг, и поэтому в указанном смысле можно смотреть на него как на restitutio in integrum ⟨восстановление в первоначальном виде⟩» (Шопенгауэр II, с. 525).

408. ЗР, 1907, № 2, с. 27. Автограф — ПД.

409. «Луч», 1907, № 2, с. 4, ст. 6: «Бездыханно лечь в гробу». Печ. по ССШ IX, с. 11. Автограф — ПД.

410. П, 1907, № 11, с. 6. Автограф — ПД.

411. ВЖ, 1905, № 9, с. 1, с разночтением и примечанием: «От редакции. Г. Сологуб просил нас предупредить читателей, что тема его стихотворения «Швея» совпадает с темой стихотворения «Пчелки», которое было написано самостоятельно одним из современных поэтов». Имеется в виду стих. Н. Тэффи «Пчелки». Печ. по СБ, с. 14. Автограф — ПД.

412. «Зритель», 1905, № 22, с. 2. Автограф — ПД. *Что, вас радуют четыре* и т. д. 17 октября 1905 г. был опубликован царский манифест, содержавший много лживых обещаний: в нем провозглашались неприкосновенность личности, свобода совести, слова, собраний и союзов. В манифесте говорилось о создании «российского парламента» — Государственной думы с законодательными функциями.

* **413.** «Народное хозяйство», 1905, 25 декабря, ст. 1—4, 14—17, к которым присоединено стихотворение «Тяжелыми одеждами. . .» (см. примеч. 416). Печ. по СБ, с. 18. Автограф — ПД, с вариантами. Среди материалов Сологуба (ПД) есть заметка: «Явления чуждого в мире. Один из символов чуждого — войска, полиция, власть, черная сотня, жандармы, поп etc.».

414. БВ, 1917, 10 марта, утр. вып. Автограф — ПД. Стих. является откликом Сологуба на нарастание революционного движения в 1905 г.

415. «Бич», 1917, № 12, с. 3, под загл. «Веселая песенка пролетария». Печ. по ВБ, с. 21. Автограф — ПД. *Запирует на просторе.* Ср: «И запируем на просторе» (Пушкин, «Медный всадник»).

416. «Народное хозяйство», 1905, 25 декабря, объединено со строфами стих. «Великого смятения. . .» (см. примеч. 413). Печ. по СБ, с. 21. Автограф — ПД.

417. «Вольница», 1906, № 1, с. 3; СБ. Печ. по автографу сб. «Кануны» (1922 — ГБЛ). Ранний автограф — ПД.

418. «Пламя», 1905, № 1, 1 декабря, с. 2. Печ. по СБ, с. 17. Автограф — ПД.

419. НЖ, 1905, 26 ноября, без строфы 5, вместе со стих. «Искали дочь» под общим загл. «Жертвам злобы. Две песни». Печ. по ССоч. XIII, с. 162. Автограф — ПД, без строфы 5. Ср. убийство ребенка во время разгона демонстрации в рассказе Сологуба «Елкич» (1906). Положено на музыку А. А. Крейном (1905) и Ю. Д. Энгелем (1906).

*** 420.** НЖ, 1905, 26 ноября, без деления на строфы, загл. — см. примеч. 419. Печ. по Род., с. 31. Автограф — ПД, с зачеркнутым вариантом строфы 4.

*** 421.** Род., с. 17, где после ст. 16 строфа, впоследствии снятая. Печ. по ВБ, с. 35. Автограф — ПД.

422. «Зритель», 1906, № 1, с. 4, под загл. «Веселая деревенская песня». Подп.: Горицвет. Печ. по АМ, с. 100.

423. Б, 1907, № 3, с. 133, под загл. «Не трогай», без деления на строфы. Печ. по ПК 1908, с. 137 (разд. «Волхвования»). Среди заметок и планов Сологуба имеется запись: «Роман из жизни домовой нечисти» (ПД). *Пусторосли*—дрянные кустарники. И. Ф. Анненский так пояснял это слово: «Что-то глупо-кошмарно-дико-разросшееся, вроде назойливо несказанных и цепких слов, из которых иной раз напрасно ищешь выдраться в истоме ночного ужаса» (А, 1909, № 1, с. 38).

424. «Нива. Ежемесячные лит. приложения», 1907, № 10, с. 207; ССоч. V, под загл. «Волшебница Лилит». Печ. по ПК 1922, с. 11. Автограф — ПД. *Лилит* (евр. миф.) — первая жена Адама в апокрифическом предании, демон ночи, обольстительная женщина с длинными волосами.

425. ЗР, 1907, № 2, с. 26. Автограф — ПД. Сохранилась запись Сологуба: «Стихи из наук о природе» — «Из учебников минералогии» (картотека «Темы стихов» — ПД).

426. Б, 1907, № 10, с. 196, под загл. «Зеленый изумруд». Печ. по ССШ IX, с. 215. Автограф — ПД. См. примеч. 425.

427. НД, 1907, 22 октября, ССоч. V, под загл. «Злая ведьма». Печ. по ПК 1922, с. 135 (разд. «Волхвования»). Автограф — ПД.

428. Обр., 1907, № 7, с. 47.

429. НЖ, 1906, 2 апреля. Автограф — ПД.

430. Печ. впервые по автографу ПД. Адресовано *Вячеславу* Ивановичу Иванову (1866—1949) — поэту и теоретику символизма.

Осенью 1905 г. после долгого пребывания за границей, где он изучал и преподавал античную философию, историю и филологию, Вяч. Иванов вернулся в Россию и поселился в Петербурге. Соприкасаясь с Вяч. Ивановым в идеалистическом жизнеощущении, Сологуб, однако, в 1900-е годы не принимал его оптимизма, утверждения «всерадостного», «слепительного» мира, язвительно высмеивал его общественные теории — «соборность» (см. драму Сологуба «Ночные пляски», 1908) и «мистический анархизм» (см.: В. Пяст, Встречи, М., 1929, с. 47—48), а также выступил с полемической статьей «О недописанной книге» («Перевал», 1906, № 1), направленной против мистического анархизма. Вяч. Иванов высоко ценил Сологуба как «несравненного художника» (письмо к Сологубу 9 марта 1907 г. — ПД), о чем свидетельствуют дарственные надписи на его книгах: «Прозрачность» (1904 — «Поэту духа и художнику слова Федору Сологубу в знак глубокого почтения и благодарной памяти» — ПД) и «Эрос» (1907 — «Федору Сологубу с любовью и почитанием» — ПД). Получив адресованное ему стих., Вяч. Иванов писал Сологубу в июне 1906 г.: «Благодарю Вас за память и за дивные стихи. Я ведь думал, что прошла пора Ваших прежних «противочувствий» (слово пушкинское) по отношению ко мне, что они уступили место одному определенному чувству — нелюбви... И вот опять Вы называете мое имя среди «близких» Вам имен... Я же любил Вас прежде всем сердцем, нежно и доверчиво, но потом был принужден к борьбе. Верьте, только к борьбе. Ее Вы усмотрите и в ответных стихах, только ее» (ПД). К письму приложено стих. Вяч. Иванова «Федору Сологубу (в истолковании: Божидару ⟨перевод греч. Θεόδωρος — Федор⟩, нарекшемуся Солнцегубителем)» (впервые опубликовано под загл. «Апотропей» — ЗР, 1909, № 2, с. 77; см. примеч. 432).

431. К, с. 21, др. ред., во втором лице. Печ. по ПК 1908, с. 26 (разд. «Личины переживаний»). Автограф первой ред. — ПД.

432. ЗР, 1909, № 2, с. 77, под загл. «Ответ Федора Сологуба», после стих. Вяч. Иванова «Апотропей» (см. примеч. 430). Печ. по ССоч. XIII, с. 186. Автограф — ПД, строфы 1—4, 6 датированы 15 июня, строфа 5 — 16 июня 1906 г. *Напрасно прославляешь Солнце, Гоня меня с твоих высот.* Вяч. Иванов писал:

Твоих противочувствий Тайна
И сладость сумеречных чар

Хотят пленить кольцом волшебным,
Угомонить, как смутный звон,
Того, кто пением хвалебным
Восславить Вящий Свет рожден.
. . . .
Лети с толпой, тебе содружной,
От расцветающих мечей!

Беги, сокройся у порога,
Где тает благовест зари. . .

Посвященные восхвалению солнца стихотворения Вяч. Иванова «Хвала Солнцу», «Хор солнечный», «Солнце», «Псалом солнечный» и др. были в дальнейшем объединены в цикл «Солнце-сердце» (В. Иванов, Cor ardens, ч. 1, М., 1911, с. 9—20). *Альдонса* Лоренцо — героиня романа М. Сервантеса «Дон-Кихот» (1605—1615), грубая простая крестьянка, в ней Дон-Кихот видит самую прекрасную женщину в мире и избирает ее «дамой сердца» под именем *Дульцинеи* (от лат. dulcis — сладостный, нежный). См. выше, с. 41.

433. П, 1906, № 1, с. 5, под загл. «В день погрома» (цикл «Простые песенки»). Печ. по СБ, с. 22.

434. «Нива», 1917, № 24, с. 358. Печ. по СБ, с. 23. Автограф — ГБЛ (ст. 14: «Офицер кровожадный и злой»), ПД.

435. П, 1906, № 1, с. 5 (цикл «Простые песенки»). Печ. по автографу сб. «Кануны» (1922 — ГБЛ). Автограф с вариантами — ПД.

436. РМ, 1907, № 11, с. 52. Автограф строф 1—2 — ПД.

437. Обр., 1907, № 4, с. 80, под загл. «Сон и смерть (Колыбельная песня)». Печ. по ПК 1908, с. 37 (разд. «Личины переживаний»). Автограф — ПД. И. Ф. Анненский писал об этом стихотворении: «Вся из хореев, усеченных на конце нежно открытой рифмой на *ли, ю, ду, на, да*, изредка динькающей — *день — тень, сон — лен* или узко шепотной — *свет — нет*. Сколько в этой элегии чего-то истомленного, придушенного, еле шепчущего, жутко-невыразимо-лунного» (А, 1909, № 1, с. 37).

438. ССШ IX, с. 197. Автограф — ПД. *Ананке* (греч.) — судьба. *Ароматный дар старого Пино* — бургундское вино, изготовляемое из культивированного сорта винограда — «пино». *Сквозные Рукавички С глупым и смешным названьем.* Вероятно, имеются в виду митенки — женские перчатки без пальцев.

* **439.** Зм., с. 16. Автографы — ПД. Автограф первой ред. датирован 17 февраля 1903 г.

* **440.** ЗР, 1907, № 2, с. 26. Автограф — ПД, с вариантами строф 1 и 3. *Брама, Вишну, Шива* (инд. миф.) — три главных божества, олицетворяющих создание, сохранение и разрушение вселенной. *Лингам* — индийская фаллическая эмблема, символ бога Шивы, служит предметом особого культа.

441. РМ, 1907, № 4, с. 24.

442. Печ. впервые по автографу ПД. *Низвергся я, мучительно стеня, И у меня — изломанные кости.* Образ, возможно, подсказан картиной М. А. Врубеля «Демон поверженный» (1902).

443. АМ, с. 186 (разд. «Гроза»), др. ред. Печ. по автографу ПД.

* **444.** «„Дракон“, альманах стихов», вып. 1, Пб., 1921, с. 30. Автографы — ПД; 1 — с вариантами ст. 3, 4, 7; строфа 7 отсутствует; 2 — первоначальная ред., с датой 25—26 февраля 1884 г.

445. П, 1907, № 6, с. 3, с подзаг. «Из переживаний». Печ. по ПК 1908, с. 20 (разд. «Личины переживаний»). Блок считал, что стих. «может стать «классическим», как роман «Мелкий бес». Правда, перечитывать такие произведения бывает иногда немного страшно: если взять сейчас в руки «Фауста» или «Онегина», или «Мертвые души», станет не по себе: древние воспоминания посещают. Может быть, поколения, следующие за нами, испытают то же, перечитывая „Нюренбергского палача“» (А. Блок, Собр. соч. в восьми томах, т. 5, М.—Л., 1962, с. 288—289). *Нюренберг* (Нюрнберг) — в средние века один из богатейших вольных имперских городов Германии.

446. РМ, 1907, № 11, с. 51, под загл. «Колыбельная». Печ. по ПК 1908, с. 35 (разд. «Личины переживаний»). Автограф — ПД, без загл., строфы 2 и 8 обведены скобкой.

447. РМ, 1907, № 10, с. 40.

448. В, 1908, № 9, с. 7 (цикл «Моя змея»). Автограф — ПД.

449. В, 1907, № 8, с. 7. Автограф — ПД. *Что было, будет вновь.* Ср.: «Что было, то не будет вновь» (Пушкин, «Цыганы»).

450. «Дело народа», 1917, № 26, 16 апреля. Печ. по ВБ, с. 46. Автограф — ПД. *Халдеи* — народ, обитавший во II и I тысячелетии до н. э. в области устьев Тигра и Евфрата; *халдейский царь* и *халдейские люди* — иносказательно: русский царь и русский народ.

451. В, 1907, № 8, с. 5. Автограф — ПД. «Кто качается на чертовых качелях, тому так легко ошибиться», — писал о себе Сологуб Брюсову 8 июля 1907 г. (ГБЛ). Положено на музыку А. Архангельским (мелодекламация, 1910), В. С. Якушевским (мелодекламация, 1910) и Д. В. Морозовым.

452. ПБА, с. 149. Автограф — ПД. Написано под впечатлением похорон сестры Сологуба Ольги Кузьминичны Тетерниковой, умершей от туберкулеза в Райвола 28 июня 1907 г. В одном из писем этого времени Сологуб писал: «Вы не можете знать, как велика моя потеря, как мне тяжело и грустно. . . С сестрой была связана вся моя жизнь, а теперь я словно весь рассыпался и взвеялся в воздухе. Как-то мне дико, что умер не я» (цит. по воспоминаниям О. Н. Черносвитовой — ПД). Брюсову Сологуб писал 8 июля 1907 г.: «Смерть моей сестры для меня великая печаль, не хотящая знать утешения. Мы прожили всю жизнь вместе, дружно, и теперь я чувствую себя так, как будто все мои соответствия с внешним миром умерли. . » (ГБЛ).

453. Печ. впервые по автографу ПД. Строфа 1 датирована 5 июня 1900 г., строфа 2 — 15 ноября 1904 г., строфа 3 — 18 марта 1896 г., строфы 4—7 — 12 декабря 1907 г.

454. «Волжские дали», 1908, № 12, с. 15. Автограф — ПД. *Тилии, темалы, киферы, алмея, азра* — названия, по-видимому введенные Сологубом для придания стих. экзотического колорита.

455. РМ, 1911, № 1, с. 1. Автограф — ПД.

456. «Альманах для всех», кн. 1, СПб., 1910, с. 5. Автограф — ПД. Ср. стих. В. Я. Брюсова «Путь в Дамаск» (1903). Посылая свое стих. Ан. Н. Чеботаревской, Сологуб писал: «Сочинил на днях стишки, поучительные для юных и чистых сердцем. Посылаю их Вам, — авось похвалите». (ПД). *Савл* (еванг.) — фарисей, преследовавший христиан; когда он отправился в Дамаск, чтобы предпринять общее гонение на них, в пути он был поражен сиянием с неба и услышал голос Христа, после чего из яростного гонителя он превратился в страстного проповедника христианства под именем апостола Павла.

457. В, 1909, № 10—11, с. 143. Автограф — ПД.

458. Ш 12, с. 158, где перед строфой 1 ошибочно помещена последняя строфа стих. «Какая тягостная встреча. . .». Печ. по ССШ IX, с. 83. Автограф — ПД.

459. Ш 12, с. 160. Автограф — ПД.

460. «Юбилейный сб. Лит. фонда. 1859—1909», СПб., 1910, с. 353. Автограф — ПД.

461, **462.** ССШ IX, с. 186, 139. Автографы — ПД.

463. «Общедоступный литературно-художественный альманах», кн. 1, М., 1911, с. 5. Автограф — ПД.

464. Ш 15, с. 175. Автограф — ПД.

465. РМ, 1913, № 1, с. 195. Автограф — ПД. *Ты, кого с любовью создал* и т. д. Очевидно, имеется в виду Лилит (см. примеч. 424). *Адонаи* (др.-евр.) — бог.

466. Ш 15, с. 176. Автограф — ПД.

467. «Думы и песни. Сб. новых песен. Сост. А. Чеботаревская», М., 1911, с. 64.

468. З, 1913, № 7, с. 8. Автограф — ПД.

469. РМ, 1912, № 8, с. 71. Автограф — ПД. *Лилит* — см. примеч. 424.

470. РМ, 1912, № 8, с. 72. Автограф — ПД. *Елогим* (др.-евр.) — одно из имен бога; здесь прилагается к дьяволу.

471. «Голос Земли», 1912, 10 января, с делением на четверостишия. Печ. по ССоч. XIII, с. 206. *Лугано* — озеро на границе Швей-

царии и Италии, живописное побережье которого представляет одно из излюбленных мест отдыха в Западной Европе.

472. «Голос Земли», 1912, 12 января, без деления на строфы. Печ. по ССоч. XIII, с. 209. *Гефсимания* (еванг.) — оливковая роща вблизи Иерусалима, где Христос после тайной вечери скорбел о предстоящей участи и молил бога: «Да минует меня чаша сия» (ср.: *«Чтобы эта чаша минула»*). *Резким криком петела.* По еванг. преданию, Христос сказал своему ученику Петру: «Прежде нежели пропоет петух, трижды отречешься от меня». В ночь, когда Христос был схвачен и Петр, подозреваемый в близости к нему, три раза отрекся от него, запел петух.

473. РМ, 1912, № 8, с. 71. Автограф — ПД.

474. РМ, 1912, № 12, с. 156. Печ. по ССоч. XIII, с 205. Автограф — ПД.

475—479. Первоначально стихотворения печатались в журналах под общим цикловым загл. «Когда я был собакой» (название по ст. 1 стих. «Собака седого короля»), затем в АМ образовали разд. «Плен». Автографы — ПД.

1. «Свободный журнал», 1914, № 1, с. 3, без деления на строфы. Печ. по АМ, с. 39.
2. «Свободный журнал», 1914, № 11, с. 3.
3, 4. «Новая жизнь», 1913, № 12, с. 3.
5. «Новая жизнь», 1914, № 3, с. 4. Печ. по АМ, с. 43.

480. РМ, 1914, № 11, с. 68. Автограф — ПД.

481. РМ, 1914, № 6, с. 1. Печ. по АМ, с. 162 (разд. «Отдых»). Автограф — ПД.

482. Печ. впервые по автографу ПД.

483. Печ. впервые по автографу ПД. *Невинным пастушком в Аркадии Когда-то был и я.* Аркадия — центральная часть Пелопоннеса, население которой в древности занималось земледелием и скотоводством, в европейских литературах XVII—XVIII вв. изображалась как счастливая идиллическая страна. *Пан* (греч. миф.) — аркадский бог лесов, пастбищ и рощ.

484. «Дневники писателей», 1914, № 1, с. 6. Печ. по ССоч. XVII, с. 229. Автограф — ПД.

485. ССоч. XVII, с. 234. Автограф — ПД. *Съевший в науках собаку Нам говорит свысока* и т. д. Имеется в виду известный биолог И. И. Мечников (1845—1916), который, исследуя вопросы старения, пришел к выводу, что преждевременная старость наступает в результате самоотравления организма микробами и ядами, образующимися в кишечнике. Одним из профилактических средств, которые пропагандировал Мечников, было питание молочнокислыми продуктами.

486. Альманах «Гриф. 1903—1913», М., 1914, с. 152, под загл. «Сонет». Печ. по ССоч. XVII, с. 236. Автограф — ПД. 23 апреля 1914 г. отмечалось 350-летие со дня рождения Шекспира. *Шакеспеар* — воспроизведение английского написания (Shakespeare), встречавшегося в России XVIII в. *Макбет, Гамлет, Отелло* — герои трагедий Шекспира. *Калибан* — персонаж драмы Шекспира «Буря», тупой и злобный дикарь. *Король Леар* (Lear) или Лир — герой одноименной трагедии Шекспира, который отдал свое королевство старшим дочерям *Гонерилье* и *Регане*, поверив их лицемерным уверениям в любви, и отверг истинно любившую его младшую дочь *Корделию. Шейлок* — герой драмы Шекспира «Венецианский купец».

487—489. ССоч. XVII, с. 238, 242, 249. Автографы — ПД.

490. БВ, 1913, 5 ноября. Автограф — ПД. Написано под впечатлением организованного царским правительством и черносотенцами в сентябре — октябре 1913 г. в Киеве судебного процесса над евреем М. Бейлисом, который обвинялся в убийстве русского мальчика А. Ющинского, якобы в ритуальных целях. Действительные убийцы — содержательница воровского притона В. Чеберяк и члены воровской шайки — были при содействии министра юстиции укрыты от суда. Следствие длилось с 1911 по 1913 г. Деятели передовой русской интеллигенции выступили с разоблачением лживости обвинений. В числе подписавших составленное В. Короленко обращение «К русскому обществу (по поводу кровавого навета на евреев)» («Речь», 1911, 30 ноября), наряду с М. Горьким, Л. Андреевым, Ал. Блоком, А. Толстым, В. Засулич и др., был и Сологуб. В основу «Жуткой колыбельной», частично воспроизводящей строфическую форму «Казачьей колыбельной песни» Лермонтова, положены действительные обстоятельства убийства, как они выяснились на процессе, несмотря на противодействие судей и прокурора. Стихотворение вызвало нападки на Сологуба в черносотенной печати (см., напр., статью «Радикальный тетерев» в газете «Земщина», 1913, 6 ноября). *Если в ссоре угрожаешь.* Непосредственной причиной убийства Ющинского явилась его угроза во время ссоры с сыном В. Чеберяк: «Я скажу, что у вас в квартире притон воров». *Виден зев пещеры той.* Тело убитого Ющинского было спрятано в пещере, где оно потом было обнаружено. *Сказка старая воскреснет.* Имеется в виду возникший в средние века кровавый навет, обвиняющий евреев в ритуальных убийствах.

491. «Дневники писателей», 1914, № 1, с. 5. Автограф — ПД.

492—529. *Триолет* — строфическая восьмистишная поэтическая форма, где первое двустишие повторяется в конце строфы, а ст. 4 точно воспроизводит ст. 1; одна из самых ограниченных среди замкнутых форм стиха. Сологуб иногда допускал отклонения от канонической формы триолета (неполные повторы). Он писал триолеты в 1913 г. главным образом во время поездок по провинции (см. выше, с. 64). 178 триолетов заняли бо́льшую часть сборника «Очарования земли. Стихи 1913 года» (ССоч. XVII), где они образуют 19 циклов. Включенные в наст. изд. в хронологической после-

довательности триолеты распределяются по циклам следующим образом: 1, 9, 16, 17, 25, 29 — «Земля родная»; 2—4, 11, 22 — «Радость дорог»; 5, 10, 18, 20 — «Отравы»; 6, 13, 33 — «Дни»; 7, 8, 19, 30 — «Утешения»; 12, 28, 34 — «Города»; 14 — «Любовь земная»; 15 — «Личины»; 21 — «Нежити»; 23, 24 — «Земная свобода»; 26, 27 — «Творчество»; 31, 32 — «Земные просторы»; 35—38 — «Поэты». Критик А. А. Измайлов писал о триолетах: «Это заметки из дневника поэта, который записывает приходящие ему в голову звенящие строки, гуляя, читая газету, проезжая в вагоне поезда...» (РС, 1914, 7 июня).

1. З, 1914, № 3, с. 2. Автограф — ПД.

2. ССоч. XVII, с. 19.

3. ССоч. XVII, с. 20. Автограф — ПД.

4. ССоч. XVII, с. 22.

5, 6. ССоч. XVII, с. 51, 97. Автографы — ПД.

7. ССоч. XVII, с. 70. Автограф — ПД, др. ред. ст. 5—6.

8. ССоч. XVII, с. 71.

9. З, 1914, № 3, с. 5. Автограф — ПД.

10. ССоч. XVII, с. 54. Автограф — ПД.

11. ССоч. XVII, с. 23. Автограф — ПД. Положено на музыку А. Шеншиным (1922).

12, 13. ССоч. XVII, с. 34, 98. Автографы — ПД.

14. «Нива», 1913, № 42, с. 833. Автограф — ПД.

15. ССоч. XVII, с. 153.

16, 17. «Сирин», сб. 1, СПб., 1913, с. XIII. Автографы — ПД.

18—21. ССоч. XVII, с. 58, 62, 74, 203. Автографы — ПД.

22. «Сирин», сб. 1, СПб., 1913, с. XVI.

23, 24. «Очарованный странник», 1913, № 2, с. 1. Автографы — ПД.

25. З, 1914, № 3, с. 6. Автограф — ПД.

26. ССоч. XVII, с. 219. Автограф — ПД, ст. 6: «На Кузнецкий мост ведет послушать свист». *Будетляне, кубо-футуристы* — так называли себя члены московской литературной группы «Гилея», провозгласившей своей целью создание искусства будущего. Выступая против копирования действительности, они утверждали полный произвол художника. Их мелкобуржуазное анархическое бунтарство, неприятие современности подчас проявлялись в эксцентричных формах одежды и внешнего вида, имевших целью эпатировать обывателя. Сологуб отнесся к футуристам со вниманием. «Не соглашайтесь с ними, — говорил он, — ругайте их, но пусть они будут. Они заставят нас посмотреть на себя, спорить, бурлить, задуматься над новыми формами и течениями» («Одесские новости», 1913, 12 марта).

27. ССоч. XVII, с. 222. Автограф — ПД. Стих. представляет собою декларацию футуриста (см. примеч. 26).

28. ССоч. XVII, с. 36. Автограф — ПД. *Либава* (Лиепая) — город в б. Курляндской губ. (Латвия), торговый порт в Прибалтике.

29. З, 1914, № 3, с. 8. П. Н. Медведев записал: «Сологуб любит дождик и северную осень. Болеет зимой — декабрь, январь — одышка» (архив П. Н. Медведева). Ср.: К. Федин, Горький среди нас, М., 1967, с. 133.

30—32. ССоч. XVII, с. 83, 124, 122. Автографы — ПД.

33. «Любовь к трем апельсинам», 1914, № 3, с. 5. Автограф — ПД.

34. ССоч. XVII, с. 37. Автограф — ПД.

35. ССоч. XVII, с. 211. Автограф — ПД, с разночтениями. Сологуб глубоко любил Ал. Блока и его поэзию. «Это был лучший человек нашего времени», — говорил он о Блоке Э. Ф. Голлербаху (запись Голлербаха — ГБЛ). 13 мая 1911 г., получив от Блока первую книгу «Собрания стихотворений» («Мусагет», 1911), Сологуб написал ему: «Предвкушаю ту радость, которую мне доставит чтение этой книги». В ноябре 1911 г. благодарил его за сборник «Ночные часы» — «за очаровательные, как всегда, стихи». По прочтении присланного Блоком сб. «Стихи о России» (1915) он заметил: «Хорошо, что на свете есть стихи, — все остальное как-нибудь переможется» (письмо от 9 октября 1915 г. — ЦГАЛИ). «Блок был гениальный поэт, — говорил Сологуб П. Н. Медведеву. — Поэтому он очаровывает. Его поэзия, когда поразмышляешь, — сладчайший яд. Конечно, яд — отрава. Весь он направлен к смерти. Опустошенная душа, опустошенный гений, но какой пленительный... Поэзия Блока стимулирует душу. Без этого яда нельзя обойтись...» (архив П. Н. Медведева). Сологуб считал, что «никаких, в сущности, образов у него ⟨Блока⟩ нет, что дело не в образах, а в напевной силе стиха, в бесконечном (как у Патти) дыхании, в окрыленности замысла» (запись Голлербаха — ГБЛ). Когда Сологуб декламировал стихи Блока, «они звучали как-то по-новому, загадочно и странно», — вспоминал Голлербах (ГБЛ). *Метель, взвивающая снег,* — один из характерных для поэзии Блока образов.

36. ССоч. XVII, с. 213. Автограф — ПД. *Кузмин Михаил* Алексеевич (1875—1936) — поэт, беллетрист, драматург. В триолете обыгрываются свойственное поэзии Кузмина подчеркивание вещно-предметной стороны жизни, эстетизация быта, культ наслаждения жизнью, утонченность и изящество.

37. ССоч. XVII, с. 212. Автограф — ПД. *Иванов В. И.* — см. примеч. 430. Розе посвящена книга стихов Иванова «Rosarium», включенная в сб. «Cor ardens» (ч. 2, М., 1911).

38. ССоч. XVII, с. 214. Автограф — ПД. Посвящено В. Я. Брюсову (см. примеч. 289). Подразумевается стих. Брюсова «В ночной полумгле» (цикл «Криптомерии», сб. «Chefs d'œuvres», 1895), где ст. 3—4: «Смотрел я на синий альков. Мечтал о лесах криптомерий». Сологуб ошибочно счел криптомерию цветком, между тем это — японское хвойное дерево.

* **530—531.** Машинопись ПД, с посвящением А. В. Луначарскому.

1. «Дело народа», 1917, 15 марта. Печ. по СБ, с. 25. Автограф — ПД. *Илот* — порабощенный земледелец в древней Спарте. *Opéra* (франц.) — Большая опера, один из главных театров Парижа. *Во дни святых восстаний* — т. е. во время Великой французской революции 1789 г., июльской революции 1830 г., февральской революции 1848 г. и Парижской коммуны 1871 г.

2. СБ, с. 26. Автограф — ПД, с вариантами ст. 5—8.

532. «Полон. Лит. сб.», Пг., 1916, с. 15, без загл., с вариантами; Фим., без загл. Печ. по КД, с. 42. Автограф — ПД, с пометой: «Вагон Нарбонна — Марсель. Арль».

533. «Вершины», 1915, № 23, с. 2.

534. РМ, 1915, № 4, с. 37. Автограф — ПД. *И вы хотите, о люди, люди...* В 1914 г. Сологуб писал А. Измайлову: «Вот вы, господа критики, нападаете на меня за то, что я будто бы не люблю жизнь. Любить без разбора вообще не стоит, — и жизнь любить можно только достойную любви. А вот эта жизнь, где не отличишь друга от врага, где люди издеваются друг над другом... о, эта жизнь!» (Цит. по кн.: «История русской поэзии», т. 2, Л., 1969, с. 292).

535. «Стрелец», сб. 1, Пг., 1915, с. 68. Автограф — ПД. *Утрехтский собор* — готический собор XIII в., одна из достопримечательностей голландского города Утрехта.

536. Фим., с. 81. Автограф — ПД.

537. БВ, 1914, 4 сентября, утр. вып. Стих. связано с вторжением немецких войск в начале первой мировой войны на территорию Польши, входившей в состав Российской империи. Об отношении Сологуба к войне см. вступ. статью (с. 65—66).

538. БВ, 1915, 1 января, утр. вып. Автограф — ПД.

539. «Отечество», 1915, 22 марта. Автограф — ПД. *Идешь стремительно от роковой черты.* Имеется в виду вступление России в первую мировую войну — 1 августа (19 июля ст. ст.) 1914 г. Сологуб разделял буржуазные иллюзии об освободительном характере войны, якобы ведущей к торжеству демократии.

540. «Лукоморье», 1915, № 26, с. 6. Автограф — ПД.

541. АМ, с. 33.

542. БВ, 1915, 6 августа. Автограф — ПД. В письме Ан. Н. Чеботаревской 1916 г. из Козлова Сологуб излагал свои разговоры с местной интеллигенцией: «Вот, — говорю, — погодите, придет мужик, все дела управит, устроит Россию прочно, хозяйственно, честно» (ПД).

543. Ог., 1916, № 14, с. 3 (цикл «Два ответа»), без деления на строфы. Печ. по АМ, с. 172 (разд. «Отдых»). Автограф — ПД.

544. РМ, 1917, № 2, с. 1, без загл. Печ. по КД, с. 23. Автограф — ПД.

545. БВ, 1916, 23 марта, утр. вып. Автограф — ПД.

546. НГ, с. 11 (цикл «Утомительные дали»). Автограф — ПД.

547. «Бич», 1916, № 9, с. 2. Печ. по Фим., с. 39. Автограф — ПД.

548. Ог., 1916, № 48, с. 5, с опечаткой. Печ. по АМ, с. 194. Автограф — ПД. Стих. описывает проводы рекрутов в годы первой мировой войны. *Парки* (римск. миф.) — богини человеческой судьбы.

549. БВ, 1917, 8 января, утр. вып. Автограф — ПД. *Аксаковский пейзаж* — среднероссийский пейзаж, описанный во многих произведениях С. Т. Аксакова (1791—1859).

550. «Багульник», 1916, № 3, с. 1. Автограф — ПД.

551. БВ, 1916, 25 декабря, утр. вып., под загл. «Душа моя». Печ. по ОЛ, с. 33. Автограф — ПД.

552. Ог., 1917, № 7, с. 104. Автограф — ПД, ст. 11: «И под цензурною печатью».

553. Альманахи «Творчество», кн. 2, М.—Пг., 1918, с. 181; ЧЧ. Печ. по НГ, с. 16, где восстановлен текст первой публикации.

554. Ог., 1917, № 11, с. 1, под загл. «Стансы единений», без деления на строфы. Печ. по СБ, с. 31. Стих. отражает настроения Сологуба после Февральской революции. *Иуда, Бродящий в шорохе осин*. Согласно устной легенде, предатель Христа Иуда, терзаясь угрызениями совести, повесился на осине. *Назад зовущим дети Лота Напомнят горькой соли столп* (библ.). Когда праведник Лот с женой и детьми покидал развращенный город Содом, обреченный на гибель, его жена оглянулась, несмотря на запрет ангелов, и превратилась в соляной столб.

555. БВ, 1917, 23 марта, утр. вып. Автограф — ПД. 23 марта 1917 г. на Марсовом поле состоялись похороны жертв революции, которые вылились в грандиозную демонстрацию. *Мед гиметских чистых сот*. Гимет — горная местность в Древней Греции, славившаяся пчеловодством.

556. «Образ Ахматовой», Л., 1925, с. 29. Автограф — ЦГАЛИ. Как вспоминал В. М. Жирмунский, «Анна Андреевна Ахматова очень почитала Сологуба как поэта, и его «Салон» был одним из первых, где она вступила в литературу. Она всегда упоминала о нем как о поэте с большим уважением» (письмо к М. И. Дикман от 28 марта 1970 г.). На подаренном Сологубу экземпляре первого сб. своих стихов «Вечер» Ахматова написала 16 марта 1912 г.: «Федору Кузьмичу Сологубу с глубоким уважением.

Твоя свирель над тихим миром пела,
И голос смерти тайно вторил ей,
А я, безвольная, томилась и пьянела
От сладостной жестокости твоей». (ПД)

Синайский куст. Имеется в виду библейское сказание о Неопалимой Купине — горящем, но не сгорающем терновом кусте, из которого бог воззвал к Моисею (кн. «Исход», гл. 3).

557. «Страна», 1918, 31 марта, без загл. и деления на строфы, с разночтением. Печ. по КД, с. 44. Автограф — ПД.

558. Ог., 1917, № 36, с. 568, без загл., ст. 2: «Идущая с крутого неба». Печ. по КД, с. 32. Автограф — ПД.

559. ПБА, с. 147. Автограф — ПД.

560. ЧЧ, с. 35. Автограф — ПД, строфы 1, 2 датированы 6 июня 1918 г.

561. КД, с. 18. Автограф без загл. — ПД. *Астероид* — одна из малых планет, обращающихся вокруг Солнца между орбитами Марса и Юпитера. *Коллоид* — состоящее из мелких частиц некристаллизующееся вещество, которое не проходит через животные и растительные перепонки.

562. Печ. впервые по автографу ПД. *Гефсиманский сад* — см. примеч. 472.

563. Печ. впервые по автографу ПД.

564. Фим., с. 87. Автограф — ПД.

565. Фим., с. 19. Автографы — ПД. *Перуанское зелие* — здесь: табак. *Монтезума* (1466—1520) — последний индейский правитель Мексики, при котором страна была захвачена испанцами.

566. Фим., с. 31. Автографы — ПД. *Парадиз* — рай. *Петр* (еванг.) — один из двенадцати апостолов Христа: согласно католической легенде, Христос вручил ему ключи как символ церковной власти, и он охраняет вход в рай.

567. Печ. впервые по автографу ПД.

568. ПБА, с. 148. Автограф — ПД.

569. Печ. впервые по автографу ПД.

570. «Записки Передвижного театра», 1923, № 64, с. 4 (цикл «Кольцо лирических оправ»). Автографы — ПД.

571. Печ. впервые по автографу ПД. Машинопись — ПД, под загл. «Канон бесстрастия». В письме от 28 августа 1970 г. В. М. Жирмунский вспоминал, что, когда в 1920 г. он выступал в Неофилологическом обществе при Петроградском университете с докладом «Задачи поэтики», Сологуб, с которым он лично не был знаком, прислал ему с Ан. Н. Чеботаревской «Канон бесстрастия» как «стихотворный привет». Сологуб интересовался работами В. М. Жирмунского о поэтике и, в частности, по свидетельству П. Н. Медведева, «очень хвалил» его книгу «Композиция лирических стихотворений», 1921 (архив П. Н. Медведева).

572, 573. Печ. впервые по автографам ПД.

574. ОЛ, с. 16 (разд. «Amor»). Автограф — ПД.

575. Печ. впервые по машинописи ПД.

576. НГ, с. 18 (разд. «Утомительные дали»). Автограф — ПД.

577. «Жизнь искусства», 1923, № 37, с. 7. Автограф — ПД.

578. Печ. впервые по автографу ПД.

579. Печ. впервые по автографу ПД. *Геба* (греч. миф.) — богиня юности. *Ветреная Геба* — образ из стихотворения Тютчева «Весенняя гроза». *Альдонса, Дульцинея* — см. примеч. 432.

580. НГ, с. 20 (разд. «Утомительные дали»). Автограф — ПД.

581. ОЛ, с. 14 (разд. «Amor»).

582. СБ, с. 39. Автограф — ПД. Стихотворение построено в форме классической французской баллады, бессюжетного лирического стихотворения, состоящего из трех строф с равным числом строк (от 8 до 20) и заключительной четырехстрочной строфы, «посылки» или «послания», где содержится обращение к лицу, которому посвящена баллада; последние строки каждой строфы представляют собою рефрен.

583. НГ, с. 33 (разд. «Утешные ночи»). Автограф — ПД.

584. Печ. впервые по машинописи ПД.

585. Печ. впервые по автографу ПД. *Кострома* — древний русский город, основанный в XII в., который неоднократно являлся предметом княжеских раздоров, а также подвергался опустошению при нашествии татар (XIII—XVI вв.) и польских войск (XVII в.). *Китеж* — легендарный город русских народных преданий, скрывшийся на дне озера во время татарского нашествия. *Ярославна* («Слово о полку Игореве») — жена князя Игоря.

586. НГ, с. 45 (разд. «Милая Волга»). Автограф — ПД.

587. НГ, с. 43 (разд. «Милая Волга»). Автограф — ПД. *Имя сладостное Волга Сходно с именем ушедшей.* Имеется в виду сестра Сологуба Ольга Кузьминична Тетерникова, умершая в 1907 г. (см. примеч. 452).

588. НГ, с. 21 (разд. «Утомительные дали»). Автограф — ПД.

589, 590. НГ, с. 44, 46 (разд. «Милая Волга»). Автографы — ПД.

591. Печ. впервые по автографу ПД.

592. ОЛ, с. 18 (разд. «Amor»). Автограф — ПД. Обращено к Ан. Н. Чеботаревской.

593. ОЛ, с. 41 (разд. «Дон-Кихот»). *Альдонса, Дульцинея* — см. примеч. 432.

594. «Автографы», М., 1921, с. 11, с датой: «1921 г. Петроград». Автограф с разночтениями — ПД.

595. НГ, с. 36 (разд. «Утешные ночи»). Автограф — ПД.

596. НГ, с. 23 (разд. «Утомительные дали»). Автограф — ПД. *Элизийские поля* (греч. миф.) — загробный мир, где пребывают праведники.

597. Печ. впервые по автографу ПД. *Адмиралтейская игла* — шпиль петербургского Адмиралтейства; метафора Пушкина («Медный всадник»). *Цусима, Чесма и Гангут* — места боев русского флота: Цусимский пролив (см. примеч. 398), Чесменская бухта, где 26 июня 1770 г. был сожжен турецкий флот, и мыс Гангут, возле которого 27 июля 1714 г. была разгромлена и взята в плен шведская эскадра.

598. ОЛ, с. 43 (разд. «Дон-Кихот»). Автограф — ПД. *Дульцинея, Альдонса* — см. примеч. 432.

599. ОЛ, с. 29 (разд. «Amor»). Автограф — ПД. В беседе с П. Н. Медведевым Сологуб говорил: «Правду жизни можно познать только через любовь к единственной женщине. Все равно — Дульцинея она или Альдонса: для любящего — всегда Дульцинея. Вне такой любви правда и смысл жизни заказаны» (архив П. Н. Медведева). Ср. письмо Сологуба Л. Я. Гуревич — «Ежегодник рукописного отдела ПД», 1972, с. 119.

600. «Пересвет», 1. М., 1921, с. 6. Автограф — ПД.

601. ОЛ, с. 44 (разд. «Дон-Кихот»). Автограф — ПД. *Росинант* — конь Дон-Кихота, жалкая тощая кляча.

602. ОЛ, с. 22 (разд. «Amor»). Автограф — ПД. См. примеч. 599. *Евридика* (греч. миф.) — нимфа, жена фракийского поэта-певца Орфея. Когда она погибла от укуса змеи, Орфей спустился за нею в царство мертвых и растрогал своей игрой богиню подземного мира, которая разрешила вывести Евридику на землю, но с условием не оглядываться на нее до выхода на дневной свет. По одному мифу, Орфей нарушил запрет и навсегда потерял жену, по другому — вернул ее на землю. *Психея* — согласно легенде, приведенной в романе Апулея «Золотой осел» (II в. н. э.), прекрасная дочь царя, которою пленился бог любви Амур и посещал ее по ночам, чтобы она не могла увидеть его лица. Психея, нарушив запрет, подкралась к спящему Амуру с лампадой, из которой пролилась струя горячего масла и разбудила его. Разгневанный Амур покинул ее, но после многих злоключений она наконец соединилась с ним навсегда. *Альдонса, Дульцинея* — см. примеч. 432.

603. ОЛ, с. 31 (разд. «Amor»). Автограф — ПД.

604. ОЛ, с. 11 (разд. «Amor»). Автограф — ПД. Обращено к Ан. Н. Чеботаревской.

605. «Петербургский сборник», Пб., 1922, с. 31. Автограф — ПД. *Прячет лик он под личинами* и т. д. Имеется в виду сказание о лебедином рыцаре, переработанное в поэме «Парсифаль» немецкого миннезингера Вольфрама фон Эшенбаха (XIII в.). Лоэнгрин, один из рыцарей святого камня — Грааля, не известный никому, приплыл на лодке, влекомой лебедем, в Брабант, освободил княжну Эльзу и женился на ней под условием, что она никогда не спросит, кто он и откуда. Эльза нарушила обещание, и Лоэнгрин покинул ее навсегда. *Семела* (греч. миф.) — дочь фиванского царя, смертная возлюбленная Зевса, она упросила его предстать в истинном облике. Зевс явился в сверкании молний, испепеливших ее. *Актеон* (греч. миф.), охотясь, увидал купающуюся Диану — богиню охотницу и девственницу; разгневанная, она превратила Актеона в оленя, и его растерзали собственные собаки.

606—612. НГ, с. 50, 72, 75, 74, 62, 80, 54 (разд. «Свирель»). Автографы — ПД. 27 стихотворных стилизаций в духе французской пасторальной поэзии XVIII в. были написаны в 1921 г. и первоначально образовали раздел «Свирель» в НГ, а затем изданы отдельным сборником (Федор Сологуб, Свирель. Русские бержереты, Пб., 1922), посвященным жене поэта, Ан. Н. Чеботаревской. В своем альбоме Сологуб писал: «„Свирель“ вся написана, чтоб ее ⟨Чеботаревскую⟩ позабавить. Голодные были дни. Заминка с пайком. Ходил на Сенную, на последние гроши, на размененные по секрету от нее германские марки купить что-нибудь вкусное. И по дороге сложил не одну бержерету. Первые же бержереты написаны по ее желанию для вечера в Институте, где она занималась языками и литературой» (ПД). 7. *Мюзетта* — франц. народный музыкальный инструмент, род волынки.

613—615. Печ. впервые по автографам ПД. Посвящены памяти жены Сологуба Ан. Н. Чеботаревской, которая 23 сентября 1921 г. в приступе психастении бросилась в р. Ждановку и утонула. Сологуб писал 21 декабря 1921 г. А. Г. Горнфельду: «Анастасия Николаевна дала мне все то счастие, которое может дать самоотверженно верная жена и беззаветно преданный друг... Мы были с нею более близки, чем бывают люди в браке. Вся моя литературная и общественная работа была объята ее сотрудничеством и влиянием. В ней для меня было всегда живое воплощение моей собственной художественной и житейской совести, и я принимал ее советы как неизменно верное указание того пути, который я сам себе раз навсегда начертал. Ее нервы были истощены... Одним из последних тяжелых ударов для нее была смерть А. А. Блока» (ЦГАЛИ). О. Д. Форш вспоминала о Сологубе: «Потом он опять жил, потому что он был поэт, и стихи к нему шли. Но стихи свои читал он несколько иначе, чем при ней, когда объезжали вместе север, юг и Волгу и «пленяли сердца». Он больше пленять не хотел, он с покорностью своему музыкальному, особому дару, давал в нем публичный стихотворный отчет, уже ничего для себя не желая. Входил он к людям сразу

суровый, отвыкший. От внутренней боли был ядовит и взыскателен» (О. Форш, Сумасшедший корабль, Л., 1931, с. 117).

616. Печ. впервые по автографу ПД.

617. Печ. впервые по машинописи с авторской правкой ПД. *Мойра* (греч. миф.) — богиня человеческой судьбы, которую Сологуб отождествил с богиней любви *Афродитой.*

618. ЧЧ, с. 9. Автограф — ПД. Примеч. Сологуба: «В книге Крушевского «Заговоры как вид русской народной поэзии, Варшава, 1876» говорится: „В конце почти всякого заговора стоит часть, которую можно было бы назвать закреплением. Часть эту я нашел только в русских заговорах... Она чаще всего выражается формулами: «И слова мои крепки; будьте слова мои крепки и лепки до веку; нет моим словам переговора и недоговора; будь ты, мой приговор, крепче камня и железа», и т. п. Здесь, кажется, сам народ засвидетельствовал, что силу заговора он видит именно в слове"».

619. ЧЧ, с. 11. Автограф — ПД. Примеч. Сологуба: «В книге С. Шашкова «Шаманство в Сибири» передается легенда о том, что мать, пославшая свою дочь за водою, долго ждала ее, потеряла терпение и закричала: «Чтоб солнце ее взяло!» Солнце и месяц сошли с неба, чтобы овладеть девушкою; солнце уступило ее месяцу, потому что ночной путь опасен без спутницы». Стих. посвящено памяти Ан. Н. Чеботаревской» (см. примеч. 613).

620. ЧЧ, с. 43. Автограф — ПД, с вариантами.

621. Печ. впервые по автографу ПД. *Снегурочка* — здесь: Ан. Н. Чеботаревская (см. примеч. 613).

622. «Современные записки» (Париж), 1922, № 12, с. 104. Автограф — ПД, без загл. *Горем Всю душу мне ты сжег дотла* — см. примеч. 613. В своем альбоме (ПД) Сологуб писал: «Чем дальше живу, тем более люблю жизнь, хочу работать, и так много замыслов. Многое люблю в жизни — но что из этого. Богато уставленный яствами стол, — но все эти яства вдруг обратились в пепел, — вот что мне осталось по ее ⟨Ан. Н. Чеботаревской⟩ уходе от жизни. Такая жизнь, на что она мне!»

623. Печ. впервые по автографу ПД. Обращено к Ан. Н. Чеботаревской (см. примеч. 613).

624. Печ. впервые по машинописи ПД.

625. Печ. впервые по автографу ПД. 2 мая 1922 г. обезображенное тело Чеботаревской (см. примеч. 613), ранее не найденное, было вынесено одной из последних льдин против дома, где жил Сологуб. Он опознал покойницу по кольцу, которое снял с ее руки и в дальнейшем бережно хранил (см.: О. Форш, Сумасшедший корабль, Л., 1931, с. 116—117).

626. Печ. впервые по машинописи ПД. Обращено к Ан. Н. Чеботаревской (см. примеч. 613). *Сказкой О мудрых женах старины.* Перед смертью Чеботаревская работала над исследованием о французских женщинах XVIII в. Завершенная ею часть была издана посмертно: А. Сологуб-Чеботаревская, Женщина накануне революции 1789 г., Пг., 1922. *Камалока* (инд. миф.) — мир любовных страстей.

627. Печ. впервые по автографу ПД. *Ойле* — см. примеч. 235.

628, 629. Печ. впервые по автографам ПД.

630. Печ. впервые по автографу ПД. *Деметра* (греч. миф.) — богиня плодородия; ее дочь *Персефона* была похищена богом подземного царства мертвых, и убитая горем мать безуспешно разыскивала ее. *Алетея* (др.-греч.) — правдивая, справедливая; Сологуб, возможно, толковал слово как «незабвенная», т. е. неподвластная Лете — реке забвения в царстве мертвых; здесь это имя прилагается к Чеботаревской.

631. Печ. впервые по автографу ПД. Обращено к Ан. Н. Чеботаревской.

632. Печ. впервые по автографу ПД. Обращено к Ан. Н. Чеботаревской.

633. «Русский современник», 1924, № 1, с. 8. Автограф — ПД.

634, 635. Печ. впервые по автографам ПД.

636. Ф. Сологуб, Стихотворения, «Б-ка поэта», М. с., Л., 1939, с. 344. Автограф — ПД. Посвящено памяти Ан. Н. Чеботаревской.

* **637.** Печ. впервые по автографу ПД. Машинопись — ПД с вариантом строфы 3. *Китеж* — см. примеч. 585.

638. Ф. Сологуб, Стихотворения, «Б-ка поэта», М. с., Л., 1939, с. 345 (ст. 13—24). Печ. полностью впервые по автографу ПД. Обращено к Ан. Н. Чеботаревской. См. примеч. 613.

639. «Записки Передвижного театра», 1923, № 64, с. 5 (цикл «Кольцо лирических оправ»). Автограф — ПД. *Росинант, Дульцинея* — см. примеч. 432, 601.

640. Печ. впервые по автографу ПД. Обращено к Ан. Н. Чеботаревской. *Заветное кольцо* — см. примеч. 625.

641, 642. Печ. впервые по автографам ПД.

643. «Петроград. Лит. альманах», 1, Пг.—М., 1923, с. 3. Автограф — ПД, после ст. 20 еще одна строфа.

644. «Петроград», 1923, № 1, с. 5. Встречавшийся в 1920-е годы с Сологубом П. Н. Медведев записал: «У С. чрезвычайный интерес

к астрономии. Его страшно занимают четвертое измерение, принцип относительности, проблема строения мира». При этом Сологуб говорил: «Подъем искусства кончился Гете — XVIII век, XIX в. — век музыки, XX — век математики» (архив П. Н. Медведева). *На опрокинутый кувшин Глядел вернувшийся из рая* и т. д. По мусульманской легенде, пророк Магомет, разбуженный ночью архангелом Гавриилом, мгновенно совершил чудесное путешествие из Мекки в Иерусалим, побывал на небесах, где имел 70 000 бесед с богом, видел геенну огненную и вернулся обратно раньше, чем успела вылиться вода из кувшина, опрокинутого крылом архангела. Ср. слова кн. Мышкина в романе Достоевского «Идиот» (ч. II, гл. 5): «...это та же самая секунда, в которую не успел пролиться опрокинувшийся кувшин с водой эпилептика Магомета, успевшего, однако в ту самую секунду обозреть все жилища Аллаховы». *Темная Казань Была приютом вдохновений* и т. д. Профессор и ректор Казанского университета Н. И. *Лобачевский* (1792—1856) создал в 1820-е годы неэвклидову геометрию, т. е. геометрию, не принимающую некоторых аксиом, изложенных в «Началах геометрии» древнегреческого математика *Эвклида* (III в. до н. э.). Опираясь на неэвклидову геометрию, А. *Эйнштейн* (1879—1955) смог создать теорию относительности, коренным образом изменившую прежние представления о пространстве и времени.

645. Печ. впервые по автографу ПД.

646. «Красный журнал для всех», 1924, № 1, с. 18. Автограф — ПД. *Давид* (библ.) — израильский юноша, быстрый и ловкий, сразивший из пращи филистимлянского великана *Голиафа*. *Далила* (библ.) — коварная филистимлянка, возлюбленная героя Самсона, которая выведала тайну его силы и выдала его врагам.

647. Печ. впервые по автографу ПД.

648. «Русский современник», 1924, № 1, с. 7. Автограф — ПД, ст. 2: «Твоя таинственная речь».

649. «Русский современник», 1924, № 1, с. 9. Автограф — ПД.

650. Печ. впервые по машинописи ПД.

651. Печ. впервые по автографу ПД.

652. Печ. впервые по автографу ПД. *Там, где плыло тело.* См. примеч. 613—615, 625.

653. Печ. впервые по машинописи ПД.

654. «Записки Передвижного театра», 1923, № 64, с. 5 (цикл «Кольцо лирических оправ»). Автограф — ПД, ст. 20: «Над вечной скукой старых слов».

655. Печ. впервые по машинописи ПД.

656. Печ. впервые по машинописи ПД. Обращено к Ан. Н. Чеботаревской.

657. Печ. впервые по машинописи ПД.

658. «Поэты наших дней. Антология». М., 1924, с. 84. Автограф — ПД.

659. Печ. впервые по машинописи ПД. П. Н. Медведев писал о Сологубе 1920-х годов: «С. благороден, прост, ласков. В существе своем. Маска же не такая. Может быть, приучили играть роль» (архив П. Н. Медведева).

660. Печ. впервые по машинописи ПД. *Введенская* (ныне ул. Олега Кошевого), *Гатчинская* — улицы на Петроградской стороне (район Петрограда, где жил Сологуб).

661—663. Печ. впервые по автографам ПД.

664. Печ. впервые по автографу ПД. *Данько* Елена Яковлевна (1898—1942) — писательница и художница (живописец по фарфору). *Я не люблю строптивости твоей* и т. д. — перефразировка стих. Н. А. Некрасова «Я не люблю иронии твоей. Оставь ее отжившим и нежившим. . .» (1850).

665. Печ. впервые по автографу ПД. Е. Я. *Данько* — см. примеч. 664. *Орфей* (греч. миф.) — певец, изобретатель музыки, который своим пением укрощал зверей и двигал камни. *Лары* (римск. миф.) — боги домашнего очага.

666. Печ. впервые по автографу ПД.

667. Печ. впервые по автографу ПД. Сохранился план поэмы «Сатана» с датой: 25 июня 1889 г. (ПД), где лермонтовская легенда о демоне перенесена в современную Сологубу обстановку и соответственно переосмыслена. *И насквозь массивный камень Он слезою прожигал.* Ср. в поэме Лермонтова «Демон»:

> Поныне возле кельи той
> Насквозь прожженный виден камень
> Слезою жаркою, как пламень,
> Нечеловеческой слезой.

668. Печ. впервые по автографу ПД.

669. Печ. впервые по автографу ПД. *В метафорический наряд Речь стихотворная одета.* Имеется в виду романтическая поэзия пролетарских поэтов 20-х годов с присущей ей абстрактной риторикой и перенасыщенностью метафорами.

670. Печ. впервые по автографу ПД. *Ваал* (библ.) — бог языческих семитов; в переносном значении служение Ваалу — погоня за материальными благами.

671. Печ. впервые по автографу ПД.

672. Печ. впервые по автографу ПД. *Асфодель* — растение из семейства лилейных; по греч. миф., в царстве мертвых по лугам асфоделей блуждают тени умерших.

673. Печ. впервые по автографу ПД.

674. Печ. впервые по автографу ПД. *Зоргенфрей* Вильгельм Александрович (1882—1938) — поэт и переводчик.

675. Печ. впервые по автографу ПД. *Атлант* (греч. миф.) — титан, осужденный за участие в борьбе против богов держать на плечах небесный свод.

676. Печ. впервые по автографу ПД.

677. Печ. впервые по автографу ПД. *Альтаир* — звезда в созвездии Орла.

678. Печ. впервые по автографу ПД.

679. Печ. впервые по автографу ПД. *Да и проза им занятна и мила* и т. д. Далее описательно перечисляются произведения Сологуба: повесть «Барышня Лиза» (1914), рассказы «Очарование печали» (1908), «Мудрые девы» (1908), «Путь в Эммаус» (1909) и «Путь в Дамаск» (1910).

680. Печ. впервые по автографу ПД. *Алетея* — см. примеч. 630.

681, 682. Печ. впервые по автографам ПД.

* 683. Иванов-Разумник, Писательские судьбы, Нью-Йорк, 1951, с. 19, др. ред. Печ. по автографу ПД. Последнее стих. Сологуба. О предсмертной болезни Сологуба см.: К. Федин, Горький среди нас, М., 1967, с. 134.

ПЕРЕВОДЫ

С латинского

ПРОПЕРЦИЙ

Секст Проперций (I в. до н. э.) — римский элегический поэт.

684. Печ. впервые по автографу ПД. Вольный перевод первой половины стих. «Quid juvat ornato procedere, vita, capillo. . .» (кн. I, элегия 2, ст. 1—14).

С французского

ВИКТОР ГЮГО

К переводам стихов Виктора Гюго (1802—1885) Сологуб обращался в 1890-е и 1920-е годы. Переводы 20-х годов остались неопубликованными. П. Н. Медведев, встречавшийся с Сологубом летом 1925 г., записал: «Превосходные переводы из В. Гюго» (архив П. Н. Медведева).

685. НЖ, Иллюстр. и лит. неделя. Приложение. 1905, № 4, с. 25. Автографы — ПД. Перевод стих. «N'importe, ayons foi! Tout s'agite. . .». *Исайя* (библ.) — один из четырех пророков, особенно известен своим пророчеством о Мессии. *Сфинкс* (греч. миф.) — крылатое чудовище с львиным туловищем и головой женщины, обитавшее близ Фив. Сфинкс задавал путникам загадку и пожирал тех, кто не мог ее разгадать.

686. НЖИЛ, 1898, № 8, с. 130. Перевод стих. «Parfois, lorsque tout dort. . .».

687. Печ. впервые по автографу ПД. Перевод стих. «Comme dans les étangs. . .».

688. Печ. впервые по автографу ПД. Перевод стих. «Puits de l'Inde! tombeau! monuments constelles! . .». *Пиранезе* Джамбатиста (1720—1778) — итальянский гравер, особенно прославившийся изображением архитектурных памятников.

ШАРЛЬ ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ

Шарль Леконт де Лиль (1818—1894) — французский поэт, глава парнасской группы поэтов. Участник революции 1848 г., он тяжело пережил ее поражение, отсюда пессимизм и отчаяние, пронизывающие его поэзию.

689. НЖИЛ, 1904, № 8, с. 120. Автограф — ПД. Перевод стих. «Les montreurs».

ГИ ДЕ МОПАССАН

Сологуб высоко ценил Ги де Мопассана (1850—1893), крупнейшего французского реалиста второй половины XIX в. Он принял участие в Полном собрании сочинений Мопассана (30 тт., изд-во «Шиповник», СПб.—Пг., 1909—1916), для которого перевел роман «Сильна, как смерть» (т. 5) и написал вводную заметку «Смертный лик Мопассана» (1909). В этой заметке он выделяет как «отличительные черты» творческого облика французского писателя «ум точный, ясный, приемлющий мир, — и загадочную наклонность уйти из этого мира вовсе, тенденцию к декадансу и смерти». В близких себе субъективно-философских категориях представляет Сологуб логику творчества Мопассана: «приятие мира в его повседневности» — «отвергнуты утешительные иллюзии, маска за маской сбрасываются», и в результате безысходный метафизический пессимизм: «в страш-

ном сочтании предстают Жизнь и Смерть, точный разум и слепое безумие» (т. 1, с. 1—2). Позднее, в 1925 г. Сологуб говорил: «Мне представляется треугольник: Пушкин, Мопассан и Блок... Их сближает, что все трое были настоящие люди, равные и царю и нищему. В них было все, что ценно, что вечно в человеке. Но Пушкин весь живой, он в центре мирового процесса. В Мопассане явно омертвение, в нем, как в зеркале, отразилась вся Франция XIX в., с ее глубоким упадком при внешнем блеске» (запись Э. Ф. Голлербаха. — ГБЛ).

690. Печ. впервые по автографу — ПД. Перевод стих. «Je déteste surtout le bard à l'œil humide».

ПОЛЬ ВЕРЛЕН

Поль Верлен (1844—1896) — французский поэт-лирик, в 90-е годы был признан главой и учителем нового течения во французской литературе — символистов и декадентов. Поэзия Верлена оказала большое влияние на русских символистов старшего поколения. Сологуб, как и Брюсов, один из первых начал переводить Верлена на русский язык. В предисловии к изданию своих переводов он писал: «Я переводил Верлена, ничем внешним к тому не побуждаемый. Переводил потому, что любил его» (Верлен 1908, с. 7). О том же говорит и надпись на экземпляре этого сборника, подаренном А. А. Блоку: «Александру Александровичу Блоку. Милый и прекрасный поэт, я дарю Вам эту книгу с такою же любовью, с какой переводил собранные здесь стихи. Федор Сологуб. Ноябрь 1907 г.» (ПД). Молодого Сологуба привлекла не только исключительная мелодичность стихов Верлена, их искренность и простота, — он открыл в них поэзию переживаний, поэзию внутренней жизни. «Всматривание» в себя, в свою душу, характерное для Верлена, было близко Сологубу, как и грустно-тоскливая тональность верленовской лирики, пронизывающее ее чувство потерянности, пассивности, мучительный разрыв между высоким и низким, поэзией и прозой. В своем предисловии к изданию переводов Верлена Сологуб писал: «Любил я в нем то, что представляется мне в нем наиболее чистым проявлением того, что я назвал бы мистической иронией», и далее пояснял, что в Верлене привлекало его приятие жизни в «роковых противоречиях», когда «вся невозможность утверждается как необходимость, за пестрой завесой случайностей обретен вечный мир свободы. В каждом земном и грубом упоении таинственно явлены красота и восторг» (Верлен 1908, с. 7, 9). Сам Верлен называл это «мучительной и все же радостной поэтичностью своих стихов» (Поль Верлен, Лирика, М., ИХЛ, 1969, с. 22). Уже издавая Ст. I, Сологуб включил в сборник перевод из Верлена «Синева небес над кровлей...». Переводы 90-х годов, изданные отдельным сборником (Верлен 1908), Сологуб считал седьмой книгой своих стихов. Сборник включал переводы 37 стихотворений, 5 из них были представлены в двух и трех вариантах. Переводы были высоко оценены в литературных кругах. Брюсов назвал их «замечательнейшей попыткой» и указывал, что переводчику «удалось некоторые стихи Верлена в буквальном смысле слова пересоздать на другом языке, так что они кажутся оригинальными произведениями русского поэта, оставаясь очень близкими к французскому подлиннику» (П. Верлен, Собр. стихов

в переводе В. Брюсова, М., 1911, с. 7—8). М. А. Волошин отмечал в рецензии, что Сологубу «удалось осуществить то, что казалось невозможным и немыслимым: передать в русском стихе голос Верлена. С появлением этой небольшой книжки... Верлен становится русским поэтом» («Русь», 1907, 22 декабря). Резко отрицательно отнесся к переводам рецензент «Русского богатства» (1907, № 12, с. 175—177), который заявил: «Все сухо, категорично, без вдохновения», и утверждал, что в переводе Сологуб «ищет точности буквы и теряет точность духа». Он возмущался публикацией нескольких переводов одного стихотворения. Напротив, Ю. Н. Верховский, сам поэт и переводчик, писал: «Особенно поучительны переводы, дающие в двух или трех вариантах одну и ту же пьесу. Иногда несколько вариантов и художественно равноценны и одинаково нужны: черта, случайно ослабленная в одном, оттеняется другим» («Речь», 1908, 29 февраля). В 1918 г. Сологуб предпринял попытку издать стихи Верлена в переводах своих и Брюсова. «Соединение наших переводов могло бы быть полезно», — писал он Брюсову 17 сентября 1918 г. (ГБЛ). В феврале 1919 г. Сологуб послал заведующему издательством «Всемирная литература» А. Н. Тихонову список этих переводов с указанием порядка их размещения (ГБЛ). Однако издание осуществлено не было. Сологуб вернулся к переводам Верлена в 1922 г., и в следующем году вышло 2-е издание (Верлен 1923), включавшее в основной своей части переводы 53 стихотворений Верлена; 10 переводов печатались в исправленном виде, 15 стихотворений были переведены заново и 16 — впервые. В отделе «Варианты» помещены 22 старых перевода 16 стихотворений. Новые редакции переводов, иногда более близко передающие подлинник, в то же время утрачивали легкость и свободу стиха, отличавшие прежние варианты. Композиционное расположение переводов, установленное Сологубом в Верлен 1908 и повторенное в Верлен 1923, сохраняется в настоящем издании.

ИЗ КНИГИ «ПОЭМЫ САТУРНАЛИЙ»

(«Poèmes saturniens»)

691. ПЖ, 1897, № 264, с. 2207, под загл. «Nevermore». Печ. по Верлен 1923, с. 11. Перевод стих. «Nevermore».

692. НЖИЛ, 1904, № 10, с. 18, с разночтением. Печ. по Верлен 1923, с. 12. Перевод стих. «A une femme».

* **693.** ПЖ, 1897, № 236, с. 1982, под загл. «Сонет», др. ред.; Верлен 1908, под загл. «Тоска». Печ. по Верлен 1923, с. 13. Автограф — ПД. Перевод стих. «L'angoisse».

694. Верлен 1923, с. 17. Автограф — ПД. Перевод стих. «Chanson d'automne».

695. ПЖ, 1897, № 236, с. 1981, с разночтениями. Печ. по Верлен 1923, с. 20. Автограф — ПД. Перевод стих. «Sérénade». *Лета* —

см. примеч. 630. *Стикс* (греч. миф.) — река, опоясывающая подземное царство мертвых.

696. ПЖ, 1897, № 244, с. 2047, под загл. «В лесу». Печ. по Верлен 1908, с. 25. Автограф — ПД. Перевод стих. «Dans les bois».

ИЗ КНИГИ «ЛЮБЕЗНЫЕ ПРАЗДНИКИ»

(«Fêtes galantes»)

* **697.** «Образование», 1907, № 5, с. 128, др. ред. Верлен 1908. Печ. по Верлен 1923, с. 27. Автографы — ПД. Перевод стих. «Clair de lune».

698. Верлен 1923, с. 31. Автографы — ПД. Перевод стих. «Lettre». *Клеопатра* (69—30 до н. э.) — египетская царица, знаменитая своей красотой. Выдающийся римский государственный деятель и полководец Юлий *Цезарь* (100—44 до н. э.), прибыв в Египет, увлекся ею и задержался там на полгода. Влюбленный в Клеопатру *Марк Антоний* (83—30 до н. э.), один из триумвиров, разделивших после смерти Цезаря управление всей Римской империей, большую часть времени проводил на Востоке, пренебрегая государственными делами и интересами. В морской битве при Акциуме (31 г. до н. э.), в которой решался вопрос о мировом господстве, Антоний последовал за Клеопатрой, обратившей в бегство свои корабли, и бросил на произвол судьбы свое войско.

ИЗ КНИГИ «ДОБРАЯ ПЕСНЯ»

(«La bonne chanson»)

* **699.** Верлен 1908, с. 31, др. ред. Печ. по Верлен 1923, с. 36. Автографы — ПД. В автографе от 11—17 июля 1894 г. вариант строфы 7. Перевод стих. «Toute grâce et toutes nuances. . .».

* **700.** ПЖ, 1897, № 236, с. 1982, др. ред.; Верлен 1908. Печ. по Верлен 1923, с. 38. Автограф и машинопись с правкой — ПД. Перевод стих. «Avant que tu ne t'en ailles. . .».

* **701.** ПЖ, 1898, № 291, с. 2426, др. ред.; Верлен 1908. Печ. по Верлен 1923, с. 39. Перевод стих. «La lune blanche. . .».

* **702.** НЖИЛ, 1905, № 4, с. 27, др. ред. Печ. по Верлен 1923, с. 40. Автографы — ПД. Перевод стих. «Va, chanson à tire-d'aîle. . .».

703. ПЖ, 1897, № 244, с. 2047, др. ред.; Верлен 1908. Печ. по Верлен 1923, с. 42. Автографы — ПД. Перевод стих. «Le foyer, la lueur, étroite de la lampe. . .».

* **704.** ПЖ, 1897, № 244, с. 2047, др. ред. Печ. по Верлен 1923, с. 44. Автограф — ПД. Перевод стих. «Donc, ce sera par un clair jour d'été. . .».

ИЗ КНИГИ «РОМАНСЫ БЕЗ СЛОВ»

(«Romances sans paroles»)

705. ПЖ, 1896, № 205, с. 1739, с разночтениями. Печ. по Верлен 1908, с. 51. Автограф — ПД. К автографу приложен подстрочный прозаический перевод со словарными синонимами. Перевод стих. «C'est l'extase langoureuse...».

* 706. ПЖ, 1897, № 264, с. 2207, др. ред. Печ. по Верлен 1923, с. 50. Автографы — ПД. Перевод стих. «Je divine à travers un murmure...». *Летийский* — см. примеч. 630 (Лета). *Мусикийский* — музыкальный.

* 707. НЖИЛ, 1904, № 11, с. 109, др. ред.; Верлен 1908. Печ. по Верлен 1923, с. 51. Автографы — ПД. Перевод стих. «Il pleure dans mon cœur...». Положено на музыку Л. Шрейбер.

708. ПЖ, 1898, № 291, с. 2426. Автограф — ПД. Перевод стих. «Dans l'interminable...».

* 709. ПЖ, 1896, № 205, с. 1739, др. ред.; Верлен 1908. Печ. по Верлен 1923, с. 54. Автографы — ПД. Перевод стих. «L'ombre des arbres dans la rivière embrumée...».

* 710. ПЖ, 1898, № 273, с. 2280, др. ред. Печ. по Верлен 1923, с. 57. Автографы — ПД. Перевод стих. «Green».

* 711. ПЖ, 1897, № 264, с. 2207, др. ред. Печ. по Верлен 1923, с. 58. Автографы — ПД. Перевод стих. «Spleen».

* 712. Верлен 1908, с. 67, др. ред. Печ. по Верлен 1923, с. 59. Автографы — ПД. Перевод стих. «Dansons la gigue...».

713. Верлен 1923, с. 61. Автограф — ПД. Перевод стих. «Child Wife».

ИЗ КНИГИ «МУДРОСТЬ»

(«Sagesse»)

714. ПЖ, 1897, № 264, с. 2207. Автограф — ПД. Перевод стих. «Un grand sommeil noir...». Положено на музыку А. А. Крейном.

* 715. СВ, 1893, № 9, с. 202, др. ред.; Верлен 1908. Печ. по Верлен 1923, с. 75. Автографы — ПД. Перевод стих. «Le ciel est par-dessus le toit...». А. Блок писал Сологубу 2 декабря 1907 г. по поводу первой ред. этого перевода: «Вы знаете ли, что последнее стихотворение (второй вариант: «Синева небес над кровлей») попалось мне очень давно и было для меня одним из первых острых откровений новой поэзии. Оно связано для меня с музыкой композитора С. В. Панченко... С тех пор ношу это стихотворение в памяти, ибо оно неразлучно со мною с тех дней, «как постигал я первую лю-

бовь». И в эти дни, когда я мучительно сомневаюсь в себе и вижу много людей, но, в сущности, не умею увидать *почти* никого, — мотив стихотворения и слова его со мной» (А. Блок, Собр. соч. в восьми томах, т. 8, М.—Л., 1963, с. 219). Положено на музыку С. В. Панченко (1901).

ИЗ КНИГИ «КОГДА-ТО И НЕДАВНО»

(«Jadis et naguère»)

716. Верлен 1923, с. 81. Автограф — ПД. Перевод стих. «Pierrot».

717. ПЖ, 1897, № 264, с. 2207, под загл. «Сбор винограда», с разночтениями; Верлен 1908. Печ. по Верлен 1923, с. 82. Автограф — ПД. Перевод стих. «Vendanges».

ИЗ КНИГИ «ПЕСНЯ ДЛЯ НЕЕ»

(«Chanson pour elle»)

* **718**. Верлен 1908, с. 79, др. ред. Печ. по Верлен 1923, с. 87. Автограф — ПД. Перевод стих. «Tu n'es pas du tout vertueuse. . .».

719. Верлен 1908, с. 75, др. ред. Печ. по Верлен 1923, с. 88. Машинопись с правкой — ПД. Перевод стих. «Je ne t'aime pas en toilette. . .».

АРТЮР РЕМБО

Артюр Рембо (1854—1891) — французский поэт, популярный в среде символистов. Анархически-мятежная по своей сути, экспериментально-новаторская по стилистике, поэзия Рембо оказала влияние на таких поэтов, как Аполлинер, П. Элюар, поэты Сопротивления. Сологуб переводил поэмы в прозе Рембо «Озарения» (частично опубликованы: «Стрелец», кн. 1 и кн. 2, 1916) и так наз. «Последние стихотворения» (переводы при жизни не публиковались).

720. Ф. Сологуб, Стихотворения, «Б-ка поэта», М. с., Л., 1939, с. 356. Автограф — ПД. Перевод стих. «Chanson de la plus haute tour».

721, 722. Печ. впервые по автографам ПД. Переводы стих. «Bonheur», «Vertige».

С немецкого

ГЕНРИХ КЛЕЙСТ

Генрих Клейст (1777—1811) — немецкий драматург и новеллист. В сложном, трагически противоречивом творчестве Клейста сочетались романтизм, внимание к иррациональному, бессознательному началу с реалистическими тенденциями. Сологуб вместе с Ан. Чеботаревской предпринял в 10-е годы перевод пьес Клейста, о чем сообщил в интервью, добавив: «Глубокое, прекрасное и значительное творчество этого поэта совершенно незнакомо русской публике»

(«У Ф. К. Сологуба». — БВ, 1912, № 13153, а также «В литературном мире» — БВ, 1913, № 11326). Сологуб перевел комедию «Разбитый кувшин», историческую драму «Кетхен из Гейльбронна» и вместе с Ан. Чеботаревской трагедию «Пентесилая». Переводы были опубликованы в 1923 г. изд-вом «Всемирная литература» в Собр. соч. Клейста (т. 2).

723. Г. Клейст, Собр. соч., т. 2, Пб.—М., 1923, с. 40—43. Перевод отрывка из «Der zerbrochene Krug» («Разбитый кувшин»), одноактной пьесы из народной жизни, которая считается лучшей немецкой комедией. Сюжет комедии построен на публичном судебном разбирательстве: сельский судья Адам в присутствии судебного ревизора Вальтера расследует дело о разбитом кувшине крестьянки Марты Рулль. В процессе расследования обнаруживается, что истинный виновник происшедшего сам судья.

ПОЭТЫ-ЭКСПРЕССИОНИСТЫ

Экспрессионизм — литературное течение в Германии 1910—1920-х годов, выразившее смятение и потрясенность немецкой интеллигенции в период первой мировой войны и последующих революционных событий, бунтарское неприятие буржуазной действительности. Художники-экспрессионисты стремились в напряженных, деформированных образах, в экстатических порывах передать свое субъективное восприятие реальности. Для экспрессионистской поэзии характерны резкие контрасты, разорванность и непривычность ассоциаций, нарушение языковых норм. Сологуб переводил стихи поэтов-экспрессионистов в 1923—1924 гг. для первой антологии на русском языке МГ.

КУРТ ГЕЙНИКЕ

Курт Гейнике (род. 1891) — поэт, примыкавший к крайней левой группе немецких экспрессионистов.

724. МГ, с. 151. Автограф — ПД. Перевод стих. «Volk».

ИВАН ГОЛЛ

Иван Голл (1891—1950) — поэт, драматург и критик, представитель первого поколения экспрессионистов; зачинатель сюрреализма во Франции.

725, 726. МГ, с. 186, 188. Автографы — ПД. Переводы стих. «Wald», «Die Kanarienvögel».

ПАУЛЬ ЦЕХ

Пауль Цех (1881—1946) — антифашистский поэт и прозаик, начинавший как экспрессионист.

727, 728. МГ, с. 316, 317. Автографы — ПД. Переводы стих. «Die Häuser haben Augen aufgetan...», «Mainacht».

С английского

ОСКАР УАЙЛЬД

Оскар Уайльд (1856—1900) — английский писатель, оказавший большое влияние на декадентскую литературу, в частности в России. Сологуб принимал участие в подготовке полного собрания сочинений Уайльда, выходившего под ред. К. И. Чуковского в издании т-ва А. Ф. Маркс (СПб., 1912), для которого перевел «Стихотворения в прозе» (т. 2) и стих. «Дом блудницы».

729. О. Уайльд, Полн. собр. соч., т. 4. СПб., 1912, с. 14. Автограф — ПД. Перевод стих. «The harlot's house».

С украинского

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

В 1924 г., к 110-летию со дня рождения Шевченко, Сологуб предпринял перевод стихотворений из «Кобзаря». В предисловии «От переводчика» он писал: «Выбор стихотворений обусловлен следующими соображениями: необходимо было дать переводы тех стихотворений, которые, по условиям цензурным царского времени, переводились в отрывках или совсем не были переведены... Необходимо было также дать переводы наиболее известных поэм Шевченко «Гайдамаки» и «Катерина»... Остальные стихотворения выбраны с таким расчетом, чтобы представить по возможности все стороны шевченковского творчества. Переводчик поставил себе задачею дать возможно точный слепок с избранных пьес, соблюдая особенности авторских приемов и стараясь не обеднить своеобразного многообразия шевченковских ритмов и его своенравных рифмований» (Шевченко, с. 75). Переводы Сологуба были опубликованы посмертно, к 120-летию Шевченко в юбилейном сборнике 1934 г., и переизданы в 1935 г. Некоторые из них включаются в русские издания Шевченко до настоящего времени. «Кобзарь» в переводе Сологуба стал объектом критического рассмотрения. «Сологубу лучше удаются вещи интимно-лирические, особенно те из них, лирический стержень которых не слишком окрашен бытовыми особенностями; политическая же поэзия «Кобзаря» в его передаче по временам теряет часть своей остроты... Мастер стиха, он... опередил всех своих предшественников, тонко передавая метры Шевченко и его поэтический синтаксис, интонационное разнообразие и эвфонические особенности» (М. М. Новицкий, «Кобзарь» Шевченко в русских переводах. В кн.: Шевченко, с. 64). Серьезной критике подверг переводы Сологуба К. И. Чуковский, однако подчеркнул, что поэт первый «сделал попытку, не метризуя народных ритмов Шевченко, передать их в точности теми же ритмами, какие свойственны подлинникам. И если по ряду причин его переводческий труд не оправдал тех надежд, какие на него возлагались, все же основные принципы его перевода *в отношении ритмики* имели для того времени немалую ценность» (Чуковский III, с. 597).

730. Шевченко, с. 232. Автограф — ЦГАЛИ. Перевод стих. «Заповіт».

731. Шевченко, с. 230. Автограф — ЦГАЛИ. Перевод стих. «Минають дні, минають ночі. . .».

732. Шевченко, с. 287. Автограф — ЦГАЛИ. Перевод стих. «Світе ясний! Світе тихий! . .». *Печь топить «святыми» будем.* Имеются в виду «чудотворные», «явленные» иконы (у Шевченко: «Явленними піч топити»).

733. Шевченко, с. 291. Автограф — ЦГАЛИ. Перевод стих. «Ликері». *Л.* — Ликера, Гликерия Полусмак, крепостная девушка, невеста Шевченко.

734. Шевченко, с. 298. Автограф — ЦГАЛИ. Перевод стих. «Хоча лежачого й не бъють. . .». Написано Шевченко в 1860 г. на смерть вдовствующей императрицы Александры Федоровны, жены Николая I.

735. Шевченко, с 255. Автограф — ЦГАЛИ. Перевод стих. «В неволі, в самоті немае. . .». «Требование «точного слепка», — пишет М. М. Новицкий, — распространяется у Сологуба и на все особенности поэтического синтаксиса оригинала. Так, он заботливо передает взволнованную речь, запинающиеся и обрывающиеся фразы в стихотворении «Живу в неволе одиноко. . .», строго выдерживает он синтаксическую вязь первых шести строк, подчеркнутую единством мужской рифмы. . . точно отражает повторы в конце второй части стихотворения. . . согласованно с оригиналом вводит новые образы и мысли, сохраняя все их соединительные знаки. . . Внимание Сологуба к фонетике Шевченко сказывается прежде всего в его точной передачѐ рифмы. . . Он оставляет приблизительное рифмование концовки (где *тут — труп*, у Шевченко: не *чуть — труп*), шевченковский ассонанс в первой части пьесы: *годи — знахожу* заменяет диссонансом: встре*чаю* — со *мною*, но перекличку строк оставляет неизменной, порядок рифмовки сохраняет неразрушенным» (Шевченко, с. 67—69).

736. Шевченко, с. 299. Автограф — ЦГАЛИ. Перевод стих. «І тут і всюди — скрізь погано. . .».

737. Шевченко, с. 300. Автограф — ЦГАЛИ. Перевод стих. «О, люди, люди небораки. . .». *Гонят («последний долг отдать»)* и т. д. Перевод неточен; в оригинале: «Женуть («последний долг отдать»). Женуть до матері байстрят. . .» Под матерью «байстрят» (внебрачных детей, подкидышей) подразумевается царица Александра Федоровна (см. примеч. 734), под покровительством которой находились все воспитательные и благотворительные заведения. На ее похороны 5 ноября 1860 г. были выведены воспитанницы приютов отдать «последний долг усопшей матери».

738. Шевченко, с. 183. Автограф — ЦГАЛИ. Перевод стих. «Чого мені тяжко. . .».

739. Шевченко, с. 292. Автограф — ЦГАЛИ. Перевод стих. «Не нарікаю я на бога...».

740. Шевченко, с. 275. Автограф — ЦГАЛИ. *Дева расцвела На Иордане*. Подразумевается евангельская богородица дева Мария.

741. Шевченко, с. 240. Автограф — ЦГАЛИ. Перевод стих. «Ой стрічечка до стрічечки...». *Плахотка* — старинная женская одежда, заменявшая нынешнюю юбку.

С армянского

Переводы были сделаны Сологубом для ПА по предложению редактора издания В. Я. Брюсова. Посылая Сологубу 10 сентября 1915 г. стихи для перевода, Брюсов писал: «Вы очень нас всех обяжете, так сказать, «осуществив» свое согласие» (ПД). В недатированном письме Ж. М. Брюсовой Сологуб сообщил: «Хотел ответ послать с переводами, да они все не давались. Наконец сегодня два стихотворения готовы, и я спешу их послать Вам. Не знаю, сколь они удачны, усердие было большое» (ГБЛ). 5 января 1916 г. на бланке почтового перевода Брюсов написал: «Высылаю Вам гонорар за Ваши прекрасные переводы с армянского. Сердечно благодарю за внимание. Ваши переводы будут украшением нашего сборника» (ПД).

НААПЕТ КУЧАК

Наапет Кучак (XVI в.) — средневековый армянский поэт. «Среди всех средневековых лириков, — писал В. Я. Брюсов, — Кучак выделяется непосредственностью и безыскусственностью своих вдохновений... В его стихах встречаются мотивы и целые стихи, бесспорно принадлежащие народной поэзии... Самое драгоценное среди созданий Кучака — его любовная лирика. Его стихи о любви все очень невелики по размерам, часто вложены в форму четверостишия, этого «сонета Востока»... Чисто восточным колоритом отмечены и образы Кучака — яркие, блистательные, порой преувеличенные и неожиданные» (ПА, с. 55—56).

742—748. 1, 2, 5—7. БВ, 1916, 10 июля, утр. вып. 3, 4. ПА, с. 229.

ВААН ТЕРЬЯН

Ваан Терьян (1885—1920) — армянский лирик, тонкий мастер стиха. В его ранней поэзии сказалось влияние символизма. Терьян принял Октябрьскую революцию и вступил в ряды Коммунистической партии. Был членом ВЦИК. «Я высылаю Вам стихотворение Ваана Терьяна (между прочим, переводившего Ваши стихи на армянский язык)... — писал Сологубу Брюсов 10 сентября 1915 г. — Мне кажется, что эти стихи достаточно хороши, чтобы быть достойными Вашего перевода» (ПД).

749. ПА, с. 411. *Наири* — одна из областей древнейшей Армении, название которой прилагалось ко всей стране.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

1. *Фронтиспис.* Ф. К. Сологуб. Фотография (1900-е годы). ПД.
2. *С. 85.* Ф. К. Сологуб. Автопортрет (1883). ПД.
3. *С. 187.* Автограф Ф. К. Сологуба. Стихотворение «В поле не видно ни зги...». ПД.
4. *Между с. 256 и 257.* Ф. К. Сологуб. Фотография (1880-е годы).
5. *На обороте.* Ф. К. Сологуб и его сестра О. К. Тетерникова (1890-е годы). ПД.
6. *Между с. 288 и 289.* Ф. К. Сологуб. Портрет работы К. А. Сомова (1910). Государственный Русский музей.
7. *На обороте.* Ф. К. Сологуб. Портрет работы Ю. П. Анненкова (1921). Частное собрание.
8. *С. 415.* Автограф Ф. К. Сологуба. Стихотворение «Я испытал превратности судеб...». ПД.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕВОДЫ

С латинского

ПРОПЕРЦИЙ

С французского

ВИКТОР ГЮГО

ШАРЛЬ ЛЕКОНТ ДЕ ЛИЛЬ

ГИ ДЕ МОПАССАН

ПОЛЬ ВЕРЛЕН

Из книги «Поэмы сатурналий»

Из книги «Любезные праздники»

Из книги «Добрая песня»

Из книги «Романсы без слов»

Из книги «Мудрость»

Из книги «Когда-то и недавно»

Из книги «Песня для нее»

АРТЮР РЕМБО

С немецкого

ГЕНРИХ КЛЕЙСТ

ПОЭТЫ-ЭКСПРЕССИОНИСТЫ

КУРТ ГЕЙНИКЕ

ИВАН ГОЛЛ

ПАУЛЬ ЦЕХ

С английского

ОСКАР УАЙЛЬД

С украинского

ТАРАС ШЕВЧЕНКО

С армянского

НААПЕТ КУЧАК

ВААН ТЕРЬЯН

Сологуб Федор Кузьмич

СТИХОТВОРЕНИЯ

Л. О. изд-ва «Советский писатель», 1979, 680 стр. Без объявл. Редактор *Д. М. Климова.* Художник *И. С. Серов.* Худож. редактор *А. Ф. Третьякова.* Техн. редакторы *З. Г. Игнатова* и *В. Г. Комм.* Корректор *Ф. Н. Аврунина.* Сдано в набор 19.06.78. Подписано к печати 11.09.78. Бумага 84×108 1/32, типогр. № 1. Литературная гарнитура. Высокая печать. Усл. печ. л. 36,01. Уч.-изд. л. 32,1. Тираж 10 000 экз. Заказ № 558. Цена 2 р. 80 к. Издательство «Советский писатель», Ленинградское отделение. 191186, Ленинград, Невский пр., 28. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 5 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 190000. Ленинград, центр, Красная ул., 1/3.